

ГЗ(2М)

Г80

Ф.А. ГРЕКУЛ

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛДАВИИ

В XVI-первой половине XVII в.в.

Ф. А. ГРЕКУЛ

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛДАВИИ В XVI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.

Под редакцией
доктора исторических наук профессора
Л. В. ЧЕРЕПНИНА

Предлагаемая вниманию читателя работа представляет собой опыт монографического исследования, посвященного мало изученному в советской и иностранной историографии вопросу о развитии аграрных отношений в Молдавии в XVI—первой половине XVII веков.

В основу работы положено изучение с позиций марксистско-ленинской методологии ценнейших и, главным образом, до сих пор не использованных исторических источников как летописного типа, так и особенно актового материала.

В монографии освещается история сельского хозяйства и сельскохозяйственной техники Молдавии, рассматриваются основные отрасли материального производства и орудия труда, а также крестьянская домашняя промышленность.

Автор подробно показывает пути роста крупного феодального землевладения и закрепощения молдавского крестьянства, виды землевладения и хозяйственной организации феодальной вотчины, дает характеристику господствующего класса землевладельцев, освещает иммунитет, а также другие вопросы феодального развития.

Большое внимание в монографии уделяется категориям лично свободного и зависимого сельского населения страны, попавшего вместе с землей в феодальную зависимость от светских и духовных сановников, а также форм эксплуатации основного производителя материальных благ страны — крестьянства.

Заключительная глава работы отражает историю классовую и национально-освободительной борьбы молдавского народа против местных угнетателей и иноземных турецких поработителей.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. ТЕМА И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом настоящего исследования являются аграрные отношения в Молдавии в XVI и в первой половине XVII вв.

При выборе темы автор руководствовался марксистско-ленинским положением о том, что трудящиеся массы, создающие все материальные и культурные блага, являются решающей силой общественного развития, что народ — это творец истории.

При выборе темы автор исходил не только из ее актуальности, но и из степени ее разработанности, так же как и из соображений источниковедческого порядка.

По избранной автором теме в русской и молдавской советской историографии отсутствуют монографические исследования. Что касается исторических источников по исследуемому периоду, то они в основном дают достаточный материал для того, чтобы осветить вопросы о развитии сельского хозяйства и характере сельскохозяйственной техники, о росте крупного феодального землевладения и закреплении крестьян, о социальном составе населения Молдавии, о классовой борьбе и т. д.

Итак, актуальность темы, ее обеспеченность историческими источниками и отсутствие специальных исследований в этой области побудили автора заняться монографическим изучением данной проблемы.

В своем исследовании автор руководствовался указаниями классиков марксизма-ленинизма о феодальной общественно-экономической формации, о взаимоотношении базиса и надстройки, марксистско-ленинской теорией классов и классовой борьбы. В работе были

использованы основные труды Маркса, Энгельса и Ленина, в которых автор нашел не только единственно правильную методологию, но и освещение ряда конкретных вопросов, относящихся к истории крестьянства при феодализме. В трудах классиков марксизма-ленинизма содержатся ценные указания, непосредственно относящиеся к истории Молдавии в феодально-крепостническую эпоху. Так, К. Маркс показал, как молдавские светские и духовные сановники в течение ряда столетий захватывали и расхищали крестьянские общинные земли, как «с течением времени военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности»¹, как «труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли»² и как «одновременно с этим развились крепостные отношения...»³

Настоящая монография представляет продолжение работы автора, посвященной изучению социально-экономического и политического строя Молдавии во второй половине XV века⁴. Конечная грань предшествующего исследования является исходным моментом настоящей работы, доведенной до середины XVII столетия. Важным рубежом в истории Молдавии надо признать «Уложение» 1646 года, юридически оформившее крепостное право в масштабе всего государства и в известной мере подведшее итог социально-экономическому развитию Молдавии за предшествующий исторический период, знаменуя в основном завершение процесса закрепощения молдавского крестьянства.

Во второй половине XV века Молдавское княжество представляло собой самостоятельное, независимое феодальное государство, имевшее единую территорию и находившееся под властью местного господаря.

Вторая половина XV столетия — это время сравнительно быстрого экономического и политического развития Молдавского феодального государства и героической борьбы молдавского народа за свою государственную и национальную независимость. Во второй полови-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 260.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950.

не XV века развивались сельское хозяйство и ремесло, увеличивалось товарное производство, усиливались товарно-денежные отношения, росли города. Рост производительности труда и успехи в области земледелия вызывали не только общий экономический подъем в стране, но и способствовали дальнейшему отделению ремесла от земледелия, развитию отдельных отраслей ремесленного производства. Новые города становились экономическими, торгово-ремесленными и культурно-политическими центрами, распространявшими свое влияние на значительную территорию. Во второй половине XV столетия на территории Молдавии насчитывалось более тридцати городов, причем их число неуклонно росло до тех пор, пока этот процесс роста не был прерван турецкими завоеваниями¹. Турецкое нашествие XV—XVI веков, как и татаро-монгольское нашествие XIII века, было опасностью, которая «угрожала всему европейскому развитию»².

В результате турецкой агрессии Молдавия в начале XVI столетия потеряла свою национальную независимость и государственную самостоятельность и попала под власть Османской военно-феодальной империи. С этого момента в истории Молдавии наступил более чем 300-летний период владычества турецких захватчиков и поработителей. Страна была превращена в арену безудержного грабежа и насилий, народ много терпел от произвола завоевателей, пока при помощи России не сбросил турецкое владычество.

Господство турецких захватчиков и их ставленников — молдавских господарей — довело Молдавию до крайнего экономического и политического упадка.

В результате турецкой агрессии Молдавское государство утратило не только свою самостоятельность, став данником Оттоманской Порты, но и свою территориальную целостность; турецкие султаны, крымские ханы и польские паны раздирали на куски молдавские земли. Так, в 1484 году турецкие феодалы захватили Килию и Белгород, превратив их в военно-стратегический плацдарм и форпосты своей агрессивной политики. В 1538 году с той же целью турецкие захватчики отторг-

¹ Ф. А. Грекул, указ. соч., стр. 105—108.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 276.

ли от Молдавского государства Бендеры и Буджак (южную часть Молдавии между Днестром и Прутом), Измаил, Рени, Хотин и т. д.

На социально-экономическое и национально-политическое угнетение молдавский народ отвечал непрерывавшейся классовой и национально-освободительной борьбой. Классовая борьба молдавского крепостного и зависимого крестьянства и трудящихся масс городов Молдавии против феодально-крепостнической эксплуатации и социального гнета теснейшим образом переплеталась и была неразрывно связана с национально-освободительным движением против ига султанской военно-феодальной Турции. В этой борьбе молдавский народ неоднократно получал помощь и поддержку со стороны русского и украинского народов. Борьба молдавского народа за свою свободу и независимость, за свержение ненавистного турецкого ига сливалась воедино с борьбой украинского народа против польских панов, крымских ханов и турецких султанов.

Итак, путь развития Молдавии после потери ею в начале XVI столетия своей национальной независимости и государственной самостоятельности был очень тяжелым. Разорение и обезлюдение страны, угон многих тысяч непосредственных производителей материальных и культурных благ городов и деревень в турецкое рабство, падение уровня сельскохозяйственного производства и ремесла, сокращение посевной площади страны и возврат земледелия к более низкому уровню, упадок экономического и политического значения городов, сужение торгово-экономических и дипломатических сношений, всеобщее обнищание трудового народа — таков был результат длительного турецкого владычества в Молдавии.

На этом историческом фоне видна прогрессивная роль России (несмотря на феодально-национальный гнет царизма) в развитии экономики и культуры разоренного турецкими поработителями и ассимиляторами края¹.

Исходя из марксистско-ленинского положения о том, что трудящиеся массы, создающие все материальные блага и культурные ценности, являются решающей силой общественного развития, что народ — это творец

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

истории, автор видел свою задачу в том, чтобы на конкретном историческом материале показать, как жили, трудились и боролись против своих эксплуататоров и угнетателей трудящиеся массы Молдавии в XVI и в первой половине XVII веков.

§ 2. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Второй съезд Коммунистической партии Молдавии, учитывая неразработанность истории молдавского народа и необходимость ее изучения, обязал Институт истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР закончить разработку и написание истории Молдавской ССР и приступить к подготовке и созданию самостоятельных монографических исследований по отдельным периодам истории Молдавии.

Глубокое марксистско-ленинское изучение истории молдавского народа возможно только при условии всестороннего исследования отдельных проблем и издания соответствующих монографических трудов. Однако, к сожалению, историками Молдавии в этом отношении сделано еще очень мало.

Что касается русской, молдавской и иностранной, в частности румынской, дворянско-буржуазной историографии, то ее представители не проявляли должного внимания к изучению социально-экономической истории. Высказывания ряда буржуазных историков о феодализме в Молдавии и Валахии обнаруживают методологическую несостоятельность.

Представители дворянско-буржуазной историографии в лучшем случае давали сырые факты, отрывочно набранные, и изображение отдельных сторон исторического процесса. История же непосредственных производителей материальных и культурных благ, необходимых для существования общества, история трудящихся масс, история народов не привлекала в должной мере внимания дворянских и буржуазных авторов. Это вынуждены были признать даже сами представители буржуазной историографии. Так, например, румынский буржуазный историк-славист И. Богдан в своей работе «Румынская историография и ее актуальные проблемы» писал: «Большим простором для деятельности историка является исследование социального строя или, употребляя

более общий термин, **культуры**; не только потому, что для этого сюжета факты являются наиболее достоверными и положительными — они непосредственно содержатся в ценнейших и объективных исторических источниках, — но и потому, что эта область нашей истории является наименее изученной и знакомой в исторической литературе»¹.

То же самое вынуждены были признать и румынский буржуазный филолог А. Прокопович² и историк К. К. Жюреску. Последний писал: «Совершенно справедливо, что целый ряд вопросов и проблем из нашей прошлой экономической жизни до сих пор даже не был затронут; по экономическим проблемам монографические исследования отсутствуют»³; «действительно, если мы поближе подойдем к различным областям или сторонам нашей прошлой социальной жизни, то обнаружим, что только совершенно незначительное число проблем привлекло внимание историков. И когда мы говорим это, то прежде всего имеем в виду социальную и экономическую проблемы»⁴. Напротив, «на изучение исторических личностей, этих детерминирующих, определяющих факторов общественного развития, было обращено особое и первостепенное внимание историков. Была написана целая серия монографий, посвященных видным господам и вообще различным личностям, которые особенно влияли на развитие нашего народа»⁵, — заявляет К. К. Жюреску.

Таким образом, по собственному признанию некоторых буржуазных ученых, в центре их внимания находились политическая история, князья, господа, короли, полководцы, государственные сановники и другие влиятельные лица; отдельные личности, по их мнению, являлись «детерминирующими факторами в развитии общества», двигателями и творцами истории, «а народ..., — был, почвой, годной только для эксплуатации»⁶.

¹ *I. Bogdan*, *Istoriografia română și problemele ei actuale*, București, 1905, p. 19—20.

² *I. Neculce*, *Cronica*, t. I, Craiova, 1942, p. XXVII.

³ *C. C. Giurescu*, *Considerații asupra istoriografiei românești în ultimii douăzeci de ani*, București, 1926, p. 160—161.

⁴ Там же, стр. 182.

⁵ Там же, стр. 150.

⁶ *А. А. Накко*, *История Бессарабии с древнейших времен*, ч. 1—2, Одесса, 1875—1876, стр. 248.

Разумеется, это идеалистическое понимание истории и роли народных масс в общественном производстве и развитии общества чуждо марксизму-ленинизму, материалистическому взгляду на историю, оно ничего общего не имеет с исторической действительностью.

Дворянские и буржуазные историки, касаясь вопроса о феодализме в Молдавии и Валахии, представляли себе феодализм не как определенную общественно-экономическую формацию, присущую человеческому обществу на известной стадии его развития. Вследствие непонимания феодального строя как типа производственных отношений, дворянско-буржуазные авторы в слова «феодализм», «крепостничество» вкладывали самые различные понятия, а крепостнические отношения выводили из самых разнообразных источников, но только не из способа производства материальных благ.

Некоторые дворянско-буржуазные историки, проводя идею своеобразного исторического пути развития Молдавии и Валахии, вообще отрицали наличие феодализма в этих странах. Другие, допуская существование феодализма в Дунайских княжествах, рассматривали его как политическую систему, привнесенную извне или навязанную стране сверху. Третьи утверждали, что крепостное право в Молдавии и Валахии распространялось исключительно только на мужчин, а девушки и женщины якобы не разделяли судьбу своих отцов, мужей и братьев. Четвертые стояли на позиции давно отвергнутой «теории» влияния, заимствования и завоевания.

При всем разнообразии и противоречивости точек зрения отдельных русских, молдавских и иностранных дворянско-буржуазных ученых относительно характера и происхождения феодально-крепостнической системы в Молдавии и Валахии все же их можно разделить на три основные группы. Первую и наиболее многочисленную группу составляют сторонники так называемой историко-юридической «школы» (С. Н. Палаузов, Н. В. Лашков, А. Пападопул-Калимах, Р. Росетти, И. К. Филитти, Г. Ташка и др.)¹, которые считали, что крепостничество в Молдавии и Валахии было введено законодательно,

¹ С. Н. Палаузов, Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении, СПб., 1859, стр. 107; Н. В. Лашков, Местное управление Молдавии и Валахии в XVII веке, Кишинев, 1901, стр. 30—31; A. Papadopol-Calimah, Desrobirea țăranilor în Mol-

путем издания в XVII столетии соответствующих государственных актов или уложений валашским и молдавским господарями, закрепостившими крестьян Дунайских княжеств. Следовательно, крепостное состояние, по мнению сторонников историко-юридической «школы», явилось результатом мероприятий государства. Ко второй группе принадлежали Й. Енгель, М. Когэлничану, Е. Реньо, А. А. Накко, Б. П. Хэшдеу, А. И. Филиппиде, Г. Точилеску, А. Д. Ксенопол, И. Богдан, К. Жюреску, И. Нистор, П. Н. Халиппа, Н. А. Рожков, К. К. Жюреску, П. П. Панаитеску и др.,¹ считавшие, что

dova, Convorbiri literare, N 1, anul XXI, București, 1887, p. 6—7; R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, pp. 32, 37, 233—234, 257; R. Rosetti, Despre originea și transformările clasei stăpânitoare din Moldova (Analizele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, t. XXIX), București, 1907, p. 159—160; I. C. Filitti, Proprietatea solului în Principatele române până la 1864, București, 1935, p. 177; I. C. Filitti, Despre „legătura” lui Mihai Viteazul, Revista Istorică Română, II, 1932, p. 221—231; I. C. Filitti, Oamenii dependenți și cultivatori liberi în Principatele române în sec. XV—XVIII (Anal. Acad. Rom., Ser. III, Mem. Secț. Ist., t. XVI), București, 1932—1933, p. 373, 378; G. Tașca, Cum a evoluat clasa de la începutul înființării ei și până azi (Anal. Acad. Rom., Ser. II, Mem. Secț. Ist., t. XVI), București, 1932—1933, p. 168.

¹ I. Engel, Geschichte der Moldau und Walachei, Halle, 1804, S. 36; M. Kogălnitchan, Histoire de la Moldavie et des Valaques transdanubiens, Berlin, 1837, p. 13; M. Kogălniceanu, Scrieri și discursuri, Craiova, p. 171, 226; E. Regnault, Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes, Paris, 1855, p. 31, 32, 33, 36, 38, 305, 306; A. A. Накко, История Бессарабии с древнейших времен, ч. 1—2, Одесса, 1875—1876, стр. 174, 248; В. Р. Hașdeu, Cuvinte din batrâni, București, 1878, p. 105; A. I. Philippide, Incercări asupra stării sociale a poporului român în trecut, Iași (1881), 1884, p. 54; G. Tocilescu, Istoria Românilor, București, 1899, p. 217, 505; A. D. Xenopol, Istoria Românilor din Dacia Traiană, Iași, 1896, t. III, p. 40, 41, 47, 48, 54, 137, 148, 173; t. IV, p. 109; A. D. Xenopol, Proprietatea mare și cea mică în trecutul țărilor române, Iași, 1913, p. 161, 178—179; A. D. Xenopol, Domnia lui Cuza-Vodă, p. 416—417; I. Bogdan, Patru documente de la Mihai Viteazul, Prinos lui D. A. Sturdza, p. 153; C. Giurescu, Vechimea rumâniei în Țara-Românească și legătura lui Mihai Viteazul (Anal. Acad. Rom., Ser. II, t. XXXVII, Mem. Secț. Ist.), București, 1915—1916, p. 495, 501—502, 504, 510, 512; C. Giurescu, Despre rumâni (Anal. Acad. Rom., Ser. II, t. XXXVIII, Mem. Secț. Ist.), București, 1915—1916, p. 191; П. Н. Халиппа, Бессарабия до присоединения к России, Кишинев, 1914, стр. 4—5; I. Nistor, Istoria Basarabiei, București, 1921, p. 52; Н. А. Рожков, Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. 2, изд. 3, М., 1930, стр. 217—218; C. C. Giurescu, Istoria Românilor, t. I, Ed. 2, 1935, p. 232—248; P. P. Panaitescu, Mihai Viteazul, București, 1936, p. 87.

крепостничество в Дунайских княжествах существовало до издания законодательных уложений валашского (1601 год) и молдавского (1646 год) господарей, хотя названные авторы по-разному интерпретировали происхождение крепостнических отношений в Молдавии и Валахии. Наконец, к третьей группе могут быть отнесены И-тов, Н. Йорга, Г. Майор, И. Н. Анжелеску и другие, которые вообще отрицали наличие феодализма в Дунайских княжествах¹.

Румынский революционный демократ Н. Бэлческу (1819—1852) был почти единственным ученым, который утверждал, что крепостничество в Дунайских княжествах возникло из барщины («крепостничество являлось прямым следствием барщинной системы»). Однако Бэлческу не имел ясного представления о феодализме как о социально-экономической формации.

Вопрос о наличии и происхождении феодально-крепостнической системы в Молдавии и Валахии вызвал оживленную полемику между отдельными представителями буржуазной историографии.

Наиболее острая борьба по этому вопросу на страницах румынской буржуазной печати происходила между историками Р. Росетти и К. Жюреску.

Р. Росетти «доказывал», что крепостничество ввели в Валахии воевода Михаил Храбрый (в 1601 году), в Молдавии—господарь Василий Лупу (в 1646 году). «Жители валашских сел,— писал Р. Росетти,— были закрепощены только Михаилом Храбрым, и его документ о закрепощении крестьян является прекрасным доказательством, что до того крестьяне не были закрепощены, ибо если бы они были крепостными ранее, то не было бы нужды еще раз их прикреплять к земле»².

¹ И-тов, Румуния, Рассказы о Бессарабии, Буковине, Молдавии и Валахии, Одесса, 1868, стр. 21; N. Iorga, Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen, II, Gölta, 1905, S. II, 88, 260; G. Maior, Politica agrară la români. Desvoltarea chestiei agrare în toate țările locuite de români din sec. XVII, XVIII și XIX, București, 1906, p. 36, 338; N. Iorga, Constatări istorice cu privire la viața agrară a românilor, București, 1908, p. 5, 17, 23, 29—32; N. Iorga, Scrisori de boieri, București, 1912, p. V; N. Iorga, Developpement de la question rurale en Roumanie, Iași, 1917; I. N. Angelescu, Evoluția economică a Țărilor Românești, vol. I, București, 1918, p. 11; I. N. Angelescu, Histoire économique des Roumains, t. I, Paris, 1919, p. 73, 85.

² R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 32.

Примерно то же самое утверждал и другой сторонник историко-юридической «школы» Н. В. Лашков. Он писал: «Все данные положительно говорят, что народ в обоих господарствах состоял из бедных дворян и свободных хлебопашцев, видевших в боярах своих представителей, но не владельцев. Переход с одного места на другое безусловно дозволялся землевладельцем; они свободно могли переселиться к другому помещику, если находили для себя это более выгодным. За все время существования Молдо-Валахии мы, до первой половины XVII в., не знаем, чтобы в румынском народе (в состав которого буржуазные авторы включали и молдавский народ.— Ф. Г.) существовало крепостничество. Только при Василии Лупуле в Молдавии и Матвее Бассарабе в Валахии положительным законом было определено, чтобы каждый царанин, на чьей земле будет захвачен законом, оставался вечным ее работником; словом, крестьянин признан был достоянием определенного участка земли, закрепощен на ней»¹.

К. Жюреску, который, как и некоторые другие румынские буржуазно-националистические историки, рассматривал проблему происхождения крепостничества в Молдавии и Валахии в свете международных отношений, напротив, утверждал, что крепостничество в Дунайских княжествах существовало «с древнейших времен»², что истоки крепостного состояния сельского земледельческого населения Молдавии и Валахии надо искать «в варварских вторжениях и завоеваниях»³, а не в уложениях валашского и молдавского господарей, которые были изданы из чисто фискальных соображений.

К. К. Жюреску, развивая и уточняя мысль своего отца, писал, что якобы «славяне, завоевав Дакию и овладев землей, подчинили себе местное романское население. Только тогда,—продолжал К. К. Жюреску,—румыны могли стать крепостными»⁴, — хотя, как известно, в то время у самих славян господствовал первобыт-

¹ Н. В. Лашков, Местное управление Молдавии и Валахии в XVII веке, Кишинев, 1901, стр. 30—31.

² С. Giurescu, Vechimea româniei în Țara-Românească și legătura lui Mihai Viteazul (Anal. Acad. Rom., Ser. II, Mem. Secț. Ist., t. XXXVII), București, 1915—1916, p. 501—502.

³ Там же.

⁴ С. С. Giurescu. Istoria Românilor, t. I, Ed. 2, București, 1935, p. 238.

но-общинный строй и они никак не могли навязать другим народам крепостничество, которое у них еще не сложилось.

Румынский бружуазный историк А. Д. Ксенопол, так же как и М. Когэлничану, возникновение крепостничества в Дунайских княжествах связывал с так называемым «дескэлекаря» — легендарным основанием Валашского и Молдавского государств выходцами из Марамуреша (северо-восточных районов Трансильвании), которые, якобы, овладев мечом территорией Валахии и Молдавии, покорили и закрепили местное, свободное до этого времени население.

А. Д. Ксенопол писал: «Такая система, на основе которой господарь считался владельцем всей оккупированной страны и затем дарил своим приближенным земельные владения, была заимствована венграми у западноевропейского феодализма, а потом перешла к румынам, когда они отделились от венгерской монархии»¹; «...мы видели, — продолжает А. Д. Ксенопол, — что в результате самого факта схождения румын из Трансильвании, население Валахии и Молдавии попало в зависимое положение от элемента, в значительной своей части знатного, пришедшего из-за гор. Этой зависимостью объясняется образование классов крепостных крестьян в Валахии и Молдавии, происхождение которых восходит к моменту дескэлекаря»².

Таким образом, А. Д. Ксенопол, допуская наличие феодализма в Молдавии и Валахии, рассматривал его не как определенный тип производственных отношений, возникавший в конкретных условиях на базе развития производительных сил страны, а как привнесенную извне, из западноевропейских стран через Венгрию, политическую систему.

Румынский буржуазно-националистический историк З. Арбуре, также рассматривая вопрос о происхождении крепостничества в Молдавии в свете международных отношений, считал, что якобы русские, после присоединения Бессарабии к России в 1812 году, «своими уставами и положениями вводили в Бессарабии крепостничество»³, — которого до того времени там будто

¹ А. Д. Xenopol, *Istoria Românilor*, Iași, 1896, t. III, p. 137.

² А. Д. Xenopol, *Proprietatea mare și cea mică în trecutul țărilor române*, Iași, 1913, p. 161.

³ З. Arbure, *Basarabia în secolul XIX*, București, 1902, p. 86.

бы не было. Примерно то же самое утверждал и А. С. Кидель в своей статье «Попытка закрепостить бессарабского крестьянина в 1819 году»¹.

Следует отметить, что некоторые советские историки Молдавии оказались под влиянием буржуазной историографии. Так, Н. А. Нарцов в своей статье «Исторические судьбы Бессарабии и Молдавии» писал: «На внутреннее развитие придунайских княжеств имели большое влияние соседние славяне. Княжества эти позаимствовали у них общественно-экономический и государственный строй»². «Социальная и административная система княжеств, — писал другой автор, В. М. Сенкевич, — полностью была позаимствована от славян»³. Или: «Присоединение Бессарабии к России привело к усилению там господства помещиков... Помещики стали вводить крепостное право, которого до этого времени в Бессарабии не было. На левобережье Днестра крепостнические порядки были введены сразу после присоединения этого края к России»⁴.

Нельзя согласиться и с филологом И. Д. Чебаном, который в своей статье «Социально-экономические предпосылки появления письменности на молдавском языке» утверждает, что рост феодального землевладения в Молдавии происходил исключительно за счет великокняжеских пожалований, что верховный правитель страны — господарь «этим самым прикреплял народ к боярам или монастырям, т. е. проводил процесс постепенного закрепощения крестьян к земле феодалов», что «в официальных документах мы не находим ясных фактов, говорящих о классовой борьбе»⁵.

¹ А. Kidel, O încercare de robire a țăranului basarabean (1819), „Viața Românească“, Revistă de literatură, știință și ideologie, Anul XXVII, mai-iunie, 1935, p. 75.

² Н. А. Нарцов, Исторические судьбы Бессарабии и Молдавии, ж. «Историк-марксист», 1940, № 9, стр. 87. Курсив наш. — Ф. Г.

³ В. М. Сенкевич, Историческое прошлое Молдавии, Молдавия в великой семье республик Советского Союза (сборник статей), Кишинев, 1941, стр. 9, Курсив наш. — Ф. Г.

⁴ В. М. Сенкевич, Исторические пути развития Советской Молдавии, Советская Молдавия (сборник статей), Тирасполь, 1939, стр. 32—33.

⁵ И. Д. Чебан, Социально-экономические предпосылки появления письменности на молдавском языке («Ученые записки» Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. II, Кишинев, 1949, стр. 164).

Из вышеприведенных утверждений различных историков явствует, что они не только не дают решения таких актуальных проблем, как вопрос о феодально-крепостническом строе в Молдавии и Валахии, о роли народных масс в общественном производстве и развитии общества, но осложняют и в ряде случаев извращают их. По вопросу о социально-экономических отношениях в Молдавии в XVI и в первой половине XVII веков нет ни монографических исследований, ни единства мнений и общепризнанных выводов и обобщений, на которые можно было бы опереться. Поэтому необходимо монографическое изучение этой проблемы на основе первоисточников.

Говоря о русской и молдавской марксистской советской историографии, прежде всего следует отметить сборник статей «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков», опубликованный в 1950 году¹.

Рассматриваемый сборник, составленный по материалам подготавливавшегося в то время курса истории Молдавии, начиная с конца XIV в. и кончая формированием нового общественного уклада — капиталистического (первая половина XIX века), является первой удачной попыткой в молдавской советской историографии изложить социально-экономическую и политическую историю молдавского народа в единственно правильном марксистско-ленинском освещении.

Авторский коллектив и редакция сборника «Феодальные отношения в Молдавии» основное внимание направили на освещение истории непосредственных производителей материальных благ молдавского феодального общества — на историю крестьянства.

Наряду с освещением истории сельского населения молдавской феодальной деревни авторы подробно останавливаются также на характере молдавского феодального города, прослеживая рост общественного разделе-

¹ Н. А. Мохов, Е. М. Руссев, Н. В. Березняков, В. П. Коробан, Я. С. Гросул, Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков (сборник статей). Под ред. члена-корр. АН СССР А. Д. Удальцова (ответ. ред.) и проф. Л. В. Черепнина, Кишинев, 1950.

ния труда, рыночных связей и товарно-денежных отношений, создающих предпосылки для постепенного подтачивания основ натуральной экономики Молдавии.

Развитие товарного производства в сельском хозяйстве, концентрация больших денежных средств в руках небольшой верхушки общества, развитие ремесла, рост внутренней и внешней торговли, расслоение крестьянства — все это создавало условия для появления мануфактур.

На основе анализа конкретных данных авторы устанавливают, что первые мануфактуры появились в Молдавии во второй половине XVIII в., а первыми рабочими были местные крепостные и беглые крестьяне феодальных владений. Уже в то время, когда капиталистические производственные отношения пускали первые свои ростки в Молдавии, там применялся женский и детский труд. Крепостные и «свободные», женщины и дети, трудом которых закладывалась промышленность Молдавии, находились в тяжелом и бесправном положении и использовались предпринимателями мануфактур, как это было везде, где товарно-денежные отношения начали прочно укрепляться или глубоко пускать свои корни.

Особое внимание в очерках уделено классовой борьбе в молдавском феодальном обществе. Авторы ставили «своей задачей раскрыть все формы классовой борьбы в Молдавии в феодальную эпоху (от побегов крестьян и гайдучества до открытых массовых восстаний), показать прогрессивный характер этой борьбы и в то же время ее неорганизованность, стихийность и неизбежность поражения до тех пор, пока крестьянские движения не соединятся с рабочими и пролетариат не возьмет в свои руки руководство ими»¹. Авторский коллектив успешно выполнил поставленную перед собой задачу. Классовая борьба проходит красной нитью через весь сборник. На конкретных примерах показано, что классовые противоречия пронизывали все молдавское феодальное общество и составляли его основную и характерную черту.

Исходя из указаний классиков и теоретиков марксизма-ленинизма о том, что «вопрос о классовой борьбе

¹ «Феодальные отношения...», стр. 5.

есть один из самых основных вопросов марксизма»¹, и о том, что классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя, авторы на богатом фактическом материале осветили этот вопрос весьма подробно: от уклонений от выполнения феодальных повинностей и побегов крепостных крестьян и холопов от своих господ до открытых крестьянских восстаний и выступлений городских низов. Так, например, в 1437 году вспыхнуло огромное крестьянское восстание в Трансильвании, быстро охватившее и сельское население северной Молдавии². Много места уделено в сборнике крупному крестьянскому восстанию 1490—1492 годов: «Восстание 1490—1492 годов,— говорится в сборнике,— было самым крупным из крестьянских восстаний XV века» (стр. 20). Классовой борьбе в Молдавии в XVI—XVII вв. посвящен специальный раздел, показана в сборнике и борьба классов в последующие столетия³.

Видное место в сборнике уделено вековой борьбе молдавского народа за свою свободу и независимость против турецких и иных иноземных поработителей. «В этой борьбе,— говорится в очерках,— сказался подлинный героизм молдавского народа и в то же время выявилась предательская политика господствующего класса Молдавии — боярства, часто подчинявшего своим интересам интересы родины и находившего общий язык с турецкими поработителями»⁴.

Правдиво и весьма убедительно показана братская помощь русского и украинского народов в борьбе молдавского народа с турецкими захватчиками.

Большой заслугой авторского коллектива и редакции сборника является то, что, исходя из марксистско-ленинского определения русского царизма и его колониальной политики, они сумели на конкретном историческом материале вскрыть отношение молдавского народа, находящегося в составе Русского государства, к русскому народу, с одной стороны, и к политике царизма, угнетавшего трудовое население как русской, так и иных

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 97.

² «Феодальные отношения...», стр. 18.

³ Там же, стр. 85—95.

⁴ Там же, стр. 5.

национальностей,— с другой. На этом общем фоне выясняется и прогрессивная роль России в Молдавии.

Специальные разделы отведены в сборнике вопросам истории культуры молдавского народа. Авторы отмечают самостоятельные пути его культурного развития и вскрывают культурные связи с русским и украинским народами на всем протяжении истории Молдавии XV—первой половины XIX веков.

Наконец, в последнем очерке на основе конкретных фактических данных рассматривается процесс разложения феодально-крепостнических производственных отношений и формирования нового капиталистического уклада, наиболее ярко проявившегося в первой половине XIX века. Здесь же дана и история присоединения Бессарабии к России, показано на конкретных фактах прогрессивное значение этого события в жизни молдавского народа.

Содержательный и интересный коллективный авторский труд, однако, не лишен отдельных недостатков. Прежде всего, следует указать, что авторы сборника не снабдили свои очерки научным аппаратом и это, несомненно, снижает научную ценность данной книги. Потребность в научном аппарате тем более необходима, что некоторые цитаты и фактические данные не точны. Так, например, на стр. 7 приводится цитата из «древнерусской летописи», в которой якобы говорится, что восточнославянские племена уличей и тиверцев «сидяху по Бугу и Днестру и приседяху к Дунаеви оли до моря». Однако при сличении этих слов с источником оказывается, что именно в таком виде ни в одном из списков древнерусских летописей такой цитаты нет¹. В другом случае один и тот же автор (Я. С. Гросул) в статье, вышедшей почти одновременно с рассматриваемым сборником, но опубликованной в «Ученых записках» Кишиневского университета, приводит совершенно другие по сравнению со сборником цифровые данные о росте мелких кустарных и мануфактурных предприятий, стоимости вырабатываемой продукции, числе рабочих и т. д.²

Вызывает недоумение читателя несоответствие заголовка содержанию главы на стр. 151—157. Параграф 6

¹ Ср. ПСРЛ, т. I, стб. 13; т. II, стб. 10 и др.

² Ср. «Ученые записки» Кишиневского государственного университета, т. II, Кишинев, 1950, стр. 69.

гласит: «Разложение феодализма и зарождение элементов капиталистических отношений в Молдавии в конце XVIII века». В действительности же из текста никакого «разложения» феодального способа производства не видно. Причем сам автор (Н. В. Березняков) превосходно опровергает конкретным материалом заголовок этого раздела. И это вполне закономерно, ибо никакого явного процесса разложения феодально-крепостнических производственных отношений в это время не было. «В Молдавии этот процесс,—говорится в этом же сборнике,—наиболее ярко проявился в первой половине XIX века»¹, что совершенно верно.

Есть в сборнике и другие противоречия. Так, например, на стр. 14 читаем: «В XV в. крестьяне, жившие по «волошскому праву», делились на две группы: на крестьян *государственных* (подчеркнуто нами.—Ф. Г.), т. е. зависимых от господаря, и частновладельческих, т. е. зависимых от отдельных светских и духовных феодалов». На стр. 225 этого же сборника сказано, что «категория *государственных* крестьян образовалась в Бессарабии в первые годы после присоединения ее к России». Таким образом, один автор (Я. С. Гросул) опровергает ошибочное утверждение другого (Н. А. Мохова).

Отмеченные нами недостатки были затем исправлены, так как разбираемый сборник статей в доработанном виде полностью вошел в первый том «Истории Молдавии», о котором речь будет идти ниже.

В 1950 году, почти одновременно со сборником «Феодальные отношения в Молдавии», была опубликована моя монография «Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века», защищенная в начале 1949 года в Институте истории АН СССР в качестве кандидатской диссертации.

Являясь автором вышеназванной книги, я не стану разбирать ее достоинства и недостатки, а ограничусь лишь указанием на то, что она в целом получила положительную оценку как в советской², так и в современной румынской печати³.

¹ «Феодальные отношения...», стр. 5.

² См. «Ученые записки» Кишиневского государственного университета, т. VI, (исторический), Кишинев, 1953, стр. 143—149.

³ Șt. Ștefănescu, Date cu privire la problema relațiilor feudale pe teritoriul Țării Românești în istoriografia românească, „Studii“, N 1, 1957, p. 221.

В 1951 году вышел первый том обобщающего труда «История Молдавии» (от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции)¹.

На эту книгу в советской печати были опубликованы четыре отзыва², в которых рецензенты отметили, что «авторы и редакторы «Истории Молдавии» правильно подошли к решению своей задачи, осветив три основные стороны исторического процесса: социально-экономическую историю, политическую историю и историю культуры»³. Далее они указывали, что «большое внимание в книге уделено освещению развития производительных сил и производственных отношений и истории производителей материальных благ...»⁴. Затем рецензенты отметили ряд недостатков и недочетов курса истории Молдавии. В целом же «книга написана с позиций марксистско-ленинской методологии, на основании большого и интересного фактического материала. Появление этой книги—бесспорное достижение советской исторической науки»⁵.

В 1955—1957 годах в «Ученых записках» Кишиневского пединститута были напечатаны две небольшие статьи старшего преподавателя И. М. Шлаена. Первая из них озаглавлена: «Категории молдавских крестьян в XVII веке»⁶, а вторая — «Феодальное землевладение в Молдавии в первой половине XVII века»⁷.

Несмотря на то, что заглавия статей привлекают внимание читателя, сами статьи нельзя признать удачными. Как в первой статье, так и во второй автор стремится доказать, что молдавские куртяне-дворяне

¹ История Молдавии, т. I (от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. Д. Удальцова (ответственный редактор) и профессора, доктора исторических наук Л. В. Черепнина.

² См. ж. «Октябрь», 1952, № 1, Кишинев, стр. 86—91; 92—95; ж. «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 130—134; 134—137.

³ Ж. «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 130.

⁴ Там же, стр. 131.

⁵ Там же, стр. 137.

⁶ И. М. Шлаен, Категории молдавских крестьян в XVII веке, «Ученые записки» Кишиневского государственного педагогического института, т. IV (серия гуманитарных наук), Кишинев, 1955, стр. 85—95.

⁷ И. М. Шлаен, Феодальное землевладение в Молдавии в первой половине XVII в., «Ученые записки» Кишиневского государственного педагогического института, т. VI (серия гуманитарных наук), Кишинев, 1957, стр. 31—41.

являлись не представителями класса феодалов-землевладельцев, а крестьянами, т. е. он отстаивает ту ошибочную точку зрения, которую высказывал более тридцати лет тому назад румынский буржуазный историк Н. Йорга, относя куртян-дворян к крестьянству¹.

Не соответствует исторической действительности также утверждение автора о том, что молдавские соседи-вечины и царане представляли собой две различные, обособленные друг от друга категории крестьян, что царане в первой половине XVII в. являлись «лично свободными» крестьянами. Как известно, с изданием «Уложения» 1646 года царане были не только фактически, но и юридически крепостными, лично зависимыми людьми, о чем говорит само «Уложение» 1646 года.

Следует также отметить статьи П. В. Советова «Условное землевладение в Молдавии XVI—XVIII вв. и его отличие от других стран Восточной Европы», «Преступления против земельной собственности в Молдавии XV — середины XVII вв.» и др.², в которых автор по-новому ставит и решает ряд вопросов, относящихся к теме нашего исследования.

Большая научно-исследовательская работа развернулась в Румынской Народной Республике. За последние десять лет был опубликован почти весь актовый материал по истории Валахии и Молдавии с древнейших времен до 1625 года (по Трансильвании до 1350 года). Кроме того, были заново изданы и переизданы основные летописи по истории Дунайских княжеств XIV—первой половины XVIII веков и другие источники.

Что касается исследовательских работ и обобщающих трудов, вышедших из печати, то следует отметить «Историю Румынской Народной Республики»³ под ре-

¹ См. ниже постановку вопроса в историографии (параграф I, гл. третья).

² П. В. Советов, Условное землевладение в Молдавии XVI—XVIII вв. и его отличие от других стран Восточной Европы. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, Таллин, 1959; П. В. Советов, Преступления против земельной собственности в Молдавии XV — середины XVII вв. «Ученые записки» Кишиневского государственного университета, т. LII (юридический), Кишинев, 1960; П. В. Советов и Ю. Я. Баскин, Из истории общественно-политической мысли Молдавии, «Ученые записки» Института истории Молдавского филиала АН СССР, т. I (10), Кишинев, 1959.

³ Istoria Republicii Populare Romîne, Bucureşti, 1952.

дакцией М. Роллера, коллективную монографию «Феодальное общество XIV—XVII вв.»¹, статьи П. П. Панаитеску («О праве перехода крестьян в Молдавии и Валахии (до середины XVII века)»)², В. Костакел³, Е. Стăнеску⁴, Ш. Штефăнеску⁵, Н. Григораша⁶, Н. Коривана⁷, К. Чиходару⁸, и др.⁹. В этих работах предпринята попытка пересмотреть с марксистских позиций ряд вопросов, имеющих отношение к нашей теме.

¹ V. Costăchel, P. P. Panaitescu, A. Cazacu, *Viața feudală în Țara Românească și Moldova* (sec. XIV—XVII), București, 1957. Рецензию К. Чиходару на эту книгу см.: „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VIII, Fasc. I, Iași, 1957, pp. 251—264; см. также „Studii și cercetări științifice” (istorie-filologie), anul IX, Fasc. 1—2, Iași, 1958, pp. 159—177.

² P. P. Panaitescu, *Dreptul de strămutare al țăranilor în țările române* (până la mijlocul secolului al XVII-lea), „Studii și materiale de istorie medie”, t. I, București, 1956.

³ V. Costăchel, „Beneficiul” în Sud-Estul Europei, „Revista istorică”, XXX, București, 1944; ee же, *Dreptul feudal și „preadalnică”*, „Revista istorică”, XXXI, 1945; ee же, *Despre problema obștiilor agrare în Țara Românească și Moldova în secolele XIV—XV*, „Studii și cercetări de istorie medie”, anul II, N 1, București, 1951; ee же, *Saracii*, „Studii și referate privind istoria României”, București, 1953; ee же, *Dezagregarea obștii sătești în țările române în evul mediu; Săracii*. Extras din „Studii și referate privind istoria României”, București, 1954.

⁴ E. Stănescu, *Colaborarea militară dintre români și cazaci în ultimul sfert al veacului al XVI-lea*, „Studii”, N 3, 4, București, 1954; ero же, *Din indicațiile metodologice ale lui V. I. Lenin cu privire la cercetarea marxistă a istoriei*, „Studii. Revistă de istorie”, anul XIII, N 2, București, 1960; ee же, *Le Coup d'état nobiliaire de 1538 et son rôle dans l'asservissement de la Moldavie par L'empire Ottoman*, Bucarest, 1955.

⁵ Ș. Ștefănescu, *Rolul boierilor craioviști în subjugarea Țării Românești de către turci*, „Studii și referate privind istoria României”, București, 1954.

⁶ N. Grigoraș, *Starea vecinilor din Moldova între anii 1626—1630 și răscoala lor*, „Studii și cercetări științifice”, Seria III (științe sociale), anul V, NN 3—4, Iași, 1954; ero же, *Despre frământările interne din Moldova dintre anii 1629—1633*, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VIII, Fasc. 1, Iași, 1957.

⁷ N. Corivan, *Despre unele forme de vecinire în Moldova în sec. al XVII-lea*, „Studii și cercetări științifice”, Seria III (științe sociale), anul VI, NN 1—2, Iași, 1955; ero же, *Forme de aservire a țăranimii moldovene în secolul al XVII-lea și începutul al XVIII-lea*, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VII, Fasc. 1, Iași, 1956; ero же, *Contribuții la obligațiile țăranilor din Moldova în prima jumătate a secolului al XVIII-lea*, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VIII, Fasc. 1, Iași, 1957.

⁸ C. Cihodaru, *Forme de proprietate feudală în Moldova*, „Studii și cercetări științifice”, Seria III (științe sociale), anul VI, NN 3—4,

§ 3. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Источники, положенные в основу настоящей работы, могут быть разделены на три основных группы: а) археологические данные, б) летописи, хроники и свидетельства очевидцев, в) актовый материал (как опубликованный, так и находящийся в архивах). Акты, как наиболее ценный и первостепенный по своему значению исторический источник, главным образом, и легли в основу предлагаемой монографии.

Территория Молдавии в археологическом отношении исследована сравнительно мало. Несмотря на то, что археологические разведки и поиски памятников материальной культуры начались здесь еще в начале XIX столетия, они до последнего времени носили спорадический характер¹.

Планомерные поиски памятников материальной культуры на территории Молдавии были предприняты впервые объединенной археологической экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР, Института археологии АН УССР и Института истории АН МССР после Великой Отечественной войны и продолжают по настоящее время. За последние годы экспедиция (в составе П. П. Ефименко, Т. С. Пассек, Г. Б. Федорова, Г. Д. Смирнова, Л. Д. Дмитрова, А. П. Черныша и др.) открыла значительное число поселений, относящихся к различным историческим периодам. Для нас наибольший интерес представляют археологические данные, касающиеся истории Молдавии XIV—XVII веков.

Например, археологическими разведками и раскопками 1946—1951 гг. в долине р. Реута установлено, что на

Iași, 1955; ero же, Contribuții la cunoașterea obștii țărănești din Moldova, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VII, Fasc. 1, Iași, 1956.

⁹ См. V. Cheresteșiu, E. Stănescu, I. Ionașcu, Despre dezvoltarea științei istorice din R.P.R. în deceniul 1944—1954, „Studii”, N 3, București, 1954; P. Constantinescu-Iași, Realizările istoriografiei române între anii 1945—1955, București, 1955; Șt. Ștefănescu, Date cu privire la problema relațiilor feudale pe teritoriul Țării Românești în istoriografia românească, „Studii”, N 1, București, 1957, p. 199—221.

¹ Г. Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 году («Ученые записки» Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. II, Кишинев. 1949. стр. 189)..

территории мыса «Пештере», находящегося между современными селами Требужены и Бутучены Оргеевского района, существовал молдавский средневековый город «Старый Орхей». На территории города были «выявлены фундаменты двух каменных сооружений площадью от 10 000 до 4000 кв. м, которые сохранили названия «крепости» и «боярских хором». Раскопки фундаментов церкви, трех общественных бань с калориферным отоплением и системой водопровода, гончарных печей, печей для обжига извести и хозяйственных построек открывают первую страницу забытой истории крупнейшего молдавского города XIV—XVI веков и его материальной культуры»¹.

О развитии ремесла и промыслов с достаточно развитым разделением труда и далеко зашедшей специализацией ремесел свидетельствуют находки гончарных мастерских и печей с изделиями и полуфабрикатами. Хорошо представлены и изделия кузнечного и меднолитейного производства, инструменты сапожного, шорного и плотничного дела. Кроме того, археологические данные подтверждают, что наряду с ремеслом городские жители занимались сельским хозяйством и рыболовством. О развитии мелкого товарного производства и товарно-денежных отношений свидетельствуют также находки западноевропейских и восточных монет и отдельных вещей, указывающих на широкие торгово-экономические связи «Старого Орхея» в XIV—XV веках, как и других молдавских феодальных городов, с Русью, Польшей, Литвой, Чехией, Венгрией, Швецией и странами Востока.

В результате раскопок сооружений «установлено, что они имели два строительных периода. Второй строительный период свидетельствует об упадке города. Крупные общественные здания уже больше не восстанавливались, а только приспособлялись для жилища или мастерских. Археологические материалы подтверждают сообщения письменных источников о том, что город неоднократно подвергался опустошительным разорениям от татарских набегов. В конце XVII века «Старый Орхей» теряет свое экономическое и военное значение и

¹ Г. Д. Смирнов, Археологические исследования Старого Орхея. Тезисы докладов на сессии, посвященной истории материальной культуры на территории Молдавии, АН СССР, Институт истории материальной культуры и Институт истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, Москва—Кишинев, 1953, стр. 12.

перестает существовать как город»¹. Аналогичная участь постигла и другие городские центры Молдавии. Такие города, как, например, Лапушна, Путна в XVI—XVII веках деградировали до положения обычных сел.

Таким образом, сопоставление археологических и письменных источников приводит к выводу, что разорительные нашествия турецко-татарских полчищ и турецкое владычество в Молдавии нанесли тяжелый урон развитию молдавских городов и экономике страны в целом.

Первые местные исторические источники летописного характера относятся к XV столетию и связаны с такими молдавскими монастырям, как Нямец, Бистрица, Путна и т. д. Наиболее древней, не считая «Анналов двора господаря Стефана Великого» (1457—1504), является Бистрицкая летопись, охватывающая исторический период с 1359 по 1506 годы². Эта летопись, как и другие анонимные славяно-молдавские летописные памятники официальной господарской историографии, представляет в основном погодный перечень фактов и событий внешнеполитического характера, содержит значительный материал о молдавских господарях, дает их жизнеописание и генеалогию, а также сведения (в хронологическом порядке) о государственных сановниках Молдавии и других представителях господствовавшего класса феодалов-крепостников. Примерно такого же содержания и Путнянская летопись, охватывающая факты и события за 1359—1504 годы с добавлениями в пределах до 1518 года³, а также Хроника Стефана Великого, повествующая о деятельности этого господаря за период 1457—1499 годов⁴. Правда, Хроника Стефана Великого по своему содержанию и богатству фактического материала несколько отличается от предыдущих двух славяно-молдавских летописей. В ней имеется несравненно больше подробностей о деятельности самого Стефана Великого, о его правлении, о борьбе молдав-

¹ Г. Д. Смирнов, указ. соч., стр. 12—13.

² I. Bogdan, *Cronice inedite atîngătoare de istoria românilor*, Bucureşti, 1895.

³ I. Bogdan, *Vechile cronicе moldovenеşti până la Ureche*, Bucureşti, 1891; I. Bogdan, *Letopiseţul lui Azarie (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secţiunii Istorice, t. XXXI)*, Bucureşti, 1909.

⁴ J. C. Chişimea, *Cronica lui Ştefan cel Mare*, Bucureşti, 1942.

ского народа против турецкой агрессии во второй половине XV столетия и т. д.

С течением времени исторические источники повествовательного типа, вследствие дальнейшего развития летописания, становились не только более богатыми по своему содержанию и литературной форме, но и более подробными; в них имеются сведения о времени написания, об авторах и тех лицах, чей социальный заказ выполняли летописцы и т. п.

Эти сведения представляют для нас значительный научный интерес, ибо историку важно знать, к какому классу принадлежали летописцы, чьи интересы они представляли и защищали. В. И. Ленин указывал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹; «ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу...»².

От XVI столетия до нас дошли три славяно-молдавские летописи, представляющие собою памятники официального господарского летописания и принадлежащие перу видных представителей духовной феодальной знати: Макария, Евфимия и Азария.

Славяно-молдавская летопись Макария, будучи написана по специальному заказу господаря Молдавии Петра Рареша (1527—1538; 1541—1546), охватывает период с 1504 по 1551 годы³. Летопись Евфимия, составленная по поручению молдавского господаря Александра Лопушняну (1552—1561; 1564—1568), описывает исторические факты и события между 1542—1554 гг.⁴. Наконец, летопись Азария, написанная по заданию господаря Мол-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 30.

² В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 498—499.

³ I. Bogdan, Vechile cronicе moldovenești până la Ureche, București, 1891; I. Bogdan, Letopisețul lui Azarie (Analele Academiei Române, Seria II, Mem. Secț. Ist., t. XXXI), București, 1909; Cronicele slavo-române din sec. XV—XVI, publicate de Ion Bogdan. Ediție revăzută și complectată de P. P. Panaitescu, București, 1959.

⁴ I. Bogdan, Vechile cronicе moldovenești până la Ureche, București, 1891.

давии Петра Хромого (1574—1579; 1582—1591), посвящена событиям 1551—1574 годов¹.

Все вышеупомянутые славяно-молдавские летописи, будучи написаны видными представителями светской и духовной знати и по поручению молдавских господарей—правителей страны, в основном освещали деятельность своих заказчиков и других высоких государственных сановников, защищая интересы господствовавшего класса. Летописцы, как правило, описывали роскошную жизнь феодалов и господарского двора и очень мало освещали тяжелое и бесправное положение трудящихся масс молдавских городов и деревень.

Тем не менее, летописи XV—XVI вв. представляют значительный интерес как исторические источники и как памятники древней молдавской литературы, написанные на славянском языке. Старославянский язык был в Молдавии официальным государственным языком господарской канцелярии, он употреблялся в богослужении и в памятниках литературы с момента образования Молдавского государства в 1359 году и вплоть до середины XVII столетия, когда во все сферы общественной, государственной и культурной жизни страны проник молдавский язык.

Среди наиболее ценных источников повествовательного типа по истории Молдавии XIV—XVI вв. выделяется первая летопись, написанная на молдавском языке, принадлежащая перу высокого государственного сановника, крупнейшего светского феодала, боярина Григория Уреке (1590?—1647 гг.). Летопись Уреке («Летопись господарей земли Молдавской и их жизнеописание»²) охватывает исторические факты и события за 1359—1595 годы.

¹ *I. Bogdan*, *Letopisețul lui Azarie* (Anal. Acad. Rom., Ser. II, Mem. Sect. Ist., t. XXXI), București, 1909.

² *M. Когэлничану*, *Летописецеле Цэрий Молдовей*, т. I—III, Иашь, 1845—1856; *M. Kogălniceanu*, *Cronicele României sau letopisețele Moldovei și Valahiei*, т. I—III, București, 1872—1874; *E. Picot*, *Cronique de Moldavie depuis le milieu du XIV-e siècle jusqu'à l'an 1594 par Gregoire Urechi*, Texte roumain avec traduction française, notes historiques, tableaux genealogiques, glossaire et table, vol. I—III, Paris, 1878—1879; *C. C. Giurescu*, *Letopisețul țării Moldovei până la Aron Vodă (1359—1595)*, întocmit de Grigore Ureche vornicul și Simion Dascălul, Ed. III, Craiova, 1940.

Согласно концепции Уреке, как и других молдавских летописцев, история Молдавии делится на два периода. Первый период — это время существования независимого Молдавского государства XIV—XV веков, время героической борьбы молдавского народа против многочисленных иноземных захватчиков, в первую очередь турецких. Второй период, начинающийся с признания Молдавией в XVI веке своей зависимости от Порты, — это время ее упадка, рабства.

«Противопоставляя величие прошлого упадку настоящего, летописец стремился разбудить в своих современниках феодалах боевой дух, стремление к свержению турецкого ига. С этой-то целью Уреке и ставил им в пример ратные подвиги предков»¹.

При написании своей летописи Григорий Уреке широко использовал многочисленные сведения как молдавских, так и иностранных источников. Однако выяснение этих источников значительно затрудняется тем, что Г. Уреке не приводит их точного заглавия и не называет всех авторов, перу которых они принадлежат. Свои источники Г. Уреке, как правило, называет по языку, на котором они были написаны: молдавская, польская и латинская летописи. Помимо летописных данных Григорий Уреке пользовался также некоторыми историческими преданиями молдавского боярства, а также и семейной традицией своего рода². В общем Григорием Уреке были использованы как предшествующие славяно-молдавские летописи, так и древние предания, наконец, сообщения иностранцев-очевидцев, побывавших в Молдавии.

Продолжателем Григория Уреке на поприще молдавского летописания явился другой крупнейший светский феодал и высокий государственный сановник Молдавии — Мирон Костин (1633—1691).

Мирон Костин, как и Григорий Уреке, прожил значительное время в Польше и получил там хорошее для того времени образование. Вернувшись на родину, Мирон Костин занимал видные государственные посты при господарском дворе, находясь у кормила правления

¹ Е. М. Руссев, Летопись Григория Уреке — памятник феодальной идеологии Молдавии XVII века (автореферат), М., 1951, стр. 9.

² Там же.

страны. Он был великим ворником¹, а затем великим логофетом — канцлером молдавской господарской канцелярии и хранителем большой государственной печати.

Уже эти краткие биографические данные из жизни и деятельности Мирона Костина не только показывают его классовую принадлежность и ориентацию, но и дополнительно свидетельствуют о том, что его произведения, так же как и труды его предшественников и последователей, собратьев по классу и перу, классово направлены и политически целеустремленны.

Еще будучи в Польше, Мирон Костин начал писать отдельные отрывки своих будущих произведений, делал наброски своей обширной летописи.

М. Костин написал работы: «О племени молдаван, из какой страны вышли их предки»², «Историю польскими рифмами о Молдавии и Валахии»³ и другие историко-литературные труды. Основным произведением М. Костина, представляющим значительный интерес как исторический источник и литературный памятник, является «Летопись страны Молдавской от Арона-Воеводы»⁴. Эта летопись, посвященная событиям 1595—1661 годов, является продолжением молдавской летописи Григория Уреке, о которой уже шла речь выше.

Летопись Мирона Костина помещена в общем сбор-

¹ Дворник, или ворник, — это высокий придворный боярский чин; те, кто этим чином обладал, были членами боярской рады. В источниках на латинском языке термин «ворник» переводится „supremus iudex curiae“ (I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 425, 435, 441). Один великий ворник являлся правителем Верхней Молдавии (Верхней Страны), другой — Нижней Молдавии (Нижней Страны) (Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 196). Кроме того, в каждом городе было по одному, а в некоторых и по два обыкновенных ворника, которые являлись помощниками великих ворников и городских старост (Д. Кантемир, указ, соч., стр. 40).

² *Miron Costin*, De neamul moldovenilor, din ce țară au eșit strămoșii lor, C. Giurescu, București, 1914.

³ *Miron Costin*, Istorie în versuri polone despre Moldova și Țara-Românească, P. P. Panaitescu (Anal. Acad. Rom., Ser. III, Mem. Sec. Ist., t. X), București, 1930.

⁴ *Мирон Костин*, Летописецул Цэрий Молдовеи, М. Когэлничану, Летописецеле Цэрий Молдовеи, т. I—III, Иашь, 1845—1856; М. Kogălniceanu, Cronicele României sau Letopisețele Moldovei și Valahiei, t. I—III, București, 1872—1874; I. S. Petre, *Miron Costin*, Letopisețul Țării-Moldovei, București, 1943.

нике молдавских летописей, изданных под редакцией М. Когэлничану. Кроме того, она выходила и отдельными изданиями¹.

В сборник молдавских летописей под редакцией М. Когэлничану включена хроника и другого боярина-летописца Молдавии, сына Мирона Костина — Николая Костина (1660—1712). Прошедший хорошую школу и получивший солидное для того времени образование, Николай Костин задумал широкий план составления летописи, который, однако, ему так и не удалось осуществить до конца. Его труд, в основу которого положены, главным образом, летописи Г. Уреке и М. Костина, охватывает время «от сотворения мира» и до 1711 года².

Не останавливаясь подробно на исторических источниках летописного характера, которые не дают материала непосредственно для данной работы, так как выходят за ее хронологические рамки, все же отметим еще одного видного молдавского летописца и деятеля феодальной культуры Молдавии, продолжателя дела Николая Костина, — Иоана Некулче (1672—1745), описавшего исторические события 1662—1744 годов³.

При всей своей тенденциозности произведения молдавских летописцев содержат богатый фактический материал по социально-экономической истории страны, классовой и национально-освободительной борьбе молдавского народа и являются важными памятниками молдавской культуры.

Так, например, Григорий Уреке особое внимание уделяет борьбе молдавского народа за свою независимость против султанской военно-феодальной Турции. Ненасытную жадность Османской Порты Уреке сравнивает с

1 Р. Р. Panaitescu, Miron Costin, Opere, București, 1958.

2 Н. Костин, Летописецул Цэрий Молдовеи, М. Когэлничану, Летописецеле Цэрий Молдовеи, Иашь, т. I—III, 1845—1856, М. Когэлничану, Cronicele României sau letopisețele Moldovei și Valahiei, t. I—III, București, 1872—1874; I. S. Petre, Nicolai Costin, Letopisețul Țării Moldovei, București, 1942.

3 Иоан Некулче, Летописецул Молдовеи, М. Когэлничану, Летописецеле Цэрий Молдовеи, т. I—III, Иашь, 1845—1856; М. Когэлничану, Cronicele României sau letopisețele Moldovei și Valahiei, t. I—III, București, 1872—1874; Cronica lui I. Neculce, Ediția a 3-a, revăzută, întregită și îngrijită de Al. Procopovici, vol. I—2, Craiova, 1942; Ion Neculce, Letopisețul Țării Moldovei și o samă de cuvinte, Ed. Iorgu Iordan, București, 1959; В. П. Коробан, Е. М. Руссев, Летописец Ион Некулче, Кишинев, 1958.

бездонной бочкой, которую, сколько в нее ни лей воды, никогда не наполнишь.

Описывая феодальные войны и усобицы, воспроизводя генеалогию молдавских господарей и рисуя их частые смены, Уреке показывает, что уже со второй половины XVI века господарский престол в Молдавии стал предметом купли и продажи. Господари менялись все чаще и чаще, и каждый новый господарь, зная, что он скоро будет смещен Портой, старался за время своего правления страной как можно больше накопить богатств за счет ее трудового населения. Престол стал источником наживы, грабежа и насилий по отношению к бесправному и угнетенному крестьянству, которое составляло основную массу населения страны.

Уреке остановил свое внимание на некоторых крестьянских антифеодальных восстаниях, наиболее крупные из которых имели место в 1514, 1566, 1571—1572, 1581 и 1591 годах и были жестоко подавлены.

Если в произведениях представителей господствующего класса, наряду с описанием роскошной жизни господарского двора и других феодалов, нашло отражение бедственное положение трудового населения страны, если даже молдавские бояре-летописцы сообщают о том, что бедные люди в неурожайные и голодные годы питались травой, умирали голодной смертью и множество человеческих трупов валялось по обочинам дорог, значит эти явления сильно бросались в глаза наблюдателям; очень резко выступало социальное и имущественное неравенство, богатство — с одной стороны и нищета — с другой.

Исключительный интерес представляют сведения молдавского летописца Н. Костина о том, что в результате увеличения налогового бремени и сокращения поголовья рабочего скота, молдавские крестьяне лишались тягла и вынуждены были отказываться от возделывания пашни плугом и переходить к обработке своих земельных участков вручную, пользоваться мало производительным орудием труда — мотыгой. Это вело к деградации сельскохозяйственной техники, сокращению посевных площадей, понижению уровня земледелия.

Об этом же свидетельствуют и другие факты. Так, несмотря на то, что крепостные и зависимые частновла-

дельческие крестьяне под страхом смертной казни через повешенье обязаны были производить помол своего зерна только на водяных мельницах¹, принадлежавших землевладельцам, уплачивая за это оброк («уиум»), они, рискуя жизнью, предпочитали нелегально молоть свой хлеб вручную, на собственных жерновах, с тем, чтобы плата за помол оставалась в крестьянской семье.

Хронист Иоан Некулче также описывает тяжелое положение Молдавии под турецким владычеством. В своей летописи он клеймит антинародные действия молдавских господарей Дуке, Дмитрия Кантакузина и других, которые при помощи турецких и татарских войск подавляли национально-освободительное движение молдавского народа против турецких поработителей. Разоблачая турецких захватчиков и их боярскую агентуру в Молдавии, Некулче считал, что только Россия может помочь Молдавии сбросить турецкое иго.

Со временем деятельности Иоана Некулче в основном совпадает жизнь и творчество видного представителя феодальной культуры, молдавского господаря Дмитрия Кантемира (1673—1723). «Оный господарь человек зело разумный и в советах способный»², — так охарактеризовал Д. Кантемира Петр I в своем дневнике. «Великая его ученость и знание многих языков превосходит всякое чаяние в рассуждении принца»³, — писал о Д. Кантемире академик Г. Ф. Миллер (1705—1783). «Страсть и уважение к учености» Д. Кантемира были отмечены также выдающимся русским критиком и мыслителем, революционным демократом В. Г. Белинским (1811—1848)⁴.

Действительно, по широте научных интересов и глубине знаний, по своему кругозору и эрудиции Д. Кантемир не имеет себе равных среди всех предыдущих молдавских летописцев, хронистов и вообще деятелей фео-

¹ О наличии ветряных мельниц в Молдавии в исторических источниках XIV—XVII вв. не упоминается.

² Цит. по кн.: «Памятники новой русской истории», т. I, СПб., 1871, стр. 11.

³ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. XXXV.

⁴ В. Г. Белинский, Статьи и рецензии, т. II, М., 1948, стр. 734.

дальной культуры Молдавии, не исключая Иоана Некулче и Н. Г. Спафария Милеску (1636—1708)¹.

Д. Кантемир оставил после себя много трудов, касающихся различных областей науки и искусства. Он написал работы по истории, литературе, философии, естественным наукам и другим отраслям знания. Наибольший интерес для историка представляют труды Кантемира: «История роста и упадка Оттоманской империи» (снискавшая автору мировую известность), «Хроника древности романо-молдо-влахов» и особенно «Описание Молдавии».

«Описание Молдавии»² — основная работа Д. Кантемира — содержит большое количество данных по истории страны в XIV — начале XVIII вв. «Описание Молдавии», — говорил академик Г. Ф. Миллер, — сочинение, заслуживающее уважение географов и историков и совершенно объясняющее притом древности и все состояния земли оныя»³. По словам русского буржуазного исследователя А. И. Яцимирского, «...Дмитрий Кантемир впервые познакомил Европу с географией и историей Молдавского государства»⁴.

Описание Молдавии проникнуто глубоким патриотизмом. Любовь к родине и ненависть к иноземным угнетателям проходят красной нитью через всю работу Д. Кантемира. Он последовательно и неустанно пропагандировал идею освободительной борьбы против турецких захватчиков, идею укрепления и развития дружественных связей с Россией, видя в последней естественного союзника в борьбе Молдавии с Турцией. Будущность Молдавии, ее экономическое и культурное развитие Кантемир связывал с ростом⁵ и укреплением Русского централизованного государства, с его экономической мощью и политической силой. Вот почему и «заклучил» он «взять сторону Российского царя Петра Великого»⁵.

¹ О Д. Кантемире и его трудах см. P. P. Panaitescu, *Dmitrie Cantemir, Viața și opera*, București, 1958; В. Н. Ермуратский, *Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира*, Кишинев, 1956.

² Д. Кантемир, *Историческое, географическое и политическое описание Молдавии*, М., 1789.

³ Д. Кантемир, указ. соч., стр. XI.

⁴ А. И. Яцимирский, *Румыно-славянские очерки*, СПб., 1903, стр. 44.

⁵ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 118.

Дмитрий Кантемир, опираясь в своих трудах на большое количество местных и иностранных источников, выступал против «писателей басен», подчеркивал необходимость иметь историю Молдавии, основанную на проверенных и точных данных, требовал критического отношения к историческим источникам, он говорил о необходимости критического восприятия как трудов своих предшественников, так и своих собственных, «ибо, -- по его словам, — находим мы, что и самые учнейшие мужи», описывая политическую историю Молдавии, немало «погрешили»¹. Таким образом, только массовый, критически проверенный, в совершенстве усвоенный исторический материал может помочь установить истину.

Сообщения молдавских летописцев об экономическом и политическом положении Молдавии в XVI—XVII веках могут быть значительно дополнены сведениями иностранных хронистов, путешественников и других очевидцев, побывавших в Молдавии и оставивших произведения мемуарного характера. Таковы, например, сообщения М. Литвина,² П. Алеппского³, М. Бандини⁴, И. Лукьянова⁵, А. А. Руссова⁶ и других.

Литовский посол при дворе крымского хана Михаил Литвин, посетивший в 50-х годах XVI столетия ряд городов Крымского полуострова и Молдавии, в своих мемуарах рассказывает о грабежах, насилиях и бесчинствах турецких и татарских войск во время их походов и продолжительных постоев в пределах Молдавии; о том, что турецко-татарские полчища угоняли многие тысячи непосредственных производителей материальных и культурных благ в рабство. По словам автора, крымские ханы и турецкие султаны «имели всегда достаточно рабов не только для торговли с иноземцами, но и для

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 85.

² «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. I, (XVI ст.), Киев, 1890.

³ Павел Алеппский, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, вып. I, М., 1896.

⁴ Codex Bandinus (Memoriu asupra scrierei lui Bandinus de la 1646, urmat de text însoțit de acte de V. A. Urechia, Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, t. XVI), București, 1895.

⁵ «Путешествие в святую землю священника Лукьянова», «Русский архив», № 1—6, СПб., 1863.

⁶ А. А. Руссов, Русские тракты в конце XVII и в начале XVIII в. и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия, Киев, 1876.

удовлетворения у себя дома своей жестокости или прихоти»¹. При этом, «... в обращении... с рабами можно было наблюдать следующие приемы: когда их выводили на продажу, то вели этих несчастных на площадь, сковав их за шею гуськом по десяти, словно журавлей, расположившихся для полета; продавали их с аукциона десятками под руководством оценщика, который громко выкрикивал похвалы: что это рабы новые...»². М. Литвин был очевидцем, как «многим из этих несчастных отрезывали уши и ноздри, клеймили их на щеках и на лбу и, заковав в пута и кандалы, заставляли томиться днем на работах, а на ночь запирали в темницы; они были принуждены довольствоваться скудной пищей, состоящей из мяса падали, гнилого, покрытого червями и вселяющего отвращение даже собакам»³.

Архидиакон Павел Алеппский, сын и спутник антиохийского патриарха Макария, посетившего дважды Молдавию в 50-х годах XVII столетия, в своих обширных мемуарах коснулся почти всех сторон общественно-экономической и политической жизни Молдавии, зависимой от султанской военно-феодальной Турции.

В сочинении Павла Алеппского имеются ценные сведения о тяжелом экономическом положении Молдавии, страдавшей под турецким игом, о состоянии внутренней и внешней торговли, о классовой и национально-освободительной борьбе молдавского народа против местных угнетателей и иноземных турецких поработителей и т. д.

П. Алеппский отмечает, что турецкие султаны, крымские ханы и греки-фанариоты⁴ «поработили молдаван

¹ «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. I, (XVI ст.), Киев, 1890, стр. 19.

² Там же, стр. 19—20.

³ Там же, стр. 19.

⁴ Фанариотами назывались богатые и знатные греки, проживавшие преимущественно в Фанаре (квартал Константинополя), где находился греческий патриарх. Из среды фанариотов назначались господа (князья) Молдавии и Валахии, драгоман (дипломатический переводчик) Порты и драгомены различных турецких ведомств. Большим влиянием пользовалось фанариотское духовенство, занимавшее высшие посты в иерархии православной церкви. Многие фанариоты были крупнейшими банкирами и арендаторами молдавского престола; они ссужали турецкое правительство и турецких вельмож деньгами, приобретая благодаря этому возможность воздвигать и на политику султанской военно-феодальной Турции (см. А. Ф. Миллер, Краткая история Турции, Госполитиздат, 1948, стр. 32).

и держали их в таком презрении и унижении, что те совсем обнищали. По этой причине греки и молдаване питали друг к другу великую ненависть»¹.

В этом произведении содержатся также данные о борьбе молдавского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков.

Католический епископ Марк Бандини, побывавший в Молдавии в середине XVII столетия, в своих мемуарах главное внимание обратил на описание молдавских городов, на городскую жизнь и городской строй, на численность городского населения и его этнический состав и т. д. М. Бандини отметил и то, что городское население Молдавии подчинялось только господарской власти, в то время как основная масса сельских жителей (земляне-царане, или соседи-вечины) зависела и от частных светских и духовных землевладельцев, и от господаря Молдавии, как верховного правителя страны.

Марк Бандини рассказывает, что он видел, как из Молдавии отправлялись в Оттоманскую Порту многочисленные отары овец и стада крупного рогатого скота. Это, несомненно, приводило к значительному сокращению поголовья скота в стране, что пагубно сказывалось на экономике Молдавии.

Русский путешественник (священник) И. Лукьянов, побывавший в Молдавии в самом начале XVIII века, в своем произведении писал о том, что: «Воложская (т. е. Молдавская.—Ф. Г.) земля вся пуста; разбрелись все: иные в Польшу, иные к нам, в Киев, иные к Палею»²; что «град Яси... зело предивной град бывал, да ныне весь разорен от турка и от ляхов; а господарь воложский (молдавский.—Ф. Г.) и до конца разорил. данью отяготил...»³.

Развитию исторической науки в Молдавии в значительной мере способствовало выявление и издание различных исторических источников учеными-археографами и историковедом — русскими, молдавскими и других стран.

По словам некоторых румынских дворянско-буржуазных историков, первая мысль о необходимости собирать, систематизировать и издавать исторические, ар-

¹ Павел Алеппский, указ. соч., стр. 89.

² И. Лукьянов, указ. соч., стр. 52—53.

³ Там же, стр. 52.

хеологические, лингвистические и другие источники по истории Молдавии и Валахии принадлежит одному из крупных государственных деятелей дореформенной, крепостной России — графу П. Д. Киселеву. После русско-турецкой войны и Адрианопольского мирного договора 1829 года, он был назначен верховным правителем Дунайских княжеств и получил от русского правительства «официальный мандат на прособразовательную деятельность»¹.

Мысль П. Д. Киселева о необходимости публикации различных источников по истории Молдавии и Валахии была оформлена специальным приказом, согласно которому была создана «историческая, литературная и археологическая комиссия, имевшая своей задачей заняться сбором, систематизацией и изданием исторических, археологических и других источников, освещающих историю, географию и другие вопросы прошлого княжеств»². Ряд историков и литературных деятелей Молдавии и Валахии откликнулся на это начинание П. Д. Киселева. Среди них следует отметить Ф. Арона, М. Когэлничану, Н. Бэлческу, А. Лауриана и других, осознавших и подчеркнувших необходимость разыскивать и издавать источники по истории Дунайских княжеств, которые лежат «в потемках неизвестности». После известной подготовительной работы и создания соответствующей источниковедческой базы в 40-х годах прошлого столетия в Молдавии и Валахии было положено начало публикации различных памятников исторического прошлого.

Однако первый сборник актового материала по истории Дунайских княжеств вышел в России и принадлежит русскому ученому, слависту-болгароведу Ю. И. Венелину³. Сборник документов Ю. И. Венелина появился в печати на один год раньше сборника «Архива Ромыняскэ»⁴, на пять лет раньше «Исторического вестника для Дакии»⁵ и значительно раньше первого

¹ Н. М. Дружинин, Социально-политические взгляды П. Д. Киселева, ж. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 50.

² F. Aron, Manual de istorie a principatului României, București, 1839, p. 206.

³ Ю. И. Венелин, Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, СПб., 1840.

⁴ М. Когэлничану, «Архива Ромыняскэ», 1841.

⁵ Marazinu istoric pentru Dacia, t. I—V, București, 1845—1847.

издания молдавских летописей под редакцией М. Когэлничану¹. Кроме того, много грамот и других разновидностей актового материала по истории Молдавии и Валахии увидели свет как в общих изданиях, так и в отдельных сборниках исторических источников благодаря большой археографической и источниковедческой деятельности Н. Н. Мурзакевича², Я. Ф. Головацкого³, В. А. Уляницкого⁴, П. А. Сырку⁵, А. И. Яцимирского⁶ и других русских ученых, проводивших огромную работу по выявлению и изданию архивных рукописных памятников.

Таким образом, появлению в свет различных публикаций исторических источников по истории Дунайских княжеств способствовали как молдавские и румын-

¹ М. Когэлничану, Летописецеле Цэрий Молдовеи, Ед. I, т. I (1852), т. II (1845), т. III (1856), Иашь; Ed. II; M. Kogălniceanu, Cronicile României sau letopisețele Moldovei și Valahiei, București, 1872—1874.

² Н. Н. Мурзакевич, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. II, Одесса, 1848; т. III, Одесса, 1853; т. V, Одесса, 1863.

³ Я. Ф. Головацкий, Грамоты угро-влахийские и молдавские (XV—XVI вв.), Летопись занятий археографической комиссии (1865—1866), СПб., 1868.

⁴ В. А. Уляницкий, Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв., М., 1887.

⁵ П. А. Сырку, Из переписки румынских воевод с Сибинским и Брашовским магистратами (тексты 28 славянских документов валашского происхождения XV—XVII вв., городских архивов Сибины, Брашова и Брюкентальского музея в Сибине), СПб., 1906.

⁶ А. И. Яцимирский, Из истории славянской проповеди в Молдавии (памятники древней письменности и искусства, тексты), СПб., 1906; А. И. Яцимирский, Дарственные, жалованные, льготные и подтверждающие грамоты молдавских господарей XV века (Сборник «Древности» — «Труды славянской комиссии императорского Московского общества», т. IV, вып. VII), М., 1907; А. И. Яцимирский, Славянские и русские рукописи румынских библиотек (Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. LXXIX), СПб., 1905; А. И. Яцимирский, Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1551 гг. (Ж. М. Н. П., ч. XXI, № 5, май), 1909; А. И. Яцимирский, Славяно-молдавская летопись монаха Азария (Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. VIII, кн. 4, 1908), СПб., 1909; А. И. Яцимирский, Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии XV—XVII вв., СПб., 1906; А. И. Яцимирский, Сказание вкратце о молдавских господарях в Воскресенской летописи, СПб., 1901 и др.

ские исследователи, так и русские ученые, которые проявляли большой интерес к историческому прошлому Молдавии и Валахии, внося свой вклад в дело развития исторической науки и за пределами своей страны.

Начиная с 50—70-х годов прошлого века, постепенно увеличивалось число издателей исторических памятников, в том числе актового материала разных типов, а также расширялся круг источников, которые публиковались уже в виде многотомных изданий. В это время большую работу по опубликованию исторических памятников развернули П. Илариан, отмечавший, что многие источники «покрыты пылью в библиотеках, книгохранилищах и загромождены хламом в архивах»¹, Б. П. Хэшдеу², Г. Сион³ и другие.

Особенно большой, богатый и содержательный источник по истории Молдавии представляет многотомный (26 томов) свод исторических документов Т. Кодреску «Урикарул»⁴.

В 80-е годы прошлого столетия было положено начало другому монументальному многотомному изданию документов, охватывающих время как до образования Дунайских княжеств, так и после объединения их в Румынское государство. Этот свод исторических источников, насчитывающий в общей сложности более 30 томов, известен по имени первого публикатора Е. Хурмузаки⁵.

По своему содержанию указанный свод, как и другие аналогичные сборники исторических источников, содержит в подлинниках и копиях различные исторические документы: торговые привилегии местным и иностранным купцам, переписку молдавских господарей с иностран-

¹ *P. Ilarian*, Tezauri de monumente, t. I, București, 1862, p. 3.

² *B. P. Hașdeu*, Arhiva istorică a României, București, t. I, par. I, 1865; t. I, par. 2, 1865; t. II, 1865; t. III, 1867.

³ *Gh. A. Sion*, Carte românească de învățătură de la pravilile împărătești și de la alte giudețe cu zisa și toată cheltuiala a lui Vasile Voevodul și domnul Țării Moldovei, din multe scripturi tălmăcita din limba ilinească în limba românească în tipariul domnesc, s'au tipărit în mănăstirea a Trei-Svetitele în Iași de la Hristos 1646, Botoșani, 1875.

⁴ *T. Codrescu*, Uricarul, sau cuprinzătoriu de hrisoave, anaforale și alte acte atingătoare de Moldova, t. I—XXVI, Iași, 1852—1895.

⁵ *E. Hurmuzachi*, Documente privitoare la istoria românilor, culese de..., t. I—XXXI, București, 1887—1936.

ными державами, договоры, духовные завещания и т. д. Эти документы дают интересный материал о положении трудящихся масс, классовой и национально-освободительной борьбе молдавского и валашского народов против феодально-крепостнического и национально-политического гнета и т. д.

Многотомная коллекция документов Е. Хурмузаки, по объему и интересу опубликованных исторических памятников, извлеченных из многочисленных местных и иностранных архивов (греческих, турецких, венецианских и др.), является (если не считать отдельных подложных актов и фальсифицированных дипломов) одним из основных и ценнейших исторических источников по истории Молдавии. Исследователь, занимающийся историей южнорусских земель, Украины, Турции, Венгрии, Польши и т. д., также найдет в этой коллекции много ценного и интересного.

В 1906 году было начато еще одно интересное многотомное издание актового материала по истории Молдавии XIV—XIX вв., связанное с именем Г. Гибэнеску, проводшего огромную работу по сбору и публикации исторических источников. Первая обширная коллекция этого материала, насчитывающая 25 томов, известна под названием «Сурете ши извоаде»¹, вторая, состоящая из 10 томов, — «Исписоаче ши записе»².

Результатом долголетней археографической и источниковедческой работы И. Богдана явился вышедший в 1913 году ценнейший двухтомный труд, содержащий около 500 подлинников и частично копий различных документов, размещенных в хронологическом порядке на 1200 страницах³. Эта публикация исторических источников по истории Молдавии 1457—1504 годов отличается не только богатством содержания актового материала, вышедшего в основном из молдавской господарской канцелярии, но и высоким качеством самого издания, ибо в ней проведена тщательная работа (палеографического и источниковедческого характера) по

¹ G. Ghibănescu, Surete și izvoade, t. I—XXV, Iași, 1906—1929.

² G. Ghibănescu, Ispisoace și zapise, t. I—X, Iași, 1906—1930.

³ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, Hrisoave și cărți domnești (1457—1492); t. II, Hrisoave și cărți domnești (1493—1503), tractate, acte omagiale, solii, privilegii comerciale, salvconducte, scrisori (1457—1503), București, 1913.

исправлению ошибок, допущенных в более ранних изданиях, о чем делаются соответствующие примечания. Кроме того, если ранее изданные источники (за небольшим исключением) были опубликованы, как правило, без всяких указателей, комментариев или с комментариями лишь генеалогического характера, то сборник документов И. Богдана снабжен именным, предметным и географическим указателями, обширными комментариями и примечаниями к документам.

Русский буржуазный исследователь-славист А. И. Яцимирский дал весьма высокую и вполне заслуженную оценку публикации документов И. Богдана, который «чрезвычайно внимательно отнесся к своей задаче и обогатил науку двухтомным изданием документов, относящихся к правлению Стефана Великого». В своей рецензии на эту публикацию Яцимирский писал о ее высоком научном уровне, «начиная с единственно удобного для рабочей книги формата, изящного церковнославянского шрифта, умелого распределения шрифтов внутри каждого отдела и подробных указателей (обращаем внимание на особый указатель редких и интересных славянских слов) и кончая точностью в воспроизведении текстов и обширными комментариями, из которых многие представляют самостоятельные исследования». «И в общих приемах издания, и в каждой подробности объяснений к текстам видна глубокая научная школа И. Богдана, строгая дипломатическая и палеографическая дисциплина, умение проникнуться самодовлеющим интересом к каждому незначительному на первый взгляд сообщению документа...»¹

В 1915—1944 годах отдельными представителями буржуазной исторической науки был опубликован еще ряд сборников различных разновидностей актового материала по социально-экономической истории феодально-крепостнической Молдавии вообще и XVI—XVII столетий, в частности. Таковы сборники исторических документов, изданные Т. В. Штефанелли², Л. Т. Богой³,

¹ А. И. Яцимирский, Русский филологический вестник, учено-педагогический журнал (№ 1, т. LXXIII-го, вып. I, 1915), Варшава, 1915, стр. 416.

² Т. В. Ștefanelli, Documente din vechiul ocol al Câmpulungului moldovenesc, București, 1915.

³ Л. Т. Boga, Documente basarabene, t. I—XVIII, Chișinău, 1926—1936.

Т. И. Баланом¹, Д. П. Богданом², К. А. Соломоном и К. А. Стоиде³, Т. Г. Булатом⁴, А. В. Савой⁵, М. Костэ-кеску⁶ и т. д.

Следует отметить общий для всех названных выше публикаций недостаток, состоящий в том, что включенные в них документы, как правило, не приведены в порядок и не систематизированы ни по тематике, ни по хронологическому принципу. Кроме того, источники обычно издавались на основе единичных текстов, хотя, как справедливо отметил в свое время румынский ученый Сачердоцеану, на руках у исследователей-историков и археографов часто имелось по несколько вариантов⁷. При сличении документов среди них обнаруживается ряд фальсификатов. Если в изданиях молдавских документов наблюдается полная бессистемность, то еще больший «хаос» царит в публикациях валашских актов⁸.

Все это обязывает исследователя к критическому отношению к документам. Поэтому автор старался путем анализа и сопоставления текстов исторических источников, путем сверки опубликованных оригиналов с хранящимися в архивах подлинниками и привлечения совершенно новых архивных материалов выявить и устранить все имеющиеся в разных изданиях ошибки. Немаловажное значение имел тот факт, что автор распола-

¹ Т. И. Balan, *Documente bucovinene*, t. I (1507—1653), 1933, t. II (1519—1661), 1934, t. III (1573—1720), Cernăuți, 1933—1938.

² D. P. Bogdan, *Acte moldovenești înainte de Ștefan cel Mare*, București, 1938.

³ C. A. Solomon și C. A. Stoide, *Documente tecucene*, t. I (sec. XVII—XIX), 1938, t. II (sec. XVI—XIX), 1939, t. III (sec. XVII—XIX), 1942, Birlad, 1938—1942.

⁴ T. G. Bulat, *Documentele mănăstirii Varatec (1497—1836)*, Chișinău, 1939.

⁵ A. V. Sava, *Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei*, București, 1937; A. V. Sava, *Documente privitoare la târgul și ținutul Orheiului*, București, 1934.

⁶ M. Costăchescu, *Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare*, t. I—II, Iași, 1931—1932; M. Costăchescu, *Documente moldovenești de la Ștefan cel Mare*, Iași, 1933; M. Costăchescu, *Documente moldovenești de la Bogdan Vodă (1504—1517)*, București, 1940; M. Costăchescu, *Documente moldovenești de la Ștefăniță Vodă (1517—1527)*, București, 1943.

⁷ A. Sacerdoțeanu, „*Arhiva Românească*“, t. V, București, 1940, p. 61.

⁸ Ibidem, p. 65.

гал довольно широким кругом исторических источников и мог отметить сомнительные документы.

В настоящей монографии были использованы также и соответствующие тома 29-томной публикации документов, изданных Институтом истории Академии наук Румынской Народной Республики. В этом издании впервые в хронологическом порядке опубликован почти весь актовый материал, относящийся к истории Дунайских княжеств с древнейших времен до 1625 года. Поэтому оно содержит больше сведений по внутренней истории Молдавии и Валахии, чем все предшествующие сборники актового материала, вместе взятые.

По словам румынских ученых В. Костакел, П. Панаитеску и других, «историки, которые писали до выявления и опубликования этих документов, были вынуждены ограничиться скудными результатами своих личных разысканий в архивах и пользоваться существовавшими тогда изданиями источников, не содержащих (по XIV—XVII века) и десятой доли того, чем мы теперь располагаем»¹.

Однако, несмотря на то, что в названной публикации источников приводится много ранее не известных исследователям документов, которые впервые вводятся в научный оборот, все нельзя признать полноценной и отвечающей общепринятым археографическим правилам. В то время как подавляющая часть актов написана на древнерусском языке, они напечатаны не с подлинников, а только в переводе на румынский язык. Кроме того, издание не снабжено никакими указателями, что значительно затрудняет работу исследователя. Вместо указателей в конце каждого тома приводятся многочисленные образчики фотодокументов, которых из-за плохого изображения нельзя ни сличить с переводом, ни прочесть. Все это значительно снижает научную ценность этого многотомного издания актового материала.

Во всех рассмотренных публикациях источников содержатся многочисленные разновидности актового материала: грамоты («хрисовулы, или «урики»), жалован-

¹ V. Costăchel, P. P. Panaitescu, A. Cazacu, *Viața feudală în Țara Românească și Moldova* (sec. XIV—XVII), București, 1957, p. 5—6.

ные (акты, закрепляющие переход земельной собственности с живущими на ней крестьянами в руки светской и духовной феодальной знати и подтверждающие ее судебные права и фискальные привилегии); дарственные, или данные (акты дарения движимого и недвижимого имущества); купчие (акты купли-продажи движимой и в особенности недвижимой частной собственности); меновые (акты обмена движимой и недвижимой частной собственности); духовные (завещания о передаче движимого и недвижимого имущества по воле завещателя); вкладные (грамоты о вкладах движимого и в особенности недвижимого имущества, сделанных на имя церковно-монастырских корпораций, главным образом, «на помин души»); деловые, или раздельные (акты раздела имущества, крепостных крестьян и холопов); межевые (акты, устанавливающие или подтверждающие границы земельных владений, угодий и т. д.); несудимые (одна из разновидностей жалованных грамот, закрепляющих и определяющих судебные права и привилегии светских и духовных феодалов); правые (акты, содержащие разбор тяжб и судебные приговоры); тарханные, или льготные (одна из разновидностей жалованных грамот, подтверждающих фискальные права и привилегии светской и духовной феодальной знати и дающих бессрочные или временные льготы); описи движимого и недвижимого имущества в феодальных хозяйствах; уставные грамоты («оуставничества», или «листы глейтованные», содержащие, главным образом, торговые привилегии иностранным купцам); кабальные записи, или заемные закладные кабалы (акты залога движимой и в особенности недвижимой частной собственности под взятую ссуду деньгами и натурой); договоры, заключавшиеся молдавскими господарями с властями других стран, ограничивавшие переходы за границу крепостных крестьян и холопов; господарские грамоты и указы о сыске и возврате беглых крестьян и холопов их прежним владельцам и т. д.

В своей совокупности эти акты представляют ценный исторический источник для изучения аграрных отношений и классовой борьбы. В них имеются очень интересные данные по истории непосредственных производителей материальных и культурных благ молдавского феодально-крепостнического общества XVI—XVII веков.

, Например, дарственные, жалованные, купчие, правые и духовные грамоты не только содержат сведения по истории сельского хозяйства и сельскохозяйственной техники Молдавии, ремесла и промыслов, но и рисуют дальнейший рост крупного феодального землевладения за счет захвата крестьянских земель, характеризуют процесс закрепощения молдавского крестьянства. Они имеют большое значение для изучения форм и характера классовой борьбы крестьян против светской и духовной знати. Наряду с этим в них отражена и внутриклассовая борьба в самом лагере светских и духовных феодалов за землю, крестьянский труд, земельную ренту.

Изучаемые в хронологической последовательности жалованные, несудимые, льготные и оброчные грамоты дают возможность раскрыть организацию феодального хозяйства, основанного на эксплуатации крепостных и зависимых частновладельческих крестьян методами внеэкономического принуждения, проследить рост феодально-крепостнического гнета, выяснить характер и объем крестьянских повинностей. Они способствуют решению вопроса о смене форм феодальной земельной ренты.

Жалованные, льготные и несудимые грамоты являются источником для изучения иммунитета, как атрибута феодального землевладения, благодаря которому светские и духовные феодалы обладали дополнительными средствами для получения прибавочного продукта от зависимых от них работников производства — крепостных крестьян.

Господарские грамоты и указы о сыске и возврате землевладельцам их беглых крестьян и холопов, а также договоры с иностранными державами о приеме беглых крестьян и холопов из Молдавии говорят о том, что вопрос о феодальном землевладении был неразрывно связан с вопросом о рабочей силе, что тяжелая феодально-крепостническая эксплуатация вызывала бегство крепостных и зависимых крестьян и холопов от своих господ-феодалов.

Эти важнейшие исторические источники для изучения общественно-экономического строя и истории трудящихся масс Молдавии и Валахии недостаточно использовались дворянско-буржуазными учеными. Молдавские и румынские буржуазные историки обращались к ним по большей части с тем, чтобы установить генеа-

логию молдавских и валашских господарей, как они выражались, для «классификации очередности господарей».

В настоящей работе актовый материал привлекается для освещения аграрных отношений и классовой борьбы в Молдавии в XVI и в первой половине XVII веков. Этот материал явился основной источниковедческой базой монографии. Он проливает свет на тот отдаленный период в истории молдавского народа, который до сих пор еще так мало монографически изучен.

Автор привлек к изучению также материалы архивных фондов, хранящихся в Центральном государственном архиве Молдавской ССР (ЦГА МССР), Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА), Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ) и Рукописном отделе Государственного исторического музея (ГИМ).

В Центральном государственном архиве Молдавской ССР (фонд 220), в числе других архивных материалов, имеется 20 объемистых папок (по описи 21), в которых содержится до 2625 древнемолдавских грамот («хрисовулов», «уриков»), в основном вышедших из молдавской господарской канцелярии и относящихся к истории Молдавии XIV—XVIII веков. Из этих 2625 актов в настоящей работе были использованы 222 неизданные жалованные, дарственные, купчие, меновые, духовные, правые, несудимые и другие грамоты, непосредственно относящиеся к истории Молдавии XVI—XVII веков.

По своему содержанию эти акты дополняют и обогащают те многочисленные документы, которые были в свое время опубликованы различными издателями более чем в 200 томах изданий источников по истории Дунайских княжеств.

В Центральном государственном архиве древних актов (фонд 68 — «Сношения России с Молдавией и Валахией»)¹ имеются документы (в числе 465 единиц хранения), в которых в основном отражается история русско-молдавских и валашских культурно-дипломатических и политических отношений за 1574—1777 годы.

В этом архивном фонде хранятся грамоты молдавских и валашских господарей (воевод), высшего духовенства

¹ Путеводитель, ч. I, М., 1946, стр. 68—69.

и русских царей и императоров, дела о приездах в Россию молдавских и валашских послов, духовных лиц и купцов с просьбами о помощи против турок и пр.

Из материалов фонда 68 нами были использованы лишь те немногие данные, которые относятся к классовой и национально-освободительной борьбе молдавского народа против местных угнетателей и иноземных работников.

В Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Рум. 80; М. 1733) хранятся 25 древнемолдавских грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии и относящихся к истории Молдавии XIV—XVII веков. Из этих 25 грамот 5 (№№ 5, 8, 9, 15, 18) были в свое время опубликованы русским славистом-болгароведом С. Н. Палаузовым в приложении к его книге¹, а 2 грамоты (№№ 9, 10) были изданы в 1913 году И. Богданом в его двухтомной публикации документов, относящихся к правлению Стефана Великого, о которых речь уже шла выше.

По своему содержанию эти акты очень близки между собою и в основном рисуют рост крупного феодального землевладения Нямецкого монастыря за счет захвата крестьянских земель, отражают борьбу крестьян-общинников против наступления на их земельные владения духовных феодалов и показывают, как государственная власть подавляла крестьянское антифеодальное сопротивление.

Наконец, 18 неизданных подлинников жалованных, дарственных (данных), купчих и уставных грамот, относящихся к истории Молдавии XV—XVII веков, хранятся в Рукописном отделе Государственного исторического музея (Собрание Уварова, карт. 41/23).

Уставные грамоты, выданные молдавскими господарями местным и в особенности иностранным купцам, являются в основном источником для изучения социального состава городского населения страны и географического размещения городов, уровня ремесленного и мелкого товарного производства, внутренней и внешней торговли, экономических связей Молдавского княжества с другими государствами, выяснения торговых путей, шедших через территорию Молдавии, тор-

¹ С. Н. Палаузов, Румынские господарства Молдавия и Валахия, СПб., 1859.

говых пошлин и денежной системы, мер и других вопросов, связанных с торгово-ремесленной деятельностью и городской жизнью страны.

Общее число рассмотренных и в значительной мере использованных нами подлинников и копий актового материала, непосредственно относящегося к XVI—XVII столетиям или близких к этому историческому периоду, превышает 4000.

Значительная часть как опубликованных, так и хранящихся в архивах различных актов вышла из молдавской господарской канцелярии. Кроме того, оформление многих документов производилось в господарских резиденциях, монастырях, городах и местечках Молдавии, расположенных в разных частях страны. Это очень важно потому, что грамоты касаются разных волостей и, следовательно, мы имеем возможность ознакомиться с социально-экономическими отношениями не только в местностях, прилегавших к столице Молдавского государства, но и во всей стране в целом.

Назовем еще один интересный источник по истории производительных сил и производственных отношений, форм и характера классовой борьбы в Молдавии исследуемого периода — так называемые «Правила» Василия Лупу (1634—1653), или «Уложение» 1646 года.

Этот кодекс феодального права Молдавии, защищавший интересы господствовавшего класса, содержит 40 глав, каждая из которых делится на соответствующие «причины», или статьи, размещенные на 178 страницах, составляющих в общей сложности около 10 печатных листов.

В «Уложении» 1646 года, возникшем в условиях усиления феодально-крепостнической эксплуатации и обострения классовой борьбы, законодательным путем подтверждалась собственность феодалов на основные средства производства и неполная собственность на работников производства — крепостных крестьян («землян»-«царан», или «соседей»-«вечин»). Таким образом, с изданием «Уложения» 1646 года крепостное право в Молдавии было оформлено и юридически. Утверждалась личная крепостная зависимость крестьянина-царанина от феодала. Светским и духовным землевладельцам предоставлялось право розыска и возвращения своих беглых крестьян в течение неограниченного срока.

Молдавское «Уложение» 1646 года по своему характеру очень близко к Соборному уложению 1649 года, отменившему «урочные годы» и юридически оформившему крепостное право в России.

Мы назвали основные источники, которые использованы в нашей работе. Их пришлось не без труда разыскивать и выявлять в различных библиотеках, книгохранилищах и архивах. Кроме того, необходимо было привести их в надлежащий порядок, распределить по времени, степени важности, достоверности, полноте содержания, а затем уже на их основе попытаться, с марксистско-ленинских позиций, осветить историю аграрных отношений в Молдавии в XVI — первой половине XVII веков.

* *
*

При работе над предлагаемой вниманию читателей книгой, автор пользовался консультацией доктора исторических наук, профессора Л. В. Черепнина. Как отдельные главы, так и монография в целом обсуждались на заседаниях сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР, и Отдела феодализма Института истории АН МССР, сотрудникам которых приношу глубокую благодарность за товарищескую критику и дружеские советы. Считаю также своим приятным долгом особо поблагодарить Е. М. Руссева за содействие в разыскании некоторых необходимых для работы изданий источников и книг. Особенно большое сердечное спасибо моему научному руководителю и консультанту Л. В. Черепнину за полезные советы, ценные критические замечания и значительную редакторскую помощь.

Глава первая

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕХНИКА

§ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

В русской, молдавской и иностранной историографии нет монографических исследований по истории производительных сил и производственных отношений Молдавии в XVI—XVII веках, отсутствуют исследовательские труды, посвященные сельскому хозяйству и сельскохозяйственной технике вообще и истории материального производства и орудий труда этого времени в частности. Имеются лишь случайные указания в работах общего характера, затрагивающие прямо или косвенно интересующие нас вопросы.

Отдельные представители русской, молдавской и иностранной буржуазной историографии, касаясь истории Молдавии, некритически повторяли утверждения об извечной якобы «отсталости» молдавского народа, о том, что он будто бы был лишен всякой культуры, что «лень» и «беспечность» являлись «характерными особенностями» молдаванина, что трудовое население средневековой Молдавии очень мало было знакомо с земледелием, что природа все «давала» ему без особого труда с его стороны, и т. д.

Эти и подобные им неверные утверждения содержатся в работах Г. Бауро¹, П. Жадовского², А. Демидова³, А. Зашука⁴, Р. Росетти и других авторов.

¹ Г. Бауро, Записки повествовательные, землеописательные и политические о Княжестве Волоском, СПб., 1791, стр. 13.

² П. Жадовский, Молдавия и Валахия в современности, СПб., 1856, стр. 32, 36.

³ А. Демидов, Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, М., 1853, стр. 195, 229.

⁴ А. И. Зашук, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, СПб., 1862, стр. 205, 294, 454; его же, Этнография Бессарабской области («Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. V), Одесса, 1863, стр. 492.

Совершенно необоснованным является следующий вывод А. А. Накко: «Известно, что команы, или молдаване, в раннюю пору их истории, когда они еще не занимались земледелием, были купцами-разбойниками, добывавшими товары на больших дорогах. Византийские и славянские летописи полны известий о грабежах этого народа»¹.

Нетрудно заметить, что автор смешал молдаван с половцами, которые некогда кочевали в дунайско-днестровских степях. Что касается ссылки А. Накко на греческие и славянские источники, то она неубедительна, так как названные источники, напротив, говорят о том, что основным занятием трудового оседлого населения дунайско-днестровских земель было именно земледелие.

Не соответствует исторической правде и утверждение А. Накко о том, что якобы «молдавское общество XVI в. было лишено всякой образованности», что «оно исключительно было занято только военным ремеслом да интригами»².

Лишена аргументации точка зрения ряда авторов, утверждавших, что трудовое население Молдавии в результате вражеских вторжений в пределы страны и господства турецких поработителей в Дунайских княжествах, покидало свои искони насиженные места, оставляло свое основное занятие — земледелие и без всякого сопротивления бежало в Карпатские горы и другие места, где переходило к кочевому или полукочевому скотоводческому образу жизни, что жители Молдавии «мало привязывались к месту, поселяясь нередко в глухой лесной местности»³.

Разумеется, в обстановке продолжительных вражеских нашествий и завоеваний, разрушительных набегов и постоев, в условиях турецкого ига экономика страны в целом и сельское хозяйство в частности деградировали, приходило в упадок и земледелие, но трудовой молдавский народ никогда не оставлял этого своего глав-

¹ А. А. Накко, История Бессарабии с древнейших времен, ч. 2, Одесса, 1875—1876, стр. 171.

² Там же, стр. 250.

³ *Серафим*, Гербовецкий архимандрит. Описание Гербовецкого Свято-Успенского монастыря, состоящего в Кишиневской Епархии, Кишинев, 1874, стр. 1; В. М. Сенкевич, Советская Молдавия в борьбе против фашистских захватчиков, М., 1944, стр. 3—4.

ного занятия. Ниже мы постараемся показать на конкретном материале, как ход экономического развития Молдавии в XVI — XVII веках нарушился в результате турецкого завоевания страны и предательской политики большей части молдавских феодалов, как были подорваны производительные силы страны. Но в то же время мы убедимся, что производство материальных благ крестьянами и ремесленниками не прекратилось, что оно поддерживалось героическими усилиями народа, который самоотверженно боролся и против местных феодалов и против иноземных турецких поработителей.

Иностранная, прежде всего буржуазная румынская, историография, кроме теории об «извечной отсталости» населения Молдавии, развивала идею о том, что в средневековой Молдавии господствовало всеобщее благополучие, что трудовое население Дунайских княжеств занималось в основном пчеловодством, охотой, рыболовством и другими промыслами, легко добывая средства к жизни, питаясь «вдоволь» медом, мясом и рыбой, не зная недостатков, имея в достаточном количестве вино и т. д. Буржуазные историки утверждали, что жизнь молдавских и валашских крестьян протекала не в тяжелом и подневольном земледельческом труде, а была легкой, и это якобы породило «традиционную лень» молдаванина, его «медлительность», «беспечность и нерасторопность».

В румынской буржуазной литературе распространялись реакционные мальтузианские и неомальтузианские взгляды о том, что причина тяжелого положения трудящихся страны коренится не в капиталистической собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком, а в том, что якобы имеется перенаселение, являющееся причиной нарушения существовавшего некогда всеобщего благополучия.

Румынский буржуазный ученый И. Богдан писал: «В XIV—XVII вв. почти вся поверхность Молдавии и Валахии была покрыта вековыми дремучими лесами, пастбищами и стоячими водоемами. Дожди тогда были более частыми из-за обилия лесов, которые теперь исчезли, и трава была в изобилии; неисчислимые стада скота привольно паслись по всей стране. Скотоводство и рыболовство, — подчеркивает автор, — являлись основными источниками существования народа и были его главным богатством. Несомненно..., что земледелие ограничива-

лось посевом пшеницы, из которой румыны пекли свой белый хлеб; все же внутренняя продукция была тогда довольно большая»¹.

Не останавливаясь подробно на ошибочных взглядах И. Богдана о характере производительных сил Молдавии XIV—XVII веков, нельзя не обратить особого внимания на тот факт, что автор, говоря об огромных богатствах Молдавии, не указал конкретно, кому принадлежали средства производства, в чьем владении находились земля, леса, воды, кто являлся владельцем тех бесчисленных стад скота, которые так привольно паслись на тучных пастбищах страны. Автор представил дело таким образом, будто бы средства производства принадлежали не светским и духовным сановникам, а всему обществу в целом. Однако непосредственные производители материальных благ общества жили далеко не так хорошо, как это изображает И. Богдан, они были вынуждены выращивать для феодалов-землевладельцев хлебные злаки, пасли табуны лошадей и скот светских и духовных феодалов, а сами, как увидим ниже, ели не «белый хлеб», а часто фасоль, бобы, бурьян, сушеный и молотый на жерновах папоротник, траву-щетинник и другие растения.

Румынский буржуазный исследователь Р. Росетти пишет: «Не думаю, что мы на много ошибемся, если *предположим* (курсив наш.—Ф. Г.), что румыны, населявшие страну, которая позже называлась Молдавией, были народом, совершенно лишенным всякой культуры, больше пастушеским, чем земледельческим. Этот народ был очень крепкий, привычный к непогоде, имевший частную собственность, подвергающийся различного рода опасностям, и особенно привычный к грабежам. К грабежам они приучились в результате долгого совместного жительства с народами, которые жили исключительно за счет грабежа. Грабеж, воровство в их экономике действительно играли бóльшую роль, чем земледелие, и почти такую же важную роль, как и животноводство»².

¹ I. Bogdan, Luptele românilor cu turcii până la Mihai Viteazul. Cultura veche română. Două conferințe, București, 1898, p. 42.

² R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 127.

Ссылаясь на слова другого румынского историка Н. Йорга, Р. Росетти далее пишет: «Такое положение дел было особенно точно и лаконично резюмировано г-м Йорга, который указывал, что в Молдавии до ее образования в самостоятельное княжество «господствовали только грабеж и патриархальная жизнь»¹.

Выводам Р. Росетти и Н. Йорга противоречит тот факт, что население карпато-днестровских земель еще задолго до образования Молдавского самостоятельного феодального государства прошло долгий исторический путь развития в условиях оседлой жизни, что оно входило в состав Древнерусского государства и Галицко-Волынского княжества².

В другой работе Росетти, развивая свою неверную концепцию, отмечает, что в XVI—XVII веках «земледелием в Молдавии жители занимались очень мало, потому что Молдавия была лишена торговых путей и ее население не имело источников сбыта урожая зерновых культур. Люди сеяли очень мало, они сеяли столько, сколько им было необходимо для удовлетворения своих нужд, домашних потребностей; более проворные сеяли несколько больше, с тем, чтобы продавать свой хлеб в ближних городах и делать запасы на случай неурожайных годов. Но мед и воск были наиболее портативными, а также дорогими продуктами, на них всегда был спрос со стороны купцов, ибо они отправляли закупленные в Молдавии товары за границу. Скот также транспортировался очень легко, и на него везде был спрос. Разведение пчел и скота было более легким занятием, для этого, несомненно, требовалось несравненно меньше труда, чем для обработки земли. В этом обстоятельстве, мне представляется, необходимо, главным образом, искать причину сказочной и фантастической беспечности и беззаботности молдавского крестьянина. В течение веков, — говорит далее Р. Росетти, — крестьянин привык получать все необходимое для его жизни весьма легким путем, без особого труда, не бу-

¹ R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 129.

² Очерки истории СССР, IX—XIII вв., ч. I, М., 1953, стр. 711—717; Очерки истории СССР, XIV—XV вв., ч. 2, М., 1953, стр. 631—647.

дучи принужденным необходимостью работать с напряжением на трудоемких работах. Несомненно, что жизнь человека труда Молдавии,—подчеркивает автор, переходя к производственным отношениям, — была до середины XVIII в. самой легкой с точки зрения его отношений с землевладельцем села, в котором жил крестьянин, и степени зависимости от него. Земля была плодотворна, и ее имелось достаточное количество по сравнению с численностью населения. Кроме того, основным вопросом для землевладельца являлась его заинтересованность в том, чтобы иметь как можно больше поселен-крестьян на своей земле с тем, чтобы подати и повинности, — с одной стороны, доходы от мельниц и корчм, — с другой, были более значительны; для землевладельцев было невыгодно жестоко или несправедливо поступать с крестьянами. Последние совершенно не были прикреплены к земле, позор крепостничества абсолютно не был правилом для Молдавии, а только исключением, и сельские жители, пользуясь своим правом свободного перехода, в случае притеснения со стороны землевладельца, поспешили бы без промедления переменить своего господина и перешли бы в другое село-вотчину, к другому владельцу...

Только с середины XVIII в., — завершает свою ошибочную мысль Р. Росетти, — судьба молдавского крестьянства мало-помалу неуклонно пошла по нисходящей линии и все время ухудшалась вплоть до Органического регламента»¹.

Нетрудно заметить, что Р. Росетти делает свои выводы без учета вопроса о том, кому принадлежали средства производства, на основе лишь соображений о торговле хлебом. Поскольку, по мнению автора, сельскохозяйственные, главным образом земледельческие, продукты до второй половины XVIII века не были товаром и товарное производство полностью отсутствовало, постольку земледелие в Дунайских княжествах до этого времени не являлось преобладающим занятием населе-

¹ R. Rosetti, *Cronica Bohotinului* (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, tomul XXVIII), București, 1906, pp. 172—173.

ния и не играло никакой роли в экономике страны. Наиболее полно Р. Росетти выразил свою мысль в следующих словах: «До второй половины XVIII века люди не могли никому продавать злаки потому, что продажа хлеба в Константинополь из Дунайских княжеств еще не производилась, а в соседние страны не было возможности вывозить хлеб из-за плохого сухопутного транспорта. Следовательно, земледелие существовало целиком и исключительно только для того, чтобы удовлетворить внутренние потребительские нужды страны»¹.

Не соответствуют действительности утверждения румынских историков А. Д. Ксенопола² и К. Жюреску³ о том, что земледелие в Дунайских княжествах имело весьма ограниченный характер, будучи подчинено животноводству. Неправильно и заявление Н. Йорги о том, что земледелие в Молдавии в XVI веке «носило спорадический характер»⁴.

Современный румынский историк П. П. Панаитеску также считает, что животноводство являлось первостепенной отраслью сельскохозяйственного производства Молдавии и Валахии на протяжении XIV — первой половины XIX веков; «только со второй половины XIX столетия экономика земледелия стала преобладать над экономикой животноводства»⁵.

Противоположной точки зрения придерживалась группа дворянско-буржуазных авторов, утверждавшая, что главным занятием трудового населения Молдавии было земледелие, что оно являлось ведущей отраслью сельского хозяйства страны. Однако и сторонники этой точки зрения часто делали необоснованные выводы и заключения.

Н. Бантыш-Каменский, посетивший в начале XIX в. Молдавию, Валахию и Сербию, писал, что «почва земли

¹ R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 326.

² A. D. Xenopol, Istoria românilor din Dacia Traiană, t. III, Iași, 1896, p. 189.

³ C. Giurescu, Studii de istorie socială. Vechimea rumâniei în Țara Românească și legătura lui Mihai Viteazul. Despre rumâni, Despre boieri, București, 1943, p. 251.

⁴ N. Iorga, Istoria comerțului românesc. Epoca veche, București, 1925, p. 161.

⁵ V. Costăchel, P. P. Panaitescu, A. Cazacu, Viața feudală în Țara Românească și Moldova (sec. XIV—XVII), București, 1957, p. 16.

в Молдавии самая плодоносная. Обыкновенное произведение полей: маис (кукуруза, введенная в Молдавии со второй половины XVII века. — Ф. Г.), пшеница и ячмень. Дыни и арбузы растут на открытом воздухе; последние бывают величиной с тыкву. Молдавия, — говорит далее автор, — славится лошадьми и быками..., свиньи здешние известны своей величиной и длиной щетины. Их очень много в Молдавии, равно как и овец, которые весьма хорошей породы. Пчелы составляют также не последний предмет промышленности здешней»¹.

Таким образом, Бантыш-Каменский выдвигает на первый план полеводческие зерновые и пропашные культуры и тем самым молчаливо признает за земледелием ведущую роль в экономике Молдавии. Но схема распределения отраслей сельского хозяйства по их удельному весу, предложенная Бантышем-Каменским, весьма условна, не точна и не отражает реальной действительности.

А. А. Скальковский в своей работе «Хронологическое обозрение Новороссийского края», вскользь касаясь истории Молдавского княжества после его покорения Османской военно-феодальной империей, между прочим, говорит, что Молдавия «составляла одну из главных житниц Константинополя»², совершенно не останавливаясь на характеристике земледелия или других отраслей сельского хозяйства. Автор не касается также орудий труда, без которых невозможно было осуществлять производство материальных благ.

В. А. Бертенсон в работе «Бессарабская сельскохозяйственная и промышленная выставка» совершенно справедливо указывает, что ведущей отраслью материального производства феодально-крепостнической, а затем капиталистической Молдавии, являлось земледелие³, «скотоводство, коневодство и свиноводство имели значение подчиненное»⁴. Далее автор подчеркивает,

¹ Н. Бантыш-Каменский, Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию, М., 1810, стр. 80—81.

² А. А. Скальковский, Хронологическое обозрение Новороссийского края, ч. 2, Одесса, 1838, стр. 192.

³ В. А. Бертенсон, Бессарабская сельскохозяйственная и промышленная выставка, Одесса, 1889, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 3.

что «как и следовало ожидать, отдел полеводства (на сельскохозяйственной и промышленной выставке в Бессарабии. — Ф. Г.) насчитывал наибольшее число экспонатов»¹.

На то, что Молдавия была в основном земледельческой страной, указывали С. Потоцкий², Л. А. Кассо³, Н. В. Лашков⁴ и др. Однако совершенно нельзя согласиться со словами Л. А. Кассо, что «земледельческий быт этой страны мало изменился за два с половиной тысячелетия»⁵. Это не соответствует действительности.

В советской исторической литературе, как уже отмечалось, нет специальных монографических работ, посвященных производительным силам и производственным отношениям в Молдавии XVI—XVII веков. Тем не менее, в ряде научно-популярных работ эти вопросы прямо или косвенно затрагиваются.

Л. С. Берг в своей книге «Бессарабия. Страна — люди — хозяйство»⁶, описывая флору и фауну этого края, обращает внимание на садоводство⁷, говорит о различных сортах рыб, обитавших в водах Молдавии⁸, касается домашнего ремесла⁹, останавливается на различных местных ценных породах овец¹⁰ и т. д. Берг отмечает, что «главное занятие молдаван — сельское хозяйство: им (было. — Ф. Г.) занято 93% всего молдавского населения. Как и естественно, молдаване главной массой живут вне городов»¹¹. Возвращаясь в дальнейшем к своей первоначальной мысли, автор добавляет, что «сельское

¹ В. А. Бертенсон, Бессарабская сельскохозяйственная и промышленная выставка, Одесса, 1889, стр. 7.

² С. Потоцкий, Историко-географический очерк Бессарабской губернии, Ялта, 1902, стр. 36, 50—51.

³ Л. А. Кассо, Византийское право в Бессарабии, М., 1907, стр. 13.

⁴ Н. В. Лашков, Бессарабия к столетию присоединения к России (Географический и историко-статистический обзор состояния края), Кишинев, 1912, стр. 75.

⁵ Л. А. Кассо, указ. соч., стр. 13.

⁶ Л. С. Берг, Бессарабия. Страна—люди—хозяйство, Петроград, 1918.

⁷ Там же, стр. 21.

⁸ Там же, стр. 28.

⁹ Там же, стр. 93.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 100.

хозяйство составляло основу благосостояния местного населения»¹.

Вывод, что земледелие являлось основным занятием трудового населения Молдавии, сделали автор монографии «Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века»², составители «Истории Молдавии»³ и соответствующих разделов «Очерков истории СССР»⁴.

К такому же заключению пришел и авторский коллектив «Истории Румынской Народной Республики»⁵.

Не будем останавливаться на неверных взглядах В. М. Сенкевича и А. Л. Одуда на историю материального производства в феодально-крепостнической Молдавии, так как критика этих взглядов дана в другой нашей работе⁶. Анализ сборника статей «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков»⁷ был нами произведен в специальной рецензии⁸.

В 1951 году вышел первый том обобщающего труда «История Молдавии». Несмотря на то, что в этом труде уделяется должное внимание развитию производительных сил и производственных отношений, ряд вопросов, в нем затронутых, нуждается в серьезном пересмотре, уточнении и требует дополнительного изучения. Необходимо отметить слабое освещение сельскохозяйственной техники феодально-крепостнической Молдавии. Нельзя принять мнение Е. М. Руссева о том, что животноводство в Молдавии в XVI—XVII вв. достигло особого развития в области между Прутом и Днестром (Бессарабия)⁹. Автор упускает из виду, что указан-

¹ Л. С. Берг, указ. соч., стр. 156.

² Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950, стр. 71—77.

³ История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951.

⁴ Очерки истории СССР, IX—XIII вв., ч. I, М., 1953, стр. 711—717; Очерки истории СССР, XIV—XV вв., ч. 2, М., 1953, стр. 631—647.

⁵ Istoria R.P.R., București, 1952.

⁶ См. Ф. А. Грекул, указ. соч., стр. 73.

⁷ Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв., Кишинев, 1950.

⁸ См. Ф. А. Грекул, Рец. на кн. «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв.», Известия АН СССР, Серия истории и философии, т. VIII, № 2, март-апрель, М., 1951, стр. 185—187.

⁹ История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 175.

ная территория подвергалась наиболее разрушительным ударам со стороны турецких поработителей, которые обратили эти земли в свои непосредственные владения; именно южная часть Молдавии была превращена турецкими захватчиками в пустыню. Поэтому говорить об «особом развитии» животноводства в Молдавии XVI—XVII вв., находившейся под турецким игом, не приходится.

Нельзя согласиться с филологом А. Т. Борщем, который считает, что турецкие захватчики и ассимиляторы «заботились» о развитии производительных сил, экономики и культуры Молдавии, о благополучии и преуспевании этого края¹. Что касается цитаты, которую приводит на стр. 15 Борщ для подтверждения своей мысли, то она принадлежит не Марксу и Энгельсу, а Дольнику². Маркс и Энгельс вообще не могли писать о «столетии (1812—1912.—Ф. Г.) пребывания Бессарабии в составе России на протяжении XIX и начала XX века», так как в 1912 году ни Маркса, ни Энгельса уже не было в живых.

Не обосновано также утверждение другого филолога И. К. Вартичана о том, что появление в свет книги митрополита Варлаама «Казания» в 40-е годы XVII в. *«было обусловлено бурным ходом всего предшествующего периода экономического развития, создавшего материальное основание для культурного расцвета»*³ (курсив наш. — Ф. Г.). Феодално-крепостническая Молдавия к моменту выхода в свет книги Варлаама (1643 год) около полутора столетия томилась в турецкой неволе и в этих условиях ход экономического развития был значительно замедлен.

Непонятно, как В. Н. Ермуратский, хорошо знакомый с сельским хозяйством, мог рекомендовать читателю баснословные и фантастические сведения Дмитрия Кантемира об урожайности молдавских полей в качестве ценного исторического источника, характеризующего состояние экономики Молдавии. Он указывает:

¹ А. Т. Борщ, Молдавская лексикография, Кишинев, 1949, стр. 15.

² См. А. Дольник, Бессарабия под властью румынских бояр (1918—1940 гг.), Госполитиздат, 1945, стр. 7.

³ И. К. Вартичан, Язык первой печатной молдавской книги (автореперат), «Ученые записки» Института истории, языка и литературы, т. III, Кишинев, 1950, стр. 227.

«Большой интерес представляют приводимые Кантемиром данные об урожайности культур, произрастающих на полях Молдавии. Говоря об урожаях зерновых, Д. Кантемир пишет, что пшеница *дает сам 24, рожь сам 30, ячмень сам 60, просо сам 300* (курсив наш. — Ф. Г.)... Данные Д. Кантемира о сельском хозяйстве Молдавии, — продолжает автор, — представляют ценный исторический материал о состоянии экономики и производительных сил страны того времени»¹.

Во-первых, средняя урожайность зерновых культур была тогда сам-четыре, сам-пять. Во-вторых, не урожайность полей является в первую очередь мерилем состояния производительных сил той или иной страны, а техника производства. Орудия производства служат не только показателем степени развития производительных сил, но и уровня производственных отношений, при которых осуществляется производство материальных благ, необходимых для существования общества. Как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс: «ручная мельница дает вам общество с сюзереном (феодалом. — Ф. Г.) во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»².

Таковы итоги изучения вопроса о производственной деятельности молдавского народа, о состоянии производительных сил в Молдавии в XVI—XVII веках. Произведенный нами обзор литературы показал, что почти все авторы только попутно и вскользь касались этого вопроса, не производя должного изучения основных орудий труда в их развитии. Многие авторы не учитывали различия почвенно-климатических и конкретно-исторических условий развития разных местностей Молдавского феодального государства и упускали из поля зрения такой отрицательно действующий на состояние производительных сил фактор, как иго турецких поработителей, которое привело страну к экономическому обнищанию. Они часто не принимали во внимание также то, что в южной части Молдавии и в Крыму постоянно находились татарские орды, которые во время своих грабительских набегов, производившихся в глубь Молдавии, и продолжительных постоев в стране разо-

¹ В. Н. Ермуратский, Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира, Кишинев, 1956, стр. 55—56.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 364.

ряли ее экономику, грабили и увозили материальные ценности, вводили в полон непосредственных производителей материальных благ.

Таким образом, вопросы о материальном производстве и о производительных силах Молдавии XVI—XVII веков требуют пристального внимания, во-первых, из-за своей неисследованности, и, во-вторых, из-за необходимости опровергнуть ошибочные утверждения, содержащиеся в исторической литературе.

§ 2. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ КАК ОСНОВНОЕ ЗАНЯТИЕ ТРУДОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ

Население карпато-днестровских областей, заселявшее с древнейших времен плодородные и богатые тучными пастбищами склоны северо-восточной и юго-восточной частей Карпатских гор, а также черноземные долины сравнительно многочисленных больших и малых рек на территории Молдавии — Серета, Прута, Днестра, Дуная и других, — занималось земледелием, животноводством, огородничеством, виноградарством и виноделием, садоводством, пчеловодством, а также охотой, рыболовством, различными промыслами и ремеслом. Ведущей и первостепенной отраслью материального производства, его основой было *земледелие*.

С 1946 года на территории Молдавской ССР плодотворно работает комплексная объединенная археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР, Института археологии АН УССР и Института истории Академии наук МССР. За истекшее время экспедицией были произведены раскопки в районе сел Екимауцы, Алчедар, Лукашевка, Царевка, Пояны и многих других¹. Анализ данных археологических находок свидетельствует о высокой культуре земледелия и ремесла у населения Поднепровья². Во время раскопок были найдены сельскохозяйственные орудия и земледельческий инвентарь (плужные ножи, лемехи, косы,

¹ «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 49, 52, 113.

² Г. Б. Федоров, Итоги работ в области славянской археологии в Молдавии. Тезисы докладов на сессии, посвященной истории материальной культуры на территории Молдавии, Москва—Кишинев, 1953, стр. 6—8.

серпы, жернова для размола зерна), а также топоры, напильники, молотки, кузнечные клещи, тигли для плавки металла, пробойники, в рукоятках которых имеется по два отверстия, волочила для изготовления медной проволоки, наковальни, прямые и с изгибом ножи. по-видимому, для чистки виноградных лоз, рыболовные и охотничьи орудия. Особое значение для изучения сельского хозяйства и ремесленного производства в Молдавии XVI—XVII вв. имеют археологические раскопки «Старого Орхей»¹.

Находки злаков и бобовых растений говорят о том, что основную пищу трудового населения Поднепровья составляли, по крайней мере в урожайные годы, пшеница нескольких сортов, просо, рожь, овес, ячмень, горох, фасоль и пр.

Письменные источники полностью подтверждают археологические данные и целиком согласуются с ними.

К началу XVI в. Молдавия достигла значительного экономического развития². После покорения страны Османской империей трудовое население продолжало заниматься сельским хозяйством, главным образом земледелием. Но экономическая мощь и политическая сила Молдавского государства были подавлены турецкими захватчиками, и, начиная с XVI века, Молдавия вступила в полосу застоя, а затем — экономического и политического упадка. С этого времени в истории молдавского народа наступает более чем 300-летний период владычества турецких поработителей. Исследуя производительные силы и производственные отношения Молдавии XVI—XVII веков, следует помнить, что мы имеем дело со страной, которая находилась под ином. игом.

Ф. Энгельс в своем письме от 27 октября 1890 года к К. Шмидту, говоря о важной роли надстройки, писал: «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении, — тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития...; или она может ставить экономическому раз-

¹ Г. Д. Смирнов, Археологические исследования «Старого Орхей», стр. 12—13.

² См. Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950, стр. 157.

витию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях... Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Но ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может породить растрату сил и материала в массовом количестве.

Кроме того, имеются еще случаи завоевания и грубого уничтожения экономических ресурсов, в силу чего прежде при известных обстоятельствах могло гибнуть целиком все экономическое развитие данной местности...»¹

Несмотря на то, что Османская Порта не затронула существа производственных отношений, сложившихся до турецкого завоевания, и несмотря на то, что Молдавское государство пользовалось известной автономией, в истории Молдавии XVI—XVIII веков можно наблюдать сочетание «грубого уничтожения экономических ресурсов» с отрицательным действием политической власти на экономику страны. Но экономическое развитие все же прокладывало себе путь помимо воли и желаний турецких поработителей и их ставленников — молдавских господарей. Объективные экономические законы проявляли свое действие независимо от тех преград, которые возникали в результате политики турецких и молдавских феодалов. Материальное производство поддерживалось усилиями непосредственных производителей материальных и культурных благ деревни и города, заинтересованных в труде.

К. Маркс, говоря о британском владычестве в Индии и его отрицательной роли для экономического развития страны, писал в 1853 году: «Здесь урожай так же зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе от хорошей или дурной погоды»; «земледелие приходит в упадок при одном правительстве и снова возрождается при каком-либо другом»².

Аналогичные явления можно наблюдать и в истории Молдавии XVI—XVIII веков. Например, молдавский летописец XVII столетия М. Костин, сравнивая правление

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 473.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 306.

молдавских господарей с капризной погодой, писал: «Подобно тому как живые цветы, листья деревьев и весь земной зеленый растительный покров вянут и цепенеют от холода безвременно покрывшего их инея, а затем, обогретые теплыми лучами солнца, снова приходят в себя, оживают и принимают свою первоначальную свежесть и красоту, так и страна приходит в упадок при одном господаре и снова оживает и приходит в себя при каком-либо другом... Милосердие правителей может способствовать налаживанию хозяйства страны; немилосердие и жадность к личной наживе разоряют страну»¹. Но поскольку в Молдавии, зависимой от султанской военно-феодальной Турции, уже со второй половины XVI столетия господарский трон стал предметом купли и продажи и его, как правило, занимали хищные и алчные господа — ставленники Оттоманской Порты, земледелие здесь, придя в упадок при одном эфемерном господаре, не могло возродиться и развиваться при другом. Все господа, как метко выразился молдавский летописец XVI века Азарий, были сходны «нравом и делом»².

О том, что Молдавия XVI—XVII веков являлась сельскохозяйственной страной, а основным занятием непосредственных производителей материальных благ было земледелие, говорит ряд данных.

Весьма интересно в этом отношении ознакомиться с функциями ряда должностных лиц при дворе молдавского господаря.

Верховный сановник, глава господарской канцелярии, «великий логофет», кроме всех порученных ему важных государственных дел, занимался и размежеванием *пашен*³.

Другой сановник при господарском дворе, «великий чашник», был ответственным за напитки, предназначавшиеся для господаря. Кроме того, как сообщает Д. Кантемир, под его присмотром находились «все виноградные

¹ *Miron Costin, Letopisețul Țăriei Moldovei, București, 1958, p. 93.*

² *А. И. Яцимирский, Славяно-молдавская летопись монаха Азария, Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. VIII, кн. 4, СПб., 1909, стр. 68.*

³ *Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 203.*

княжеские сады»¹. Из слов Д. Кантемира и из сведений других источников видно, что функции великого чашника, так же как и его заместителей, в основном заключались в наблюдении за виноградарством и виноделием. Этот сановник, облеченный большой государственной властью, не разрешал никому из крестьян и горожан собирать в стране виноград ранее 14 сентября и пока они не уплатят ему соответствующий выкуп.

«Великий сулджар, или надзиратель над мясниками», наблюдал за убоем скота «для княжеского стола»². «Великий житничар» осуществлял надзор за сбором хлеба на нужды господаря и его доставкой в казенные амбары³. «Великий питар», — говорит Кантемир, — «поставлен над пекарями и примечает, чтоб мука была приготовлена, и ежедневно как для князя, так и для прочих, коим даются дневные участки (дневной рацион, паек. — Ф. Г.), следит, чтоб свежий хлеб печен был»⁴. «Великий ключар, или ключник», ведал «всеми запасными княжескими кладовыми, в коих хранятся овощи, масло коровье, мед, сыр, соль...»⁵ и т. д. Великому ключару, — по словам Кантемира, — «в доходе (в порядке кормления. — Ф. Г.) определена... от князей десятая овца из заводов, кои имеют молдавские мужики в горах»⁶.

«Второй канцлер» в случае занятости «великого канцлера» надзирал за размежеванием границ, пашен и деревень⁷. «Камарассул (точнее — камарашул. — Ф. Г.) де житница» заведывал хлебными запасами, находившимися в господарских амбарах⁸. «Пагарники» (второй и третий) наблюдали за господарскими виноградниками.

«Купар» — это погребщик, лицо, ведавшее дворцовыми погребами⁹. «Пуничар» — «надзиратель над погребными служителями..., все бочары и другие люди, работающие в винных погребах, находятся в его повелении...»¹⁰

¹ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 198—199.

² Там же, стр. 202.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 203.

⁵ Там же, стр. 201.

⁶ Там же, стр. 202.

⁷ Там же, стр. 203.

⁸ Там же, стр. 211.

⁹ Там же, стр. 215.

¹⁰ Там же, стр. 216—217.

Наконец, термином «камарассул де дулчечи» (правильнее — камарашул де дулчече. — Ф. Г.) обозначался придворный кондитер¹.

Таким образом, из рассмотренных выше тринадцати должностей при молдавском господарском дворе, связанных с сельскохозяйственным производством, одна должность — великого сулджара — имела отношение к животноводству; пять других — великого пагарника, или чашника, второго и третьего чашников, купара и пуничара — к виноградарству и виноделению; наконец, семь должностных лиц — великий логофет, великий житничар, великий питар, второй логофет, или второй канцлер, камараш житницы, великий ключар и придворный кондитер, или камараш сладостей (т. е. более половины дворцовых чинов), ведали вопросами, имеющими непосредственную связь с земледелием.

В актовом материале и в других письменных источниках постоянно встречаются термины, относящиеся к сельскому хозяйству: «жито»², «житница»³, «гуменник»⁴, «житничар»⁵, «нива»⁶, «нивы»⁷, «поле»⁸, «поля»⁹ (по-мол-

¹ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 216.

² I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 159.

³ Там же, т. 2, стр. 461; А. И. Яцимирский, Из истории славянской проповеди в Молдавии (Неизвестные произведения Григория Цамблака. Подражения ему и переводы монаха Гавриила), Тексты, 1906, стр. 62.

⁴ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 136, 458, 459, 461; t. II, p. 135; Surete și izvoade t. XIX, p. 35—36; M. Costăchescu, Documente moldovenesti din județul Neamț, Arhiva Românească, t. IV—V, București, 1940, p. 316; Surete și izvoade, t. XIX, p. 182, 201, 202; Д. Кантемир, указ. соч., стр. 202, 211; E. Picot, Op. cit., p. 40; M. Costăchescu, Op. cit., p. 336.

⁵ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, p. 228, 356; t. II, p. 63, 67, 599; Surete și izvoade, t. III, p. 7.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ЦГА МССР, фонд 220, опись 7, док. 56; Surete și izvoade, t. III, p. 161, 162, 163, 181; t. IV, p. 217; t. XVIII, p. 136; M. Costăchescu, Documente moldovenesti din județul Neamț, Arhiva Românească, t. IV—V, București, 1940, p. 330; П. Алеппский, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, вып. I, М., 1896, стр. 102; Д. Кантемир, указ. соч., стр. 64—65.

⁹ Там же, стр. 56.

давски «кымпий»¹), «царина»², «старая царина и весь хотар»³, «новая царина»⁴, «пивничар»⁵, «пивница»⁶, «питар»⁷, «брашно»⁸, «монастырское брашно»⁹, «дым», «дом»¹⁰, «земляне»¹¹, «царане»¹² и т. д.

Каждый из этих терминов был широко распространен в народе, имея одно или несколько значений. Так, например, слово «жито» означало хлеб в зерне или на корню. Даже теперь в народной разговорной речи на севере житом называют ячмень, на юге — рожь, на востоке — всякий яровой хлеб. Термин «житница» имел два значения: 1) амбар, хлебохранилище и 2) богатая хлебородная страна, снабжающая земледельческими продуктами, прежде всего зерновым хлебом, другие местности. «Разорять житницу» означало разрушать, разорять амбар, хлебохранилище. «Гуменник», или, по более поздней терминологии, «житничар», — это лицо, ведавшее дворцовыми гумнами-токами, руководившее сбором хлеба с податного населения страны и несшее ответственность за то, чтобы весь собранный зерновой хлеб, в том числе из княжеских вотчин-имений, был доставлен своевременно в государственные и княжеские амбары и находился в «полной сохранности». «Нивой» называлось засеянное или обрабатываемое поле, пашня, в переводе на молдавский язык «кымп» или «царинэ». «Старая царина» и «новая царина» — это старая и новая пашня. Слово «пивничар» имело два значения: 1) пивовар, специалист по производству пива, несомненно, из хлебных злаков и 2) заведующий винными погребами. Термином «питар» обозначался пекарь, булочник (от древнемолдавского слова «питэ» — хлеб), а кроме того, боярин, ведавший всеми придворными пекарями и бу-

1 E. Picot, Op. cit., p. 14, 522.

2 В. А. Уляницкий, указ. соч., стр. 61; Surete și izvoade, t. III, p. 80; t. IV, p. 227.

3 В. А. Уляницкий, указ. соч., стр. 61.

4 Там же.

5 M. Costăchescu, Op. cit., p. 316.

6 Surete și izvoade, t. IV, p. 9.

7 Там же, т. XXI, стр. 19; Д. Кантемир, указ. соч., стр. 203.

8 Там же, стр. 237.

9 Там же.

10 Там же, стр. 270.

11 I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 231.

12 «Правила», стр. 5.

лочниками. Слово «брашно» («монастырское брашно») употреблялось в трех смыслах: 1) кушанье, преимущественно мучное, пища; 2) мука и 3) печеный хлеб. «Дым», или «дом», — это жилой дом, очаг, оседлое индивидуальное крестьянское хозяйство, самостоятельная хозяйственная единица, подлежащая податному обложению¹.

Во всех исторических источниках, в которых перечисляется движимое и недвижимое имущество феодалов или крестьян, как правило, земля, пашня, нива, поле выступают на первом плане, а затем уже называются сенокосы и остальные угодья². Крупная, средняя или мелкая феодальная вотчина, незначительный участок земли крестьянина-общинника резеша, жребий или надел крепостного крестьянина землянина-царанина, или соседа-вечина, немыслимы (как свидетельствуют источники) без пахотного поля. Все это говорит о том, что земля являлась основным богатством страны, а главным занятием трудового населения Молдавии было земледелие.

Социальный термин «земляне», или «царане», употреблялся для обозначения земледельцев, рядовых простых людей, тружеников-пахарей, которые составляли основную массу населения сельскохозяйственной страны.

Молдавские крестьяне-земляне, т. е. земледельцы, соответствовали сербским крестьянам — «людям-землянам», которые неоднократно фигурируют в памятнике законодательства Стефана Душана.

В жалованной несудимой грамоте от 30 августа 1479 года, между прочим, говорится: «И тиж наши слуги перерубци (слуги господаря, которые силой го-

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 270.

² «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—177; *Surete și izvoade*, t. IV, p. 12, 131—132, 133, 293—294, 303, 304; t. V, p. 1, 16, 53, 69, 101; t. VIII, p. 1, 9, 96, 154, 334; t. XXV, p. 7, 15; *Ispisoace și zapise*, t. III, par. 1, p. 16—17, 27, 61, 111; t. III, par. 2, p. 99, 100; Aurel V. Sava, *Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei*, București, 1937, p. 111; *Uricarul*, t. XVII, p. 23; *Revista Societății Istorico-Arheologice Bisericești din Chișinău*, vol. XX, Chișinău, 1930, pp. 140, 141, 160, 167; L. T. Boga, *Documente basarabene*, Chișinău, 1929, t. VII, p. 36; t. XVIII, p. 15; T. Balan, *Documente bucovinene*, vol. I, Cernăuți, 1933, p. 241—242; t. II, p. 152.

сударственной власти заставляли крепостное и зависимое население работать на феодалов.— Ф. Г.) аби не гонили тоти люди от Коцмани (монастырь. —Ф. Г.) ни на город, ни на млины, ни на наше дворове, с иними *земляне*»¹ (курсив наш. — Ф. Г.). Люди «земляне» — это крестьяне феодально-крепостнической Молдавии. В местных источниках, написанных на молдавском языке, те же крестьяне выступают под именем «царане» (от латинского слова *terra*, что означает в переводе на русский язык «земля»). Таким образом, само название молдавского крестьянина — «царанин» говорит о том, что он был связан с землей, являлся ее возделывателем, земледельцем, указывает на его трудовую деятельность. Вышеприведенный отрывок из молдавской грамоты, вышедшей из господарской канцелярии и написанной на славянском языке, свидетельствует о том, что русский термин «*земляне*» целиком и полностью соответствует молдавскому — «царане».

Некоторые венгерские и трансильванские правители имели информаторов, которые докладывали им о движениях турецких войск, а также о положении дел в Молдавии. Так, например, некий Стефан Пецкий в своем сообщении от 24 октября 1636 года докладывал венгерским властям: «...*В настоящее время молдавский и валахский народы, т. е. народы обоих княжеств, находятся дома; они пахут и сеют...*»² (курсив наш. — Ф. Г.). Отсюда видно, что молдавский народ являлся земледельческим и в октябре был занят работами на осенней вспашке и осеннем севе.

На то, что Молдавия в XVI—XVII веках являлась типичной сельскохозяйственной, преимущественно земледельческой, страной, указывает также мера, употреблявшаяся светскими и духовными сановниками-землевладельцами, при взимании феодальной ренты продуктами с податного населения. Мерой сыпучих тел вообще и зерновых хлебов в особенности, а также некоторых фуражных кормов, поставляемых феодалу

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 231.

² E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 2, p. 1027.

в виде оброка, являлась «колода»¹. По своей емкости она была довольно значительной, равняясь четырем большим ведрам, а весила 532 польских фунта². Феодальная земельная рента взималась землевладельцами со всего, производящегося в крепостном крестьянском хозяйстве, и прежде всего со всех зерновых культур, которые фигурируют в источниках на первом месте в ряду других сельскохозяйственных поставок в пользу феодалов³. Это также свидетельствует, что основным занятием крестьян-царан, или соседей-вечин было земледелие.

По словам польского историка и государственного деятеля XVI столетия Л. Горецкого, Молдавия «особенно изобиловала ячменем и пшеницею»⁴.

Французский путешественник Ф. Авриль, побывавший в Молдавии в XVII в. проездом в Русское государство, вынужден был констатировать, что в Молдавии имелись обширные поля, обильно орошаемые многочисленными большими и малыми реками. Эти поля принесли бы жителям страны высокие урожаи, если бы этому не препятствовали турецкое владычество, разорительные походы турецких и татарских войск⁵.

Другой путешественник-очевидец, антиохийский архидьякон Павел Алеппский, сопровождавший в Россию патриарха Макария и дважды посетивший Молдавию в 50-х годах XVII века, писал, что «поле, засеянное пшеницей... в этих странах бывает... выше человеческого роста»⁶. Характеристика, данная П. Алеппским молдавским полям, в основном относится к владениям светских и духовных феодалов.

Сравнительно много данных о сельском хозяйстве Молдавии, о ее производительных силах оставил

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 140, 142, 143; Documente privind istoria României, Veacul XVI, A. Moldova (1551—1570), t. II, Ed. Acad. Rep. Pop. Rom., 1951, p. 174, 180, 181; t. III (1571—1590), 1951, p. 40.

² I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 598.

³ Uricarul, t. I, Ed. 2, p. 132.

⁴ «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. I, (XVI ст.), Киев, 1890, стр. 95.

⁵ Papiu Ilarian, Tezauri de monumente istorice, t. I, București, 1863, p. 143.

⁶ Павел Алеппский, указ. соч., стр. 102.

Дмитрий Кантемир. Он отмечает, что основные жители феодальной Молдавии являлись «земледельцами»¹. Они «пашут»², «сеют»³, «жнут»⁴, а сами впроголодь живут, добывая «хлеб в поте лица своего»⁵.

По словам Дмитрия Кантемира, крепостные крестьяне — земляне-царане, или соседи-вечины, были так угнетены⁶, что им едва хватало времени для «промышления себе хлеба»⁷. Поэтому «молдавских мужиков (крестьян. — Ф. Г.)... можно бы почестъ за беднейших людей во всей подсолнечной...»⁸. Если к тому же случались неурожаи, которые в то время повторялись довольно часто, или сельскохозяйственным работам мешали вторжения турецко-татарских орд, то положение трудового народа еще более ухудшалось, крестьянам и городской бедноте угрожала прямая «опасность помереть с голоду»⁹.

Д. Кантемир коснулся и географической среды, природно-климатических условий Молдавии, остановился на качестве почвы и на урожайности. Он указывал, что «поля молдавские, у древних и новейших писателей славные по своему плодородию, далеко превосходили сокровища гор... Посевы на горах, для холодного воздуха неудобные к насаждению, на ровных полях растут в таком изобилии, что в плодоносные годы воздают делателям семена пшеницы в двадцать четыре раза, рожь в тридцать мер; ячмень шестидесятикратно, просо же не искусившемуся в его роде почти не вероятно тресторичною мерою. К овсу Молдавия, — говорит автор, — уже совсем не та плодородительница, какова на другие севы, но он и не толь употребителен: ибо на место его кормят лошадей ячменем. Просо в верхней Молдавии очень хорошо (от чего земляки наши имеют пословицу: просо в нижней, и яблоки в

1 Д. Кантемир, указ. соч., стр. 8, 245, 288, 304, 304—305, 307.

2 Там же, стр. 245.

3 Там же, стр. 307.

4 Там же.

5 Там же, стр. 323.

6 Там же.

7 Там же, стр. 245.

8 Там же, стр. 307.

9 Там же.

верхней Молдавии шелухи не имеют)»¹. В другом месте Кантемир пишет: «Поля... приносят на себе в изобилии те посевы, коих возрастанию холодный горный воздух горной части препятствует»².

Автор правильно отмечает, что в Молдавии имелись все природные возможности для производства различных сортов хлебных злаков и других сельскохозяйственных культур. Важно также указание на то, что качество почвы и климатические условия для ведения земледелия в пределах Молдавии не были везде одинаковы. Однако совершенно нельзя положиться на баснословные и фантастические утверждения автора о высокой урожайности молдавских полей, о том, что природа так щедро вознаграждала труд земледельца при низком уровне развития производительных сил и примитивности сельскохозяйственной техники. Эти данные Д. Кантемира не могут быть отнесены не только к крестьянским карликовым наделам, но и к самым передовым и крупным феодальным имениям.

Из источников видно, какие страшные бедствия постигали трудящихся в неурожайные и засушливые годы, какие лишения приходилось переживать бедному люду, когда засуха выжигала маленькие участки крестьянских наделов и голод уносил сотни и тысячи человеческих жизней, а оставшихся в живых зима застигала без припасов, в то время как в ямах и закромах феодалов гнила пшеница и они наживались на народном горе.

Нередко на Молдавию обрушивались и другие стихийные бедствия: саранча, беспрерывные ливни во время жатвы, мешавшие крестьянам своевременно убирать хлеб, а также град, заморозки, чума и т. д. От всего этого страдали трудящиеся массы страны.

Интересно в этом отношении, хотя скупое и сдержанное, но тем не менее весьма выразительное описание положения в стране молдавским летописцем первой половины XVII века Григорием Уреке. «В 1585 году, в дни правления Петра Воеводы, — говорит Уреке, — страна была поражена страшной засухой, настолько ужасной, что повысыхали все источники, долины рек и водоемы, озера и лужи, и там, где раньше

¹ Д. Кантемир, указ соч., стр. 64—65.

² Там же, стр. 56.

ловили рыбу, теперь стали пахать *плугом* (курсив наш. — Ф. Г.), к тому же во многих местах выпал град. Деревья высохли от недостатка влаги и несслыханной засухи; скот совершенно остался без корма, так как засуха выжгла всю растительность, и люди вынуждены были в летнее время срывать с деревьев листья, кормить скот и таким образом поддерживать животноводство. Из-за отсутствия в течение продолжительного времени дождей, было столько пыли, что под заборами стояли целые кучи песка, навешенные ветром, подобно снежным сугробам. К осени пошли проливные дожди, вырос щетинник («мохор») и этим-то щетинником-травой беднота утоляла голод. Повсюду и везде разразился страшный голод»¹.

В другом положении находились светские и духовные феодалы. Они располагали лучшими землями и передовой по тому времени сельскохозяйственной техникой, они имели возможность удобрять свои поля и производить другие улучшения. Так, например, светский феодал Дмитрий Бухуш владел 14 обширными селами-вотчинами, разбросанными в 8 волостях Молдавии, 22 участками в разных вотчинах, полями; пашнями, лугами, сенокосами, 3 крупными виноградниками, 10 прудами и местами, удобными для устройства прудов, садами, пасеками, значительным числом мельниц (более 16) и местами, где имелись соответствующие условия для их постройки², лесопильнями, суковальнями, паронами и пр.

Подтвердительная грамота от 16 апреля 1617 года свидетельствует о том, что крупнейший светский сазоновник Нестор Уреке обладал значительным хозяйством, в котором выращивались хлебные злаки и разводились большие стада крупного и мелкого рогатого скота. Нестору Уреке принадлежало в 19 волостях Молдавии 52 села-вотчины, 45 участков в селах, 17 мельниц, поля, луга, пасеки, 6 прудов, примерно 67 га виноградников и т. п.³.

Можно отметить также крупные феодальные зерновые и животноводческие хозяйства таких, например, землевладельцев (светских и духовных), как Думши,

¹ E. Picot, Op. cit., p. 548—550.

² Surete și izvoade, t. II, p. 114—116.

³ Там же, p. 168—173.

Хуру, Скринка, Данчул, Личул, Крачун, Тоадер, Михул, Матьяш, Попескул, Драксин¹, Петр Кракович, Стурза, Могила, Шандря², Петр Вартик, Юрий Дан, Трифхамза³, Строич⁴, Думитраки⁵, Гавриил⁶, Кирня Думитраки⁷, Константин Рошка⁸, Гаврилаш⁹, Княгиня Василия Вартика¹⁰, Николай Уреке¹¹, Балан¹², Силион¹³, Феодосий¹⁴, Евстратий¹⁵, Карп Лунгул¹⁶, казначей Йорга¹⁷ и др. Они, подобно многим другим землевладельцам, выращивали крестьянским трудом хлеб и разводили большое количество скота не только для удовлетворения потребительских нужд феодальной вотчины, но и для продажи на внутреннем и частично на внешнем рынках.

От светских и духовных сановников не отставали и церковно-монастырские корпорации. Они также располагали большими хозяйствами, в которых имело место многоотраслевое производство.

Молдавский монастырь Галата являлся новым духовным учреждением по сравнению с другими монастырями Молдавии (Бистрицким, Путнянским, Нямецким и др.). Он был основан в 60—70-х годах XVI века, а спустя 15—20 лет уже располагал рядом земельных владений. Феодальное хозяйство монастыря Галата стало одним из образцовых крепостнических хозяйств. Для этого хозяйства характерно не только наличие пашен, садов, виноградников, разнообразного племенного и обыкновенного скота. Там выращивались даже цитрусовые и другие редкие и почти не извест-

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 5.

² Там же, док. 8.

³ Там же, док. 8.

⁴ Там же, оп. 1, док. 12.

⁵ Там же, оп. 4, док. 2.

⁶ Там же, оп. 7, док. 19.

⁷ Там же, док. 52.

⁸ Там же, док. 58.

⁹ Там же, док. 77.

¹⁰ Там же, док. 78.

¹¹ Там же, док. 87.

¹² Там же, док. 88.

¹³ Там же, оп. 1, док. 3.

¹⁴ Там же, док. 11.

¹⁵ Там же, док. 13.

¹⁶ *Surete și izvoade*, t. IV, p. 242.

¹⁷ Там же.

ные тогда в Молдавии деревья. Этот монастырь неоднократно посещали иностранные путешественники. В середине XVII века в монастыре Галата побывали антиохийский архидьякон Павел Алеппский и католический епископ Марк Бандини.

В описи монастырского хозяйства Галата, составленной 25 ноября 1588 года, говорится, что этот монастырь владел 17 вотчинами-селами, пашнями, сенокосами, лугами, виноградниками (22,5 га). Опись отмечает во владениях монастыря 8 стогов пшеницы, 3 стога ржи, 4 стога ячменя, 5 стогов овса, 2 стога проса, 3 стога гороха, 3 стога гречихи, один стог бобовых культур, 300 «миерц»¹ ржи, 80 «миерц» пшеницы, 21 «миерцу» слада и 21 мельницу². На развитие в монастырских имениях животноводства указывает наличие 1230 овец, 192 голов крупного рогатого племенного и простого скота, 108 лошадей, 140 свиней, 238 стогов сена³. О развитии виноградарства, виноделия и пчеловодства говорит наличие 40 бочек вина и 584 ульев. Монастырь владел 19 семействами холопов⁴, а также крепостными крестьянами, которые имели свои индивидуальные хозяйства.

Анализ описи монастырского хозяйства говорит о многом. Прежде всего, опись свидетельствует, что оно было многоотраслевым, но с явным преобладанием земледелия. На эту сторону хозяйственной деятельности монастыря Галата указывает значительное количество разбросанных в разных местах сел-вотчин, в которых даже в ноябре месяце находились десятки скирд различных хлебных злаков и бобовых культур, а также наличие в монастырском хозяйстве 52 плугов, служащих для возделывания и разрыхления почвы.

В 17 монастырских селах выращивались следующие хлебные и бобовые культуры: пшеница (несколь-

¹ Миерца — старая мера емкости в Молдавии.

² Наличие в стране большого количества мельниц, служивших для размолва зерна, также говорит о том, что Молдавия была земледельческой, а не скотоводческой страной.

³ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 407—410.

⁴ Там же.

ко сортов), рожь, ячмень, овес, гречиха, фасоль, горох и пр.

Хозяйство монастыря Галата не являлось исключением. На территории Молдавии к концу XVII в. насчитывалось до 100 монастырских корпораций, каждая из которых располагала обширными земельными владениями. Господарские вотчины, в которых выращивали сельскохозяйственные культуры, разводились виноградники, имелся скот, находились многочисленные пасеки и мельницы и на которых работало трудовое население, были рассеяны в разных частях страны. Однако основные домены господарей Молдавии концентрировались вокруг городов Сучава, Путна, Васлуй, Котнары, Нямец, Яссы и т. д.

В силу господства натурального хозяйства каждая феодальная вотчина в рассматриваемое время представляла собой самодовлеющее замкнутое владение, находящееся в очень слабой экономической и политической связи с остальным миром. При наличии особенностей, которые вызывались различиями в размерах или местоположении, каждое феодальное хозяйство, вне зависимости от того, кому оно принадлежало, имело общие характерные признаки. Центром его было село с господским двором, состоявшим из жилых и хозяйственных построек. Общий размер села XVI—XVII веков был в основном незначительным, но к нему прилегали обширные угодья: пашни, сенные покосы, луга, пастбища и т. д.

Господарское хозяйство строилось на тех же основаниях, что и боярское или монастырское, и отличалось от последних, главным образом, лишь размерами.

Переходим к вопросу о сельскохозяйственных культурах.

Из оброчной рядной грамоты от 25 июня 1669 года так же, как и из других источников, мы узнаем, какие хлебные злаки и другие культуры выращивались на отведенной крепостным и зависимым крестьянам земле.

В этом документе говорится, что все живущие на земле феодала крестьяне должны поставлять ему в качестве оброка определенное количество «пшеницы, сыржицы (смесь пшеницы и ржи. — Ф. Г.), ...ржи, ячменя,

проса и другого хлеба; овощей, гороха, чечевицы; продуктов садоводства»¹.

В жалованной грамоте от 13 июля 1659 года, кроме пшеницы, ржи, ячменя и других земледельческих культур, названы гречиха и овес².

Таким образом, из упомянутых источников видно, что в Молдавии в XVI—XVII веках разводились следующие зерновые и бобовые культуры: пшеница (несколько сортов), смесь пшеницы и ржи («сыржица»), рожь, ячмень, овес, гречиха, просо, горох, чечевица и т. д. На основе других источников круг хлебных растений и бобовых культур можно значительно расширить. Из технических культур выращивались лен и конопля³.

В указанных грамотах не фигурирует пропазная сельскохозяйственная хлебная культура — кукуруза, которая, по-видимому, тогда еще не имела широкого распространения в Молдавии. Кукуруза выступает в молдавских источниках под собственным названием с 80-х годов XVII в., и с этого момента «мамалыга» из кукурузной муки становится повседневной пищей молдавского крестьянства и городской бедноты, наряду с овощами, фасолью, горохом. Если крестьянская семья имела мамалыгу, овощи и бобы в достаточном количестве для удовлетворения своих нужд, то она считалась обеспеченной, так как значительная часть крепостных крестьян, как правило, жила впроголодь.

Распространенной формулой оброчных, рядных, тарханных и других грамот является следующая: «Мы, господарь земли Молдавской, дали сию моего господарства грамоту (указывается, как правило, светский или духовный феодал, на имя которого адресована грамота. — Ф. Г.), дабы они по ней имели *право и власть* *взимать со всего хлеба и сена и со всяких овощей и с льна и конопли и со всех приходов* с села, кто бы ни *вспахал* из *вечинов* (крепостные крестьяне «вечины» — соседи. Курсив наш. — Ф. Г.)», «вспашет

¹ Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 111.

² Teodor Balan, Documente bucovinene, t. II, Cernăuți, 1934, p. 162.

³ «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175.

царини ли, — со всех взимали бы [оброк]»¹. Так гос-подарская власть защищала специальными грамотами права светских и духовных феодалов. Приведенная формула показывает, что основную массу сельского населения составляли крепостные земляне-царане, или соседи-вечины, работавшие на феодалов.

Само собою разумеется, земледелие, так же как и животноводство, о котором речь будет идти ниже, не было в одинаковой степени развито на всей территории Молдавского государства. Если в большинстве волостей Молдавии преобладало пашенное земледелие, то в горной части страны, а также на юге, главным образом в Буджаке, наибольшее развитие получило животноводство. Об этом говорят как реестр поголовья скота по отдельным волостям Молдавии, так и другие данные².

У нас немного данных о земледельческих орудиях. Уреке свидетельствует, что одним из основных сельскохозяйственных орудий был плуг³. Об этом же говорит «Уложение» 1646 года. Например, в его заголовке читаем: «Правила, подобранные, составленные, учрежденные и изданные для всех земледельцев, а именно: для плугарей-пахарей, виноградарей, наймитов («наймит» — слуга, холоп, работник. — Ф. Г.), пастухов, указывающие всем им одновременно и каждому в отдельности своего судью и устанавливающие наказания персонально по заслугам, в случае если кто-либо из них несправедливым путем будет заниматься земледелием»⁴.

¹ «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175.

² Documente privind istoria României, vol. IV (1591—1600), București, 1952, p. 19—26.

³ E. Picot, Op. cit., p. 548—550.

⁴ G. A. Sion, Pravile tocmite alease și scoase pentru toți lucrătorii pământului, anume; pentru plugari, pentru lucrătorii vielor, pentru naimiți și pentru păstori, arătând împreună tuturor guidețul și certarea ce li se va da fieșicăruia după deala sa, carii vor înbla cu nedreptate pentru plugari. Carte românească de învățătură de la Pravilele înpărătești și de la alte guidețe cu zisa și toată cheltuiala a lui Vasilie Voevodul și domnul Țarei Moldovei, din multe scripturi tălmăcit, din limba ilenescă în limba românească, în tipariul domnesc s'au tipărit, în mănăstirea a Trei-Svetitele, în Iași, de la Hristos 1646. Editor: Cheorghe A. Sion (далее — «Правила»). Botoșani, 1875, стр. 3.

Слово «плугар», неоднократно фигурирующее в «Уложении», означает пахарь, земледелец и происходит от названия земледельческого орудия — плуга. Термин этот нередко выступает как синоним слова «царанин» (общее название основных земледельцев Молдавии, крестьян-пахарей).

Сельскохозяйственный инвентарь представлял большую ценность. «Уложение» говорит: «Если кто-нибудь похитит плуг или лемех от него (рало, плужное железо), а также ярмо, и поймают его, то он обязан по числу дней, считая со дня хищения по день ареста, заплатить хозяину по 12 аспри, что равняется 2 серебряным патроникам или стоимости рабочего дня»¹. «Того, кто подожжет гумно, стога хлеба и сена из чувства мести и с целью, чтобы отомстить своему врагу, сжечь на костре»².

Не случайно, плуг с железной режущей частью, как одно из основных видов орудий земледельческого труда, упоминается в «Уложении» 1646 г. Очевидно, он занимал ведущее место в сельскохозяйственном производстве.

Из деловых, или межевых, грамот от 10 октября 1637, 1642 годов и 20 декабря 1644 года³ узнаем, что крестьяне молдавских сел Кривешты и Петришканы начали захватывать земли феодала Дм. Бухуша, бывшего господарского казначея. Крестьяне переставили межевые знаки, а затем перепахали межу плугами. Источник говорит: «вторглись петришканцы (т. е. крестьяне с. Петришканы. — Ф. Г.) с плугами (курсив наш. — Ф. Г.), испортили и перепахали господскую межу, и там, где была ранее оставлена в качестве межевого знака целина (как здесь в стране обычно и принято, для того чтобы видеть и узнавать межу), все межи перепахали плугами петришканцы»⁴. Боярин Дм. Бухуш обратился с жалобой к великокняжеской власти. Молдавский господарь Василий Лупу приказал своим слугам отправиться на место происшествия с тем, чтобы установить, кто именно перепахал межу.

¹ «Правила», стр. 2.

² Там же, стр. 8.

³ Surete și izvoade, t. III, p. 244, 246, 251.

⁴ Там же, стр. 251.

Из названных документов можно заключить, что крестьяне сел Петришканы и Кривешты занимались в основном земледелием, а их главным земледельческим орудием для вспашки земли являлся плуг. Вывод о том, что земледелие являлось главным занятием трудового населения страны, а плуг служил основным орудием для вспашки почвы, подтверждается и другими документами (1592¹, 1595², 1597³, 1606⁴, 1610⁵, 1612⁶, 1613⁷, 1619⁸, 1620⁹, 1622¹⁰, 1624¹¹ и 1647¹² годов).

Из «Уложения» 1646 года, так же как и из других источников, видно, что плуг состоял, как правило, из двух основных частей: деревянного корпуса, или остова, который собственно и назывался «плугом», и «плужного железа», т. е. железного лемеха. Плуги были разной величины. При их изготовлении принималось во внимание количество и качество рабочего скота. Итальянец А. М. Гратиани (XVI век) отмечает, что в Молдавии впрягали в плуг до 6 пар волов¹³. По данным XIX в., богатые люди впрягали в плуг для поднятия нови 4 или 5 пар волов, а для распашки рыхлой земли — 3 пары волов. Пахали плугом два или три работника (один — управляющий плугом и погонщики, обыкновенно мальчишки)¹⁴. Бедные крестьяне, испытывавшие недостаток в рабочем скоте, не имели возможности впрягать в плуг по столько пар волов, они пахали мелко, истощая и засоряя почву.

Молдавский летописец Н. Костин свидетельствует, что в связи с введением в конце XVII века новых обременительных налогов на крестьянские хозяйства вообще

¹ Documente privind istoria României, vol. IV (1591—1600), București, 1952, p. 45.

² Там же, стр. 124—125.

³ Там же, стр. 164.

⁴ Documente privind istoria României, vol. II (1606—1610), București, 1953, p. 20—21, 301, 305.

⁵ Там же, стр. 307.

⁶ Там же, т. III, стр. 71.

⁷ Там же, стр. 133.

⁸ Там же, т. IV, стр. 393.

⁹ Там же, стр. 483.

¹⁰ Там же, т. V, стр. 99—100, 128—129.

¹¹ Там же, стр. 260.

¹² Surete și izvoade, t. XXV, p. 7.

¹³ E. Legrand, Deux vies de Jacques Basilicos, Paris, 1884, p. 170.

¹⁴ А. Шмидт, указ. соч., стр. 39.

и на скот в частности многие крестьяне разорялись до основания, оставались совершенно без рабочего и другого скота и, не будучи в состоянии пахать свои земельные участки плугом, должны были переходить к обработке своих наделов вручную при помощи менее производительных орудий труда — цапок-мотыг¹.

Почти все орудия труда являлись изделиями домашнего ремесленного производства, все они, как правило, делались в крестьянском хозяйстве. Крестьяне сами изготавливали деревянный плуг, к которому только приспособлялась железная режущая часть, т. е. лемех (сельского кузнечного или городского ремесленного производства). В крестьянском хозяйстве производились и другие, главным образом деревянные орудия труда: соха, борона, борона-суковатка, грабли, вилы, лопаты и т. д.

Железные детали сельскохозяйственных орудий изготавливались в Молдавии в недостаточном количестве и в ряде случаев привозились в страну из Львова, Киева, Брашова, Сибина и других городов. Но высокие торговые пошлины служили большим препятствием для распространения этих железных изделий. Поэтому даже деревянный плуг с железным лемехом считался роскошью для бедного крестьянина и фигурирует в источниках как особо редкий и дорогой сельскохозяйственный инвентарь.

Наряду с плугом в сельском хозяйстве Молдавии применялась и деревянная соха домашнего производства². Этот вид сельскохозяйственного инвентаря был менее распространен, чем плуг, однако, постепенно внедрялся в сельскохозяйственное производство. Соха, как и деревянный плуг, просуществовала без коренных изменений вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В целях ознакомления населения с сельскохозяйственной техникой прошлого, одна соха была сдана в качестве экспоната в Кишиневский краеведческий музей. Там она и находится до сих пор на одном из стендов музея, являясь немым свидетелем и наглядным доказательством того, насколько рутинной и отсталой была сельскохозяйственная техника Молдавии в период гос-

¹ N. Costin, *Letopisețul Țării Moldovei*, București, 1943, p. 96.

² Д. Кантемир, указ. соч., стр. 226.

подства феодально-крепостнических и даже капиталистических производственных отношений.

Рало представляло собой род «экстирпатора»¹. Судя по описанию, относящемуся к середине XIX века, «оно состояло из толстого бруса, по длине которого включались обыкновенно три, а иногда и пять деревянных зубьев, сделанных из крепкого дерева или снабженных железными наральниками (наконечниками). В улучшенном рале зубья загибались в виде лапы, но в обыкновенном крестьянском — они просто состояли из кольев, вколачиваемых в брус тупыми концами. Когда, посредством дышла или оглобеля, брус тащили вперед, зубья принимали косвенное положение и, таким образом, углублялись в землю. Это орудие, занимая места в ширину более плуга, имело перед ним преимущество скорейшей распашки с меньшими силами, но оно могло быть употреблено только на мягкой земле и обыкновенно употреблялось по снятии ярового хлеба — для зараливания и прикрытия посеянной озими»².

Само собой разумеется, что и рало и соха — эти незамысловатые орудия производства, не только в период господства натурального хозяйства, но даже в XIX веке, весьма редко покупались; они изготовлялись и исправлялись самими же крестьянами³.

Для поднятия целинных земель или перелога, после продолжительной залежи, рало и соха были почти непригодны. Они могли применяться в крайнем случае только на переложных или залежных песчаных землях, или же на черноземной почве после продолжительных атмосферных осадков.

Урожайность полей зависела во многом от хорошей, тщательной обработки земли, напротив, низкий уровень агротехнической культуры, рутинное состояние сельскохозяйственной техники обуславливали небольшие урожаи. На урожайность не могла не влиять плохая обработка почвы первобытными неуклюжими земледельчес-

¹ Рало отличалось от «экстирпатора» тем, что посредством экстирпатора только разрыхлялась земля или подрезывались корни растений, почва же не переворачивалась, а рало сворачивало землю в обе стороны и за каждым зубом оставляло борозду.

² А. Шмидт, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, Херсонская губерния, СПб., 1863, стр. 41.

³ Там же, стр. 41—42.

кими орудиями. Поэтому хотя почва почти повсюду в Молдавии и являлась черноземной и плодородной, это обстоятельство не могло играть решающей роли в урожайности полей.

В XVI — первой половине XVII веков правила агротехники не применялись не только в мелких крестьянских хозяйствах, но и в имениях светских и духовных землевладельцев. Вместо ежегодной смены засеваемых зерновых культур на определенном участке земли, которая должна была быть удобрена, а самое главное своевременно и надлежащим образом вспахана и обработана, земледельцы нередко из года в год чередовали посев одного сорта зерновых хлебов лишь с посевом другого какого-нибудь сорта, редко третьего. Нередко посевы одного и того же вида хлебных культур повторялись неоднократно на одном и том же участке земли, без предоставления земле отдыха, до полного истощения этого участка и окончательного его засорения сорными травами.

Г. Карра, служивший при господарском дворе и хорошо знавший положение дел в Молдавии, писал: «...возделывание и выбор земли весьма худо там (в Дунайских княжествах. — Ф. Г.) знают. По крайней мере сороковой из перелогов делают пахотным полем. Крестьянин едва получает из оного нужное, опасаясь, чтоб не отняли у него господ, кои хотят, чтобы сии несчастные точно имели только нужное для них, дабы не умереть с голоду. Бедность и... истребление рода человеческого в сих странах (Молдавии и Валахии. — Ф. Г.) кажутся невероятными...»¹

Д. Кантемир, говоря о Молдавии, находившейся под турецким игом, отмечал: «Крайнее падение сея земли можно видеть из того, что нужда и бедность ежедневно возрастают»².

Одновременно с трехпольной и двухпольной системами севооборота, в Молдавии XVI—XVII веков существовали также (особенно в пограничных южных районах, которые больше страдали от частых вторжений турецких и татарских орд, а также на севере в лесистых местностях) вольная, экстенсивная — переложная и частично

¹ Г. Карра, История Молдавии и Валахии, с рассуждением о настоящем состоянии сих обеих княжеств, СПб., 1791, стр. 149—150.

² Д. Кантемир, указ. соч., стр. 274—275.

подсечная системы земледелия. Крайне низкое и рутинное состояние техники обуславливалось тем, что «ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»¹.

О распределении полевых работ по месяцам года исторические источники содержат очень мало сведений. Так, например, из двух грамот молдавского господаря Стефана Великого от 15 марта 1481 года, обращенных к жителям Браильской, Бузеуской и Рымникской волостей Валахии, видно, что во второй половине марта в южных районах Молдавии и Валахии обычно начинался выборочный весенний сев. Стефан Великий, обращаясь к жителям Браильской волости, писал: «...въ кои час оузрите сие писание господства ми, а ви въ тьи час паки вратите се по своих местох, кто где был, и коуда сте седали и пръво, съ вьсем вашим иманиемъ, елико кто имат, тере си храните имание и *орете коуда сте орали и пръво* (курсив наш. — Ф. Г.), без ни единой боазнь и грижоу и оусъмнения...»²

Примерно то же самое писал Стефан Великий и в обращении к жителям Бузеуской и Рымникской волостей: «...Того ради вам говорим: въ кои час узрите сие писание господства ми, а вы въ час паки се вратете по своих местех, какое где был и куде сте седали и пръво, съ всем вашим иманиемъ, елико кто имат, тере си храните имание и *орете куде сте и пръво орали* (курсив наш. — Ф. Г.), без ни едне гриже и боазни и съмнения...»³.

Некоторые сведения о сельскохозяйственных работах в течение года сообщают очевидцы: венецианский медик, лечащий врач молдавского господаря Стефана Великого — Матвей Муриано; один из биографов молдавского господаря Иоана Деспота (1561—1563) — Гратини; католический епископ Марк Бандини, а также Стефан Пецкий, побывавший в Молдавии в 30-х годах XVII столетия. Например, Матвей Муриано в 1502 году сообщает, что яровая пшеница сеялась в Молдавии в апреле-мае,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 159.

² I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 361.

³ Там же, стр. 362—363.

а убиралась в августе-сентябре¹. Что касается озимого сева, то он, по словам Стефана Пецкого, производился в сентябре-октябре².

Сеялись все зерновые культуры ручным способом, взброс. Для заделки семян употребляли деревянную борону, борону-суковатку и частично рало.

Основными орудиями труда при уборке урожая хлебных злаков и сена служили косы³, серпы⁴, деревянные грабли и вилы⁵ домашнего производства.

Молотьба производилась путем вытапывания зерна с помощью скота, а также катками. Кроме того, для молотьбы и чистки хлебов употреблялись: цеп, деревянная лопата, метла и решето домашнего производства. Землевладельцы хранили зерно в житницах, амбарах, иногда в ямах, вырытых вблизи дома.

Жители Молдавии размалывали зерно на водяных мельницах, упоминания о которых неоднократно фигурируют в источниках⁶. Мельницы, как правило, принадлежали светским и духовным феодалам⁷. На этих мельницах обязаны были молоть свой хлеб и крестьяне, отдавая владельцу мельницы часть зерна. Крестьяне, лишенные жизненных средств, размалывали свои скудные запасы зерна на домашних жерновах, вручную, избегая возить зерно на мельницы, принадлежавшие феодалам. Но за это их жестоко наказывали, вплоть до смертной казни через повешение⁸.

Для посадки фруктовых деревьев, виноградников, для выращивания огородных культур, выкорчевки кустарни-

¹ *N. Iorga*, *Istoria românilor prin călători*, t. I, București, 1920, p. 60.

² *E. Hurmuzachi*, *Documente privitoare la istoria românilor*, t. XV, par. 2, p. 1027.

³ *Surete și izvoade*, t. IX, p. 69.

⁴ «Правила», стр. 4.

⁵ *E. Picot*, *Op. cit.*, p. 502—504.

⁶ *M. Costăchescu*, *Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare*, t. I, București, 1931, pp. 308, 317, 369, 438; t. II, pp. 52, 101, 144, 145, 187, 194, 205, 207, 208, 211, 273, 288, 289, 310, 313, 316, 324, 335, 342, 343, 355, 359, 385, 396, 397, 403, 422, 429, 445, 451, 458, 461, 472, 484, 492, 505, 517, 528, 539, 549, 550, 566, 567, 568, 569, 591, 594, 774, 804, 805; *I. Bogdan*, *Documentele lui Ștefan cel Mare*, t. I, p. 3, 10, 19, 81, 200; *Surete și izvoade*, t. I, p. 230, 253; t. II, p. 237; t. IV, p. 117.

⁷ *Surete și izvoade*, t. II, p. 114—116, 168—173.

⁸ *T. Balan*, *Documente bucovinene (1573—1720)*, vol. III, Cernăuți, 1937, p. 156.

ков и т. д. употреблялись железные лопаты¹. Эти же лопаты, так же как и цапки-мотыги², служили и основными орудиями труда при разрыхлении почвы на небольших участках земли.

Для резки винограда и чеканки виноградной лозы применялись простые и специальные садово-виноградные ножи³.

Виноград на вино выдавливался при помощи деревянного виноградного пресса⁴.

Для хозяйственных нужд использовали и топоры⁵ и секиры⁶, которые неоднократно фигурируют в исторических источниках.

В «Уложении» 1646 года наряду с плугом упоминается и ярмо («жуг»)⁷. Это дает основание утверждать, что основную тягловую силу в земледелии составляли волы и частично лошади. Правильность такого заключения подтверждается не только тем же «Уложением»⁸, но и другими источниками⁹.

Тяжести перевозились на волах¹⁰ и лошадях¹¹, которые впрягались в соответствующие деревянные¹² повозки¹³. Кроме того, у молдаван были и арбы¹⁴.

О транспортных средствах, применявшихся в Дунайских княжествах, Н. Бантыш-Каменский, посетивший в начале XIX века Молдавию и Валахию, писал: «Збруя у них прескверная и состоит из лык, без дуги, без хомута и без оглоблей, а из одной палки, похожей на дышло. Осей и колес у них никогда не мажут, от чего... происхо-

¹ «Правила», стр. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Uricarul, t. XIX, p. 3.

⁵ Surete și izvoade, t. V, p. 193.

⁶ «Правила», стр. 1.

⁷ Там же, стр. 2.

⁸ Там же, стр. 6—7.

⁹ С. М. Гроссман, указ. соч., стр. 202; Surete și izvoade, t. III, p. 95; t. XXIV, p. 3.

¹⁰ Uricarul, t. II, p. 13.

¹¹ Там же.

¹² «Правила», стр. 8.

¹³ ГИМ, Собрание Уварова (древнемолдавские грамоты), карт. 41/23

¹⁴ П. Алеппский, указ. соч., стр. 46.

дит страшный шум»¹. В зимнее время средством передвижения для людей и перевозки тяжестей служили деревянные сани².

* *

*

Светские и духовные феодалы очень мало содействовали экономическому развитию сельскохозяйственной страны, они основывали свое материальное благополучие на тяжелой эксплуатации непосредственных производителей материальных и культурных благ. Феодалы, эксплуатируя крестьянский труд, имели в виду достижение лишь ближайшего эффекта. Землевладельцы не думали о более отдаленных последствиях развития экономики, о той роли, которую могло сыграть воспроизводство средств производства для развития производительных сил страны.

§ 3. ЖИВОТНОВОДСТВО

Важной отраслью сельского хозяйства в Молдавии было животноводство. Пашенное земледелие с применением таких сельскохозяйственных орудий, как плуг и соха, и с унаваживанием почвы было немыслимо без рабочего скота — волов и лошадей.

Жители Молдавии разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней и т. д. Польский посол при дворе крымского хана Л. Горецкий, побывавший в Молдавии в 70-х годах XVI в., писал: «...Другая часть (территории Дунайских княжеств. — Ф. Г.)... изобилующая полями и пастбищами, стадами и прекрасными боевыми лошадьми, называется Молдавиєю, по имени реки Молдавы (правого притока р. Серета. — Ф. Г.); протекающей по середине этой страны»³; «край этот очень богат, особенно славится большим количеством весьма крупного рогатого скота»⁴.

¹ Н. Бантыш-Каменский, Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию, М., 1810, стр. 85.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 403.

³ «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. I (XVI ст.), Киев, 1890, стр. 95.

⁴ Там же, стр. 99.

Антиохийский путешественник Павел Алеппский, сопровождавший в середине XVII в. в Россию своего отца патриарха Макария и посетивший несколько раз Молдавию, отмечал в своих мемуарах: «Что касается их (жителей этого края. — *Ф. Г.*) домашних животных и скота, то ты увидишь, читатель, в доме каждого хозяина... десять родов животных: во-первых, лошади; во-вторых, коровы; в-третьих, овцы; в-четвертых, козы...; в-пятых, свиньи; в-шестых, куры; в-седьмых, гуси; в-восьмых, утки; в-девярых, индейки во множестве у некоторых; в-десятых, голуби, для которых есть места над потолка-ми домов. Держат также собак»¹.

На вопрос о развитии животноводства в Молдавии обратили внимание также А. А. Руссов, Д. Кантемир и другие авторы. Они указывали, что животноводство не было в одинаковой мере развито в различных районах страны. Так, по словам А. А. Руссова, «...вся Буджацкая степь безводна и лесов нет, а лошадей и рогатого скоту — волов и яловиц и баранов и живностей довольно, и сенами изобильно,— и рогатой скот и лошадей кормят по полям в степи... и ремесла не имеют и за пашнею ходят немногие, и для того у них в хлебе скудно; и кроме проса да ячмени не родица, и печеного хлеба не продают, понеже сами не имеют, и питающа больше мясом и молоком да просяными и ячменными лепешками, которые пекут на навозе, и хаты имеют мазанки таким же навозом² направленные, и те самые малые и смрадные, и дух от навозных дров весьма тяжкий...»³ Вассал Порты крымский хан, согласно данным Руссова, «... на Буджаках имел своих деревень з 200 и с тех довольствовался живностями и провиантом»⁴.

А. А. Руссов описывает географическую среду и дает общую характеристику хозяйства южной части Молдавии (Буджака). Здесь кочевое татарское население занималось скотоводством, которое играло бóльшую роль

¹ *Павел Алеппский*, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке, СПб., 1898, стр. 19.

² Навоз перемешивался с соломой и таким образом изготовлялась специальная штукатурка.

³ *А. А. Руссов*, Русские трапты в конце XVII и начале XVIII вв. и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия, Киев, 1876, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 82.

в экономике, чем земледелие. Тучные местные пахотные черноземные земли превращались в пастбища.

Д. Кантемир в своем «Историческом, географическом и политическом описании Молдавии» отмечал, что «живущие на горах имели... овец, меду и плодов древесных; на плоских же местах имели хлеб, быков и лошадей»¹. «Не можно вообразить, сколь много и сколь великих овечьих стад всюду по горам находится; ибо места Молдавии, лежащие на запад, не вовсе удобны к земледелию, то одно овцеводство, к чему наиболее жители и прилежат, приносят им содержание; почему торгующие скотом греки ежегодно закупают больше шестидесяти тысяч сих овец... для султанские кухни в Константинополь»². «На равнинах же рождаются овцы гораздо рослее, но не так многочисленно, как на горах»³. «Волы, или быки у горных жителей малорослее, нежели у обитающих на ровных местах, у коих они очень росли и статны, и коих ежегодно пригоняют оттуда больше 40 тысяч через Польшу в Гданск, из оного ж под названием польских волов продают (скотопромышленники. — Ф. Г.) в разные близлежащие земли»⁴. Что касается лошадей, то, по словам Кантемира, «горная часть Молдавии имела хотя малых и по сложению их стана во всем на российских похожих лошадей, но очень сильных и к работе чрезвычайно прочных...»⁵ «На плоских же местах,— говорит Д. Кантемир,— лошади рождаются гораздо рослее, статнее, и по виду своему, правильности членов, резвости в бегу и крепости первых превосходнее»⁶. Такого типа лошади, добавляет автор, у венгерских, польских феодалов и «турков в великой славе»⁷.

Таким образом, из сообщения автора видно, что трудовое население Молдавии в тех местностях, где природные и другие условия не способствовали развитию земледелия, занимались скотоводством. Само собою разумеется, что те большие партии скота, которые продавались в Константинополь и в другие иностранные города,

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 308.

² Там же, стр. 73—74.

³ Там же, стр. 74.

⁴ Там же, стр. 76.

⁵ Там же, стр. 79.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

в основном принадлежали феодалам, а не крестьянам, которые, как правило, не успевали рассчитаться даже со своими долгами и поставками. Кроме того, непосредственные производители материальных благ платили султанской Турции огромную дань.

Католический епископ Марк Бандини отмечает, что в Молдавии были бояре, которые имели до 30 000 голов лишь одних овец хорошей породы, не считая другого мелкого и крупного рогатого скота, лошадей, свиней и т. д. Что касается страны в целом, то Марк Бандини писал, что «ежегодно из Молдавии в Турцию отправлялось такое огромное количество овец для содержания турецкого двора, что, видя перегоняемые многочисленные отары овец, ему казалось невозможным, чтобы в стране осталась хоть одна овца»¹. Необходимо отметить, что Марк Бандини, как и другие иностранцы, побывавшие в Молдавии, нередко имел в виду скот, разводившийся во владениях молдавских феодалов или перегоняемый через Дунайские княжества в Турцию из других стран, относя его к «богатствам» и «достопримечательностям» Молдавии.

Светские и духовные феодалы, захватив лучшие общинные крестьянские земли и угодья, имели полную возможность выращивать огромные стада крупного и мелкого рогатого скота, заводить табуны лошадей и т. д.

Румынский буржуазный историк Р. Росетти совершенно правильно отмечал, что «выращивание овец, крупного рогатого скота, лошадей и свиней было обычным явлением во всех крупных феодальных хозяйствах и владениях»². Эти слова подтверждаются многочисленными фактами. Феодалы-землевладельцы, действительно, имели многочисленные стада коров³, быков⁴ и телят⁵, значительные отары овец⁶, большое число хороших резвых ло-

¹ V. A. Urechia, Codex Bandinus. Memoriu asupra scrierei lui Bandinus de la 1646, urmatu de textu, însoțitu de acte și documente (Analele Academiei Române, Ser. II, Memoriile Secțiunii Istorice, t. XVI), București, 1895, p. 137.

² R. Rosetti, Cronica Bohotinului (Analele Academiei Române, Ser. II, Memoriile Secțiunii Istorice, t. XXVIII), București, 1906, p. 172.

³ Surete și izvoade, t. IV, p. 242.

⁴ Там же.

⁵ Там же, т. XIX, стр. 158.

⁶ Ispisoace și zapise, t. I, par. I, p. 153—154.

шадей¹, племенных жеребцов², племенной рогатый скот³, свиней⁴ и т. д.

В купчей подтвердительной грамоте от 2 марта 1657 года говорится: «ож господства ми дали и потврѣдили есми боярам нашим Карпу Лунгул бив армаш (придворный боярский чин. — Ф. Г.) съ селом на имя Черешии, что у волост Яскои, где дал Дяля на Прутах и съ част за отнину от Унгени, что сут изберется и стлъповат от на инших (размежевать от других.—Ф. Г.) рѣзаш част Иорга бив постельник (камердинер, ведавший покоем господаря, его спальней. — Ф. Г.) и съ став за рибим и съ листом ись пасика готовная ись *сеножати* и съ вѣсем доходом, что се бралих на тех части за отнину Иоргови постелник, по что дал болярен нашему како вишреченному Карпу Лунгул бив армаш Иоргови постелник *пятьдесят волих* за купцев (50 хорошо откормленных волов, готовых для продажи. — Ф. Г.) и *пятьдесят крави* (50 коров. — Ф. Г.) съ тилци (с телятами. — Ф. Г.) и семнадесят крави съ тнии (17 хорошо откормленных коров. — Ф. Г.) на того село Чюрещи и на тех част за отнину от Унгени...»⁵.

Из этого источника видно, что один из крупных савновников при господарском дворе Карп Лунгул купил у другого светского феодала Йорга, имевшего чин постельника, вотчину-село Чирешты и некоторые части села-вотчины Унгены, и внес за эти земли 50 хорошо откормленных волов, 17 коров такой же хорошей упитанности и еще 50 коров с телятами.

Актный материал и другие исторические источники свидетельствуют, что в вотчинах светских и духовных феодалов имелись специальные хозяйственные постройки для содержания скота. Так, например, в грамоте от 6 марта 1669 года говорится, что в одном феодальном

¹ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 2, p. 954; Surete și izvoade, t. IV, p. 211—213; Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 95, 128.

² Surete și izvoade, t. IV, p. 84.

³ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 2, p. 857.

⁴ Там же, стр. 808.

⁵ Surete și izvoade, t. IV, p. 242.

имении, кроме дома владельца, были конюшни, стойла и другие хозяйственные постройки для скота¹.

Большое место животноводству, как одной из важных отраслей сельского хозяйства Молдавии, отведено в «Уложении» 1646 года. Специально скотоводству посвящена третья глава и ряд статей других глав этого памятника². Из «Уложения» видно, с какой строгостью охранялся принадлежавший феодалам скот от любого на него посягательства³. Кроме того, названный памятник свидетельствует о том, что светские и духовные сановники имели своих пастухов⁴ и чабанов⁵, которые пасли огромные стада коров, быков, отары овец⁶ и т. д.

На значительную роль животноводства в сельскохозяйственном производстве указывает и то большое внимание, которое уделяют сохранившиеся источники сенокосам, лугам. Обычно в оброчных, рядных и других грамотах, вышедших из молдавской господарской канцелярии, говорится, что феодальная земельная рента распространяется и на сенокосы⁷. В актовом материале и в других источниках неоднократно упоминаются термины «бранище»⁸ (что означает заповедный лес, угодье) и «синожати», или «сеножати»⁹, — сенокосное угодье. У молдавских господарей были специальные «бранищары»¹⁰, которые охраняли заповедные леса и другие угодья, чтобы крестьянская скотина каким-нибудь образом не попала в них и не нанесла ущерб феодальной собственности, в то время, когда крестьяне испытывали острую

¹ Surete și izvoade, t. IV, p. 202.

² «Правила», стр. 2—9.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175, 177; Surete și izvoade, t. IV, p. 12, 133; ibidem, t. VIII, p. 1, 334; ibidem, t. XXII, p. 44, 56; ibidem, t. XXV, p. 15; Ispisoace și zapise, t. III, p. 111; ibidem, t. III, par. 2, p. 99—100; Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 124—125; Uricarul, t. I, par. 2, p. 132.

⁸ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 210, 233.

⁹ M. Costăchescu, Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, t. II, Iași, 1933, p. 559.

¹⁰ Там же, стр. 241.

нужду в пастбищах¹. Кроме «бранищаров», господами содержали разветвленную сеть «припашаров»², в обязанность которых входило отбирать в пользу господара и других землевладельцев крестьянский скот, обнаруженный на пастбищах, принадлежавших феодалам, и взимать штраф за потраву. Светские и духовные феодалы превратили «потраву» в своеобразную статью дохода. Они разоряли мелких крестьян, отнимая у них последний скот.

В жалованной подтвердительной грамоте монастырю Молдовица от 31 августа 1458 года, между прочим, говорится: «...А також дали есми слобозию (жалованную льготную грамоту. — Ф. Г.) селу монастырскому на имя Берхинещи, яко да не ходят оу тум сели ни глобницы (сборщики штрафов. — Ф. Г.) от Сучаве и ни илишари (сборщики «илиша». — Ф. Г.); ни подвод не дают, ни посаду, ни на млинох наших да не робять, ни вино да не возяты; и десятину от бчел и от *свини* (курсив наш. — Ф. Г.) да не дают... Алеж тот приход и оуси службь от того село то оуси да прислухает к святой цркви от Молдовицы...»³ Отсюда видно, что крепостные крестьяне села Берхинещи монастыря Молдовица освобождались от феодальных повинностей и поборов в пользу господара, но были обязаны выполнять их в двойном размере в пользу монастырских властей. Кроме того, грамота указывает, что крестьяне должны вносить феодалу «десятину» от пчеловодства и свиноводства. Для сбора так называемой «десятины» были назначены специальные люди феодалов — «десятники»⁴.

Из жалованной льготной грамоты от 30 сентября 1661 года видно, что жители села Доколина обременялись столь значительным количеством феодальных поборов, податей и повинностей, что не были в состоянии нести ямскую, гужевую и подводную повинности, поставлять лошадей для нужд государства. Поэтому молдавский господарь вынужден был дать феодалу—владельцу

¹ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 2, p. 1165.

² I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, pp. 10, 29, 95, 173, 200.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 8, 75, 76, 77.

села Доколина льготную грамоту с освобождением его крепостных крестьян от ямской повинности, так как они почти совершенно были лишены рабочего и другого скота и сенокосных угодий¹.

Собирая скот в виде натуральной ренты, феодалы не только удовлетворяли этим скотом потребительские и хозяйственные нужды своих вотчин, но и сбывали его на внутренний и внешний рынки. Так, одним из крупнейших скотопромышленников Молдавии первой половины XVI в. являлся сам господарь Александр Лапушняну. Он неоднократно отправлял за границу огромное количество хорошо откормленных молдавских свиней². Аналогичные торговые операции со скотом обычно практиковали и другие землевладельцы³.

§ 4. ОГОРОДНИЧЕСТВО

Одной из отраслей производства в Молдавии XVI—XVII вв. было огородничество, которым занимались крестьяне и горожане. Об этом говорят как характер натуральной ренты, взимавшейся светскими и духовными сановниками с феодально-зависимого населения Молдавии, так и другие исторические факты. Например, крестьяне (сел Левкушани и Драгомирешти) монастыря Роман были освобождены от «десятины» «от капусты»⁴ в пользу господаря и обязывались поставлять ее в двойном размере в монастырь.

В жалованной грамоте от 4 августа 1641 года господарь Молдавии Василий Лупу пишет: «...дали сию моего господарства грамоту богомольцам нашим монахам из св. монастыря Святой Пятницы и монастыря Баликий, дабы они по ней имели право и власть взимать... со всего хлеба и сена и *со всяких овощей* (курсив наш. — Ф. Г.) и с льна и конопли и *со всех приходов...*»⁵ Таким обра-

¹ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 158—159.

² E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 1, p. 533, 542.

³ Там же, т. XV, ч. 2, стр. 806, 808, 1097.

⁴ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 342.

⁵ «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174, 177.

зом, и в данном случае речь идет об оброке продуктами огородничества.

В жалованной грамоте господарским слугам от 8 июля 1660 года указано: «...дали настоящую грамоту нашим слугам Петрашко и Иоану с тем, чтобы они были мощны и сильны взимать... с их правой вотчины и ледины от шестой части села Ниспорешть Сучавской волости с хлебных злаков, сенокосов, конопель, *капусты* (курсив наш. — Ф. Г.) и со всего дохода...»¹

Число примеров с грамотами, выдаваемыми господами Молдавии светским и духовным феодалам, можно значительно умножить². Все они свидетельствуют, что огородничество играло довольно важную роль в экономической жизни страны. Оно в значительной мере компенсировало трудящимся массам недостаток жизненных средств.

Данные об огородничестве сохранились и в известиях иностранных путешественников. Так, Павел Алеппский пишет: «что касается зелени, как-то: свекла, петрушка, зеленый лук, чеснок, то она поспевает здесь (в Молдавии. — Ф. Г.) только после пасхи»³. Далее автор говорит в своих мемуарах о том, что «в монастырях и в домах богатых людей есть большие погреба с каменными сводами, называемые на их (молдавском. — Ф. Г.) языке бенимча и бениса (правильнее — беч, пивницэ. — Ф. Г.), куда ставят бочки вина; в них же имеются места для посадки (в основном для хранения. — Ф. Г.) овощей; перед наступлением зимы и снега выдергивают из земли петрушку, лук и лук порей, растущий в изобилии и сладкий на вкус, и другие овощи и сажают их в упомянутых погребах»⁴.

Обращаясь к читателю, П. Алеппский добавляет: «знай, что новые огурцы в этой стране поспевают к празднику апостолов (Петрову дню); они маленькие и без слизи»⁵. Кроме того, — говорит далее автор, — в Молдавии было много «арбузов, огурцов...»⁶

¹ Surete și izvoade, t. IV, p. 303.

² Aurel V. Sava, Op. cit. p. III; Surete și izvoade, t. XXIV, p. I.

³ П. Алеппский, указ. соч., стр. 72.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 99—100.

⁶ Там же, стр. 104.

На огородах и приусадебных участках население выращивало самые разнообразные овощи и бахчевые сельскохозяйственные культуры: капусту, картофель, морковь, столовую и кормовую свеклу, лук, чеснок, лук порей, красные помидоры, синие баклажаны, огурцы, стручковый перец, редис, редьку, сельдерей, петрушку, салат и т. д.; дыни, арбузы, кабачки, тыквы и т. п.

Несомненно, что те же огородные и бахчевые культуры разводились и в феодальных хозяйствах. В правой грамоте от 2 ноября 1588 года, между прочим, говорится, что игумен Нямецкого монастыря, вместе с монахами, при содействии господарского меченосца Стана, переставил межевые знаки-столбы, завладел четырьмя прудами с рыбой и выловил ее, а из владений Бистрицкого монастыря забрал капусту и другие овощи¹.

В феодальных вотчинах и хозяйствах духовных корпораций трудом крепостных и зависимых крестьян готовились на зиму всякие овощи для удовлетворения потребительских нужд феодального хозяйства. Цитированная выше опись феодального хозяйства монастыря Галата от 25 ноября 1588 года свидетельствует о том, что в погребах упомянутого монастыря, кроме масла, меда, вина, брынзы, сыра и т. п., хранились и бочки с приготовленными на зиму овощами².

Известна должность великого ключаря, который ведал, как уже отмечалось, «всеми запасными княжескими кладовыми, в коих хранились *овощи*»³ (курсив наш. — Ф. Г.) и другие продукты растениеводства и животноводства.

Разумеется, огородничество, как и земледелие, животноводство и другие отрасли сельского хозяйства, не было одинаково распространено и развито по всей территории страны. С большим успехом огородничеством занимались там, где это позволяли природные условия, где имелись поблизости реки и водоемы, откуда черпалась вода для поливки огородов, а также там, где производству не мешали турецкие феодалы и крымские татары. Огородничество было развито в большей мере по

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 399—400.

² Там же, стр. 407.

³ Д. Кантемир, указ. Соч., стр. 201.

берегам рек Прута, Реута, Днестра и т. д. Но начиная с XVI в., и в этой части страны, в связи с общим экономическим упадком Молдавии, приходило в упадок и огородничество. Если до турецкого завоевания на реках Ботне, Сучаве, Баглуе, Икел, Реуте и других делались запруды с целью искусственного орошения, то после турецкого порабощения Молдавии такие «плотины» были постепенно разрушены, а новые не создавались. Но тем не менее трудовое население молдавской деревни не прекращало производства материальных благ.

§ 5. ВИНОГРАДАРСТВО И ВИНОДЕЛИЕ

Важную роль в экономике Молдавии XVI—XVII веков играли виноградарство и виноделие.

В глубокой древности население карпато-дунайских земель, наряду с основным и главным своим занятием — земледелием, занималось и виноградарством и виноделием. Но в процессе развития феодально-крепостнических отношений на территории Молдавии основные и лучшие виноградники и сады, так же как и земля и другие богатства края, постепенно сконцентрировались в руках светских и духовных сановников. Количество крестьянских дворов, владеющих виноградниками, садами, пасаками, число людей, занимающихся охотой, рыболовством и бортничеством, значительно сократилось и продолжало сокращаться далее.

В условиях феодально-крепостнической системы зависимому крестьянину или же бедному городскому жителю сохранить в своем владении хороший виноградник, сад или пасеку было не так просто. Феодалы являлись действительными владыками страны и владельцами ее богатств. Естественно поэтому, что виноградарство и виноделие, так же как и садоводство, получили особое развитие в господарском хозяйстве и во владениях светских и духовных феодалов.

Так, например, из купчей грамоты 1576 года узнаем, что крупнейший землевладелец логофет Голэй купил у нескольких армян виноградники, винодельни и «пивниццу» за 15 000 аспров. Для того времени это довольно внушительная сумма¹.

¹ Ispisoace și zapise, vol. III, par. 1, pp. 134—135.

Молдавский историк и господарь Д. Кантемир, касаясь вопроса о виноградарстве и виноделии в Молдавии, писал, что «всю прочую щедрость земли превосходят преизрядные винограды, лежащие длинною полосой между Котнара (г. Котнар. — *Ф. Г.*) и Дуная, контоль богаты, что один погон, то есть, место, занимающее 24 квадратных сажень, по часту приносит от четырех до пяти сот мер вина, в каждой по 40 кварť считая. Лучшее вино родится при Котнаре городке в Хирловском уезде... От сего места далее на полночь не находится такового винограда, которой давал хорошее вино, так что в полночной части Котнарских гор по всем приложенным опытам не можно оно довести к созреванию»¹.

Далее Дмитрий Кантемир говорит, что «за второй род лучшего вина почитается растущее в Гушь (т. е. виноградники, растущие в окрестностях г. Хушь. — *Ф. Г.*), в Фалчинском уезде; в-третьих, Одобешское, в Путншской землице (т. е. в Путнянской волости. — *Ф. Г.*) на реке Милкове; в-четвертых, Никорешское в Текутшском уезде на Сирете; в-пятых, Грекское в Тутовском уезде..., а, в-шестых, приносимое Костешскими виноградами в того ж имени»². Все эти лучшие виноградники страны находились в руках господарей, духовных феодалов и бояр³.

Описывая виноградники в других частях Молдавии, в частности в Бессарабии, Кантемир совершенно правильно указывал: «Бессарабия, пока еще молдавцам надлежала, не худшие возвращала (выращивала. — *Ф. Г.*) винограды; однако по заселении оныя... турками (после покорения Молдавии султанской Турцией. — *Ф. Г.*) *пришли они в упадок*»⁴ (курсив наш. — *Ф. Г.*).

Несмотря на то, что лучшие виноградники были сосредоточены в руках представителей господствующего класса, значительная часть молдавских крестьян и рядовых городских жителей продолжала заниматься виноградарством и виноделием. Об этом говорит, прежде всего, феодальная рента, взимавшаяся со всей продукции крестьянского хозяйства, в том числе и с продуктов

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 66—67.

² Там же.

³ Там же, стр. 198—199, 207, 210.

⁴ Там же, стр. 68.

виноградарства. Об этом же свидетельствуют и другие факты. В жалованной подтвердительной грамоте, данной молдавским господарем одному из крупнейших землевладельцев, боярину Йордаке Русету, говорится, что его надсмотрщики имеют право взимать оброк с крестьян за предоставленный им надел «...с хлебных злаков, сенокосов, *виноградников* (курсив наш. — Ф. Г.), садов и со всего...»¹ дохода крестьянского хозяйства.

Кантемир, касаясь крестьянских виноградников и виноделня, отмечает, что «винограды... служат обывателям (крестьянам и некоторым людям из городских низов. — Ф. Г.) не только к их употреблению, но дешевая цена вино привлекает покупать оное купцов из России, Польши, казацких, седмиградских и самих венгерских, так что последние, не взирая на превосходство доброты собственного, берут здесь вино во множестве»².

Таким образом, автор сообщает не только о том, что жители Молдавии занимались виноградарством и виноделием, но и о том, что часть трудового населения страны продавала на рынке вино.

Распределение виноградников среди крестьян не было равномерным. В «Правилах» 1646 года написано: «Если какой-либо земледелец возьмет у другого обедневшего земледельца виноградник для его обработки *исполу винограда или вина* (курсив наш. — Ф. Г.), а затем не станет обрабатывать виноградник, не будет обрубать сучьев, копать, огораживать и окапывать виноградник как следует, то первый земледелец не имеет права брать ничего из урожая или вина с указанного виноградника»³.

Таким образом, из данного источника видно, что крестьяне-земледельцы, разоряясь под тяжестью феодального гнета и беднея, не были в состоянии обрабатывать и содержать в исправности свои участки с виноградниками и были вынуждены отдавать их исполу более состоятельным крестьянам.

Из купчей грамоты 1660 года узнаем, что некая Татьяна Бэтошоая со своими детьми Семеном, Иваном и Гасилиею «по своей доброй воле и без всякого принуж-

¹ Surete și izvoade, t. XXII, p. 44.

² Д. Кантемир, указ. соч., стр. 68.

³ «Правила», стр. 8.

дения»¹ продала свой участок виноградника некоему Кэпэцу и его жене за 50 венгерских золотых и 4 меры («миерц») озимой пшеницы². Купля-продажа,— добавляет источник,— состоялась в дни правления Стефаницы Воеводы³. В его правление (60-е годы XVII века) был страшный голод, о котором народ надолго сохранил память и который явился своеобразной хронологической вехой. Во время голодовок крестьяне «по доброй воле» продавали за бесценок все, чем только они располагали, чтобы остаться в живых. Буквально за крохи хлеба они отдавали последние участки виноградника и последние фруктовые деревья. Так, например, в купчей грамоте, датированной маем того же голодного 1660 года, говорится, что Василька, Соломия и Савойя продали Аргарию — первая 10 яблонь, вторая и третья — 9 яблонь. Продавцы получили за свои деревья плату не деньгами, а хлебом. Сделка, как сообщает купчая грамота, состоялась в голодный год⁴.

Некоторые сведения сохранились о технике виноградарства и виноделения. «Правила» 1646 года свидетельствуют, что часть виноградников огораживалась, а другая, причем бо́льшая, оставалась неогороженной, так как их владельцы не имели необходимого строительного материала. Виноградники окапывались лопатой, пропахивались плугом, земля разрыхлялась цапками-мотыгами. После сбора винограда из него делали вино. «Если кто-либо из виноградарей во время обработки виноградников или во время виноградного сезона похитит цапку-мотыгу или лопату и пройдет время окапывания или взрыхления виноградника, а затем похититель будет обнаружен и обличен, то в таком случае последний обязан заплатить владельцу инвентаря за все истекшие дни, со дня хищения цапки-мотыги или лопаты по день выявления похитителя; такую же процедуру произвести в случае хищения виноградарского ножа во время срезки и уборки виноградного урожая...», — гласят «Правила» 1646 года⁵.

¹ Documentele mănăstirii Varatec (1497—1836), publicate de Toma G. Bulat, Chişinău, 1939, p. 92—93.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ispisoace şi zapise, t. III, par. 1, p. 134—135.

⁵ «Правила», стр. 1.

Источники говорят о наличии в стране значительного числа «виноградарей»¹, «крам» — виноделен, винных погребов, «тяскурь»² — винодельческих прессов, «бечюрь»³ — винных подвалов, погребов и т. д.

Богатые люди хранили бочки с вином в подвалах и в «глубоких с каменными сводами погребах»⁴. Что касается крестьянской массы и городских низов, то они, как правило, держали свои весьма скудные припасы, так же как и вино, в «бордейях» — землянках, лачугах, перекрытых ямах.

В источниках сохранились некоторые данные, касающиеся и потребления вина. Так, например, Д. Кантемир, описывая тунеядство молдавских бояр, говорит, что они проводили время в пьянстве. Д. Кантемир с величайшим сарказмом говорит о боярах, что «величайшее их удовольствие временем от 6 часов до 3 пополудни, а иногда до самого света, препровождать в питье, и упиваются даже до тошноты»⁵.

§ 6. САДОВОДСТВО

Говоря о виноградарстве и виноделии в Молдавии, мы частично касались вопроса о садоводстве, как одной из отраслей сельскохозяйственного производства страны. Мы отметили, что натуральная рента распространялась на все отрасли сельского хозяйства, в том числе и на продукты крестьянского садоводства⁶. Мы указали также, что наряду с крестьянской общинной землей в руках светских и духовных сановников, во владении

¹ «Правила», стр. 8.

² Uricarul, t. XIX, p. 3.

³ Там же.

⁴ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 66.

⁵ Там же, стр. 315.

⁶ «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 177; Surete și izvoade, t. VIII, p. 334; t. XXII, pp. 44, 56; t. XXIV, p. 1, 2—3; Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 111; Uricarul, t. I, Ed. 2, p. 132.

церковно-монастырских корпораций оказались угодья, виноградники, сады¹ и т. д.

Молдавия еще с древнейших времен была известна своими виноградниками и фруктовыми садами, хотя и ошибочным является мнение о том, что виноградарство и садоводство были «самыми достопримечательными» и основными отраслями сельского хозяйства страны². Ведущей отраслью сельского хозяйства было здесь земледелие.

В источниках сохранилось много данных о продаже и покупке фруктовых садов. Так, купчая грамота от 16 мая 1586 года сообщает, что некий Сеула накануне нового урожая продал господарскому слуге, бывшему «бранищару» Хэбиаку, свой садик из 130 фруктовых деревьев, посаженный «своими собственными руками»³. В другой купчей грамоте говорится, что муж и жена, Кузьма и Бума, продали городскому голове Савину 12 яблонь и еще два фруктовых дерева⁴. Сапожник-ремесленник Лазор уступил за 16 лей участок земли около своего дома в г. Сучаве под сад некоему Ставару⁵. По купчей грамоте, составленной Федором Коранга, сыном Лазора из Мицешти, внуком Матвея, вместе с его женой Евдокией и с детьми, его сад, в котором были различные фруктовые деревья, перешел к Константину (сыну Евфимия, ватава — начальника охраны при дворе господаря) за 15 лей. Продажа была совершена вследствие голода («де фоаме»)⁶.

В документе от 12 июня 1589 года, вышедшем из молдавской господарской канцелярии, упоминаются «сады»⁷ и «виноградники»⁸, принадлежавшие различным за-

¹ Surete și izvoade, t. II, p. 114—116, 237; DPIR, t. II, p. 235—236; «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. I, Одесса, 1814, стр. 349—350.

² Г. Бауро, указ. соч., стр. 13; П. Жадовский, указ. соч., стр. 32, 36.

³ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 320.

⁴ Surete și izvoade, t. V, p. 329.

⁵ Surete și izvoade, t. XXI, p. 51—52.

⁶ Surete și izvoade, t. II, p. 205.

⁷ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 432.

⁸ Там же, стр. 433.

житочным лицам. В актовом материале и в других источниках довольно часто идет речь о садах¹, о землях, удобных для садоводства² и т. д.

По духовной грамоте от 20 января 1681 года Лупул, сын попа Никоарэ, завещал крупному землевладельцу сердару Георгию свою небольшую вотчину, составлявшую часть села Меднешты, с тем чтобы Георгий в случае смерти Лупула похоронил его. Далее духовная грамота определяет границы жалованной вотчины и ее имущество, в составе которого фигурировал и сад³.

В самых разнообразных грамотах, вышедших из молдавской господарской канцелярии, фруктовые деревья упоминаются в качестве межевых знаков. Так, например, в межевой грамоте от 7 мая 1580 года говорится, что определяемый этой грамотой участок земли охватывает пространство «от колодца до черешни»⁴.

Данные о садоводстве имеются и в записках современников. Молдавский летописец XVI в. Азарий сообщает, что «в лето 7056 (1548. — Ф. Г.) быст зима лютая, яко и дресеса исъхошася»⁵. Это известие воспроизвел и дополнил по другим источникам молдавский летописец Григорий Уреке, который отметил, что в годы правления господаря Ильяша Воеводы была необычно морозная зима, в результате которой замерзло и высохло много фруктовых деревьев и виноградников⁶.

Павел Алеппский отмечал, что в Молдавии было «множество фруктов»⁷. Эти фрукты в изобилии подавались к столу землевладельцев и их гостей. П. Алеппский рассказывает, как их угощали: «На другой день (после первого обеда. — Ф. Г.) принесли блюда с плодами: виноградом, персиками, дамаскиной, или птичьим сердцем, вишней и другими»⁸. «Дамаскина, — говорит автор, — или птичье сердце (род сливы), (по своему изобилию) походит на море, выходящее из берегов; она раз-

¹ Documente privind istoria României, т. II, стр. 178; т. III, стр. 460, 461.

² Там же, т. II, стр. 224.

³ Surete și izvoade, т. V, р. 101.

⁴ Documente privind istoria României, т. III (1571—1590), București, 1951, р. 138.

⁵ I. Bogdan, Letopisețul lui Azarie (An. Acad. Rom., т. XXXI), р. 167.

⁶ E. Picot, Op. cit., р. 358.

⁷ П. Алеппский, указ. соч., стр. 104, 106.

⁸ Там же, стр. 105.

ного вида и цвета: белая, желтая, алая и красноватая, и очень вкусна. Что касается красной вишни, то ее целые леса. Сорта груши восхитительны»¹.

«В господарском саду мы,— пишет П. Алеппский,— видели сладкое тутовое дерево, много абрикосовых и миндальных деревьев и маленькие гранатовые деревья, растущие в кадках; также сладкие лимоны, растущие подобным же образом»².

Далее П. Алеппский описывает сады, принадлежавшие церковно-монастырским корпорациям: «Мы видели в садах монастыря Галата абрикосовое дерево и ели его плоды, также миндальное дерево, все покрытое свежими цветами. Вишня, дамаскина, или птичье сердце, айва и слива очень изобильны в этих странах и чрезвычайно хороши»³. Все это богатство принадлежало молдавским господарям, светским и духовным сановникам.

О садоводстве в Молдавии, его размещении и районировании приводит данные Д. Кантемир. Он пишет, что «горы здешние от природы преисполнены теми различными плодовитыми древесинами, кои в других землях насаждать и заводить стараются»⁴. Касаясь садоводства в горной части Молдавии, автор добавляет, что «садов там нет; но целые леса из плодовых деревьев состоящие. На горах плоды растут сами собою, на равнинах же должно оные заводить; но зато оные бывают уже вкусные»⁵.

Далее Д. Кантемир, высмеивая польских магнатов и шляхту, искавших наживы в пределах Молдавии, говорит: «Изобилие оных (т. е. фруктов в Молдавии. — Ф. Г.) так велико, что в старину идущие ополчением (войной.— Ф. Г.) поляки считали за ненужным возить с собою в Молдавию съестные припасы, для того, что избыточные плоды земли сея могли пропитать все войско. Однако ж, многократно излишнее употребление оных навлекло на них разные болезни, и претерпленный ущерб людей... научил их быть в том осторожнее»⁶.

¹ П. Алеппский, указ. соч., стр. 99—100.

² Там же, стр. 100.

³ Там же, стр. 97.

⁴ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 56.

⁵ Там же, стр. 67—68.

⁶ Там же.

Итак, анализируя и обобщая вышenezложенные факты, следует отметить, что значительная часть трудового населения Молдавии в XVI — первой половине XVII вв. занималась и садоводством. Однако садоводство не играло особо важной роли в экономической жизни страны. Факты говорят, что даже та часть трудового населения, которая располагала незначительными участками с садами, испытывая острую нужду и лишения, опутанная непосильными долгами и нуждаясь в жизненных средствах, продавала за бесценок землевладельцам последние свои крохотные сады и виноградники и отдельные фруктовые деревья.

Садоводство, как и виноградарство, получило развитие в княжеских доменах, во владениях светских и духовных сановников и в феодальных хозяйствах церковно-монастырских корпораций. Однако садоводство не было одинаково распространено и развито на всей территории страны. Лучшие фруктовые сады находились в центральной части Молдавии, в районе гг. Ясс, Сучавы, Котнара, Хушь, а также по рекам Пруту, Серету, Днестру и Реуту.

Жители Молдавии выращивали в садах из фруктовых деревьев: разных сортов яблони и груши, сливы, абрикосы, персики, волошские, или грецкие орехи, айву, вишни, черешни, шелковицу и др. В княжеском хозяйстве, в садах светских и духовных сановников и церковно-монастырских корпораций разводились даже гранатовые, миндальные деревья и цитрусовые культуры, которые совершенно не встречались в крестьянских садах. Из ягодных кустарников разводились: смородина, крыжовник, малина и т. д.

§ 7. ПЧЕЛОВОДСТВО

Одной из важных вспомогательных отраслей сельскохозяйственного производства в Молдавии XVI — первой половины XVII вв. являлось пасечное пчеловодство. Захват светскими и духовными сановниками лесов, находившихся ранее в коллективном владении крестьян-общинников, лишал последних права самостоятельной эксплуатации бортовых угодий. Добываемый мед крепостные и зависимые крестьяне были обязаны поставлять феодалам-землевладельцам и государству.

Анализ источников свидетельствует о том, что трудовое население феодальной Молдавии занималось частично и пчеловодством¹. Однако было бы большой ошибкой преувеличивать роль пчеловодства в экономической жизни страны, как это делали представители дворянско-буржуазной историографии. Не следует забывать, что бедному крепостному крестьянину или городскому жителю держать пасеку или заниматься бортничеством в условиях господства феодально-крепостнических отношений в стране было не так просто. Кроме того, не следует упускать из виду и тот весьма важный факт, что владение пасекой находилось в прямой зависимости от наличия количества земли. На эту сторону дела обратил внимание еще Д. Кантемир, который писал: «Обыватели получают великую от них (пчел. — Ф. Г.) пользу, потому что поля во всех местах изпещрены прекрасными цветами, а леса повсегда простирают изобильное вещество для собирания воску и меду. Но величайшую бы еще имели выгоду, если бы удерживали все те рои, сколько ежегодно пчелы от себя отпускают; *для того что по законам земли запрещено иметь больше ульев, как только по мере земли, имеемой всяким во владении, дабы множество оных не было отяготительно соседям*»² (курсив наш. — Ф. Г.).

Таким образом, крепостным и зависимым крестьянам и городским низам, лишенным, как правило, основных средств производства, но существовавшим тогда в Молдавии феодально-крепостническим «законам земли» запрещено было иметь больше ульев, чем это предусматривалось величиной их надела. А поскольку земля принадлежала светским и духовным феодалам, постольку и пчеловодство, как доходная статья, находилось в их руках. Итак, земля являлась главным лимитирующим фактором, вследствие отсутствия или недостатка которой крестьянские массы и городские низы не могли по-настоящему заниматься пчеловодством.

Важное значение имело пасечное пчеловодство в хозяйствах светских и духовных феодалов, в господарских

¹ Surete și izvoade, t. V, p. 101; t. VIII, p. 230; I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. I, București, 1913, p. 9, 14, 30, 76; Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 91—92; Surete și izvoade, t. VIII, p. 1, 334; t. XXII, p. 56; t. XXIV, p. 2—3.

² Д. Кантемир, указ. соч., стр. 81.

доменах и во владениях церковно-монастырских корпораций. Мед широко употреблялся светскими и духовными сановниками в пищу вместо сахара и для приготовления разного рода напитков, среди которых были и алкогольные. Воск использовался для выделки свечей, применялся в ряде ремесленных производств и, кроме того, являлся важным предметом торговли.

Светские¹ и духовные² феодалы-землевладельцы, церковно-монастырские корпорации³ владели обширными и многочисленными пасеками с огромным количеством ульев и извлекали от пчеловодства значительные доходы. Жалованные подтвердительные грамоты молдавских господарей от 22 августа 1567⁴, 6 декабря 1568⁵, 26 июля 1574 годов⁶ и другие источники свидетельствуют о том, что пчеловодство получило особое развитие в господарском хозяйстве, а также во владениях других феодалов. Из этих источников узнаем, что молдавские господа жаловали различные монастыри страны хлебом, деньгами, воском, бочками с медом «на всякие монастырские нужды»⁷.

Купчая подтвердительная грамота молдавского господаря Георгия Стефана от 8 декабря 1655 года сообщает, что светский сановник, великий казначей при господарском дворе Соломон Бырлэдянул купил за 300 лей и 20 бочек «чистого меда» у другого феодала Д. Поповича четыре вотчины, составляющие части сел: Бербешты, Плешиница, Ботэшеница и Костешты Черновицкой волости⁸.

В документе, датированном апрелем 1685 года, говорится, что некий землевладелец имел 56 пчелиных ульев с «матками»⁹. Из описи имущества монастыря Галата от 25 ноября 1588 года видно, что монастырь

¹ Surete și izvoade, t. II, p. 114—116, 168, 173; t. IV, p. 242; t. V, p. 200.

² Ibidem, t. IV, p. 133; Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 34—35.

³ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 402, 410.

⁴ Там же, т. II, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 181.

⁶ Там же, стр. 40.

⁷ Там же, стр. 174, 181.

⁸ Surete și izvoade, t. V, p. 21—22.

⁹ Там же, стр. 200.

Владел большим количеством пасек, в которых находилось более 584 ульев¹, а в монастырских погребах хранились бочки с медом².

Но далеко не все жители страны (и даже не большинство населения Молдавии) владели пасеками, занимались пчеловодством и делали запасы меда. Экономические условия жизни не были одинаковы для всех членов молдавского общества.

§ 8. ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Жители Молдавии занимались частично и охотой и рыболовством. В стране водились зайцы, лисицы, волки,³ лоси, серны, козы, рыси⁴, вепри, или дикие кабаны⁵, туры, зубры⁶, куницы⁷, белки⁸, медведи⁹, бобры, барсуки и т. д. На рынках Молдавии и за ее пределами продавались лисьи¹⁰, куньи¹¹, беличьи и другие меха¹².

Однако охота и рыболовство потеряли свой прежний массовый характер, с развитием феодально-крепостнических отношений они были монополизированы светскими и духовными сановниками, трудовое население фактически было отстранено от участия в охотничьем и рыболовном промыслах.

В условиях господства феодально-крепостнического строя право охоты и рыбной ловли не отделялось от права собственности на землю. Поэтому охота и рыболовство, естественно, играли весьма ограниченную

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 408—410.

² Там же, стр. 407.

³ «Правила», стр. 5.

⁴ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 74.

⁵ Там же, стр. 78.

⁶ «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. I (XVI ст.), Киев, 1890, стр. 71—74.

⁷ М. Costăchescu, Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare, vol. II, p. 632, 635, 669, 790, 791; I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. I, p. 96; vol. II, p. 275, 276.

⁸ Там же, т. I, стр. 96; т. II, стр. 273.

⁹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 245—246.

¹⁰ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, vol. XV, pag. 2, p. 835—836, 899, 980.

¹¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. I, p. 96, vol. II, p. 273.

¹² Там же.

роль в жизни сельского и городского трудового населения.

Леса, лучшие общинные угодья, места для охоты и рыбной ловли были превращены военными и духовными сановниками в феодальную собственность. Крепостным и зависимым крестьянам и городским бедным жителям категорически запрещалось ходить на охоту в запретные места.

Аналогичное положение с охотой и рыбной ловлей было и на Руси¹ и в Западной Европе. Хорошо известно по правовым памятникам Западной Европы, что «простонародью» строжайше запрещалось охотиться в лесах, принадлежавших феодалам, под страхом наказания, вплоть до смертной казни².

К числу крестьянских повинностей в Молдавии, точно так же как и на Руси³ и в средневековой Западной Европе, в частности в Германии, источники относят участие в облавах на дичь, устраиваемых молдавскими господарями, высшей придворной военной знатью и частными землевладельцами.

Охота являлась привилегией и монополией господствующего класса. Крестьяне были лишены возможности охотиться. Это отчетливо видно из слов Д. Кантемира: «Народ (автор имеет в виду высшие слои молдавского феодального общества. — Ф. Г.), совсем преданный оружию, звероловение, яко некоторой род войны всем прочим подвигам предпочитает»⁴. Сначала феодальная знать еще «знала меру» охоте, — говорит автор, — поэтому могли охотиться и крестьяне. «Но как в последующие времена князи и в сем превзошли умеренность, и бедным поселянам, обитающим в полях и лесах для охоты удобных, едва столько оставляли времени, сколько потребно в промыслении себе хлеба, то почасту от того восставали бунты»⁵.

Во время охоты «собирают (землевладельцы. — Ф. Г.) несколько тысяч мужиков из ближайших деревень, коих посылают в лес для взогнания дичины. С поля все леса обстанавливают со всех сторон охотники отчасти с собаками, а прочие с тенетами (сети);

1 Очерки истории СССР, XIV—XV вв., ч. 2, М., 1953, стр. 35.

2 Там же.

3 Там же.

4 Д. Кантемир, указ. соч., стр. 244.

5 Там же, стр. 245.

и так звери, взогнанные *мужичьим криком* (курсив наш. — Ф. Г.), без великого труда бывают пойманы. Чтобы ободрить прилежание ловцов, установили князи за каждую дичину особливые некоторые подарки... По окончании охоты чистые звери, употребляемые в пищу, частью относились в княжескую кухню, отчасти ж разделялись по баронам (боярам.—Ф. Г.) и офицерам; не чистые же как-то: лисицы, волки, медведи, дикие кошки и прочие звери, каковые на горах молдавских водились, жаловались пейкам, или служителям княжеским, кои от кож оных не малый доход получали»¹. А голодные и уставшие крестьяне возвращались с охоты домой с пустыми руками.

Д. Кантемир говорит, что господам Молдавии ходили на охоту целой свитой, состоявшей из бояр, офицеров, купцов, дворян и солдат². Кроме того, охотились и самостоятельно «все вельможи, бароны, солдаты, дворяне и купцы»³.

Таким образом, даже из сообщений князя феодальной Молдавии Д. Кантемира видно, что монопольным правом охоты пользовались князья, вельможи, бояре, дворяне, офицеры, купцы и духовные сановники, а крестьяне использовались как вспомогательная сила с тем, чтобы своим «мужичьим криком» обеспечить господам возможность «без великого труда»⁴ поймать и убить побольше дичи.

Такой же в основном привилегированный, монопольный характер, носило в условиях феодально-крепостнической Молдавии и рыболовство. Отдельные упоминания в источниках о том, что рядовые жители страны занимались частично и рыболовством⁵, не меняют общей картины.

В Молдавии было значительное количество крупных и мелких озер, водоемов, прудов, изобилующих рыбой. В пределах страны протекало много больших

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 245—246.

² Там же, стр. 245.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ E. Picot, Op. cit., p. 312; E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 2, p. 108; Surete și izvoade, t. IV, p. 11; t. V, p. 194; «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. 2, Одесса, 1848, стр. 566; Чтения ОИДР, кн. 1, январь-март, М., 1875, стр. 146.

и малых рек, например, Дунай, Днестр, Прут, Серет, Сучава, Молдава, Бырлад, Бистрица, Тротуш, Ботна, Реут и другие, в которых также водилась рыба¹. Но все эти естественные богатства страны принадлежали феодалам-землевладельцам². Они пользовались правом рыбной ловли и сделали из нее один из дополнительных источников своего обогащения. Крестьяне же за нарушение этого феодального права подвергались очень высоким штрафам³.

П. Алеппский, касаясь рыболовства в Молдавии в середине XVII в. и говоря о доходах некоторых феодалов от рыбной ловли, писал: «Мы проехали на тот конец города (Оргеева. — Ф. Г.) по деревянному шлюзу озера и по дорогам, сделанным из связок хвороста, под коими текут протоки воды вертящихся мельниц. Эти места и работы изумительные для ума; они принадлежат к числу шлюзов, которые устроил в свое время господарь Василий на десяти озерах в молдавской стране. Добытая ежегодно из этого озера рыба продается на сумму в 3000 золотых»⁴.

§ 9. КРЕСТЬЯНСКАЯ ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Несмотря на ту огромную роль, которую играла домашняя промышленность в трудовой деятельности крестьян, эта сторона производства очень мало отражена в источниках. Тем не менее, суммируя разрозненные данные, мы постараемся хотя бы в общих чертах показать и эту сторону трудовой деятельности сельского населения Молдавии XVI — первой половины XVII вв.

Натуральное хозяйство составляло одну из основных характерных черт феодального способа производства. В средневековом обществе, как указывал Ф. Энгельс, «Крестьянская семья производила почти все для нее нужное: орудия и одежду, так же как и

¹ Arhiva Românească, Ed. a 2-a, Iași, 1860, p. 245.

² E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. II, p. 235—236; t. III, p. 399—400, 402—410; ЗООИД, т. I, Одесса, 1844, стр. 349—350.

³ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 8.

⁴ П. Алеппский, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, вып. I, М., 1896, стр. 153—154.

жизненные средства»¹. Поскольку в Молдавии давно сложились феодально-крепостнические отношения, отношения господства и подчинения, личной зависимости и внеэкономического принуждения, постольку крестьянское производство удовлетворяло также потребности феодалов-землевладельцев. «Феодальное господство в средние века, — говорит далее Ф. Энгельс, — опиралось на хозяйство мелких самодовлеющих общин, которые сами производили почти все необходимые предметы своего потребления...»². Производство тогда велось почти исключительно «...с целью непосредственного потребления продуктов самим ли производителем или его феодальным господином»³.

Анализ сохранившихся источников показывает, что крестьянская семья, как основная производственная единица феодально-крепостнического общества Молдавии, за счет эксплуатации которой жили светские и духовные феодалы, сама производила почти все материальные блага: основные орудия труда, одежду, жизненные средства. Крестьяне значительную часть продукции домашнего ремесленного производства обязаны были бесплатно поставлять феодалам-землевладельцам в виде дополнения к феодальной земельной ренте. Эти натуральные поставки светским и духовным феодалам состояли из домашнего льняного, конопляного полотна, шерсти, сукна и т. д.

Домашняя крестьянская промышленность была тесно связана с земледелием. В. И. Ленин указывал, что: «Патриархальное (натуральное) земледелие соединяется с домашними промыслами (т. е. с обработкой сырья для своего потребления) и с барщинной работой на землевладельца.

Этот вид соединения крестьянских «промыслов» с земледелием наиболее типичен для средневекового хозяйственного режима, будучи необходимой составной частью этого режима»⁴.

Остановимся теперь более конкретно на тех ремесленных изделиях и основных орудиях производ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 2, Госполитиздат, 1948, стр. 132.

² Там же, стр. 152.

³ Там же, стр. 144.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 329.

ства, при помощи которых производились первостепенные материальные блага, главным образом пища и одежда, и которые вырабатывались непосредственно в крестьянском хозяйстве членами крестьянской семьи.

Как уже отмечалось выше, главные сельскохозяйственные орудия (плуг, соха, борона, серп, грабли и т. д.) были домашнего патриархального производства, они являлись основными орудиями труда для добытия жизненных средств.

В крестьянской семье собственным трудом в основном изготовлялись и главные орудия труда для выделки одежды. Таковы, например, деревянный ткацкий станок («вырстак»), льномялка и коноплемялка («батэтоаря»), прялка и веретено («фурка де торс ши фу-сул»), мотовило («выртельница») и челнок («сувей-ка»). Эти орудия без существенных изменений просуществовали вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, а затем были сданы в Краеведческий музей. Они наглядно показывают, насколько отсталой, рутинной и примитивной была техника феодально-крепостнической и даже капиталистической Молдавии и какой гигантский скачок сделала социалистическая Молдавия и ее техника за годы Советской власти.

Домашнего патриархального производства являлась и одежда сельского населения.

Ткачеством и вообще изготовлением крестьянской одежды, как правило, занимались в зимнее время, после окончания полевых работ. Женщины и девушки пряли, ткали и шили мужскую и женскую верхнюю и нижнюю одежду для членов крестьянской семьи; еще больше ткали и пряли они, для удовлетворения потребностей феодалов-землевладельцев.

«Тканием ковров,— писал академик Л. С. Берг,— занимались женщины. Материалом служила шерсть от местных пород овец, цушек и цыгайской. Молдавские ковры все гладкие. Преобладающие цвета черный, желтый и малиновый, иногда зеленый. Для красных тонов употребляли кошениль, для розовых — цветы мальвы.

Кроме ковров, молдаванки ткали также ткани из овечьей шерсти, пеньки, льна. В каждом доме ткали холст, рядно, сукно, скатерти, полотенца, пояса, мешки, вязали чулки, рукавицы. В монастырях молдаванки

изготавливали прекрасные сукна коричневого, черного и серого цвета, а также более легкие женские материи, иногда с примесью шелка»¹.

Женщины и девушки, изготавливавшие сукно, холст, рядно, полотно и другие домашние ткани, работали, как уже отмечалось, на деревянном станке, в котором почти не было ни единого кусочка железа,— станке самой обыкновенной и простой крестьянской конструкции, состоящем, как правило, из грубо обтесанных и сколоченных брусьев. У ткацкого станка, или «вырстака», не было даже никакого приспособления для натягивания основы («урзалэ»). Этот станок был неуклюж и занимал так много места, что с трудом помещался в молдавской крестьянской хижине.

Работа на таком станке протекала исключительно медленно, и производительность труда, несмотря на виртуозность крестьянской ткачихи, была крайне низкой. Поэтому станок целыми месяцами стоял в избе. до тех пор пока крестьянка наткет немного полотна, холста на рубахи или грубошерстного сукна на верхнюю одежду, чтобы «покрыть кости», как говорили тогда крестьяне.

Крупные и средние феодалы не ограничивали свои потребности только продукцией вотчинного и крестьянского ремесла, они носили богатую и роскошную одежду местного городского и иноземного производства.

Домашней выделки была и основная крестьянская обувь — лапти («опинч») из сыромятной кожи.

Для хранения скудных крестьянских запасов — зерна, овощей, вина и других сельскохозяйственных продуктов — изготавливались бочки, кадки, корзины, ведра и т. д. Домашняя утварь, посуда также являлись в основном предметом собственного патриархального производства.

Льготная несудимая грамота от 13 марта 1466 года, данная жителям села Негосшты, свидетельствует о том, что в молдавских городах и селах развивалось гончарное и деревообделочное производство, почти исключительно обслуживавшее потребительские нужды местного населения. В грамоте содержатся упоминания

¹ Л. С. Берг, Бессарабия. Страна—люди—хозяйство, Петроград, 1918, стр. 93.

также о железе и гончарных и деревянных ремесленных изделиях, фигурировавших и на внутреннем рынке: «от железо или от плав или от горници (гончарные изделия. — Ф. Г.) или от деревеном соудинам...» (деревянной посуды. — Ф. Г.)¹.

В феодальных вотчинах и церковно-монастырских корпорациях также имело место ремесленное производство, основанное на труде крепостных и зависимых крестьян и частично холопов.

Льготная несудимая грамота от 23 февраля 1453 года² и почти аналогичная грамота от 19 сентября 1597 года³, вышедшие из молдавской господарской канцелярии, свидетельствуют о том, что в селах, пригородах-посадах, местечках и городах страны проживали и трудились ремесленники: шубники, плотники, кузнецы, шорники, бочары, горшечники и гончарных дел мастера, печники, каменщики и т. д. Ремесленники монастыря Лацко Сучавской городской округи, согласно льготной грамоте от 19 сентября 1597 года, имели право ходить и продавать «горшки, соль, рыбу, живой и мертвый товар, или вообще, чем могли располагать, для того чтоб прокормиться; им разрешалось ходить по городам и селам, и по всей стране...»⁴

Согласно упомянутой уже выше описи движимого и недвижимого имущества хозяйства монастыря Галата от 25 ноября 1588 года, в монастыре насчитывалось 53 ковра. Из этих ковров 16 были пожалованы монастырю молдавскими господарями, 9 — пожертвованы различными высокими государственными сановниками и 9 — переданы боярами⁵. Опись умалчивает, каким образом попали в монастырское хозяйство остальные 19 ковров. Они могли быть изготовлены в собственном монастырском хозяйстве, или поступить в виде оброка от крестьян, или, наконец, монастырь мог приобрести их на рынке.

¹ I. Bagdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 96.

² M. Costăchescu, Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, vol. 2, Iași, 1933, p. 462.

³ T. V. Ștefanelli, Documente din vechiul ocol al Câmpulungului Moldovenesc, București, 1915, p. 435—436.

⁴ Там же.

⁵ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 402.

Можно полагать, что хотя бы часть ковров была произведена монастырскими крестьянами.

Кроме того, в монастырском хозяйстве имелись одеяла, наволочки¹, четыре стола², бочки³, ведра⁴ и т. д. Несомненно, что часть упомянутых предметов домашнего обихода была изготовлена крестьянскими руками в монастырском хозяйстве или на дому, в собственной семье, а затем в виде оброка попала в руки духовных феодалов.

В одном документе 30—40-х годов XVII века говорится, что молдавский Воронежский монастырь, нуждаясь в полотне («пынзэ»), направил своего человека в г. Бистрицу для того, чтобы он обменял монастырскую пшеницу на 200 локтей полотна для рубах монахам⁵. Далее сказано, что в монастырских вотчинах изготовлялись «перчатки с пятью пальцами»⁶. Д. Кантемир также отмечал, что в монастырских имениях люди занимались «рукоделием»⁷. Однако вотчинное ремесло не играло существенной роли в экономике страны. Потребности светских и духовных землевладельцев в основном удовлетворялись домашним крестьянским и городским ремеслом.

Таким образом, крестьянская семья являлась основной производственной единицей молдавского феодально-крепостнического общества XVI—XVII веков, за счет жестокой эксплуатации которой жили светские и духовные феодалы.

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 402.

² Там же, стр. 403.

³ Там же, стр. 407.

⁴ Там же, стр. 403.

⁵ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, pag. 2, p. 1015.

⁶ Там же, стр. 1016.

⁷ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 372.

Глава вторая

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ

§ 1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ФЕОДАЛЬНОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ

История феодальной земельной собственности в Молдавии в ее различных формах до сих пор изучена еще совершенно недостаточно. Между тем вопрос о землевладении — это один из основных вопросов истории феодально-крепостнической формации.

Русская и молдавская дворянско-буржуазная историография, как правило, не ставила перед собой задачу исследовать развитие форм феодальной собственности на землю в Молдавии, не пыталась показать отношение различных общественных групп, классов или сословий и отдельных лиц к средствам производства вообще и к земле в частности.

Проблему феодального землевладения в Молдавии затрагивали некоторые румынские буржуазные исследователи. В связи с рабоче-крестьянскими волнениями в Румынии в начале XX в. земельный вопрос снова (после сильного крестьянского восстания 1888 года) приобрел большое значение. Не только широкие массы трудящихся этой аграрной страны, но и правительственные круги поставили указанный вопрос на одно из центральных мест. Апрельское восстание 1907 года в Румынии, которое «до основания расшатало устои Румынского государства»¹, характеризовалось, так же, как и в России в 1905—1907 годах, выступлением широких народных масс. Сущность аграрного вопроса составляла борьба крестьянства за уничтожение боярско-дворянского землевладения и феодально-крепост-

¹ R. Rosetti, Pentru ce s'au răsculat țărani, București, 1907, p. 1.

нических остатков в общественно-политической жизни страны. Аграрный вопрос весьма беспокоил правящие сферы, о нем писали авторы ряда книг и статей. На страницах печати развернулась полемика по аграрным проблемам между сторонниками либерально-буржуазной и буржуазно-консервативной партий королевской Румынии. Эта полемика представителей двух партий вызывает большой научный и политический интерес не только тем, что знакомит нас с постановкой вопроса о землевладении в буржуазной историографии, но и тем, что показывает характер буржуазной науки эпохи империализма, демонстрирует ее кризис и вскрывает продажность буржуазной печати.

В. И. Ленин в своей статье «Капитализм и печать» указывал, что «...когда вконец перессорятся «деятели» буржуазного газетного дела, они раскрывают перед публикой продажность и проделки «больших» газет»¹. Так получилось и с лидерами буржуазных (либеральной и консервативной) партий королевской Румынии. В пылу полемики они настолько увлеклись, что осветили то, что они и их сторонники обычно предпочитали держать в тайне.

В румынской буржуазной монографической исторической литературе и в периодической печати горячо обсуждался вопрос о происхождении земельной собственности и прав на землю. Историки и историки-юристы разделились по этому вопросу на две основные диаметрально противоположные стороны. Одна группа авторов доказывала извечность и неизбежность частной собственности на средства производства вообще и на землю в частности, отрицала права крестьян на землю и признавала права крупных земельных собственников. Представители этого направления, подобно западноевропейским буржуазным историкам Фюстель де Куланжу и Сибому, отрицали общинное землевладение в дофеодальный период и крестьянскую общину. Представители противоположного политического направления, ссылаясь в порядке сравнительно-исторического изучения на работы М. М. Ковалевского, Л. Г. Моргана, Г. Л. Маурера и других авторов, доказывали, что некогда на территории Дунайских княжеств, как и в дру-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 143.

гих странах, существовала коллективная собственность на землю, что крупная частная земельная собственность образовалась из ряда систематических насильственных захватов крестьянских общинных земель знатью, а следовательно, крестьянам в основном и должна принадлежать земля; это их естественное историческое право.

Наиболее острая борьба мнений развернулась между либерально-буржуазным историком Р. Росетти и одним из лидеров реакционной буржуазной консервативной партии, адвокатом Г. Пану.

Реформистская румынская либерально-буржуазная партия имела в своих рядах людей с европейским образованием. Именно к таким людям и принадлежал Росетти, доказывавший необходимость проведения аграрной реформы на «научной основе», видевший корень «общественных беспорядков» в крупной земельной собственности. Консервативная же партия была против всяких аграрных и иных реформ, против перераспределения крупной земельной собственности, несмотря на то, что страна была уже охвачена пламенем крестьянских восстаний.

«Либеральная буржуазия, одной рукой давая реформы, другой рукой всегда отбирает их назад, сводит их на нет, использует их для закабаления рабочих, для увековечения наемного рабства трудящихся»¹, — писал В. И. Ленин. Именно эту цель преследовали представители румынской либеральной буржуазии. Росетти, являясь идеологом и выразителем интересов крупной сельской буржуазии, по его словам, искал «лекарство», чтобы положить конец крестьянскому движению в стране, которое угрожало существовавшему общественно-политическому строю. Таким лекарством он считал аграрную «реформу», которая решила бы земельный вопрос и отвлекла бы трудящиеся массы от революционного движения. Таким образом, Р. Росетти, прикрываясь левой фразеологией, говоря о правах крестьян на землю и т. д., стремился увековечить наемное рабство и укрепить расшатавшиеся устои Румынского эксплуататорского государства. Не следует забывать, что Р. Росетти был не только крупным земельным собственником, но и начальником тюрем и казематов в королевской Румынии.

В последних числах декабря 1906 года вышла в свет работа Росетти: «Земля, селяне и владельцы в Молда-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 334.

вии»¹. Эта книга еще больше обострила полемику по аграрному вопросу, вызвала целую бурю негодования со стороны румынской консервативной партии. Пану в своей работе «Попытка мистификации» назвал труд Росетти «подрывным и разрушительным», считая его самого ответственным за возникшие весной 1907 года крестьянские волнения и восстания. Это обвинение в адрес Росетти вызвало его на откровенность, и он сделал интересные признания, выдав истинную подоплеку той «объективности», которую всячески пропагандировали буржуазные авторы.

«Моя книга,— писал Р. Росетти,— *«Земля, селяне и владельцы в Молдавии»* имела честь вызвать негодование румынской консервативной партии. Вышедшая в свет в конце декабря 1906 года, эта работа прозвана членами вышеназванной партии «подрывной» и считается несущей долю ответственности за возникшие весной следующего года крестьянские волнения. Это обвинение совершенно необоснованно; работа, являясь чисто исторической, была написана довольно объективно и в весьма умеренном тоне. Будучи широко документированной научной книгой, *она была предназначена и написана для культурной публики; ее современная форма изложения делает книгу совершенно непонятной для широких народных масс... Наконец, ее высокая цена, десять лей за один экземпляр, делает книгу абсолютно недоступной для народа* (курсив наш. — Ф. Г.).

Действительный грех и проступок книги в глазах наших сегодняшних консерваторов состоит в том, что она показывает, как у нас возникла крупная частная земельная собственность в результате целого ряда захватов, имевших место на протяжении веков и осуществляемых господствующим классом в ущерб крестьянским правам пользования землей, которые они имели с древнейших времен на все занимаемое ими пространство земли; книга показывает, что рост крупного землевладения также шел путем превращения кнеза из руководителя села-общины в собственника того же села. Эти факты имели место и в других странах, они были изложены в многочисленных книгах многочисленными авторами, но ни-

¹ R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907.

кто в тех странах не додумался объявить такие книги «подрывными», а их авторов публично преследовать.

Притязания и требования (лидеров консервативной партии. — Ф. Г.) не вскрывать и не говорить историческую правду, которая интересует весь народ, лишь потому, что правда вызывает истерические судорожные припадки ничтожной клики, преследующей своекорыстные цели, абсолютно недопустимы в XX веке.

Приостановить распространение правды или заглушить ее уже больше невозможно: если не я рассказал бы истину, правду, которая так сильно потревожила румынских консерваторов наших дней, то ее рассказал бы другой, и, может быть, в более угрожающей для их спокойствия форме. Но этот покой они не найдут, скрывая и заглушая правду, до тех пор пока крестьянам не будет принадлежать земля, на которую они имеют право своим трудом и численностью. Тогда не будет ни «поджигателей», ни «подрывных» сочинений¹.

С тех пор, как были написаны румынским либерально-буржуазным историком эти строки, прошло более столетия. За это время очень многое изменилось и мир стал неузнаваем. Неузнаваема стала и бывшая королевская боярско-буржуазная Румыния. В стране уничтожен капиталистический строй и ликвидированы остатки феодально-крепостнических отношений; выброшены за борт и исчезли с исторической арены деятели буржуазно-либеральных и консервативных партий, которые так и не решились земельного вопроса. В Румынии установлен народно-демократический строй, а аграрную проблему окончательно разрешил сам румынский народ. Но слова и признания Росетти, выходца из крупнейшей боярской фамилии, не потеряли своего значения и сегодня. Они в какой-то мере характеризуют состояние современной буржуазной науки в капиталистических странах. Ценность этих признаний состоит в том, что они исходят из уст представителя господствовавшего эксплуататорского класса и выразителя идей буржуазной историографии,— такой человек, конечно, не может быть заподозрен в сочувствии социализму. Слова Росетти поучительны и

¹ R. Rosetti, Pentru adevăr și dreptate. Răspuns unei critici, Iași, 1911, p. 3—4.

потому, что аграрная проблема в капиталистических, колониальных и зависимых странах еще не получила своего разрешения, а фальсификация исторической правды в эпоху империализма особенно усилилась.

Истинная подоплека высказываний Росетти состоит в том, что, предназначая свою книгу не для народа, он под видом объективного исторического исследования, рассчитанного на «культурную публику», пропагандировал буржуазные взгляды на собственность.

Но в исследовании Росетти имеется ряд верных мыслей. Он следующим образом сформулировал свои взгляды на происхождение феодальной земельной собственности:

«Разница между мной и противоположной стороной (представителями консервативной партии. — Ф. Г.) в трактовке вопроса о землевладении заключается в том, что я считаю и доказываю, что крестьянское право землепользования было более древним, чем право крупного землевладельца, право землепользования предшествовало праву крупного землевладельца, который родился и разросся в результате целого ряда непрерывных и последовательных узурпаций крестьянских земель, в то время, как мой противник (Г. Пану. — Ф. Г.) доказывает обратное; он представляет дело таким образом, что будто бы частная собственность извечна и право крупного земельного собственника на землю исконно, а крестьянин позже поселился на его земле, а следовательно, и прав на таковую не имеет»¹.

Разумеется, нельзя согласиться с мнением Росетти о том, что происхождение частной собственности на землю и рост крупного феодального землевладения являются результатом лишь голого насилия, хитрости и обмана. Классики марксизма-ленинизма отмечают, что «в основе деления на классы лежит закон разделения труда. Это, однако, отнюдь не исключало применения насилия, хищничества, хитрости и обмана при образовании классов»²; возникновение частной собственности на средства производства вообще и на землю

¹ R. Rosetti, Op. cit., p. 69.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 2, Госполитиздат, 1948, стр. 141.

в частности является объективно-закономерным историческим процессом, что же касается насилия, внеэкономического принуждения, то подобные «...политические средства только содействуют ускорению и усилению» этого процесса¹.

Краеугольным камнем марксистско-ленинской теории происхождения частной собственности на землю служит учение об общинном землевладении как первоначальной форме земельной собственности, причем в Молдавии она сохранилась дольше, чем во многих других странах. Из общинной земельной собственности возникла частная земельная собственность и крупное феодальное землевладение.

По вопросу о формах феодальной собственности на землю в Молдавии и Валахии среди историков и юристов еще нет единого мнения. Одна (большая) группа авторов считает, что в Дунайских княжествах существовало только наследственное, полное и безусловное феодальное вотчинное землевладение, отрицая или молчаливо не признавая наличие условной (поместной) системы землевладения. Другая (меньшая) группа ученых придерживается мнения, что молдавскому и валашскому феодальному праву хорошо были знакомы обе формы землевладения, известные и в других странах, что наряду с вотчиной в Молдавии и Валахии существовал и условный вид землевладения — «поместье», или «выслужание».

Росетти в упомянутой уже выше монографии «Земля, селяне и владельцы в Молдавии» ставит вопрос: «Как рассматривать пожалование или подтверждение села, селища или просто участка земли, пустоши, посредством господарской жалованной или подтвердительной грамоты на наследственном праве? Является ли оно (это владение. — Ф. Г.) для владельца или для его наследников собственностью?»² Автор отвечает на этот вопрос утвердительно: «Да,— говорит он,— пожалование или подтверждение земельного владения посредством господарской жалованной или подтвердительной грамоты, несомненно, означало признание его собственностью, которая передавалась по наследству лю-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 392.

² R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 144—145.

бым наследникам как по мужской, так и по женской линии. Тот, кто получал участок земли, вотчину через великокняжескую грамоту, имел полное и безусловное право продать или подарить эту вотчину целиком или по частям, наследники (в свою очередь) могли ее разделить между собой, подарить или продать свои части»¹; это владение составляло «гораздо больше, чем аллод»², — утверждает Росетти.

Признавая вотчину единственной формой феодального землевладения в Молдавии, основанного на праве полной и безусловной наследственной собственности, Росетти отрицает наличие поместного условного феодального землевладения. При рассмотрении многочисленных исторических документов, вышедших непосредственно из молдавской господарской канцелярии, он не нашел на него никаких указаний.

Росетти был крайне удивлен тем, что Г. Попович «открыл особый тип поместного землевладения»³ в Молдавии на основе каких-то неясных и «стереотипных слов» документов. Выражения «*слоужил нам право и верно, темъ мы видешие его правую и верную службу до нас, жаловали есми*» (курсив автора. — Ф. Г.) и т. д. нельзя брать «ad litteram»⁴, т. е. буквально, — указывает он. Это была обычная формула жалованных и подтвердительных грамот, в большинстве из которых не идет речь ни о какой службе вассала своему сюзерену⁵.

Подчеркивая, что земля, жалованная сюзереном своему вассалу, всегда представляла полную и безусловную собственность ее владельца, Росетти указывал, что дарение и подтверждение обозначались в документах словами «*отнинъ*» (patrimonia) и «*дединъ*» (moşie)⁶ (курсив автора. — Ф. Г.).

Выводы Росетти не могут быть полностью приняты, ибо при феодализме не существовало полной и безусловной земельной собственности, отчуждаемой свободно, как товар. В эпоху господства феодальных отно-

¹ R. Rosetti, Op. cit., p. 145.

² Там же.

³ Там же, стр. 153.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 143.

шений феодальная собственность на землю носила монополичный, сословный характер и была в той или иной мере обусловлена различными (прямо оговоренными или молчаливо подразумеваемыми) обязательствами вассала по отношению к своему сюзерену, юридически считавшемуся верховным земельным собственником всей страны в целом. Росетти, как и другие буржуазные авторы, распространял на собственность периода феодализма понятия о буржуазной собственности. Но он был прав в том отношении, что в Молдавии при наличии вотчинного землевладения отсутствовала форма феодальной земельной собственности, аналогичная русскому поместью.

Близок к Росетти в этом отношении по своим взглядам румынский буржуазный историк К. Жюреску, который писал: «Все слова, при помощи которых выражались у нас понятия, связанные с *земельной собственностью* (курсив автора. — Ф. Г.) как на славянском, так и на румынском языках, имели значение наследства. Во всех славянских документах земельное владение, имение (*moşia*) называется *дедина* и *очина*, *баштина*. Термин *дедина* происходит от слова *дед*, *моş*, и означал *наследство*, которое *шло от дедов*. *Очина* происходит от слова *отец*, а *баштина* — от южнославянского слова *баштина*: *очина* и *баштина* означали, что в обоих случаях речь идет о *наследстве*, полученном от отца. С течением времени отличительный оттенок для этих трех слов постепенно исчез, во всех трех случаях стало обозначаться наследство вообще, независимо от того, досталось ли оно от дедов или от родителей».

Далее Жюреску указывает: «Из славянского языка термины *отчина* и *баштина* перешли и в румынский язык, обозначая понятие *наследственного имени* («*moşie de moştenire*»). Что касается славянского слова *дедина*, то в румынском языке ему точно соответствует слово *мошия*, которое происходит от слова *мош*, что означает в переводе с румынского языка на русский — *дед*. Термин *дедина*, также как и *мошия*, когда-то обозначал имение, доставшееся *по наследству* от предков или родителей. Впоследствии из этого понятия о наследственности развилось современное (буржуазное. — Ф. Г.) понятие *земельной собственности*. *Мошия* была некогда довольно распространенной формой

земельной собственности, передаваемой по наследству¹. Владельцы этой земельной собственности в древнеславянских документах часто именуются деди, дедины и наследники»².

Таким образом, Жюреску, так же как и Росетти, признает наличие в Дунайских княжествах только одной формы феодальной собственности на землю, основанной на наследственном праве.

Русский буржуазный исследователь Д. Д. Суручан, напротив, считал, что в Молдавии были известны и поместья, которые «давались служилым людям вместо жалования за их службу», и «потому и не составляли частной собственности, передаваемой по наследству»³.

Советский историк Ю. Звягин в своем предисловии к «Истории Румынии», вышедшей в Москве в переводе с румынского на русский язык, дав общую, в основном положительную оценку этому коллективному труду, а затем, указав на его недостатки и ошибки, между прочим, отмечал: «Недостаточно внимательное отношение авторов к исследованию экономических основ феодального строя в княжествах привело их к неточному изображению форм земельной собственности в княжествах в эпоху феодализма. Авторы постоянно путают две формы земельной собственности, характерные для эпохи феодализма, — полную и условную собственность. К группе феодалов, владевших вотчинами на правах полной собственности (в Румынии вотчины назывались «баштинами», или «отчинами»), относились боярство (*boierimea*); ко второй группе феодалов, собственность на землю которых была условной, относилось дворянство (*nobilimea*). Владения дворян носили название «поместья» (*moşie*)»⁴.

Рассуждения Ю. Звягина являются плодом чистого недоразумения. Как уже указывалось, слово «мошие» происходит от слова «мош», что в переводе на русский язык означает дед; «мошие» значит «дедина» — термин, который ведет свое происхождение от слова «дед». Отсюда совершенно ясно, что молдавская

¹ Мелкие земельные владельцы — крестьяне-общинники, назывались в Валахии «дедини» или «мошняны».

² С. *Giurescu*, *Op. cit.*, pp. 336, 337—339.

³ Д. Д. *Суручан*, Происхождение и первоначальная история резешей и резешских общин, ж. «Жизнь Юга», 1897, № 2, стр. 151—152.

⁴ «История Румынии», предисловие, М., 1950, стр. 19—20.

«мошия» соответствует русской «дедине», а не поместьем, как утверждает Ю. Звягин. Нередко термин «дедина», так же как и «мошия», выступает в исторических источниках рядом с «отниной» — вотчиной, и между ними ставится знак равенства.

Следовательно, документальные ссылки, приведенные Звягиным, говорят не об условной (поместной) форме феодального землевладения в Молдавии и Валахии, а указывают на следы давно уже не существующей, уже исчезнувшей разницы между вотчиной и дединой, которые, как известно, всегда одинаковым образом передавались по наследству.

Ссылка Звягина на авторитет румынского историка П. П. Панаитеску о том, что якобы последнему была известна разница между «отниной» (вотчиной) и «мошией» (поместьем), также неудачна, ибо из приведенных Звягиным слов Панаитеску не видно, чтобы последний устанавливал именно в таком смысле различие между «отниной» и «мошией». В действительности он проводил грань между боярством и дворянством.

Для выяснения вопроса напомним слова Панаитеску, на которых, как нам представляется, ошибочно основывается Звягин: «Следовательно,— пишет румынский историк,— боярство было сеньоратом в смысле старого класса (земельных) собственников Запада. Это не означает, что у нас не существовало привилегированного дворянства, владевшего актами на собственность и на иммунитет, данными им господарем». И далее: «Это феодальное дворянство есть создание господарской власти, в то время как собственно боярство является более древним социальным классом»¹.

Следовательно, Панаитеску фактически подчеркивает не разницу между вотчиной («отниной») и дединой («мошией»), а проводит грань между родовитым боярством и сложившимся позднее дворянством — грань, наличие которой и мы не отрицаем, хотя, естественно, и бояр и дворян относим к одному господствовавшему эксплуататорскому классу феодалов-землевладельцев.

Следовательно, в Молдавии и Валахии различие между категориями феодалов-крепостников проводилось

¹ «История Румынии», М., 1950, стр. 19—20.

не на основе характера их владений землей, форм или видов феодальной собственности на землю, а на основе размеров их земельных владений и числа «ленно-зависимых крестьян», ведущих свое «самостоятельное» хозяйство.

Очевидно, наличие прослойки дворянства¹ (слова «поместье», «помещик» в молдавских исторических источниках вообще не фигурируют) в Молдавии еще не даст основания утверждать, что в стране была развита условная (поместная) форма феодального землевладения.

Рассмотренные нами в 1943—1948 гг. молдавские исторические источники XIV—XV вв., содержащие некоторые весьма неясные намеки на наличие отдельных элементов поместной системы землевладения в Молдавии, дали нам повод без должных оснований утверждать в категорической форме, что «молдавское феодальное право знало те две основные формы владения землей, которые были присущи феодальному строю во всех странах: 1) владение на праве полной (вотчинной) собственности и 2) владение, представляющее собой условную собственность — выслугу»².

Дополнительное и более углубленное исследование экономических основ феодально-крепостнических отношений в Молдавии, изучение форм феодальной собственности привели нас к необходимости пересмотреть свою прежнюю точку зрения и внести в нее соответствующие коррективы. Факты убеждают, что условная (поместная) форма землевладения не получила своего развития на территории Молдавии, а поэтому и не нашла соответствующего отражения в исторических источниках.

Что касается понятия «выслужения» (выслуги), то оно имело наследственный характер. «Выслужение» — это в основном земельная собственность, полученная вассалом (светским или духовным) от великокняжеской власти в виде вознаграждения за «верную и правую службу» своему сюзерену.

Вопрос о развитии форм феодальной собственности в Дунайских княжествах изучен с марксистско-ленинских

¹ Например, в 1591 году в Молдавии насчитывалось 4983 дворянина, владевших землей на наследственном праве.

² Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950, стр. 155.

позиций совершенно недостаточно. Эта проблема в советской, русской и молдавской историографии по-настоящему только поставлена: «Перед историками стоит задача изучения, во-первых, феодальной собственности как системы экономических отношений; во-вторых, как юридического выражения существовавших производственных отношений»¹.

§ 2. РЕЗЕШСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Термин «резеш» в научно-исследовательской литературе трактуется по-разному. Некоторые ученые считали, что этот термин славянского происхождения. Так, например, Г. Кодрян утверждал, что трансильванские поселенцы, «эти мунтяны, были наделены участками земли и сделались **резешами** (от слова «резать» — нарезать землю)...»² Л. С. Берг, основываясь, главным образом, на выводах своих предшественников и солидаризируясь с ними, отмечал: «Есть предположение, что слово резеш (по-молдавски рэзеш) происходит от славянского резать, обозначая нарезанный участок или удел. Разэ по-молдавски значит участок»³.

Другой точки зрения придерживались Р. Орбинский⁴, М. В. Шимановский⁵, Н. Борецкий-Бергфельд⁶. Они полагали, что наименование «резеш» латинского происхождения. Н. Борецкий-Бергфельд, например, писал: «Почти одновременно с основанием придунайских княжеств образуется класс несвободных крестьян, которые в Валахии назывались *gumini*, а в Молдавии — *vesine* (от латинского *vicus* — деревня). Помимо земельной аристократии, которая являлась полным антиподом класса несвободных крестьян, существовал еще промежуточный класс (точнее — крестьянская прослойка. — Ф. Г.) сво-

¹ Л. В. Черепнин, Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века), ж. «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 40.

² Г. Кодрян, Бессарабия, Историко-географический очерк, Кишинев, 1901, стр. 41.

³ Л. С. Берг, указ. соч., стр. 104. Примечание.

⁴ Р. Орбинский, Очерк развития производительных сил Бессарабии, СПб., 1885, стр. 2. Примечание.

⁵ М. В. Шимановский, О резешах и резешском владении, Одесса, 1898, стр. 40. Примечание.

⁶ Н. Борецкий-Бергфельд, История Румынии, СПб., 1909, стр. 38.

бодных арендаторов (точнее — мелких землевладельцев, крестьян-общинников. — Ф. Г.), но тоже крестьянского сословия. В Валахии он назывался *moşneni* (*moşie* — земля) (точнее — дедина; имение. — Ф. Г.), в Молдавии же — *gazaşi* (от лат. *hereditas* — наследство)»¹.

Один из румынских исследователей И. Миня, посвятив резешам специальную небольшую журнальную статью, выступил против Нандреша, отождествлявшего молдавских резешей с польскими и немецкими рыцарями (*guscerz*; *ritter*). Миня отстаивал мнение, что молдавские резешы являлись крестьянами-общинниками и в то же время мелкими земельными собственниками, которые не пользовались никакими привилегиями и преимуществами. Что касается происхождения самого названия «резеш», то Миня отказался углубиться в существо вопроса, полагая, что это дело филологов².

Наконец, Р. Росетти³, Д. С. Горе⁴, И. К. Филитти⁵, И. А. Кандря и другие пришли к выводу, что термин «резеш» заимствован из венгерского языка. Так, например, И. К. Филитти писал: «В Молдавии, для обозначения категории мелких земельных собственников, владевших сообща землей в пределах одного села-общины, употреблялся термин резеш, по происхождению от венгерского слова *reszes*, что означает: общинник, соучастник, сообщник, совладелец в пределах одной межи...»⁶.

Таковы существующие в исторической литературе основные, известные нам, точки зрения о происхождении названия «резеш». Какое же из изложенных мнений является наиболее убедительным?

Термином «резешы» источники называют численно незначительную категорию сельского земледельческого населения Молдавии. Это — крестьяне-общинники, еще не попавшие в частновладельческую зависимость от светских и духовных феодалов и подчиненные непосред-

¹ Н. Борецкий-Бергфельд, указ. соч., стр. 38.

² I. Minea, Despre răzeşi, *Revista Istorică*, N 2, 1928, p. 95.

³ R. Rosetti, Pământul, sătenii şi stăpânii în Moldova, Bucureşti, 1907, p. 168.

⁴ D. S. Gore, Răzeşii, „Viaţa Românească”, XII, vol. 42 (1920), p. 406.

⁵ I. C. Filitti, *Op. cit.*, p. 21–22.

⁶ Там же.

ственно Молдавскому государству. По своему экономическому и политическому положению резеши в основном приближались к валашским мошнянам-дединам или русским черносошным крестьянам. Что касается самого наименования «резеш», то путем сопоставления одинаковых по значению русских, молдавских и латинских слов можно сделать вывод, что оно происходит от латинского термина *hereditas* — наследство; *heredes*; *redes* — наследник¹.

Как известно, валашские мошняны (зависимые от государства крестьяне-общинники) в славянских документах часто именовались *деди*, *дедини*, *наследници*². Это значит, что они в пределах общины владели своими жребиями пахотной земли на наследственном праве. Так как по-молдавски и румынски слова «моштенире» и «ередитате» означают наследство («мошнян», «моштян», «моштенигор» и «ереди» — наследник), а валашский термин «мошнян», или «мошинаш»³, иногда просачивался и в молдавские документы, заменяя термин «резеш» или слово совладелец, то, очевидно, 1) что молдавский резеш равнозначен валашскому машинаш-мошняну; 2) что название «резеш» восходит к слову «наследство».

Таким образом, следует присоединиться к мнению, высказанному М. В. Шимановским, а затем Н. Борецким-Бергфельдом, что слово «резеш» заимствовано из латинского языка.

Молдавские сословно-неполноправные крестьяне-общинники, зависимые от государства, встречаются под именем «резеши» в актовом материале, вышедшем из молдавской господарской канцелярии, в первый раз в 1580 году⁴. Ранее в том же значении употреблялся термин содоши⁵, история которого пока не ясна. О равно-

¹ Ранее мы высказывали предположение, что термин «резеш» мог быть произведен от венгерского слова *reszes* — общинник, соучастник, сообщник, совладелец. (Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950, стр. 38.)

² C. Giurescu, *Studii de istorie socială*, p. 337—339.

³ Surete și izvoade, t. VIII, p. 184.

⁴ Surete și izvoade, t. XIX, p. 136.

⁵ I. C. Filitti, *Proprietarii solului în trecutul principatelor române* (Memoriile Secțiunii Istorice, Seria III, vol. XVI), București, 1934—1935, p. 21—22; Gh. Ghibănescu, *Surete și izvoade*, t. XIX, p. 190, 191;

значности этих двух слов («резеши» и «содоши») говорит сопоставление двух почти аналогичных по содержанию документов от 8 и 10 сентября 1585 года. В первом из них фигурируют содоши, во втором — в том же контексте — резеши¹.

Таким образом, термин «содоши», или «резеши», употреблялся в разное время для наименования одной и той же социальной категории — молдавских сословно-неполноправных крестьян, зависимых от государства, в пользу которого они несли различные повинности.

С 80-х годов XVI века наименование «резеши» постепенно вытесняет в источниках равнозначный ему термин «содоши». А с течением времени, в связи с расширением круга молдавских исторических памятников, все полнее и точнее определяется и значение названия «резеши».

Резеши жили на земле, верховным собственником которой юридически считался глава Молдавского феодального государства — господарь. Фактически этой землей распоряжалась крестьянская община.

Общинные земли разбивались на незначительные участки, которые первоначально распределялись между членами сельской общины по жребию, отчего и получали название «жиребие»². Жребии в пределах одного села-общины были в основном одинаковыми по величине, но их размеры отличались от размеров жребиев, имевшихся в других селах-общинах. Обычно крестьянский жребий тянулся узкой полоской от одного конца деревни до другого³. Каждый жребий состоял из приусадебного участка с домом, двором и огородом («дом съ жиребие и съ вес приход»).

I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 196—197, 262, 603; I. Bogdan, Documente moldovenesti din sec. XV și XVI în arhivul Brașovului, București, 1905, p. 28; Documente privind istoria României, vol. I (1501—1550), București, 1953, p. 10; Crestomație pentru studiul istoriei statului și dreptului Republicii Populare Române, București, 1958, p. 130; Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950, стр. 38 (Ф. А. Грекул, Орындуяла социал-экономикэ ши политикэ ын Молдова ын а доуа жумэзате а вакулуй XV, Кишинэу, 1951, паж. 40—41).

¹ Surete și izvoade, t. XIX, doc. N 137, p. 190; doc. N 138, p. 191.

² Surete și izvoade, t. XXIV, p. 118.

³ R. Rosetti, Op. cit., p. 85.

Наличие резешских жребиев типично для средневековья. В Молдавии они сохранились в виде архаизма и в более позднее время. С течением времени термин «жребий» постепенно вытеснялся и заменялся другими названиями («бэтрын» — «дедина», «мош» — «дедина», «резешие» и т. д.). Последний термин означает небольшое крестьянское земельное владение.

В индивидуальном владении крестьян-резешей находились не только «бэтрыны», «моши», «резешин» (пахотные поля), но также луга-сенокосы, виноградники и сады (в тех общинах, где они имелись)¹. Пахотная и другая земля, которой владели резеши, как правило, не подлежала систематическим переделам, а делилась только между наследниками владельца жребия.

Резеши владели своими участками земли на наследственном праве, распоряжаясь ими по своему усмотрению вплоть до отчуждения путем продажи, дарения, обмена, передачи в приданое, заклада и т. д. Но при этом резеши должны были соблюдать общинные порядки, речь о которых будет идти ниже.

Леса, выгоны, пастбища и водопои являлись предметом коллективного пользования. В общественном пользовании была и нераспаханная земля, а также поля, находившиеся под паром или жнивьем («миршнтя»)² и служившие общим выгоном для скота, принадлежавшего жителям села-общины.

Резеши, обрабатывавшие крохотные поля в основном собственным трудом, составляли в XVI—XVII веках незначительную часть непосредственных производителей материальных благ молдавского общества. Резеши вели хозяйство на земле, стесненной со всех сторон крупной феодальной земельной собственностью. Документальные данные свидетельствуют, что резешское землевладение было незначительным по своим размерам и с течением времени все более и более дробилось и распылялось³. Из источников видно, что резеши продавали свои участки пахотной земли, виноградники и сады светским и духовным феодалам. Напротив, весьма редко кто-либо из крестьян-резешей приобретал землю или другое недвижимое имущество.

¹ «Правила», стр. 10.

² Там же, стр. 4.

³ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 87.

Светская и духовная феодальная знать превращала резешей в зависимых от себя крестьян, обязанных выполнять барщину и другие повинности. Крестьянская община-марка попадала под власть светского или духовного феодала. Право пользования общинными лесными угодьями, общественными выгонами и водопоями узурпировалось и стеснялось феодалами-крепостниками.

Когда феодал — светский или духовный — приобретал крестьянский жребий или усадьбу, «он вместе с тем приобретал и принадлежавшие этой усадьбе права в марке. Таким образом, новые помещики становились членами марки, и первоначально в пределах марки они были только равноправны с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже с собственными крепостными. Но вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах привилегии в марке, а подчас даже сумели подчинить ее своей господской власти. И все же старая община-марка продолжала свое существование, хотя и под господской опекой»¹.

В одном из судебных определений («Причинэ де жудск») характер резешского землевладения и юридическая природа крестьянина-общинника резеша определяются следующим образом: «Резешским земельным владением является то, которое, будучи окружено со всех сторон сельской-общинной межей, находится в коллективном владении многих лиц. Резешами называются те, кто сообща владеет одним общим и неразделенным межевыми знаками имением. Несмотря на то, что резешское земельное владение находится в коллективной, общинной, собственности, все же каждый резеш знает свой участок земли. Кроме того, хотя резешское земельное владение, обмежеванное со всех сторон сельской-общинной межей, и представляет из себя нераздельное целое, в пределах или границах самого резешского земельного участка последний делится до бесконечности, ибо резеши владеют своими участками земли на праве собственности и наследственности, отдельно и почти независимо от других резешей, подчиняясь только обычным общинным правилам и поряд-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 639.

кам, обязательным для всех членов сельской общины в целом. При желании резеш имеет право выйти из коллективного общинного земельного владения. Резеш, согласно местному обычному праву, может окончательно отделить и разграничить свой участок земли от других общинников-резешей, точно указав и обозначив его границы соответствующими межевыми знаками — камнями-столбами. Но в последнем случае (с момента выделения своего земельного участка межевыми знаками и выхода из общины) резеш перестает быть общинником-резешем и превращается в обыкновенного соседа по отношению к остальным общинникам-резешам, которые продолжают сообща владеть своими участками земли на основе обычного местного народного права»¹.

Из приведенного исторического источника видно, что каждая крестьянская сельская резешская община имела свою мирскую землю, окруженную со всех сторон общей межей. Эта мирская общинная земля находилась в коллективном владении всех членов общины-села. Резешами назывались крестьяне, которые сообща владели мирской общинной землей, т. е. члены сельской территориальной общины. Несмотря на то, что мирская общинная земля находилась в коллективном владении, все же каждый член сельской общины — резеш имел свой зе-

¹ «Стэпынире рэзешаскэ есте ачена унде о букатэ де локу ынконжуратэ ку хотарэ о стэпынеск мулте образи ымпреунэ стэпыниторь ку тоцний, ынсэ фэрэ сэ фне парте нимэруй диспэрцитэ ку хотарэ, ничь локул куноскут унди есте парте фиштекэруе, чи стэпынеск тоць тоатэ а чеа мошие ымпреунэ, авынд ей ынде ей штининэ нумай кытэ парте и се вине фиештекэруе динтраче мошие стэпынитэ де тоць ымпреунэ.

Қынд динтрачест тот стэпынит ла ун лок де мультэ ку о стэпынире де обште сэ ва диспэрци о парте ши се ва деосэби ку хотарэ, ши сэ ва да ла ун образу сунт а луй сынгурэ стэпынире ка ун лукру нумай а луй, атунче аче парте диспэрцитэ ку хотарэ, дин чеасул очела че с'ау пус пиатрэ де хотар ка сэ о деосэбеаскэ де челелалте пэрць, ну май рэмыне партеа ачена рэзешаскэ, адекэ парте недиспэрцитэ, де стэпынире де обштне, кэ апой ар фи тот одатэ диспэрцитэ ши недеспэрцитэ, чеиа че есте ку непутинэ, че рэмыне аче парте о стэпынире деосэбитэ ши межниашэ нумай ку челелалте пэрць ла ун лок стэпынитэ, ди каре с'ау диспэрцит ку хотарэ, ши стэпынул ачей пэрц деосэбитэ ку хотарэ ши датэ сунт а луй сынгурэ стэпынире ну май есте рэзешу ку чейлалць, чи рэмыне межниашу нумай ку рэзеший ачей недеспэрциць ку пэрциле лор ши стэпыниторь тоць пи тоате пэрциле ла ун лок, де каре сл сау диспэрцит ку партеа луй» (Surete și izvoade, t. XI, p. 40—43).

мельный участок определенных размеров. Кроме того, хотя мирская земля в целом была со всех сторон обвешана общей межей, каждый резешский земельный участок делился и дробился до бесконечности, ибо резеши владели своими земельными участками отдельно и почти независимо друг от друга. При желании резеш имел право выйти из общины. Но в таком случае он обязан был окончательно отделить посредством межевых знаков свой участок земли от земельных владений других крестьян-общинников. После этого резеш уже переставал быть членом резешской общины со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

Рассмотренный исторический источник наглядно иллюстрирует процесс внутреннего распада молдавской сельской (или соседской) территориальной крестьянско-резешской общины, показывает, как шло имущественное расслоение в среде молдавского крестьянства. Этот источник помогает представить себе, как с развитием феодально-крепостнических отношений в Молдавии и усилением нажима на молдавскую сельскую общину со стороны феодалов-крепостников масса общинников-резешей попадала в число крепостных или зависимых частновладельческих крестьян («землян» — «царан», или «соседей» — «вечин»).

Основное содержание вышеприведенного документа, относящегося к резешскому землевладению, находит соответствие в «Правилах» 1646 года, в которых имеется и ряд более конкретных данных. Так, в «Правилах» говорится: «Если резеши пожелают разделить землю, принадлежавшую селу в целом, а затем в одном из размежеванных индивидуальных резешских частных земельных участков обнаружится хорошее или удобное место для постройки мельницы, и его владелец построит таковую, то в таком случае остальные общинники-резеши не могут протестовать или сказать, что-либо против владельца построенной мельницы»¹.

¹ «Кынд се вор скула ниште рзешь, — говорится в феодально-крепостнических «Правилах», или «Уложении» 1646 года, — де'шь вор ымпэрни локул кыт вор авеа ынтр'ун сат, ши дупэ ачеаа ын партеа унуеа де се ва гэси ун лок де моарэ ши се ва невои де ва фаче моарэ, атуичеа ну вор путеа сэ зикэ немикэ чей-лалць рзешь пентру че-ау фэкут моарэ» («Правила», стр. 10).

Другой пункт «Правил» гласит: «Если кто либо из людей (резешей. — Ф. Г.) посадит и вырастит фруктовое дерево на сельской, неразделенной земле, так что оно принесет плоды, а затем крестьяне вздумают разделить общую землю между собой, и указанное дерево окажется на размежеванном земельном участке другого крестьянина (резеша. — Ф. Г.), а не на земельном участке того, кто посадил и вырастил его, то в таком случае дерево попрежнему принадлежит тому, кто его посадил и вырастил, и он может срубить это дерево. Но если владелец земельного участка, на котором оказалось чужое фруктовое дерево, отнесется недружелюбно к владельцу плодоносящего дерева, то тогда он обязан дать последнему взамен другое равноценное дерево в другом месте»¹.

Итак, в каждом резешском селе-общине, наряду с общинными землями существовали и находившиеся во владении отдельных членов общины-марки земельные участки, которые, в разное время назывались по-разному: «жребиями»², «дединами»³, «отнинами»⁴, «бэтрынами»⁵, «мошами»⁶, «резешиями»⁷ и «пармаками»⁸.

Категория лично свободных молдавских крестьян-общинников резешей сохранилась во многих местах Молдавии вплоть до буржуазных реформ 60-х годов XIX столетия и установления капиталистического способа производства.

И в более позднее время в Молдавии можно было наблюдать существенное различие между резешскими и не резешскими (царанскими) селами. Жители первых

¹ «Де ва сокоти (сэди. — Ф. Г.) ун ом ун пом, шил ва креште де'л ва фаче маре де роадэ ынтр'ун лок неымэрцит, ши дунэ ачена сэ ва прилежи де се вор ымпэрци ачей омень, ши де сэ ва вени ачел пом ын партеа ачелуеа че ну лау фэкут, ка сэ ну айбэ нечь о треабэ ачеста че с'ау венит ын партеа луй, че сэ'л тае тот чела че л-ау крескут; иарэ де ну ва путе суфери стэпынул чела ку локул, сэ-й деа пом дрепт пом ынтр'алт лок» («Правила», стр. 7).

² Surete și izvoade t. XXIV, p. 118.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Surete și izvoade, t. IV, p. 70.

⁶ Surete și izvoade, t. III, p. 65.

⁷ А. И. Защук, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, Бессарабская область, СПб., 1862, стр. 222—223.

⁸ Там же, стр. 220—221.

часто «гордились» своим «положением и социальным превосходством» над крепостными царанами, так как резеши не были в личной крепостной зависимости от светских и духовных феодалов. В этом, на наш взгляд, и коренится разница между резешскими и не резешскими (царанскими) селами и их жителями-земледельцами. Дело вовсе не в «благородном», «дворянско-боярском» происхождении резешей, как это утверждали некоторые авторы, считавшие молдавскую сельскую общину-марку искусственной, возникшей только в середине XIX столетия¹, а молдавских крестьян-общинников резешей — «служилыми людьми»², «потомками служилых людей молдавских господарей»³, «сопомещиками»⁴, представителями «разных сословий»⁵, одной из «наиболее привилегированных» категорий молдавских свободных крестьян и т. д.

Местное молдавское обычное право регулировало акты отчуждения резешских земель. Владелец резешского земельного участка, намеревавшийся его продать, в первую очередь должен был предложить его своим родственникам и остальным членам сельской общины, а уже затем другим покупателям.

«Относительно предпочтения на выкуп части резешской вотчины, — говорится в «Местных законах Бессарабии», — в Молдавии существовал обычай, по которому всегда отдаваемо было предпочтение резешам в выкупе частей, проданных мимо ведома их или без учинения законной публикации; предпочтение же сие дается следующим образом: те, кои суть из одного и того

¹ А. И. Защук, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, Бессарабская область, СПб., 1862, стр. 220—221; Ф. А. Брокгауз и И. В. Ефрон, Энциклопедический словарь, т. XXVI, СПб., 1899, см. сл. «Резеши»; Н. В. Лашков, Бессарабия к столетию присоединения к России, Географический и историко-статистический обзор состояния края. Кишинев, 1912, стр. 80—81; В. Ф. Малинский, Аграрная «реформа» 1918—1924 гг. в Бессарабии, Кишинев, 1949, стр. 11—12.

² Д. Д. Суручан, Происхождение и первоначальная история резешей и резешских общин, ж. «Жизнь юга», 1897, № 2, стр. 53, 147.

³ В. Ф. Малинский, указ. соч., стр. 11.

⁴ А. Н. Егунов, Местные гражданские законы Бессарабии, СПб., 1884, стр. 108; С. М. Гроссман, Местные законы Бессарабии, СПб., 1905, стр. 282; Ср. В. Ф. Малинский, указ. соч., стр. 11—12.

⁵ М. В. Шимановский, О резешах и резешском владении, Одесса, 1898, стр. 138.

же удела, имеют первенство в выкупе частей, заключающихся в том же уделе; а буде сии не пожелают выкупить, тогда первенство дается тем, кои суть из удела той же вотчины, состоящего рядом с подлежащим к выкупу уделом; а когда и сии от выкупа откажутся, тогда предпочитаются уже прочие резешы той же вотчины»¹. Далее говорится, что право на выкуп проданной резешской земли предоставляется в первую очередь родственникам продавца, во вторую — сорезешам, в третью — соседям, в четвертую — заимодавцам, ссудившим продавца деньгами².

Таким образом, молдавский крестьянин-общинник резеш, желавший продать свой участок земли, должен был предварительно совершить следующую процедуру: заблаговременно известить об этом как своих родственников, так и других членов той общины, в пределах которой предполагалась земельная сделка. Если среди них отсутствовали имущие люди, которые были бы в состоянии совершить покупку земли, то в таком случае резеш — продавец земельного участка мог вступить в сделку с любым покупателем, который желал приобрести недвижимое имущество в виде земли и обладал необходимыми для этого средствами³.

В «Местных законах Бессарабии» имеется еще одно правило: «Резеш, желающий обменять или продать принадлежавшую ему часть вотчины, поступая по вышеписанному правилу, обязан прежде отделить и ограничить таковую часть свою от участков прочих резешей, и тогда уже допускается ему оную обменять или продать, а иначе не допустить, дабы таким образом прекратить многочисленные споры и тяжбы»⁴. Имеются в виду тяжбы крестьян-общинников со светскими и духовными феодалами-узурпаторами. Основной целью этого постановления, представлявшего собой уступку резешам, вызванную, вероятно, фискальными соображениями, является задержать дальнейший распад молдавской сельской крестьянской общины.

¹ С. М. Гроссман, Местные законы Бессарабии, СПб., 1905, стр. 282.

² Там же.

³ R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 199—200.

⁴ С. М. Гроссман, указ. соч., стр. 324.

Таким образом, крестьянская сельская община всеми путями и средствами, прибегая к круговой поруке, к взаимной помощи, используя традиционный обычай отчуждать недвижимое имущество (землю, виноградники и сады) прежде всего родственникам и членам той общины-села, в пределах которой совершалась продажа, старалась сохранить общественные и индивидуальные крестьянские земли за общиной и ее отдельными членами и всячески сопротивлялась попыткам светских и духовных сановников грабить и расхищать народное достояние.

§ 3. РОСТ КРУПНОГО ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

В XVI и в первой половине XVII веков в Молдавии продолжался дальнейший процесс роста крупного феодального землевладения и закрепощения крестьян.

Для характеристики этого процесса в нашем распоряжении имеется 1519 различных документов, вышедших, в основном, из господарской канцелярии и охватывающих всю территорию Молдавского государства. Это правые и межевые грамоты, господарские распоряжения, закладные кабалы и близкие к ним по своему содержанию акты, купчие, жалованные (дарственные) и подтверждающие грамоты 1501—1650 годов.

Все указанные документы можно разбить на четыре группы, каждая из которых отражает один из четырех основных путей развития боярского и церковно-монастырского землевладения и закрепощения молдавского крестьянства.

Первую группу составляют правые и межевые грамоты и господарские распоряжения (203). Они рисуют сопротивление крестьян-общинников резешей наступлению на их земельные владения светских и духовных феодалов и показывают, как государственная власть силой подавляла это сопротивление; они иллюстрируют рост феодальных вотчин за счет захватов молдавской светской и духовной знатью общинных и индивидуальных крестьянских земель.

Во вторую группу актов входят закладные кабалы и близкие к ним по своему содержанию различные записи

кабального характера (135). Они изображают, как складывалась крупная земельная собственность путем экономического закабаления феодалами резешей и их последующего закрепощения.

Третью группу актов составляют купчие грамоты, показывающие расширение площади феодального землевладения в результате покупок светскими и духовными сановниками крестьянских земель за деньги, хлеб, скот и т. п. (505).

Наконец, четвертая группа актового материала представлена господарскими жалованными дарственными (275) и подтвердительными (401) грамотами (всего 676). Дарственные грамоты являются источником для изучения развития боярского и церковно-монастырского землевладения за счет господарских пожалований и дарений; грамоты подтвердительные рисуют процесс образования крупной феодальной земельной собственности на основе других приобретений.

Указанные выше пути роста феодального землевладения не в одинаковой мере поддаются исследованию. Если для характеристики третьего и четвертого способов образования крупной земельной собственности имеются акты господарской канцелярии, следующие почти непрерывно, год за годом, то документы, изображающие первый и второй способы, весьма отрывочны. Это особенно относится к документации первой половины XVI столетия. Однако этот недостаток первой и второй групп актов частично компенсируется за счет третьей и четвертой групп, в которых содержатся указания на то, что образование крупной земельной собственности происходило и за счет захватов светской и духовной феодальной знатью крестьянских земель и последующего закабаления резешей.

Обратимся теперь непосредственно к источникам и на их основе рассмотрим отмеченные выше пути роста феодального землевладения.

Молдавская светская и духовная феодальная знать захватывала общинные и индивидуальные крестьянские земельные владения под различными предлогами и без всяких поводов.

Так, в начале XVI столетия господарский казначей боярин Кырстя под тем предлогом, что «какие-то люди»

бросили его лошадь в яму, отобрал у крестьян принадлежавшие им земли в селе Кодрешты¹.

Данной подтвердительной грамотой от 31 марта 1555 года молдавский господарь Александр Лапушняну закрепил за боярином Дэмэкушем общинную землю («толоку»); новый владелец посадил на этой земле виноградник, а затем продал ее боярину Дану².

23 апреля 1560 года боярин Петр Пэун завладел землей Иоана Поркула в виде компенсации за уплаченный за последнего «штраф» в господарскую казну³. 24 июня 1563 года крестьяне сел Вихорены, Хэлэшешты и Аврамешты жаловались господарю Иоану Деспоту на то, что боярин Иван и Анушка захватывают их земли и выселяют их оттуда⁴. В 1569 году молдавский господарь Богдан Лапушняну разбирает тяжбу о захвате феодалом Георгием крестьянской дельницы — «жребия»⁵.

1 марта 1574 года господарь Иоан Вода Лютый подтвердил право боярина Кости на владение землей в селе-общине Выртопел, принадлежавшей до этого Некоарэ, за которого отец Кости Илья уплатил «штраф» ватаву (надзирателю) Гуте⁶. 4 сентября того же года жители села Котова Сорокской волости подали господарю Петру Хромому жалобу на боярина Савву, который «угнетает их», присвоил их земли и отобрал у них грамоты на владение последними⁷. 12 марта 1575 года тот же господарь Петр Хромой закрепил за светским феодалом Мардаром земельный участок в селе Сырби, принадлежавший ранее Роме, за которого Мардар внес в господарскую казну «штраф»⁸. 11 июля 1575 года в господарском суде состоялся разбор тяжбы между жителями села-общины Топлица Нямецкой волости и «господарским слугой» Михайлескулом о захваченных последним

¹ „Ioan Neculce“, Buletinul muzeului municipal din Iași, Fascicola 8, 1930, p. 138.

² Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), București, 1951, p. 72.

³ Ibidem, p. 151.

⁴ Ibidem, p. 167.

⁵ Surete și izvoade, t. XIX, p. 71.

⁶ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 27.

⁷ Ibidem, p. 42.

⁸ Ibidem, p. 44—45.

крестьянских землях. Господарь, выслушав обе стороны, решил дело в пользу Михайлескула¹.

20 марта 1580 года господарь Янкул Сасул признал боярина Петра Алботэ владельцем земель в селах Алботены и Гречь, за которые тот заплатил господарю «дусегубину» («штраф»)².

16 августа 1581 года монахи Нямецкого монастыря предъявили господарю Янкулу Сасулу претензии на жителей села Копанка Нямецкой волости, оказывающих сопротивление монастырю в завладении их землями³. О борьбе крестьян села Копанка за землю говорят и грамоты 1589⁴ и 1592⁵ гг., о которых речь будет идти ниже.

22 июля (1583—1591 гг.) господарь Петр Хромой дал указание великому ватаву Баковской волости разобрать земельный спор между селом-общиной Нэдэшаны и Бистрицким монастырем, который просил у господаря Молдавии помощи против непокорных крестьян⁶. 20 июня 1584 года тот же господарь Петр Хромой поручил ватаву Марешу отмежевать земли Михаила и дьяка Ангела в селе Хэлэшаны от владений резешей, чтобы положить конец их земельным тяжбам⁷. 19 сентября 1585 года Петр Хромой предоставил ватаву Андрейке право владеть резешскими землями в селах Тунгузены, Кэскояшты и других, до тех пор, пока резеши не уплатят причитавшийся с них «штраф»⁸. Когда же резеши со своей стороны возбудили в господарском суде тяжбу против Андрейки Гербэскула, господарь снова стал на защиту последнего⁹.

21 февраля 1588 года господарь Петр Хромой велел пыркалабам¹⁰ (правителям) Хотинской волости Кокоре и Георгию отмежевать владения боярина Гаврилаша

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 56.

² Ibidem, p. 132—134.

³ ГБЛ, М., 1733.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 220—221.

⁷ Ibidem, p. 258—259.

⁸ Ibidem, p. 291—292.

⁹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 292—293; Surete și izvoade, t. XIX, p. 190, 191.

¹⁰ Пыркалаб: 1) верховный военный и гражданский правитель волости, уезда; 2) городской голова; сборщик податей.

логофета в селе Горбинешты и тем самым прекратить его споры из-за земли с местными резешами¹. 15 апреля 1588 года великий ворник Нижней Страны Бучум дал Никоаре и Стефану из Мурджешть подтвердительную грамоту на владение землей Ионашки Бобока, за которого они внесли «душегубину»².

13 июня 1589 года господарь Петр Хромой дал приказ пыркалабу города Чобручи заставить под угрозой высокого штрафа крестьян села Копанки Нямецкой волости прекратить борьбу за земли, отнятые у них монахами Нямецкого монастыря³. 4 июля того же года господарь Петр Хромой велел надзирателям Оргеевской волости Доничу и Пиструю произвести отмежевание сел Оксентия, Томешты и Моара боярина Михайлаша, который завладел соседними крестьянскими землями и хотел узаконить этот захват специальной господарской грамотой⁴. В правой грамоте от 7 июля 1589 года говорится о том, что господарский казначей боярин Тудоран вместе со своими сыновьями Ионашем и Кузьмой присоединил часть крестьянской земли села Томешты к своему селу Чурилешты⁵.

21 и 23 мая 1590 года пыркалаб Бэрлэдяну получил указания от господаря Петра Хромого установить между земельных владений боярина Гаврилаша логофета в селе Горбинешты, из-за которых у него был спор с местными резешами. В господарском предписании говорилось, что если резеши не согласятся с произведенным земельным разделом, то Гаврилаш имеет право уплатить им за принадлежавшую им в селе Горбинешты часть земельной площади, после чего он станет безраздельным владельцем всего села, а крестьяне будут оттуда выселены⁶.

Правыми грамотами от 5 января и 12 апреля 1591 года господарь Молдавии Петр Хромой узаконил захват земель в селах-общинах Вынэторь, Зэнешты и Рознов

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 28; *Documente privind istoria României*, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 377.

² Ibidem, p. 385.

³ ГБЛ, М., 1733.

⁴ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 30.

⁵ *Constantin I. Andriescu și Constantin A. Stoide. Documente și regeste*, t. I. Documente moldovenești din sec. XVI, Iași, 1934, p. 25—26.

⁶ *Documente privind istoria României*, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 458, 458—459.

Бистрицким и Тазловским монастырями. Жители же указанных деревень предупреждались центральной господарской властью, что в случае повторного возбуждения тяжбы против узурпаторов крестьянской земли они будут подвергнуты высокому штрафу (50 волов)¹.

«Аарон воевода, — говорится в грамоте от 3 января 1592 года, — божиею милостию господарь земли Молдавской, пишемъ слугамъ нашемъ вернымъ пръкалабомъ... от Чобръчуу, и даемо вамъ знати, бо намъ жалували калугери (монахи. — Ф. Г.) от Немцу на сынове Маликъ от Копанка и кажут: аж суби не могут дръжати за них своих места, и язере, и гръле, и пропустили им една герлу у Копанка, где ударяет у кривая. Протож яко узрити сес лист нашъ, виж замечите тоту гръло съ село Копанка, и кажити сынове Маликъ, да лишити место калугеромъ покои, и гръли, и язере. А котории от тихъ сынови Маликъ будетъ мает валовати (т. е. кто будет сопротивляться. — Ф. Г.), а вы его *повесити* (курсив наш. — Ф. Г.) тамъ. По неже многикрати тега-лись пред нами со стали сынове Маликъ и не слухали за лист господства ми...»²

Из приведенной грамоты видно, что Малик и его сыновья, не желавшие отказаться от своих прав на землю, принадлежавшую им в селе Копанка, за противодействие, оказанное монастырским властям и господарской администрации, неоднократно судились и подвергались высоким штрафам. Тем не менее они не сдавались. Тогда господарь Молдавии Арон Тиран дал своим слугам, пыркалабам-наместникам города Чобручи, распоряжение: повесить непокорных крестьян на месте их жительства, в селе Копанка.

23 ноября 1592 года господарь Арон Тиран закрепил за «княгиней» (боярыней) Дынгоаей и Константином Бурлэ пашню, отнятую ими у резешей села Вэкэрешты³. В 1596 году другой господарь, Иеремия Могила, предоставил надзирателю Ионашко право владеть захваченным им крестьянским общинным полем, граничащим с

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), București, 1952, p. 1, 13.

² ГБЛ, М., 1733.

³ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), București, 1952, p. 60.

его землями¹. Тот же господарь Иеремия Могила 13 июня 1599 года специальной правой грамотой закрепил за боярином Никоарэ логофетом захваченное им исконное резешское село-общину Бурдужены; права резешей были поправлены².

Правой грамотой от 18 июня 1601 года Иеремия Могила оформил захват резешского села Негоешты боярами Захарием и Федором, наследниками боярина Иоана Тэутула логофета³. И здесь опять-таки права крестьян-общинников резешей были нарушены, а их сопротивление подавлено силой центральной господарской власти.

24 марта 1605 года господарь Иеремия Могила приказал Ионашко и другим резешам из Селища ликвидировать свои пасеки, так как крестьянские пчелы «причиняют большие убытки» соседним боярским пасекам⁴. 12 мая 1605 года господарь Иеремия Могила, разбирая в господарском суде тяжбу из-за земли между резешами села Добрулешты и «господарским слугой» боярином Георгием, вынес приговор в пользу последнего⁵. Тот же господарь 20 октября 1605 года приказал одному из своих «слуг» обмежевать земельные владения боярина Мирона в селе Лопатинци Хотинской волости и тем самым сломить сопротивление местных резешей и лишить их права претендовать на захваченные у них боярином земли⁶.

Господарь Константин Могила конфисковал третью часть земельных угодий у села-общины Божиены под тем предлогом, что там (в Божиенах) когда-то, в правление господаря Петра Хромого (1574—1579; 1582—1591), якобы были совершены две «душегубины» и крестьяне-общинники резеш не смогли обнаружить совершивших убийство⁷.

Господарская грамота от 8 апреля 1609 года свидетельствует о том, что боярин Василий Лозинский столь-

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), București, 1952, p. 153—154; Surete și izvoade, t. XX, p. 53.

² Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), București, 1952, p. 261—262.

³ Documente privind istoria României, t. I (1601—1605), București, 1952, p. 14.

⁴ Ibidem, p. 214.

⁵ Ibidem, p. 241—242.

⁶ Ibidem, p. 260.

⁷ T. Codrescu, Uricarul, t. VI, p. 73.

ник под различными предложениями захватывал резешские земли села Пиперчены Оргеевской волости¹.

11 июня 1610 года господарь Константин Могила поручил высокому сановнику при господарском дворе чашнику Бантышу отмежевать село Дэнешты и передать его во владение дьяка Думитрашки с тем, чтобы в дальнейшем никто из местных резешей не претендовал на отмежеванные у них земли². 20 же июня того же года Константин Могила уполномочил стольника Гаврилаша и дьяка Небожатко установить границы владений великого чашика боярина Кости Бэчока в селе Гаурены и тем самым положить конец его земельным столкновениям с резешами³.

В правой господарской грамоте от 15 января 1611 года говорится о том, что Ион Хаугул из Влэдень и его родственники присвоили крестьянские земли в семи селах-общинах (Гаурены, Бэшены, Бэлошены, Потынжены, Мисешены, Мэлэшты и Форэшты)⁴.

Из правой грамоты от 2 июня 1611 года видно, что боярин Федор Боул, господарский казначей, при помощи одной подложной грамоты захватил пять резешских сел-общин вместе с прилегающими к ним землями: Опришэшты, Бэлошешты, Стэнишэшты, Цигэнешты и Мотошены. Однако подлог был настолько очевидным и резешы оказали узурпатору общинных земель такое сопротивление, что даже господарь Константин Могила вынужден был признать крестьянские права на указанные села⁵.

Правая грамота от 24 сентября 1612 года санкционировала захват половины села Киперчены с прилегающими угодьями у резешей Павла Русулей и других меченосцами Семеном и его братом Демьяном⁶. Судя по правой грамоте от 3 ноября 1612 года господаря Стефана Томши, боярыня («княгиня») Мэрика, жена хотинского пыркалаба, завладела крестьянскими общинными зем-

¹ Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), București, 1953, p. 202.

² Ibidem, p. 301.

³ Ibidem, p. 303.

⁴ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), București, 1954, p. 4—5.

⁵ Ibidem, p. 19.

⁶ Ibidem, p. 101.

лями в селах Чернацы (Бильциганы) и Гречь (Ротомпэ-нешты) Тутовской волости¹.

19 января 1613 года господарь Стефан Томша вынес приговор о присуждении третьей части села Тэлпэлэешты Сучавской волости бывшему господарскому казначею боярину Федору Боулу, которого Лазор Даун обвинял в узурпации его земель².

8 августа 1614 года господарские крепостные крестьяне соседи-вечины села Шендричены жаловались господарю на то, что боярин Ружина из Шелешеуа освоил принадлежавшие господарю и находившиеся в крестьянском пользовании земли в Дорохойской волости³.

Как явствует из правой грамоты господаря Радула Михни от 3 мая 1617 года, Пантократорский монастырь Федора Мопилы под видом «купли» отнял половину села Сырбии у Федора и резешей указанной деревни⁴. 3 июля 1617 года господарь Радул Михня утвердил Ясский монастырь св. Саввы во владении прудом в селе Гушецен с правом оберегать его от притязаний со стороны жителей села Витолтешты⁵. По данным 4 ноября 1617 года, резеши Маковей, Стэнишор, Пожога, Мирэуцэ, Стефан и другие, не имея средств заплатить 12 талеров за совершенную на территории их села-общины «душегубину», отказались от своих земельных участков в пользу лица, внесшего за них эту сумму⁶.

27 мая 1619 года господарь Гашпар Грациани подтвердил право вистерничела (казначея) Костина из села Юргичены на владение участком земли крестьянина-резеша Фрима, которого он спас от виселицы, погасив его задолженность⁷. 3 июня 1619 года тот же господарь Гашпар Грациани приказал вистерничелу Трифану из села Марковичены конфисковать в селе Леукушены земельный участок крестьянина-резеша Пэтрэшкана, бежавшего от податей, и передать указанный участок ви-

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), București, 1954, p. 103—104.

² Ibidem, p. 115.

³ Ibidem, p. 174.

⁴ Ispisoace și zapise, t. 2, par. 2, p. 102—103; Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), București, 1956, p. 154—155.

⁵ Ibidem, p. 186—187.

⁶ Ibidem, p. 210.

⁷ Ispisoace și zapise, t. 2, par. 2, p. 102—103; Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), București, 1956, p. 350—351.

стерничелу Ионашко Влашке, уплатившему за резеша-беглеца налоги и долги¹.

По сведениям, относящимся к 28 марта 1623 года, боярин Ионашко Врабие, заплатив за крестьян-общинников резешей села Кэрхэнешты причитавшуюся с них «душегубину» (27 талеров), стал обладателем их земельных участков².

14 мая 1625 года господарь Радул Михня сделал подтверждение Лупану, Гавриилу, Василию, Павлу, Григорию, Корне, Ионашко и другим крестьянам-общинникам резешам села Скобенцены на право владения рыбным прудом и другими угодьями, на которые предъявлял претензии игумен Сучавского монастыря св. Ильи Каллистрат³.

Из правой грамоты от 28 марта 1629 года узнаем, что крупный феодал боярин Панэ-казначей «присиловал» «старого» Хаугула и его сыновей Василия, Савву, Константина и Федора и без «воли их» присвоил принадлежавшие им в селе Вэдены земли⁴.

Господарская правая грамота от 22 марта 1630 года отмечает, что другой светский феодал захватил резешские земли села Онешты. Резеши оказали сопротивление узурпатору и пытались восстановить свои права на отнятые у них земли. Но вмешательство господаря Молдавии Александра Радула заставило резешей примириться со своим положением⁵.

Правая грамота от 20 августа 1634 года посвящена земельной тяжбе между резешами и феодалами, которые проникли в резешское село-общину и захватывали принадлежавшие крестьянам земельные угодья⁶.

В 1636 году резеши села Подолены жаловались господарю Василию Лупу на то, что великий казначей боярин Николай Бухуш силой завладел их землей. Но господарь не признал прав резешей и узаконил насильственный захват⁷.

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620) București, 1956, p. 358.

² Surete și izvoade, t. XXII, p. 151.

³ Documente privind istoria României, t. V (1621—1625), București, 1957, p. 344—345.

⁴ Ispisoace și zapise, t. I, par. 2, p. 211.

⁵ Ibidem, p. 226.

⁶ Surete și izvoade, t. III, p. 3—4.

⁷ R. Rosetti, Cronica Bohotinului (An. Ac. Rom. Ser. II, Mem. Sec. Ist., t. XXVIII), București, 1906, p. 166—167.

27 марта 1638 года молдавский господарь Василий Лупу писал своему «слуге» Кэмэрэзану, чтобы он отмежевал земли монастыря Бисериканы в селе Шендрешты от земель резешей, которые неоднократно пытались восстановить свои земельные права и никак не желали «ладить» или «мириться» с монастырем-узурпатором¹.

В 1642 году боярин Константин Нянул ворник отнял у крестьянина-резеша Данко принадлежавший ему земельный участок в селе Тодирешты за то, что он вырыл яму, в которую угодил бык указанного высокого государственного сановника². Другой крупный феодал боярин Павел ворник отобрал в 1644 году у крестьянина-резеша пастуха Дамьяна его участок земли в селе Медиешты за то, что он погубил часть скота названного боярина³.

5 июля 1643 года господарь Василий Лупу признал монастырь Путна владельцем селища Гречь Сучавской волости, а жителей данного населенного пункта предложил выселить, если они не пожелают выполнить всех условий, продиктованных им монастырем⁴.

«...Василий воевода..., господарь земли Молдавской, — гласит правая грамота от 12 июня 1644 года, вышедшая из молдавской господарской канцелярии, — пишем, наше владычество, нашему слуге Борилян. Сообщаем тебе о том, что судились здесь перед нами в господарском суде наш слуга Николай Уреке меченосец, с одной стороны, и Пэрчилэ с остальными резешами села Холохорены Хотинской волости, с другой стороны, за село Холохорены. Пэрчилэ вместе с остальными резешами села Холохорены говорил в господарском суде, что Николай Уреке меченосец, наряду с купленными у резешей землями, которые принадлежат ему по праву в этом селе, захватывает и присваивает, без всякого на то основания, и непроданные крестьянские земельные участки резешей села Холохорены. Николай Уреке меченосец, напротив, предъявил

¹ Ispisoace și zapise, t. 2, par. I, p. 161.

² И. М. Шлаен, Категории молдавских крестьян в XVII веке, «Ученые записки» Кишиневского государственного педагогического института, т. IV (серия гуманитарных наук), Кишинев, 1955, стр. 88.

³ Surete și izvoade, t. III, p. 61.

⁴ T. Balan, Documente bucovinene, t. I (1507—1653), Cernăuți, 1933, p. 241—242.

в господарском суде купчие и другие грамоты своего деда Гаврилаша логофета, в которых говорится, что его дед (Гаврилаш логофет) в дни правления Гашпара воеводы купил часть земли в селе Холохорены. Поэтому ты, наш слуга Бориляну, когда прочтешь письмо нашего владычества, пойдешь в село Холохорены, что в Хотинской волости, и собери добрых людей, и размежуй межевыми знаками-столбами те части земли, которые в разное время были куплены и записаны в купчих грамотах, находящихся на руках у Николая Уреке меченосца, а остальные непроданные резешами земли пусть находятся во владений резешей так, как они ими владели и до сих пор, каждый своим участком-дединой...»¹

Таким образом, из слов истцов-резешей села Холохорены Хотинской волости, возбуждавших в господарском суде дело против феодала Николая Уреке, видно, что последний, наряду с купленными у резешей села Холохорены землями, захватывал и присваивал себе и непроданные резешские жребии, на которые он не имел никакого права.

Крестьяне-общинники резеши оказали захватчику дружное сопротивление и временно отстояли свои права на принадлежавшие селу-общине земли. Тогда Уреке, видя, что он самостоятельно не может справиться с непокорными крестьянами, обратился за помощью к главе Молдавского государства. Господарь принял сторону феодала-крепостника и в конце концов принудил крестьян согласиться на переход их земель в руки Уреке.

В правой грамоте от 12 августа 1645 года читаем: «...Василий воевода..., господарь земли Молдавской, пишем, наше владычество, нашему слуге Пэтрашку Ворбинескулу. Даем тебе знать, что судились здесь перед нами в господарском суде верный и почтенный боярин нашего владычества Уреке великий ворник Нижней Страны, с одной стороны, с людьми села Холохорены, с другой,— за село Холохорены. Люди села Холохорены утверждают, что они имеют в этом селе земельные владения. Потому, наше владычество, дважд-

¹ *L. T. Boga*, Documente basarabene, t. VII, Hrisoave și cărți domnești (1604—1653), Chișinău, 1929, p. 28—29 (грамота приведена в переводе с молдавского языка).

ды направляло в село Холохорены нашего боярина для выяснения дела на месте. Тот боярин говорит, что те люди никакими землями в том селе не владеют, напрасно хлопочут и ссорятся с нашим боярином Уреке, претендуя восстановить свои права на землю. Поэтому наше владычество повелевает тебе, Пэтрашку Ворбинескул, если ты увидишь настоящее письмо нашего владычества, назначь тем резешам села Холохорены определенный срок, чтобы они покинули те земли, а если крестьяне не пожелают этого сделать к назначенному тобой дню и впредь будут сопротивляться, то ты, Пэтрашку Ворбинескул, разрушь все дома тех резешей (села Холохорены) до основания...»¹

Несмотря на предупреждения и угрозы Василия Лупу в адрес резешей, крестьяне села Холохорены продолжали сопротивляться, пытаясь восстановить свои права на узурпированные боярином Николаем Уреке общинные и индивидуальные крестьянские земли. Об этом говорят последующие два документа, вышедшие из молдавской господарской канцелярии: «...Василий воевода..., господарь земли Молдавской,— гласит правая грамота от 13 июня 1648 года, — пишем, наше владычество, нашему боярину Петричейку (бывшему меченосцу), хотинскому пыркалабу. Даем тебе знать о том, что судились здесь лично перед нами в господарском суде наш слуга Николай Уреке с людьми села Холохорены. Наш слуга Николай Уреке говорит, что люди села Холохорены сидят на его земле. А те люди, напротив, утверждают, что земля, на которой они сидят, принадлежит им, т. е. крестьянам-резешам. Наш слуга Николай Уреке принес в суд и грамоты. Таким образом, резеши села Холохорены проиграли тяжбу. Поэтому ты, наш слуга Петричейку, если увидишь это письмо нашего владычества, пошли в село Холохорены своих людей, чтобы они согнали резешей с тех земель. Так пишет наше владычество, и иначе не должно быть...»²

«...Василий воевода..., господарь земли Молдавской,— говорится в грамоте, датированной 22 ав-

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 87 (грамота дана в переводе с молдавского языка).

² *L. T. Boga*, Op. cit., p. 33 (грамота дана в переводе с молдавского языка); ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 91.

густа 1649 года,— пишем наше владычество нашему боярину Ионашку, хотинскому пыркалабу. Сообщаем тебе, наше владычество, что жаловался здесь наш слуга Николай Уреке на людей села Холохорены, говоря, что он уже несколько раз имел с ними распри и видел пререкания с их стороны, а также дважды судился с ними здесь перед нами в господарском суде. Кроме того, туда, в село Холохорены, ходил боярин Боряляну и поставил межевые знаки в том селе. Он же выявил, что те люди из села Холохорены не владеют в том селе никакими землями, они потеряли свои права на землю и не должны были предъявлять никаких претензий. Затем ходил в Холохорены покойный Петричейку, который был великим ворником. Он также размежевал их земли, установив, что те люди не имеют в том селе никакого земельного владения и никакого до него дела, что их земля давно была продана их родителями. А теперь они опять вернулись на свои земли и построили себе дома на свой собственный риск и страх, вопреки господарскому суду, что я решил. Поэтому ты, Ионашко, пойді в село Холохорены и установи: если действительно те резеши вернулись на свои земли и построили себе снова дома на свой собственный риск и страх, вопреки господарскому суду, разрушь их дома и высели их из села. Потому, что они действуют вопреки суду нашего владычества...»¹

Итак, борьба за землю между крестьянами-резешами села Холохорены Хотинской волости и высоким сановником Николаем Уреке закончилась в пользу последнего, на стороне которого оказалась государственная власть.

Светские и духовные феодалы, заручившись грамотами от носителя верховной власти — господаря, еще смелее и увереннее наступали на крестьянскую общину.

Из приведенных выше межевых и правых грамот наглядно видно, как светский феодал, боярин Гаврилаш логофет, проник в резешскую общину села Холохорены Хотинской волости; как его внук боярин-мече-

¹ *L. T. Boga*, Op. cit., p. 35 (грамота дана в переводе с молдавского языка); ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 92.

носец, а затем великий ворник Нижней Страны Николай Уреке, получив по наследству землю своего деда в селе Холохорены, захватил и остальные земельные участки в этом селе, округляя свои земельные владения.

Возможно, что лично свободные крестьяне-резеши села Холохорены, лишившись собственной земли, впоследствии попали в число крепостных или зависимых крестьян Николая Уреке, обязанных отбывать в господском хозяйстве барщину или платить землевладельцу оброк.

Стремясь к расширению своих владений, светские и в особенности духовные сановники довольно рано стали составлять подложные документы на землю. Это видно из большого числа поддельных грамот, содержащихся в сборниках актового материала. Румынский буржуазный ученый-славист И. Богдан написал специальное исследование, посвященное разбору фальшивых документов, относящихся ко второй половине XV века и приписанных молдавскому господарю Стефану Великому¹. Автор путем анализа дипломатических, палеографических и других данных (почерка, языка и т. д.) весьма убедительно доказал подложность ряда дарственных грамот на владение землей.

Одним из крупных фальсификаторов дарственных грамот являлся Нямецкий монастырь. Сохранившиеся подложные грамоты XV—XVI вв., относящиеся к этому монастырю, написаны на пергаменте. И материал, и почерк грамот вызывает сомнение с точки зрения их соответствия эпохе, в перечне свидетелей обнаруживается путаница, а в языке (славянском) много ошибок.

Богдан считает подлогом, составленным в монастырской среде в целях утверждения в правах на земельные участки, грамоту господаря Петра от 26 апреля 1444 года, так как в действительности в это время престол занимал господарь Стефан II. Кроме того, в указанном акте неточен перечень бояр. Фальсификатами признает (на основе анализа языковых данных)

¹ I. Bogdan, Documente false atribuite lui Ștefan cel Mare, București, 1913, p. 161.

Богдан три документа 1470—1471 годов на владение землей в Бессарабии¹.

А. И. Яцимирский написал рецензию на вышеуказанный труд И. Богдана и отметил, что выводы автора весьма обоснованны и убедительны².

Кроме земельных захватов, второй путь роста крупного феодального землевладения и закрепощения молдавского крестьянства, — это, как уже отмечалось выше, путь экономического закабаления резешей. Оно осуществлялось в разнообразных формах.

Обычная формула кабально-ростовщических или кабально-ипотечных закладных записей, выходявших из молдавской господарской канцелярии, такова: «Се аз (такой-то) сознаваю сам на се и с сим моим записом, аж есмь винен и должен жупану (такому-то; указываются взятый под залог долг и день или месяц его возврата), как да имаем его платити (в точно установленный в закладной записи срок) без пре (без тяжб) и без словес непотребных. А приложихом (землю, виноградник, сад) заклад в руки (заимодавца). А если не будет тии пинези на тая день, еже виш сут написани, как да будет (земля, виноградник, сад и т. д.), еж виш сут написани, изгублени»³.

Из этой формулы видно, что разница между закладом и продажей земли была чисто формальной. Однако условия заклада обычно были более неблагоприятными для крестьянина резеша, чем условия чистой продажи земли, сада, виноградника и т. д.

Молдавские феодалы-землевладельцы и обладатели огромных стад различного скота нередко выступали и в роли ростовщиков, ссужая деньгами, скотом, средствами к жизни крестьян под залог их последних земельных участков. Несвоевременная уплата («без пре и без словес непотребных») долга⁴ и процентов влекла за собой для крестьянина потерю сначала заложенной земли (переходившей к феодалу-заимодавцу), а в конце концов и личной свободы.

¹ А. И. Яцимирский, Рецензия. I. Bogdan, Documente false atribuite lui Ștefan cel Mare, cu 6 planșe în fototipie, București, 1913, стр. 161, Русский Филологический Вестник, учено-педагогический журнал, 1915, № 1 (Том LXXVIII-го, вып. 1-й), Варшава, 1915, стр. 426.

² Там же, стр. 421.

³ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 4, док. 6.

⁴ Surete și izvoade, t. XXII, p. 12—13; «Правила», стр. 26.

В актовом материале XVI—XVII веков и других источниках, написанных на молдавском языке того времени, обращают на себя особое внимание часто встречающиеся слова — глаголы «а ынвэлуи»¹, «а ымпресо-ра»², что означает в переводе на русский язык: «оку-тывать», «обволакивать», «охватывать», «закабалить». И действительно, резеши, опутанные различными долговыми обязательствами, не будучи в состоянии впредь вести свое «самостоятельное» крестьянское хозяйство, уплачивать все возрастающие налоги и выполнять различные феодальные повинности, один за другим разорялись и вынуждены были идти в кабалу к феодалам-землевладельцам; так резеши превращались в крепостных, а их жребии — в наделы, получаемые в дальнейшем от феодалов.

Экономическое закабаление резешей феодалами часто выступает в молдавских источниках под видом «помощи». При этом нередко феодалы сами предлагали свою «помощь» крестьянам-общинникам во время их расчетов с государством, уплаты налогов, податей, штрафов и т. д., а затем за эту «помощь» не только отбирали у крестьянина-общинника всю его землю, но и лишали его последних остатков личной свободы. Кроме того, достаточно было какому-либо феодалу оказать на кабальных условиях «помощь» хотя бы одному члену крестьянской общины — резешу, как затем этот феодал пускал в ход все средства для закабаления целой общины-села. Так крупная феодальная вотчина поглощала крестьянские общинные земли.

Когда злоупотребления с «дарениями» крестьянских общинных земель приняли массовый характер, полностью подрывая хозяйство налогоплательщиков и угрожая интересам казны, тогда верховная власть, руководствуясь фискальными соображениями, решила специальной соборной грамотой от 28 декабря 1785 года «запретить» этот вид сделок, «яко зловредный, последующий бедствием». Было «найдено полезным истребить его решительно»³.

¹ *Constantin Solomon și C. A. Stoide, Documente tecucene, t. II (sec. XVI—XIX), Bârlad, 1939, p. 11—12; T. Balan, Documente bucovinene, t. II, Cernăuți, 1934, p. 172.*

² «Правила», стр. 32.

³ *С. М. Гроссман, Местные законы Бессарабии, СПб., 1905, стр. 323.*

Как вынуждена была признать даже феодально-крепостническая государственная власть, феодалы, «желавшие получить подарки, поработаясь ненасытному любостяжанию, употребляли насилие под разными изворотами и обольщениями, посредством коих вынуждали у беднейших посвященный им подарок»¹, «большая часть подарки сии только одно название подарков имеют, дабы родственникам и резешам преградить право на оспаривание, но в самом деле оные есть продажа»². Если при купле-продаже члены общины все же следили за тем, к кому переходила земля, и заботились о соблюдении обычая не отчуждать ее за пределы своей общины-села, то при «подарках» крестьяне не могли вообще возражать против отчуждения тем или другим членом общины своего участка земли кому угодно. Феодал же затем присваивал себе все права члена общины, принадлежавшие крестьянину-«дарителю», в том числе преимущественное право покупки резешских владений, и скупал за бесценок земли всей крестьянской общины. Таким образом, феодалы делали все, «чтобы сыскать способ соделаться резешем (соучастником) во владениях других (крестьян-общинников. — Ф. Г.), надеясь со временем распространиться по своему желанию»³.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что так называемые «дарения» крестьянами своих земельных участков светским и духовным сановникам происходили особенно энергично весной, т. е. в самое тяжелое время для крестьян, когда они были не в силах свести концы с концами, когда крестьянские припасы иссякали и их не хватало до нового урожая. Даты кабально-дарственных записей (например, 12 апреля 1561, 12 марта и 9 апреля 1575, 28 мая 1579 и 10 июня 1584, 11 марта 1605, май 1606 и 3 июня 1619 годов) свидетельствуют, что они в основном оформлялись за несколько месяцев до нового урожая, которого с нетерпением ждали бедные крестьяне. Обедневшим резешам оставалось одно из двух: либо умереть с голоду, либо идти в кабалу к соседнему феодалу-крепостнику, жертвуя своим участком земли и личной свободой.

¹ С. М. Гроссман, Местные законы Бессарабии, СПб., 1905, стр. 322.

² Там же.

³ Там же.

Обратимся теперь непосредственно к грамотам XVI — первой половины XVII веков, вышедшим из молдавской господарской канцелярии, и рассмотрим ряд конкретных образчиков кабально-ипотечных и кабально-дарственных сделок.

В одной из кабально-дарственных записей, датированной 3 февраля, говорится, что крестьянин Николай, сын Танасия, из Тодирешты «подарил» боярину Теодорашко ключеру (ключнику) принадлежавший ему в селе Теодорешты участок земли с тем, чтобы тот после смерти дарителя взял на себя «заботу» о его похоронах¹.

31 января 1572 года крестьянин-резеш Танасий, сын Кочали, «дарит» принадлежавший ему в селе Цэлены Фалчинской волости земельный участок боярину Голэйю ватаву, и никто из родственников и членов общины дарителя не должен предъявлять претензий на указанную землю и вмешиваться в эту сделку². В 1583 году ватав Голэй стал обладателем земель в селе Штиборены, принадлежавших Керстю и Сергею, так как последние не были в состоянии внести в господарскую казну штраф, и это сделал за них названный боярин³.

6 января 1586(?) года крестьянин-резеш Василий, сын Евдокии, «дарит» свой земельный участок-жребий в селе Крэчунешты боярину Антиоху ключнику за то, что тот «поддержал» его во время больших экономических затруднений; никто из резешей не должен возражать против этого «дарения»⁴.

В 1602 году крестьянин Федор, зять Самуила, заложил свою долю земли в селе Ниспорешты боярину Федору Боулу казначею за 2 венгерских дуката и одного вола⁵. Вскоре казначей Боул стал полным обладателем всего села Ниспорешты.

27 июля 1604 года господарь Иеремия Могила разрешил сыновьям дьяка Юсупа Ионашко, Григорию и Павлу, владеть половиной села Мунтены до тех пор,

¹ Surete și izvoade, t. V, p. 56—57.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 5.

³ Ibidem, p. 230.

⁴ Ispisoace și zapise, t. 3, par. I, p. 239—240.

⁵ Surete și izvoade, t. II, p. 35.

пока местные резеши не возместят им издержки, понесенные в земельных тяжбах¹.

По свидетельству великого ватава Васлуйской волости и шатраря (придворный боярский чин) Ильи от 11 марта 1605 года, Василка-резешица, не будучи в состоянии уплатить боярам Крэчуну и Шушу долг, сделанный для уплаты податей, отдала им свой земельный участок в селе Миклешты².

20 августа 1607 года Ион и его жена Настасия, находясь в нужде, заложили за 8 золотых, 1 барана и 1 мешок муки принадлежавшую им в селе Секуяны долю земли вистерничелу Симиону³. В 1608 году, по свидетельству писца Бэянула, Ион и его шурин Роман из Веришены взяли под заклад своих земель в указанном селе у казначея Федора Боула в долг 16 талеров сроком до пятидесятницы. По условиям займа, в случае невозвращения денег в назначенный срок, заложенные владения должны были считаться «пропавшими» и остаться в руках займодавца⁴.

26 марта 1610 года господарь Константин Могила признал боярина Иона Медерхяна и его жену Платону владельцами принадлежавших Иону Потопу в селе Секуяны Нямецкой волости земель, так как указанные бояре заплатили за него в господарскую казну разные подати и поборы⁵.

Согласно кабальной закладной записи 1611 года, оформившей отношения между резешем Эммануилом Урсулом, с одной стороны, и сыном боярина Георгия Флоче, с другой, первый заложил под ничтожную ссуду (три лея дснег, овца с ягненком, два козлика и два барашка) свой участок земли в Печеште. Был установлен строго определенный срок возврата долга, нарушение которого грозило должнику переходом его земли в вечное владение займодавца⁶. Обращает на

¹ Documente privind istoria Romîniei, t. I (1601—1605), Bucureşti, 1952, p. 172—173.

² Ibidem, p. 205.

³ Documente privind istoria Romîniei, t. II (1606—1610), p. 126.

⁴ Ibidem, p. 174.

⁵ Ibidem, p. 286.

⁶ «Адекэ еу Урсул Манэилэ скриу ши мэртурисэску ку чест адевэрат запис ал меу ла мына фициорулуй луй Георгие Флоче пентру че е-ам дат лок ын Печеште дупэ дял ын (аша ын орижи-

себя внимание то обстоятельство, что Эммануил Урсул уже при составлении закладной записи выражал сомнение, сможет ли он вернуть ссуду займодавцу.

Крестьянин-резеш Ониц из села Бэлчены Романской волости заложил 6 марта 1612 года свой земельный участок боярину Глиге из Селевестри, так как последний уплатил за него подать; земля, по условию, должна была оставаться в закладе до возврата займодавцу должником взятой у него суммы¹. 20 марта того же 1612 года боярин Глига, дав через Ивула крестьянину-резешу Сэбэу вола, корову с теленком, кожух и зипун, стал обладателем принадлежавшего Сэбэу в селе Селевестри участка земли².

В 1616 году Пентей из Бучум отдал принадлежавший ему в селе Бэлушешты земельный участок боярину Апостолу за то, что он вычеркнул его из податного списка и, кроме того, дал ему еще 7 золотых наличными³.

13 января 1617 года резеши села Дрэгоешты Семен, Урсул, Илларион, Ионашко, Федор, Яким и другие передали свои жребии земли, а затем и сами, один за другим, «добровольно» отдались в крепостные боярину Алсану постельнику, который внес за них подати и оплатил их долги⁴.

Крестьянин-резеш Пэтрэшкан из села Леукушены расстался в 1619 году со своим земельным жребием в результате того, что не был в силах нести налоговое бремя, и его землей завладел боярин Ионашко Влашка казначей, который взносом в господарскую казну погасил задолженность Пэтрэшкана⁵. 28 июля того же 1619 года великий ворник Никоарэ, великий комис (конюший) Ворунтар, логофет Небожатко и другие

нал. — Ф. Г.) пентру заложаг дрепт 3 лей бэтуць ши о оае ку мел ши 2 вэтуй ши 2 ынтерций примэвара, нар де-л вой путе скоате мэкар пынэ ла анул, нар фициорул луй Георгне тот сэ айбэ а коси локул ынтрачел ан...» (Т. V. Ștefanelli, Documente din vechiul ocol al Câmpulungului Moldovenesc, București, 1915, p. 1).

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), București, 1954, p. 66.

² Ibidem, p. 70.

³ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), București, 1956, p. 34—35.

⁴ Ibidem, p. 81.

⁵ Ispisoace și zapise, t. I, pat. 2, p. 126—127.

великие бояре засвидетельствовали обязательство Танасии и его брата Крэчуна из Котовы об отдаче их долей земли в селе Кручены боярину Никоаре Прежеску казначею, взявшему на себя уплату за них налогов¹. Господарь Гашпар Грациани специальной грамотой от 7 августа 1619 года санкционировал эту «добровольную» кабальную сделку².

3 марта 1620 года тот же господарь Гашпар Грациани приказал великим ватавам Баковской волости принудить крестьянина-резеша Петра вернуть дьяку Стефану долг, образовавшийся потому, что во времена господаря Радула Михни Стефан взял на себя уплату за Петра податей. Если у должника не окажется средств для того, чтобы расплатиться с кредитором, тогда, согласно указанию господаря, его слуги должны отмежевать от остальных резешских владений земельный участок, принадлежавший Петру в селе Мэржинены, и передать его во владение дьяка Стефана³.

В 1620 году дочь Кристи Диичану из Миклешты, резешица Тудоска, не будучи в состоянии вернуть долг Тирону, который заплатил за нее подать скотом, отдала последнему свою землю в селе Берендеешты Васлуйской волости⁴.

В 1621 году дети упоминавшегося уже крестьянина-резеша Пэтрэшкана из села Леукушены, Константин, Никоарица и Настасия, лишились своей земли, которая перешла к боярину Ионашко Влашке казначею за долг, образовавшийся вследствие того, что последний погасил старую задолженность их отца по государственным налогам и другим обязательствам⁵.

В закладной кабале от 27 мая 1624 года читаем: «Я, Андрей, сын Бежана Бузня, пишу и свидетельствую настоящей своей записью о том, что мною взято под заклад у великого чашника Григория пятьдесят один серебряный дукат и один простой дукат. Закладом же является принадлежащая мне в селе Шербешти часть дедины. Днем возврата взятой мною под заклад сум-

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), București, 1956, p. 387.

² Ibidem, p. 390—391.

³ Ibidem, p. 428—429.

⁴ Ibidem, p. 498.

⁵ Documente privind istoria României, t. V (1621—1625), București, 1957, p. 55.

мы является 24 мая следующего года. Если же я не верну вышеупомянутые деньги, 52 дуката, в назначенный в записи срок, то тогда пусть указанная часть дедины и впредь принадлежит боярину Григорию, так как я взял на себя такое обязательство...»¹

Закладная кабала от 3 сентября 1624 года повествует о том, что некая Хильма (очевидно, резешица) заложила свою землю в селе Оргоешты за 10 лей и 5 безменов (5 килограммов) воска².

Кабальная запись от 21 ноября 1625 года говорит о том, что крестьянин-резеш Макидон Хиревческул из Федксуц, задолжавший боярину Козману Попею, который внес за него в казну в счет податей двух волов и 8 пчелиных ульев, и не будучи в состоянии возместить долг, уступил кредитору свою долю земли в селе Войкоуцы³.

Резеши села Леукушены во главе со Стратулатом и Юрашко объявили в господарском суде в феврале 1634 года, что они заложили на определенный срок третью часть села Леукушены боярину Трифону и его жене Соре из Марковичен за 138 талеров. Трифон же и Сора еще до истечения установленного сторонами срока заклада превратили его в куплю, и резеши безуспешно протестовали против этого незаконного акта⁴.

3 ноября 1637 года господарь Василий Лупу объявил дьяка Федора из Портары владельцем доли земли, принадлежавшей дочерям резешицы Мындрае, за которых он заплатил подати (2 вола и пр.) еще во времена господаря Мирона Барновского (1626—1629; 1633)⁵.

¹ «Адикэ еу Андрену, фициорул луй Бежан Бузний, скриу ши мэртурисэску ку ачесту запис ал мнеу прекум м'ам ругат думисали луй Глигори пахарникул бине ку чинзэчь ши унул галбень бань де аржинту ши ун галбэн просту ши и-ам пус думисали зэлог партя ме де мошие дин сат дин Шербешть ши ми-ам пус ши зи ден 24 де зиле а луй май, дин знуа де испас ын патру сэптэмынь сэ-й дау думисали бани, кари май сус скрием ачей 52 де галбень, иарэ де ну ор хи бани ла зи, ка сэ фие мошия думисале дрепту ачей бань, аша м'ам апукат еу...» (Surete și izvoade, t. V, p. 188).

² Surete și izvoade, t. XXIV, p. 115.

³ Documente privind istoria României, t. V (1621—1625), București, 1957, p. 367.

⁴ Ispisoace și zapise, t. 2, par. I, p. 29.

⁵ Ibidem, p. 126.

Как явствует из закладной кабалы от 8 сентября 1641 года, некий Стефан из Долхешты заложил свои земли в селах Бодешты и Дэнешты боярину Фоме стольнику, чтобы получить деньги для взноса в государственную казну¹.

Таковы конкретные образчики кабально-закладных и кабально-дарственных сделок между молдавскими крестьянами-общинниками резешами и феодалами, в результате которых происходило дальнейшее обезземливание и последующее закрепощение крестьянства.

Рост крупного светского и духовного феодального землевладения за счет закладов и «дарений» крестьянских земель можно проследить и на ряде других примеров. Однако приводить их нет надобности, так как условия этого рода сделок были довольно однообразными. В случае невозвращения долга в установленный срок, займодавец оставался навсегда владельцем заложенной ему земли. Феодалы опутывали долгами резешей и вынуждали их под видом «дарений» за оказанную некогда действительную или мнимую «помощь» отдавать или продавать за бесценок свои последние участки земли.

Третий путь роста крупной феодальной собственности на землю и установления неполной собственности феодала на работника производства — крепостного крестьянина — это, как уже отмечалось выше, путь так называемой «купли-продажи» недвижимого имущества.

Уже некоторые румынские буржуазные историки (Р. Росетти, А. Д. Ксенопол, Н. Йорга) были вынуждены признать грабительский характер сделок на землю, зафиксированных во многих купчих грамотах, вышедших из молдавской господарской канцелярии². Так, Росетти писал: «Нет нужды говорить и доказывать, что средства, использовавшиеся для достижения

¹ Ispisoace și zapise, t. 2, par. I, p. 224—225.

² N. Iorga, Studii și documente cu privire la istoria românilor, t. IV, par. 2 (Cărți domnești, zapise și răvașe), București, 1904, p. 555; R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 547; Despre originea și transformările clasei stăpânitoare din Moldova (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, t. XXIX, 1906—1907), București, 1907, p. 183; idem, ibidem, Cronica Vascanilor, p. 4—5; A. D. Xenopol, Proprietatea mare și cea mică în trecutul țărilor române, „Viața Românească“, Anul VIII, N 2, Iași, 1913, p. 171—172.

определенной цели, — приобретения земли и образования крупной земельной собственности, — далеко не всегда являлись чистыми, и, в особенности не были чистыми тогда, когда покупатель земли находился у власти, являясь высоким должностным лицом, пользующимся покровительством со стороны господаря, или, наоборот, сам своим могуществом внушал страх даже сюзерену.

Произвол и самоуправство, обман и надувательство, угрозы и плутовство, вымогательства и запугивания являлись составной частью торговых сделок при отчуждении крестьянской земли»¹.

А. Д. Ксенопол также должен был признать, что рост крупного землевладения в Дунайских княжествах сопровождался «множеством крестьянских слез и рыданий»².

Обращают на себя внимание формулы купчих грамот, вышедших из молдавской государственной канцелярии, согласно которым мелкие владельцы незначительных участков земли, крестьяне-общинники резеши, продают свои парцеллы-жребии, виноградники, сады и отдельные фруктовые деревья без всякого давления со стороны «покупателя» и властей, якобы «по их доброй воле, никем не понуждени, а ни присиловани»³. Под этим трафаретным выражением скрывалось не только действительно добровольное отчуждение земли и других видов собственности, но и ограбление феодалами крестьян, этой формулой прикрывался захват крестьянской земли. Кроме того, «добровольную» продажу крестьянской земли нередко вызывали «испытания большой нужды», «долги», «голод» и так далее, о чем говорят купчие грамоты. Ниже мы встретим целый ряд не лишенных интереса примеров сделок купли-продажи недвижимого имущества, которые нередко кончались судебными тяжбами в господарском суде.

Так, в 1502 году крестьяне-общинники содоши (резеши) Добра, Федор и Берзя «по их доброй воле, никем не понуждени, а ни присиловани... продали свою

¹ R. Rosetti, Despre originea și transformările clasei stăpânitoare din Moldova, București, 1907, p. 123.

² A. D. Xenopol, Proprietatea mare și cea mică în trecutul țărilor române, p. 166.

³ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 51.

правую отнину» (т. е. недвижимое имущество, перешедшее к детям по наследству от отца. — Ф. Г.) «нашему верному пану Исаку вистернику»¹.

В 1507 году молдавский господарь Богдан подтвердил право боярина Журже Алботэ и его сестер на владение половиной села Мэзэрешты, купленной ими у дочери Ненчиула, внучки Бэсения и у других родственников-резешей за 140 татарских золотых². 20 декабря 1518 года другой господарь Молдавии — Стефан Молодой — закрепил за Сучавским митрополитом Феоктистом пасеку и участок земли, приобретенные им путем покупки у резеша Трифа, его сестер Кырстины и Гатии³. 29 января 1522 года тот же князь Стефан Молодой подтвердил владельческие права митрополита Феоктиста на вышеупомянутые пчельник и землю, а также на часть села Орцешты, купленную у Васько и его сестры Гафтии⁴. 1 марта 1528 года господарь Петр Рареш дал боярыне Оане и ее братьям Юрию и Ивану подтвердительную грамоту на часть села Тутовинешты, перешедшую к ним в результате купли от резешицы Анны, дочери Шендри, внучки Мартина⁵.

11 марта 1529 года резешица Настя, дочь Драгана, сестра Братула, «продала свою правую отнину» (четвертую часть села Пожерешты) боярину Федору и его жене Драгуше за 60 татарских золотых⁶. 1 апреля того же 1529 года Васько Михайлаш и его племянник Иван, сын Симы Михайлаша, совершили продажу своей «отнины» в Хотинской волости «Анушке, дочери Петра Линтена, княгини Андрейки чашника...»⁷

Молдавский господарь Петр Рареш подтвердительной грамотой от 1 июня 1530 года закрепил за Немецким мо-

¹ *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 196; Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), București, 1953, p. 9—10.

² *Constantin I. Andriescu și Constantin A. Stoide*, Documente și regeste, vol. I (documente moldovenesti din sec. XVI), Iași, 1934, p. 5.

³ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), București, 1953, p. 129—131.

⁴ *Ibidem*, p. 190—192.

⁵ *Aurel V. Sava*, Documente privitoare la târgul și ținutul Lăpușnei, București, 1937, p. 3.

⁶ *Surete și izvoade*, t. XVIII, p. 137.

⁷ ГИМ (Собрание Уварова, древнемолдавские грамоты), карт. 41/23.

настырем половину села Орцешты, приобретенную у резешей¹. Подтвердительной грамотой от 14 июня 1538 года тот же господарь признал Нямецкий монастырь владельцем еще части села Орцешты, которую игумен также купил у местных жителей². Из купчей грамоты от 2 марта 1548 года узнаем, что Петр Оарцэ продал епископу Романской епископской кафедры Макарию шестую часть села Орцешты³. Тогда же Феодосий, епископ Радовицкой епископской кафедры, получил путем покупки от резеша Фэтула принадлежавшие последнему доли в упомянутом селе-общине⁴.

В 1545 году господарь Петр Рареш утвердил за боярином Потырккой земельную куплю, совершенную им у крестьян-резешей села Леучешты⁵.

6 марта 1560 года господарь Александр Лапушняну дал боярину Антону и его жене Софье, детям Негинэ, подтвердительную грамоту на четвертую часть земельных угодий в селе Тутовены, которую они купили у резешей Андрейки и его жены Насти⁶. Подтвердительной грамотой от 5 октября 1573 года князь Иоан Вода Лютый закрепил за боярином Николой треть пятой части села Болотены (на реке Путне), которую Никола приобрел в результате купли за 120 татарских золотых у крестьянина-резеша Фомы, его сестры Станы и их племянника Дмитрия во времена господаря Александра Лэпушняну⁷.

В период от сентября 1575 года по август 1576 года Елена, дочь Лазора, продала боярыне Урыте принадлежавшую ей в селе Драгомирешты часть земельных угодий⁸. 18 июля 1582 года крестьянин-резеш Пэкурар из Кристешт продал Нямецкому монастырю свою пасеку за 24 талера⁹.

Крестьяне-общинники резеши Антимий Думбравэ и

¹ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), București, 1953, p. 323—324.

² Ibidem, p. 391.

³ Ibidem, p. 558—559.

⁴ Ibidem.

⁵ Surete și izvoade, t. XVIII, p. 199.

⁶ Aurel V. Sava, Op. cit., p. 14—15.

⁷ Surete și izvoade, t. V, p. 225.

⁸ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 58—59.

⁹ Surete și izvoade, t. XIX, p. 171.

его сестра Мария 25 марта 1586 года совершили продажу боярину Голэю ватаву своей земли в селе Фолешты¹. В том же году резешица Гыца, дочь Дмитрия Фолти, Чиорчия и Ирина, дочери Михая, резеш Нестор оформили акт продажи своих земельных жребиев в селе Жугэ-решты Романскому епископу Никанору². Та же купчая грамота свидетельствует о продаже земельных участков в том же селе резешами Ромашко и Ионашко епископу Никанору³ и резешем Романом Плешеем из Фрэтешты боярыне Ангелине Гоюае⁴. Около 1586 года резеш Петр, сын Билаша из села Бэймэчены Хырловской волости продал половину виноградника Никоаре Прежескулу дьяку⁵.

26 февраля 1587 года пыркалабы города Романа Мирон и Бежан оформили особой записью акт продажи резешем Дмитрием, сыном Кузмы, из села-общины Рошиорь, принадлежавших ему в этом селе земель епископу Романской епископской кафедры Агатону⁶. 1 марта 1587 года резеши Михаил и Савин, нуждаясь в хлебе, должны были продать боярину Голэю ватаву свои земли в селе Штюбораны за 9 лей наличными деньгами и хлеб⁷. 25 марта того же года крестьянин-резеш Игнат Сушкала из Никорешты продал боярыне Феодосии, жене Жоры, свою «отнину и дедину» в селе Чилепотешты за 12 золотых⁸. По грамоте 1588 года, Исааком Маржинэ и его сестрой Стефаней была продана за 136 татарских золотых монастырю Рышка поляна около реки Серет⁹. Составители купчей записи от 15 марта 1590 года свидетельствовали, что боярин Григорий из села Бэрбошь купил у крестьян-резешей села Рошиорь ряд пашен и других земельных владений¹⁰.

Крестьяне-общинники резеши села Пересчены — Петр, Михаил, Мырза, Дмитрий, Крецул и его брат Ли-

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 311.

² A. D. Xenopol, Op. cit., p. 167—168.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

⁵ Surete și izvoade, t. XXII, p. 104.

⁶ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 338.

⁷ Ibidem, p. 339.

⁸ Ibidem, p. 344—345.

⁹ Surete și izvoade, t. XXI, p. 119—120.

¹⁰ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 453—454.

чиул, Анисия, Нестор, Пуркариул, Бырлэ, Ионашко, Радул и другие — произвели в 1592 году продажу боярину Апостолакию, бывшему камарашу, четвертой части села Пересчены с прилегающими земельными угодьями¹. О коллективном отчуждении крестьянами земель говорит подтвердительная грамота от 28 декабря того же 1592 года, согласно которой молдавский господарь Арон Тиран признал правильность сделанных боярином Андрейкой, бывшим пыркалабом города Романа, 11 покупок земельных участков у различных крестьян-общинников резешей села Выртоп².

В 1595 году резеш Григорий, сын Исаака, внук Оани, «продал свою правою отнину... от село Диешани, от третьей части третью часть... пану Тоадеру Чехану прькалабу за один конь добрь ценован за тридесят и пят талер сребрених...»³ 4 же апреля 1596 года была оформлена продажа резешицей Урытой боярам Думитракию и Георгию Величко земель в селе Батарешты⁴. 15 февраля 1598 года боярин Никоарэ Прэжескул логофет купил за 200 талеров у армянина Деривака виноградник вблизи города Котнары⁵. 2 февраля того же года резешица Настя, дочь Марины, упоминается в качестве лица, продавшего шестую часть половины села Миклэушены на Пруте боярину Недияку за 12 овец с ягнятами⁶.

В начале 1601 года перешли по купчим грамотам к казначею Федору Боулу владения в селе Ниспорешты резешей Павла, сына Морица, внука Иеремии⁷; Анны, дочери Ангелины, внучки Исаея⁸, Евстратия, сына Андрейки, внука Исаея⁹, Журжи¹⁰.

Купчая запись от 10 июля 1603 года говорит о продаже резешицей Кристей Трепэдушь боярину Игнату Ренте питарю принадлежавшей ей части земли в селе Дрисливеле за 85 татарских золотых¹¹.

1 A. D. Xenopol, Op. cit., p. 167—168.

2 Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 207—208.

3 Aurel V. Sava, Op. cit., p. 25.

4 Surete și izvoade, t. XXII, p. 110.

5 Ibidem, t. XXI, p. 133—134.

6 Ibidem, t. XXII, p. 111.

7 Ibidem, t. II, p. 8—9.

8 Ibidem, p. 14.

9 Ibidem.

10 Ibidem, p. 17.

11 Ispisoace și zapise, t. I, pp. 2, 24.

5 июля 1604 года крестьяне-резеши Меделен, Ангелина, Армия и Мария «продали свою правую отнину и дедину от село Ротомпанешты, от пятой части... третью часть с вьсем доходом... Драганови и Михулови и Постолакию, панам, ради 100 злат татарских...»¹

30 июля 1604 года молдавский господарь Иеремия Могила вынужден был обязать своей грамотой феодала Мирона (который без ведома племянников резеша Чиолпана купил часть «отнины» в селе-общине Бодешты у крестьянина-резеша Гавриила Бэлича) вернуть обратно продавцу деньги. Дело в том, что подобная купля являлась нарушением обычного права отчуждения резешского недвижимого имущества, согласно которому подлежали извещению о предстоящем акте отчуждения как родственники резеша-продавца, так и члены сельской общины, где предполагалось совершить куплю-продажу. Лишь после отказа всех заинтересованных лиц от своего права преимущественного приобретения резешских недвижимых владений, разрешалось продавать их кому угодно².

28 декабря 1605 года крестьяне-общинники резеши Семен, Магдалина, Софийка, Станка и Григорий «продали их правую отнину и дедину, вьсе части их, елико се изберет от село Флочещи, что се теперь именуется Леукушешии..., у Сучавской волости, та продали они слуги нашему верному Пэтрашко уряднику от Ботошани за шестьдесят талер личных...»³.

22 января 1608 или 1609 года резешица Варвара, дочь Крэчуна из Мэчикэуць, со своим сыном Стратоном и другими детьми совершила продажу за 15 талеров боярину Иеремии и его жене Мэрикуце своей доли земли в селе-общине Мэчикэуць⁴. Из купчей грамоты от 6 мая 1608 года узнаем о продаже крестьянами-общинниками резешами Негурэ, Горгичаном, Иваном и другими ряда земельных участков боярину Сеакилу в селе Цуцкань⁵. 4 июля того же года был оформлен еще ряд актов по-

¹ Surete și izvoade, t. II, p. 288—289.

² Ispisoace și zapise, t. I, par. 2, p. 36.

³ Surete și izvoade, t. II, p. 237.

⁴ Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), București, 1953, p. 143.

⁵ Ibidem, p. 151—152.

купки земли в селе Цуцкань боярином Сеакилом у резешей Федора, Ионашко и Петра¹.

2 июля 1608 года шолтуз Антон Вигрин и 12 пыргарей — членов городского совета города Бырлада засвидетельствовали акт перехода по купчей грамоте к боярину Павлу, пыркалабу города Оргеева, от резешицы Марии, дочери Лазора, земли с мельничным бродом в селе Олешешты, на реке Путне². 30 ноября того же года Никита, Башотэ, Юрашко, Кумпэтэ и другие влиятельные лица оформили продажу сыновьями резешицы Соры, Федором с братом боярину Федору Боулу казначею места для постройки дома и 10 участков земли в селе Верешань³.

По купчей грамоте от 5 февраля 1609 года к боярину Петру из Бобочен перешли земли крестьян-общинников резешей Фрэтея из деревни Кырстиниць, Настасии и Федора из села Чиолэнешт (каждая доля земли была оценена в 12 венгерских золотых)⁴. 10 марта того же года крестьянин-резеш Драгоман из села Тэлпэлэешты Сучавской волости продал за 15 венгерских золотых свои земельные участки боярину Федору Боулу казначею⁵. Другой крупный феодал боярин Никоарэ Прэжескул, великий казначей, грамотой от 25 октября 1609 года оформил покупку земель у целого ряда резешей села Ионэшены Ясской волости⁶.

2 января 1610 года резеши села Кофешты Путнянской волости Влайкул, Иван, Ион, Анка, Кикуш, Сима, Чербул, Иоан Кашотэ, Никоарэ и другие, будучи оштрафованы за «душегубину», совершенную на территории их села-общины, и не имея средств на внос штрафа, «по своей доброй воле и без всякого давления извне» уступили общинный мельничный брод за 42 талера боярину Апостолу и его жене Симе, получив тем самым возможность рассчитаться с долгами⁷.

Документ, датированный 10 мая 1611 года, говорит о том, что боярыня Паскалина, вдова «покойного» логюфета Строича, со своим сыном Ионашко вынуждены бы-

¹ Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), București, 1953, p. 166.

² Ibidem, p. 167.

³ Ibidem, p. 186.

⁴ Ibidem, p. 193.

⁵ Ibidem, p. 196.

⁶ Ibidem, p. 260.

⁷ Ibidem, p. 273.

ли вернуть крестьянам-общинникам резешам селище Фетронешты Ясской волости, купленное боярином Строичем логофетом, так как указанная купля была произведена без оповещения всех заинтересованных резешей и в нарушение обычных норм отчуждения резешского недвижимого имущества. Здесь интересна одна деталь: феодалы-землевладельцы, передавая обратно крестьянам-резешам незаконно купленное у них селище, сопровождают акт отказа от прав собственности словами: «Мы и так имеем достаточное количество сел-вотчин, поэтому обойдемся и без селища, которое возвращаем резешам»¹.

Купчая грамота от 17 декабря того же 1611 года содержит список имен и прозвищ крестьян-резешей села Холохорены Хотинской волости, продавших свои земли боярину Гаврилашу логофету². В купчей записи 1612 года имеются данные о продаже резешицей Сурицей, дочерью Насти из села Дрэгушены, своего земельного участка боярам Петру и Ионашко за 20 лей, корову с теленком и кобылу с жеребенком³.

Между 1612 и 1630 годами крестьянин-резеш Нениул из села Селеле продал принадлежавшую ему в этой деревне долю земли, которая (как говорится в купчей) «будет выделена» из владения остальных общинников, боярину Малкочу ватаву за 6 талеров⁴. Другая недатированная купчая грамота, вышедшая из молдавской господарской канцелярии в правление господаря Стефана Томши (1612—1615; 1622—1623), свидетельствует, что дочь Матвея, резешица Тофана, совершила продажу части «отнины» в селе Попешты Бырладской волости попу Поянэ и его жене Марте из Витезешты за 12 лей⁵. Согласно купчей грамоте от 4 августа 1612 года, резеш Зангул, сын Петра из Лиешты, уступил боярине Нениуце свой земельный участок в селе Бунешты за 22 талера⁶.

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), București, 1954, p. 18.

² ЦГА МССР, ф. 220, оп. 5, док. 21.

³ Aurel V. Sava, Op. cit., p. 41.

⁴ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), București, 1954, p. 44.

⁵ Ibidem, p. 44—45.

⁶ Ibidem, p. 96.

8 марта и 12 апреля 1613 года дьяк Лупул из Думешты и другие влиятельные лица засвидетельствовали акт продажи резешицей Мотрей земли и фруктового сада в селе Миклэушены дьяку Карпу за корову с теленком и 5 талеров наличными деньгами¹. 12 июня того же года бояре Мургоч Тофля и ворник Генгя утвердили продажу резешем Михайлом, сыном Борчи, за 15 талеров земли в селе Крипинешты Фалчинской волости боярину Пэкурару, сыну боярина Бурэ².

Купчая грамота, датированная 27 августа 1614 года, отмечает, что крестьянин-общинник резеш Чобан из Теленешт, «по своей доброй воле, без всякого давления и принуждения со стороны», продал за 41 талер свой жребий земли в селе Теленешты ватаву великого логофета боярина Бельдимана Горчулу из Михайлаша с тем, чтобы за вырученные деньги спасти своего сына Негруца, которого хотел повесить командующий вооруженными силами Молдавии гетман Стурдза³.

Правая грамота от 26 января 1615 года содержит указания на то, что боярин Федор Боул казначей под видом «купли» захватил земли резеша Германа в селе-общине Ниспорешты. Господарский суд во главе со Стефаном Томшей, к которому обратился с жалобой Герман, не только не пошел навстречу последнему, но узаконил эту «куплю»-захват и предупредил Германа, что в случае возобновления тяжбы против высокого государственного сановника Федора Боула он будет подвергнут очень большому штрафу и выселен из деревни⁴.

Согласно купчей грамоте от 12 марта 1615 года, крестьянин-общинник резеш Георгий, сын Соломии, дочери Нягула из Мохорэци Текучской волости, совершил продажу бывшему постельнику боярину Корпачу земельных угодий в названном селе за 12 золотых⁵. Купчей грамотой от 15 апреля 1615 года была оформлена продажа другого участка земли в том же селе Мохорэци (стои-

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), București, 1954, p. 122.

² Ibidem, p. 141; Surete și izvoade, t. XXII, p. 131—132.

³ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), București, 1954, p. 175.

⁴ Surete și izvoade, t. II, p. 27—28.

⁵ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), București, 1954, p. 195—196.

мостью в 10 золотых) крестьянами-резешами Ионом и Варварой уже упоминавшемуся боярину Корпачу, бывшему постельнику, который, скупая резешские участки, увеличивал свои земельные владения¹.

В правой грамоте, датированной 3 мая 1617 года и написанной на древнерусском языке с употреблением украинских, молдавских и других терминов², говорится о том, что крестьяне-резеши села Сербии возбудили в господарском суде дело против монахов монастыря Тоадера Могилы, которые «очень притесняли» крестьян. «бросили» им деньги и насильно захватили половину села Сербии с прилегающими землями и угодьями. Монахи же, напротив, утверждали на суде, что они якобы купили вышеупомянутые земли. Судья, выслушав и истцов, и ответчиков, решил: закрепить землю за монастырем, отобрать у крестьян грамоты на эту землю и наложить на них денежный штраф.

Примерно таково же содержание правой грамоты от 28 марта 1629 года. Истцами и ответчиком на господарском суде в данном случае выступали другие лица, и тяжба на этот раз решилась в пользу крестьян (общинников села Вэдении Ясской волости). Но и здесь, как и в предыдущем случае, крестьяне жаловались на то, что боярин-казначей Панэ «присиливал их» «и взял им

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), București, 1954, p. 213—214.

² «...Радул воевода божию милостию господарь земли Молдавской. Ож приидоше пред нами и пред нашими болери... рѣзеши и те-гали на наши млебницы калугери от святая монастыр называемия Тоадера Могилл, едеже ест храм Възнесение..., ради половина вишняя село Сърбии, что на Башну, и сице они казали, ож они имали великон асупрение и пометал им пинези петсот талери личных без воли их (курсив наш. — Ф. Г.) ради тое пол за село. Ино годва мы и съ нашим правдеом съветом съдихом их по закону земскому, и искахом и обретохом, аш ест правая отнина и выкупление млебником нашим калогерем, за что имали таковии наредение другы, ере-колико привиліе старии еж имали... люди... все тии привиліе были въ рѣзи калугером, того ради... рѣзеши... застали от всего нашего закона, а на наши млебници мниси от святая монастыр, мы их управдихом и възехом от них ферію 12 злат. Ино коли въ нескіи времени коли они маи проявляют некии привиліе или некии наредение, больше да не имают тегати, и а ни добивати николиж на веки вечнию пред сим листом нашим». (Ispisoace și zapise, t. I, par. 2., p. 102—103).

село без воли»¹. Панэ же утверждал, что он «купил от них то село на своих пинези»² (т. е. за деньги).

Купчая грамота от 24 мая около 1617 года содержит сведения о том, что резеш Стефан Калапод продал боярину Никоарэ Прэжескулу казначею свое владение — восьмую часть половины села Стольничены³. 29 мая 1617 года староста города Тротуша Думитрашко, мэр города—шолтуз и 12 членов городского совета — пыргарей-радцев закрепили за боярином Федором Грекулом землю в селе Могошешты, купленную им за 15 талеров у резешицы Васиики, дочери Бадиула⁴. 31 мая того же года Марко из Костешты, поп Никита и другие «добрые и старые люди» засвидетельствовали акт продажи дочерью Михаила, резешицей Замфирой, за 14 талеров боярину Якову своей доли земли в селе Хицочи⁵. Купчая крепость от 22 октября опять-таки 1617 года фиксирует продажу крестьянами-общинниками резешами Андреем и Кондратом из села Мэдзэнэешты (в присутствии «многих добрых и старых людей») за 2 талера боярину Иону Хэмеянулу участков земли, которые они сами очистили из-под леса и обработали⁶.

31 мая 1618 года упоминавшиеся уже «добрые и старые люди» Марко из Костешты, его отец дьяк Крецул, поп Никита и другие влиятельные в селе лица удостоверили, что резешица Замфира, дочь Михаила из Хицочи, продала за 14 талеров боярину Якову и его жене Брандуше участок земли в селе Хицочи⁷, из пределов которого и раньше уже отчуждались земли.

В период между сентябрем 1618 года и августом 1619 года боярыня Екатерина, вдова покойного постельника Йорги, дала Секулскому монастырю «на помин души» своего мужа виноградник и два мельничных брода в селе Тырговице, на реке Путна. Виноградник, как отмечает вкладная грамота, был куплен в свое время.

¹ Ispisoace și zapise, t. I, par. 2, p. 211.

² Ibidem.

³ Surete și izvoade, t. XXII, p. 135—136.

⁴ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), București, 1956, p. 171.

⁵ Ibidem, p. 175.

⁶ Ibidem, p. 209.

⁷ Ibidem, p. 280—281.

боярином Йоргой у крестьянина-резеша Радула за 10 золотых, а один из дарованных монастырю мельничных бродов приобретен тем же боярином за 60 талеров «у всех резешей» указанного села, так как находился в коллективном владении членов сельской общины¹.

Купчая грамота от 5 апреля 1619 года содержит сведения о продаже крестьянином-резешем Крецулом боярину Дмитрию за 15 талеров части своей «отнины» в селе Кодрешты². 23 мая того же 1619 года известный нам по более ранним документам боярин Никоарэ Прэжескул казначей купил у резеша Георгия Сулицаша, внука Калапода, принадлежавшие ему земли в селе Стольничены³.

Купчей грамотой от 25 июня 1619 года крестьянин-резеш Глигорча Баенский оформил продажу боярину Никоаре Прэжескулу логофету своей доли земли в селе Неснэшены за 30 золотых⁴. Купчая грамота, датированная 30 мая 1620 года, говорит о том, что крестьяне-общинники резеша Никоарэ, его жена Настасия и их сын Федор, «по своей доброй воле, без всякого давления и принуждения извне, но оказавшись в большой бедности и нужде», продали за 60 талеров боярину Иону Пушкариулу из Ясс виноградник в долине Икозмоае⁵. Далее купчая отмечает, что продавцы предварительно опросили своих родственников и соседей по общине, не желают ли они приобрести продаваемый ими «по бедности» виноградник. Но никто из резешей не оказался в состоянии и не изъявил желания его купить. Лишь после этого Никоарэ и его семья решились продать виноградник боярину Иону⁶.

Таким образом, крестьяне-общинники резеша всеми средствами, путем круговой поруки, взаимопомощи, пытаясь использовать нормы обычного права, стремились сохранить за крестьянской сельской общиной земли, виноградники, сады и т. п. Но сельская община в целом и ее отдельные члены не могли устоять перед натиском господствующего класса феодалов, вооруженного все-

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), București, 1956, p. 293.

² Ibidem, p. 313.

³ Surete și izvoade, t. XXI, p. 208—209.

⁴ Ibidem, p. 212—213.

⁵ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), București, 1956, p. 476.

⁶ Ibidem.

возможными жалованными, дарственными, подтверждательными и другими грамотами, поддерживаемого центральной господарской властью и пользующегося огромными привилегиями. Постепенно сокращались индивидуальные и общинные крестьянские земли, шло обезземеливание лично свободных крестьян-резешей, что имело для них серьезные последствия социально-экономического характера.

К купчей грамоте от 25 июня 1619 года близка по содержанию другая купчая, относящаяся к 1621 году. В этом последнем документе продавцами недвижимого имущества выступают другие резеши и условия продажи имеют несколько иной характер. Но и в данном случае, как и в предыдущем, крестьяне-резеши жалуются на свою судьбу и тяжелое материальное положение. В частности, в грамоте 1621 года говорится, что резеш Федор Коранга, сын Лазора из села Мичешты, племянник Матвея, со своей женой Евдокией и с детьми «по своей доброй воле, никем не принужденные и без всякого давления со стороны, но из-за большой нужды и голода» продали за 15 лей фруктовый сад боярину Константину, сыну ватава Евфимия¹.

Согласно купчей грамоте от 12 августа 1624 года, резешица Лоринцоая уступила боярину Лупулу Прэжеску за 80 талеров принадлежавший ей в селе Сэрата виноградник².

Купчая подтверждательная грамота, датированная 1633 годом, содержит материал о том, как боярин Дмитрий Бухуш, третий логофет, скупал резешские земли³.

18 апреля 1634 года крестьяне-резеши Георгий Прябич и его жена Марика продали боярину Фоме постельнику место под виноградник на горе Ласлэул, взяв с покупателя корову, вола и 16 золотых наличными деньгами⁴. В этом же году боярин Патрашко Болдескул пыркалаб совершил 13 покупок участков земли у различных крестьян-общинников резешей. При этом два продавца были вынуждены лишиться своих земель потому, что покупатель в течение ряда лет платил за них подати; третий

¹ Surete și izvoade, t. II, p. 205.

² Ibidem, t. XXII, p. 177—178.

³ A. D. Xenopol, Op. cit., p. 165; Surete și izvoade, t. II, p. 114—116.

⁴ Ispisoace și zapise, t. 2, par. I, p. 35—36.

«продал» землю, так как не смог вовремя вернуть боярину Болдескулу долг; четвертый потерял земельный участок из-за того, что утопил боярскую кобылу и т. д.¹

В 1635 году боярин Ненул ворник приобрел по купчей от резеша Антона участок, составлявший в результате дробления и перераспределения резешских земель между наследниками $\frac{1}{96}$ часть общей дачи². В 1636 году тот же боярин купил у резешицы Марии, дочери Софийки, ее долю земли таких же размеров³.

Молдавский господарь Василий Лупу грамотой 1636 года закрепил за боярином Ионицей Прэжескулом 9 покупок земельных участков, сделанных более чем у 30 различных резешей сел Лиешты, Ионэшешты, Бэллошешты, Рэзбоены и Влэдены⁴. Из другой купчей подтвердительной грамоты тех же лет можно видеть, как село Дриствеле Дорохойской волости было по частям куплено боярином Фомой сулджаром⁵. В то же время боярин Нестор Уреке ворник, отец известного молдавского летописца Григория Уреке, округляя свои земельные владения, совершил 98 покупок различных резешских земельных участков, разбросанных в разных частях Молдавского государства⁶.

В купчей грамоте, относящейся к 1638 году, говорится о продаже братьями-резешами Ионашко и Василием Соломоном Бисериканскому монастырю за 2 вола и корову принадлежавшей им земли в селе Кэндешты⁷. В том же году крестьяне-резеши, наследники Андрейки из села Недеяны, уступили свою долю земли писцу Мынже также за 2 вола и корову⁸. В 1639 году братья-резеши Пегр и Стефан продали боярину Шолдану, великому спатарю (меченосцу), половину принадлежавших им двух жребиев⁹. Купчая грамота от 4 апреля 1641 года сообщает о групповой продаже 17 крестьянами-общинниками резешами земельных участков в селе Бучумы боярину Ду-

¹ A. D. Xenopol, Op. cit., p. 164.

² Ibidem, p. 168—169.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem, p. 165—166.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Ispisoace și zapise, t. III, par. I, p. 41—42.

⁸ Surete și izvoade, t. III, p. 129.

⁹ И. М. Шлаен, указ. соч., стр. 87.

митрашко сулджару за 142 золотых и 45 талеров¹. 1 сентября того же года мэр города Васлуя Федор Гросул и 12 членов городского совета, пыргарей-радцев, засвидетельствовали, что боярин Апостол Чехан купил земли у ряда резешей села Пригорены².

В 1643 году резеш Шолдан, опросив своих родственников и сорезешей — членов сельской общины, в которой находилась его земля, не желают ли они ее приобрести, и, не найдя среди них покупателей, отправился к боярину Фоме стольнику, о котором уже шла речь выше, и договорился с ним, что он купит эту землю³. Таким образом, голод и нужда вынуждали крестьян-резешей идти в кабалу к феодалам, уступая им свои земельные жребии.

Из купчей подтвердительной господарской грамоты от 12 декабря 1645 года видно, что крестьяне-резеши Василий, Савва, Константин и их сестра Урыта продали «свою правую отнину един виноград съ садове... и съ една пасика... слуге нашему Василию Корлату кьмърашу ради тридесят злат пинези готови...»⁴ Судя по грамоте от 13 декабря 1650 года, боярин Иеремия, сын Кивы, купил у резешей села Бырсенешты ряд земельных участков различной величины, рассчитавшись с ними деньгами и хлебом⁵.

«...Василие воевода..., господарь земли Молдавской, — говорится в документе 1648 года, — ож даем и подтверждаем слуги наше Ионашко Херце его правая отнина и дедина от село Херца, что у влост Чернѹскому от третая част село два части, еже *увезались* (курсив наш. — Ф. Г.) за тая отнина болери наши вѹсе племене покойному Исак Балики хетман, и казали, аже купил Балика тих части за отнину, а слуга наш Ионашко Херце приидоше лицом пред нами и управилъся, понеж обретохом съ истинного како не купил Балика хетман част Херци, но токмо купил от снѹ Никориц от третая част село третая част, како на велицей верне болери наши племеникове Исак Балика хетман сътворили запис слуге нашему Ионашко Херци, како да имае дѣр-

¹ Ispisoace și zapise, t. II, par. I, p. 239—244.

² Surete și izvoade, t. XV, p. 76—77.

³ A. D. Xenopol, Op. cit., p. 171—172.

⁴ Surete și izvoade, t. III, p. 55.

⁵ Ibidem, p. 242.

жати Херце от третая част два части, а третая част от третая част село да имают държати племенникове Балика...»¹

Из приведенной грамоты видно, что Ионашко Херца владел двумя жребиями в третьей части села-общины Херца, а боярин гетман Исаак Балика купил «треть третьей части» этого села у сына некоего Некорици. Однако племянники Балики, без всякого основания, обманым путем, пытались распространить свои права на все село, ссылаясь на то, что якобы их дедушка Исаак Балика купил его полностью. Таким образом, достаточно было феодалу каким-либо путем проникнуть в резешскую общину, как он начинал постепенно прибирать к своим рукам все общинные и индивидуальные крестьянские земли в ее пределах.

Один источник, вышедший из молдавской господарской канцелярии, рассказывает, что некоему феодалу захотелось овладеть крестьянским виноградником. Первоначально он прибегнул к лести, склоняя крестьянина продать виноградник, но тот не поддавался на уговоры. Тогда землевладелец стал угрожать крестьянину, а в конце концов пустил в ход физическую силу. В результате крестьянин «добровольно продал» феодалу виноградник. Сделка «купли-продажи» состоялась². Подобные сделки документы расценивают, как отчуждение собственности крестьянами «*по их доброй воле*», т. е. без всякого на них давления (никем «*ни понуждени, а ни присиловани*»).

Для расширения своих земельных владений и закрепощения крестьян светские и духовные феодалы применяли любые средства: насилие, обман, вымогательства, посулы и угрозы, судебные и другие штрафы, кабалу, ростовщические операции, подлоги и т. д.

Летописец Григорий Уреке, выражая думы и чаяния светской и духовной феодальной знати, ее стремления к личной наживе, писал: «такова уж натура человека, сколько он не имел бы, ему все мало и мало»³.

С именем только одного феодала Йордаке Кантакузино (великого казначея), по неполным данным, свя-

¹ Surete și izvoade, t. VIII, p. 323—324.

² N. Iorga, Op. cit., p. 555.

³ E. Picot, Op. cit., t. I, p. 118.

зано 119 купчих грамот и записей¹; согласно которым более 500 резешей расстались со своими участками земли или продолжали владеть ими на тяжелых кабальных условиях. Рост землевладения Йордаке хорошо виден на примере сел Кличешты, Борешты, Попешты и Циганешты, находившихся в различных местах Молдавии и по частям присвоенных этим боярином. Особенно интересна купчая грамота от 19 марта 1650 года, в которой приводятся слова крестьян-общинников о том, что деревня Циганешты была по частям «уничтожена» («ши с'ау истовит тот сатул») как самостоятельная община и стала владением великого казначея Йордакия Кантакузино².

Итак, как собственно общинные земли, так и крестьянские индивидуальные участки — жребии превращались в феодальную собственность светскими и духовными сановниками, в зависимости от которых оказывались основные непосредственные производители материальных и культурных благ молдавского общества. В то же время с дальнейшим ростом крупного феодального землевладения сокращалось количество крестьян-общинников (резешей), зависимых непосредственно от Молдавского государства. Развивался иммунитет как атрибут привилегированной феодальной земельной собственности, как форма господства и подчинения и внеэкономического принуждения, как юридическое выражение сложившихся антагонистических феодально-крепостнических производственных отношений.

Четвертый путь роста крупного землевладения и закрепощения молдавского крестьянства, как уже отмечалось выше, — это путь увеличения феодальной собственности на землю за счет великокняжеских (господарских) пожалований (из числа дворцовых, выморочных, конфискованных «черных» крестьянских и других земель) своим вассалам за их «правую и верную» службу.

По господарским жалованным дарственным грамотам во владение церковно-монастырских корпораций, отдельных светских и духовных феодалов переходила заселенная и устроенная земля с живущим на ней сельским населением. Кроме того, господа давали также

¹ A. D. Xenopol, Op. cit., p. 165—166.

² Ispisoace și zapise, t. 3, par. I, p. 169.

боярам, духовным лицам и учреждениям право осваивать «пустоши», т. е. целинные земли.

Обычная формула жалованных данных грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии, такова: «...Оже тотъ истинный слуга и бояринъ нашъ Плотоунъ служилъ прежде святопочившимъ господарямъ... правою и верною службою, а днес служить намъ правою и верною службою. Темъ мы видеше его правою и верною слоужбою до нас, жаловали есмы его особоною милостию, дали есмы емоу одно село Плотоунещи...»¹ Другой вариант этой формулы: «...Оже тоти истинный слугы нашей... служили намъ... правою и верною службою. Темъ мы видевше ихъ правою и верную службу до насъ жаловали есмы ихъ особоною нашею милостию, и подтвердили есмы им отнину, еще дание святопочившихъ предковъ, и дали есмы имъ оу нашей земли два села... съ оусими полянами, и съ лесы, и съ потоки...»² и т. д.

Указанные выше стереотипные формулы господарских жалованных дарственных грамот менялись только в зависимости от того, одному или нескольким лицам (а также кому и кем) делалось то или иное пожалование. Поэтому нецелесообразно рассматривать отдельно каждую господарскую жалованную данную грамоту. Достаточно ограничиться указанием на то, что в 1501—1650 годах молдавскими господарями было произведено более 300 пожалований и дарений различным феодалам (светским и духовным) и церковно-монастырским корпорациям, в результате которых в их владение перешли десятки сел и селищ, крупных участков земли («пустошей»), виноградников, пасек, ряд водяных мельниц и рыбных угодий и т. д.

Таким образом, рост крупного землевладения и превращение лично свободных крестьян-общинников (резешей) в феодально-зависимых или крепостных людей происходили четырьмя основными путями: во-первых, путем захвата светской и духовной знатью крестьянских общинных земель и связанных с этими землями повинностей и превращения принадлежавших крестьянам земельных участков в наделы, получаемые ими от феода-

¹ Surete și izvoade, t. I, p. 195—196.

² Ibidem, t. V, p. 1.

лов; во-вторых, путем экономического закабаления резешей и их последующего закрепощения; в-третьих, путем так называемой «купли» светскими и духовными саноуниками общинных и индивидуальных крестьянских земель «за свои правии и чистые пинези», накопленные в результате эксплуатации крестьянского же труда; в-четвертых, путем господарских земельных пожалований и дарений светским и духовным феодалам и монастырям.

Наряду с указанными основными путями роста феодальной собственности на землю и закрепощения крестьян были и другие способы, которые применяли феодалы, расширяя свои земельные богатства. В то же время происходило перераспределение земельной площади и внутри самого господствующего класса, представители которого совершали акты купли-продажи, обмена и т. д.

Процесс образования крупного землевладения приводил к сосредоточению в руках отдельных феодалов громадных вотчин. Так, по данным 208 купчих и подтвердительных грамот первой половины XVI века, на покупку земель представителями господствующего класса было израсходовано 60 283 золотых. Это значительная по тем временам денежная сумма, равная стоимости 182 сел-вотчин, если исходить из того, что средняя цена одного села с прилегающими к нему земельными угодьями равнялась тогда приблизительно 330 золотым¹. Согласно только одной купчей грамоте от 21 марта 1551 года, митрополит Григорий приобрел земли на большую для тех времен сумму — 1500 татарских золотых².

Важнейшим результатом процесса образования крупного землевладения явилось обезземеление молдавских крестьян-общинников резешей и лишение их свободы. Феодальное землевладение было тем столпом частной собственности, вокруг которого строились все общественные отношения, отношения господства и подчинения и внеэкономического принуждения. Именно собственность на землю определяла экономическое и политическое положение в феодально-крепостническом обществе господствующего класса, а также отдельных групп и частных лиц, принадлежавших к этому классу.

¹ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), București 1953, p. III.

² Ibidem, t. II (1551—1570), p. IV.

Поэтому светские и духовные сановники так жадно тянулись к земле, всеми способами стремились овладеть ею и тем самым продвинуться выше по феодальной иерархической лестнице.

§ 4. ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ ВОТЧИНЫ

Феодальное землевладение в Молдавии XVI и первой половины XVII веков отличалось теми же основными чертами, которые были присущи землевладению других стран Западной, Восточной и Юго-Восточной средневековой Европы. Но были в Молдавии и свои особенности в области поземельных отношений. Так, например, в Молдавии, как и в соседней Валахии, отсутствовала поместная система землевладения. Молдавских крепостных крестьян «землян»-«царан», или «соседей-вечин»¹, как и валашских «вечин-румын»² или французских сервов³, согласно местному обычному праву, нельзя было продавать без земли и тем более в одиночку. Правда, на практике молдавские светские и духовные феодалы продавали и покупали своих крепостных крестьян вместе с землей и отдельно, целыми семьями и порознь.

Западноевропейской средневековой сеньории, русской вотчине, валашской или сербской баштине соответствовала в Молдавии «очина», или вотчина (светская или церковно-монастырская), которая в молдавских источниках, написанных на древнерусском языке, сохранила и древнерусское название «отнина». В актовом же материале и других исторических источниках, написанных на молдавском языке, «отнина» обозначается иден-

¹ Это название происходит от латинского слова *vicinus*, что означает в переводе на русский язык — сосед. Слово «вечин» в молдавском и румынском языках означает два понятия: 1) сосед вообще, соседний, смежный и 2) крепостной.

² Слово «румын» в молдавском и румынском языках имеет два значения: 1) этническое и 2) социальное — крепостной.

³ В средневековой Франции «*serf*», а также в феодальных Дунайских княжествах «*serb*» (от латинского слова *servus* — раб) — это крепостной.

тичным термином «очинэ». Землевладельцы продавали¹, покупали², закладывали³, дарили⁴, жаловали⁵, отдавали «на помин души»⁶; давали в приданое⁷, делили между наследниками⁸, обменивали⁹, передавали по наследству¹⁰ и иными способами отчуждали свои вотчины.

Обычная формула жалованных, подтвердительных и многих других грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии, гласит: «дали (недвижимость. — Ф. Г.) и подтвердили (право владения ею. — Ф. Г.) ему, и детям его, и унучатом его, и преуноучатом его, и пращуратом его, и вьсему роду его, кто се емоу изберет наближнии, непорушенно николиже на веки»¹¹. Согласно этой формуле вотчина полностью или по частям должна была переходить после смерти землевладельца к ближайшим его наследникам, в первую очередь к его детям обоего пола.

Таким образом, вотчина в Молдавии характеризуется всеми признаками, присущими феодальной собственности.

Наряду с термином «отчина» в молдавских документах и летописных памятниках, написанных на древнерусском языке, неоднократно фигурирует слово «деди-

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 14; ф. 220, оп. 7, док. 22; ф. 220, оп. 7, док. 94; ф. 220, оп. 7, док. 96; ф. 220, оп. 7, док. 100; ф. 220, оп. 7, док. 102; ф. 220, оп. 7, док. 116; ф. 220, оп. 7, док. 80; ф. 220, оп. 7, док. 124; ф. 220, оп. 7, док. 121; ф. 220, оп. 7, док. 120; ф. 220, оп. 7, док. 24; ф. 220, оп. 7, док. 61; ф. 220, оп. 4, док. 3; ф. 220, оп. 4, док. 2; ф. 220, оп. 1, док. 10; ф. 220, оп. 7, док. 65; ф. 220, оп. 7, док. 69; ф. 220, оп. 7, док. 69; ф. 220, оп. 7, док. 70; ф. 220, оп. 7, док. 63; ф. 220, оп. 7, док. 68; ф. 220, оп. 7, док. 19; ф. 220, оп. 7, док. 21; ф. 220, оп. 7, док. 76; ф. 220, оп. 4, док. 4; ф. 220, оп. 7, док. 67; ф. 220, оп. 7, док. 74; ф. 220, оп. 4, док. 10; ф. 220, оп. 7, док. 44; ф. 220, оп. 7, док. 75; ф. 220, оп. 7, док. 89.

² ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 10.

³ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 3; Surete și izvoade, t. III, p. 318; t. IV, p. 79.

⁴ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 17; ф. 220, оп. 4, док. 6.

⁵ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 8.

⁶ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 3.

⁷ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 157.

⁸ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 95; ф. 220, оп. 3, док. 1; ф. 220, оп. 7, док. 73; ф. 220, оп. 7, док. 12; ф. 220, оп. 7, док. 72.

⁹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 4, док. 5.

¹⁰ Surete și izvoade, t. III, p. 319.

¹¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 5.

на»¹. Как правило, во всех источниках, в которых упоминается «дедина», она обычно выступает наряду с вотчиной и между этими двумя названиями ставится знак равенства. Так, например, боярин Грама продал «свою правую отчину и дедину, шестую часть от вѣсего села Влъдени, что на Добруше»². В других источниках фигурируют «отчина и дедина»³, «отнины и дедины»⁴, «правая отнина и дедина»⁵ и т. д. В купчей грамоте от 20 июня 1551 года, данной Исаю и его сестре Кандакии, говорится: «прииде пред нами и пред нашими болери слоуга наш Исайко и сестра его Кандакия, никем не понуждени, а ни присиловани, и продали свою правую *отнину и дедину...*»⁶ (курсив наш. — Ф. Г.). «Марика, дочка Донеи, внука Ончи, ...продала свою правую *отнину и дедину...*»⁷, — указывается в купчей грамоте от 30 апреля 1593 года. Согласно купчей грамоте от 18 января 1599 года Лупу Вэрзар «продал свою правую *отнину и дедину*»⁸. Он же купчей грамотой от 14 февраля того же 1599 года фиксировал акт продажи «*отнины и дедины*»⁹. В купчей грамоте от 29 июля 1562 года читаем: «...Ож приидоше пред нами и пред нашими молдавскими болери наши слуги Влайко и Григорие, и онук их Михъил, и Ион, и Грозав, и Гадона, и Дръгич, и Настя, и Настасия, по их доброю воли, не понуждени, а ни присиловани, и продали свою правую *отнину и дедину*, половина село от Бръжовенеи, та продали слuze нашему Секил за 300 злат татарских»¹⁰.

Такие же наблюдения можно сделать относительно взаимоотношения терминов «вотчина» — «отчина» и «дедина» — «мошия» по документам, написанным по-молдавски или переведенным на молдавский язык: «отчинэ

¹ Н. Н. Мурзакевич, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. II, Одесса, 1848, стр. 564, 566.

² Н. Н. Мурзакевич, указ. соч., т. III, Одесса, 1853, стр. 257.

³ Н. Н. Мурзакевич, указ. соч., т. II, стр. 566.

⁴ Там же, стр. 564.

⁵ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 5.

⁶ Surete și izvoade, t. I, p. 273. •

⁷ M. Costăchescu, Op. cit., p. 274.

⁸ Там же, стр. 277.

⁹ Там же, стр. 278.

¹⁰ Там же, стр. 268.

ши мошие»¹, «очинь ши моший»², «очин ши мошие»³, «очинэ ши мошие»⁴ и т. д.

В молдавских актах слово «дедина» переводится тремя идентичными терминами: «мошие»⁵, «мош»⁶, «бэтрын»⁷. Причем, большею частью в источниках фигурирует название «мошия», а другие два термина («мош» и «бэтрын») в XVI—XVII веках встречаются реже. Этимология терминов «дедина» и «мошия» известна: первый происходит от слова «дед»; второй — от слова «мош», что в переводе с молдавского на русский язык означает также «дед». Следовательно, можно подчеркнуть органическую близость русской вотчины и молдавской вотчины — «отчинэ», или «очинэ», с одной стороны, а также русской «дедины» и молдавской дедины — «мошии», с другой. Эти названия тождественны как по своей этимологии, так и по своему значению.

Как явствует из источников, первоначально словом «отнина» в Молдавии, так же как и в Северо-Восточной Руси, называлось всякое движимое или недвижимое имущество, доставшееся владельцу по наследству от отца, «дединой» — имущество, перешедшее от деда и прадеда. Вотчина периода развитого феодально-крепостнического строя — это в основном потомственная сословная земельная собственность представителей господствующего класса феодалов.

Наряду с терминами «отчина» и «дедина», или «очина» и «мошия», в документах нередко фигурирует слово «выслужание» (выслуга). Так, в жалованной подтвердительной грамоте от 10 ноября 1519 года говорится: «Мы, Стефан воевода, господарь земли Молдавской, чинимъ знаменито... оже тот истинный и верный наш боярин пан Кузма Шарпе постелникъ, слоужилъ прежде святопочившему предку, Стефану воеводе и родителю господства ми, святопочившему Богдану воеводе, правою и верною слоужбою, и днесъ намъ слоужить право и

¹ Surete și izvoade, t. II, p. 348.

² Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), București, 1951, p. 1.

³ Surete și izvoade, t. III, p. 54.

⁴ Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), București, 1951, p. 17.

⁵ Там же, стр. 1, 17.

⁶ Ispisoace și zapise, t. III, par. 2, p. 65.

⁷ Там же, стр. 24; т. III, ч. I, стр. 188.

верно; темъ мы видевше его правою и верною слоужбою до насъ, жаловали есми его особною нашею милостию, дали же и подтвердили есми правоверное его *выслужание* (курсив наш.—Ф. Г.) оу нашей земли: село Поляны Романской волости...»¹

Из этого источника следует, что боярин Кузьма Шарпе за свою службу феодально-крепостническому государству, за свою выслугу перед ним и за преданность своему сюзерену был пожалован селом-вотчиной с правом передачи его по наследству.

Об этом же говорит и жалованная дарственная грамота господаря Петра Хромого от 4 июня 1583 года, в которой читаем: «...Дали есми и помиловали слуге нашей... едно селище пуста, що была правая господарская, которая ест выше..., на имя Вистерка, иже ест меж село Медвеже...; да имае ему быти *отнина и выслужание* (курсив наш.—Ф. Г.) от насъ правое съ всею доходомъ...»²

В подтвердительной грамоте от 1 января 1467 года, данной господарем своим «слугам» Мойке и его брату Константину, говорится, что господарь подтвердил «их правое *выслужание и купление* (курсив наш.—Ф. Г.), одно селище щож где се зовет Щюбеева крѣница (колодец. — Ф. Г.), межи Гънешии и межи Роускании и межи Кошешии, що они купили от Косте, брата Попычкына, за 125 злат татарских»³.

В другой грамоте от 11 февраля 1478 года сказано, что «истинны слуги наши (господаря.—Ф. Г.) Михъило и Пицурко, унуци Полена Дан, приидоше пред нами и пред усими нашими болере, великими и малыми, ...и продали свою правою *отнину и выслужание* (курсив наш.—Ф. Г.) уика (предка.—Ф. Г.) их Полена Дан, едно село за Прутом на имя Широуци, та продали нашему верному пану Юги вистиярнику... за 300 златы татарски»⁴.

Таким образом, термины вотчина и «выслужание» выступают рядом и между ними не делается различия. Недвижимое имущество, полученное в результате выслуги, несомненно, передавалось по наследству, продава-

¹ Surete și izvoade, t. II, p. 136.

² Ibidem, p. 276.

³ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 117.

⁴ Там же, стр. 218—219.

лось, закладывалось и т. д. по усмотрению земельного собственника.

Об этом, кроме приведенных документальных данных, говорят и другие источники. Так, в подтвердительной грамоте от 20 марта 1497 года читаем: «приидоша перед нами (перед господарем. — Ф. Г.) и пред нашими (его. — Ф. Г.) молдавскими бояры, великими и малыми, слуга нашъ Сима и сестра его Муша и братничъ их Буда и племянникъ его Аврамъ, и пак племянница его Стана, ожи унукове Креца от Ялана, ...и продали свою правую отнину от их праваго и питомаго оурика (урик — грамота. — Ф. Г.), от оурика и выслужание деда их Крецула от Ялана, едно село на оустие Ялана, на имя Ръденин, и съ озером що на оустие Ялана, та продали нашему верному пану Михоулу меденичарю за 200 злат татарских..., ему и детемъ его и оунучатомъ его и преунучатомъ его и прашоуратомъ его и въсему роду его, кто ся ему избереть наближнии, непороушено николиже на веки. А хотар (межа. — Ф. Г.) тому вышеписанному селоу що есть на устие Ялана на имя Ръденин да есть от осих сторон по старому хотару, куда-из века оживали»¹.

С именем верного вассала господаря, «истинного слуги», боярина Петра Алботэ связано несколько дарственных и подтвердительных грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии в 70-е годы XVI века. В этих грамотах неоднократно упоминается феодальная вотчина как основная форма земельной собственности, хотя рядом с ней фигурирует и «выслужание» и между этими терминами ставится знак равенства. Такова, например, грамота от 16 февраля 1570 года² и др.³.

В одной из господарских грамот (1579—1582 годы) говорится: «...Янкул воевода господарь земли Молдавской... ож тот истинный слуга и бояр наш вернии, пан Петре Алботэ великий ватав Яский, служил прежде старопочившим прежним господарям право и верно, а днес служит нам право и верно, тем ми видевшие его право и верно службу до нас, жаловали есмы ему особною нашею милостию и дали и потврдили есмы ему от нас

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 121.

² Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), București, 1951, p. 218—220.

³ Ibidem, t. III (1571—1590), p. 132—135.

у нашу землі, у Молдавської, его правих *отнини и висулужание*, от исписок за *висулужание*, що имал от Александра воеводы одно место за село у пустинии, на устику долину Спееви на Коболта, по обе стороны Коболти, и съ став, и съ млин у Коболта, и от урик тиж за висулужание, що имал от Богдана воеводы Александрович, другое место от пустинии на Къенаре у Камен, где ся зовет у Вербка, що ся тепер именує село Алботенин, по обе стороны Къенаре, и съ став (пруд. — Ф. Г.), и съ млин у Къенаре, како да ест ему от нас урик и *отнини съ вѣсем доходом; ему и детям его и уночотом и преуночотом и вѣсму роду его кто се ему избереѣт наближнии непорушено николиже на веки*¹ (курсив наш. — Ф. Г.).

Таким образом, как вотчина («очина») и дедина («мошия») (т. е. земля, перешедшая по наследству), так и «висулужание» (т. е. земля, полученная путем господарской дарственной грамоты «за верную и правую службу» сюзерену) представляли собой формы феодального землевладения, отличные с точки зрения путей перехода к земельному собственнику, но аналогичные по экономической сущности и с точки зрения права землевладельца распоряжаться своим имуществом.

Государственная власть специальными грамотами закрепляла феодальную собственность представителей господствующего класса на землю и неполную собственность на крепостных крестьян; светские и духовные сановники, «болеры и сынове болерей»², т. е. бояре и дети боярские, «бояринаши», должны были владеть землею «непоколебимо»³. Так, например, молдавский господарь Иеремия Могила (1595—1600; 1600—1606) выдал в числе других документов подтвердительную грамоту («лист») «кнегиневи Голъяс на то она да ест мощна (мощна. — Ф. Г.) и сильна и сим листом господства ми держать свою правою отнину...»⁴ (курсив наш. — Ф. Г.). 15 июля 1620 года от имени другого верховного правителя страны, «господаря земли Молдавской», была оформлена подтвердительная грамота одному из его «слуг» с тем, чтобы последний мог «крепко и сильно съ

¹ Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 153—154.

² Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 216—217.

³ Там же, стр. 217.

⁴ Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 32.

сим листом... держати свою правою отнину и купление»¹ (курсив наш — Ф. Г.).

Переходя к вопросу о хозяйственной организации феодальной вотчины, следует отметить, что в силу господства натурального хозяйства в стране в XVI—XVII веках каждая вотчина, независимо от ее размеров, представляла собой самодовлеющее, замкнутое владение, находящееся в очень слабой экономической и политической связи с остальным миром.

Хотя отдельные земельные собственники и проявляли тенденцию к округлению своих владений и образованию латифундий, обычно вотчины, принадлежавшие духовным или светским землевладельцам, были разбросаны на значительной территории страны. Так, например, Нестор Уреке² владел 52 селами и 45 частями сел во всех 19 волостях, тогдашней Молдавии. Боярину Дмитрию Бухушу³ принадлежало 14 сел и 22 части сел в 8 волостях и т. д.

Таким образом, каждая феодальная вотчина представляла собой совокупность ряда сел. Обычно селом называлось центральное селение, вокруг которого группировались «приселки»⁴, «прикутки»,⁵ «куты»⁶ и «селища»⁷, состоявшие, как правило, из нескольких дворов с «хижами» (домами, избами). В средневековой Молдавии, так же как и в других феодальных странах, села часто носили имена их основателей и владельцев или же, напротив, землевладельцы получали свои прозвища от названий своих земельных владений⁸.

Центром села был господский «двор»⁹ с жилыми и хозяйственными постройками («каса ку граждиу ши ку алте хаиурь че сынту прежиур касэй») ¹⁰. В жалованных

¹ M. Costăchescu, Op. cit., p. 325.

² Surete și izvoade, t. II, p. 168—173.

³ Там же, стр. 114—116.

⁴ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Marc, t. II, București, 1913, p. 225.

⁵ Там же, т. I, стр. 289.

⁶ Там же, стр. 243, 248.

⁷ Там же, стр. 117, 130.

⁸ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 269.

⁹ В. А. Уляницкий, Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI веках, М., 1887, стр. 64—65.

¹⁰ Surete și izvoade, t. IV, p. 202.

грамотах, выданных из господарской канцелярии на имя того или другого феодала, часто встречается фраза: «да ученит себе *двор* (курсив наш. — Ф. Г.) оу томъ селе...»¹

Обычный размер села в XVI—XVII веках был сравнительно небольшой (20—30 дворов, редко 60), но к нему прилегали довольно обширные угодья: пашни, сенокосы, луга, леса, рыбные ловли и т. д. В купчих, жалованных и других грамотах говорится, например: «...Село и от поля и от вода съ место за брод за млин (т. е. место, удобное для постройки водяной мельницы. — Ф. Г.) и съ садове и съ место за сеножати...»² Или: «продали свои правые отнины и купежни и данис, елико се изберет част им от село..., что сут оу волост..., —такой-то,— и съ половина за млин... и съ став (пруд. — Ф. Г.) и съ рыбник и съ ваду (место, удобное для постройки мельницы. — Ф. Г.) и от поле и от царнну (пашня, нива. — Ф. Г.) и съ весь приход...»³

Вся вотчинная земля делилась на две части. На одной из них феодал вел свое собственное господское хозяйство, привлекая крестьян для исполнения барщины; другую часть он отдавал (с условием выполнения барщинных или оброчных повинностей) в надел своим крепостным и зависимым крестьянам.

Аппарат вотчинного управления составляли доверенные лица, которые именуются в источниках: «уполномоченные»⁴ («исправники»), «учетчики-надсмотрщики»⁵ («сокотиторы»), «стражники»⁶ («ватаманы»). Эти лица ведали хозяйством и следили за тем, чтобы крестьяне «хорошо, должным образом, как следует»⁷ трудились, аккуратно и своевременно вносили оброк своему госпо-

¹ В. А. Уляницкий, указ. соч., стр. 64—65.

² Surete și izvoade, t. III, p. 327.

³ Там же, т. V, стр. 16.

⁴ Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 104; Revista Istorică, Anul XII, NN 10—12, 1926, p. 319—320.

⁵ Surete și izvoade, t. IV, p. 133; t. IX, p. 152—153; t. XVII, p. 11—12; Aurel V. Sava, Op. cit., p. 145—146.

⁶ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 175; t. III, par. 2, p. 124—125, 141, 175; t. IV, p. 52—53; Uricarul, t. X, p. 134, t. XXIII, p. 70.

⁷ «Правила», стр. 7.

дину и исправно выполняли в его пользу различные повинности.

В феодальных хозяйствах Молдавии выращивались различные хлебные злаки, разводились стада крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и свиней не только для удовлетворения потребительских нужд, но и для продажи внутри страны и за ее пределами. К сожалению, мы пока не знаем точно объема товарной продукции, вырабатываемой на внутренний и внешний рынки, и соотношение между господской и крестьянской пашней. По словам Н. Бэлческу, площадь крестьянских земельных наделов относилась к площади, находившейся под барской запашкой, как 2 к 3¹.

Светские и духовные феодалы жили и содержали свой вотчинно-дворцовый аппарат за счет жестокой эксплуатации крестьян, которые составляли основную массу трудового населения феодального общества и находились в той или иной степени зависимости от феодалов-землевладельцев. Борьба среди феодалов за землю и власть в государстве теснейшим образом переплеталась с борьбой за крестьянский труд, за право на ренту.

§ 5. БОЯРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Лица, принадлежавшие к верхним слоям молдавского феодально-крепостнического общества, называются в источниках термином, употреблявшимся и на Руси,— боярами².

Д. Кантемир в своем труде «Описание Молдавии», говоря «О баронах Молдавии и их чинах», отмечал: «Языком земли называют их (крупных светских землевладельцев.— *Ф. Г.*) *боярами* (курсив автора.— *Ф. Г.*), кое именование есть славянского происхождения и перепорчением из слова бояра...» «Славянские народы,— продолжает автор,— из древних еще времен всех великих людей своих тем нарицали званием...»³; «начало их не известно и темно, по нерачивости молдавских повест-

1 *N. Bălcescu, Scrieri istorice*; Ed. III, Craiova, f. a., p. 158.

2 ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 3, 5, 8, 10—12; оп. 3, док. 1; оп. 4, док. 2; оп. 7, док. 19, 21, 51, 52, 57, 60, 62, 77, 78, 87 и др.

3 *Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии*, М., 1789, стр. 193.

вователей. Однако ж примеры соседственных народов: сербов и болгаров подтверждают, что чины их гораздо древнее, нежели самое восстановление Молдавии»¹.

Кантемир совершенно правильно указывает на славянское происхождение слова «боярин» и на то, что в ряде славянских стран под этим термином подразумевались знатные люди — привилегированные земельные собственники. По словам Кантемира, «некие молдавские бояре имели до 500 дворов во владении...»²

В актах XVI — первой половины XVII веков неоднократно встречаются выражения: «истинный болеринъ нашъ (господаря. — Ф. Г.) верный панъ»³; «истинные слуги и болери наши верны паны»⁴; «истинный и почтенный болеринъ нашъ верный панъ»⁵; «истинный наш верный и почтенный болерин панъ»⁶; «тот истинный наш верный и почтенный болерин панъ»⁷; «наши молдавские бояре, великие и малые»⁸; «съ вьсемъ съветомъ болерей нашихъ, великихъ и малыхъ»⁹; «прииде пред нами и пред усими нашими молдавскими болери, великими и малыми»¹⁰, нашимъ вернымъ болеромъ, пану...»¹¹; «верному болерину пану»¹²; «истинный слуга и бояр наш верный панъ»¹³; «нашему верному и почтенному болерину пану»¹⁴; «верному и почтенному болерину пану»¹⁵; «болеры и сынове болери»¹⁶; «наш верный и почтенный болерин панъ»¹⁷; «верному и почтенному болерину

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 289.

² Там же.

³ В. А. Уляницкий, Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI веках, М., 1887, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 62.

⁵ Там же, стр. 64—65.

⁶ Н. Н. Мурзакевич, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. III, Одесса, 1853, стр. 251.

⁷ Там же, стр. 253.

⁸ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 3, док. 1.

⁹ Н. Н. Мурзакевич, указ. соч., т. I, Одесса, 1844, стр. 349.

¹⁰ Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 18.

¹¹ В. А. Уляницкий, указ. соч., стр. 58.

¹² ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 52.

¹³ Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 140.

¹⁴ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 52.

¹⁵ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 20—21.

¹⁶ Uricarul, t. XVIII, p. 427—428.

¹⁷ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 12.

жупану»¹; «пановс»²; «властелин»³; «жупану»⁴; «жюпанъ»⁵; «слуга и бояр наш верный пан»⁶ и т. д.

Слова «боярин», «бояре», «болерин», «боляре», «болери», «пан», «жупан» и т. д. являются синонимами, указывающими на представителей привилегированного сословия, принадлежавших к числу старинной родовитой землевладельческой знати. Это доказывается сопоставлением ряда грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии, в которых фигурируют одни и те же лица, обозначаемые разными, но, очевидно, тождественными и однозначными по своему социальному смыслу терминами.

В жалованной подтвердительной грамоте от 10 января 1467 года читаем: «...верному бояриному пану Доброулу логофету писати и печать нашу привесити къ сему листу нашему»⁷. Здесь термины «боярин» и «пан» употребляются рядом, причём оба эти титула относятся к одному лицу — логофету Ивану Добрулу. В жалованной же грамоте от 10 мая 1466 года применительно к тому же Добрулу говорится: «...верному властелиному жоупану Иоану сии речь Доброулу логофету писати и привесити нашу печат»⁸. Следовательно, слова «боярин», «пан», «жупан», «властелин» имеют одинаковый смысл.

В жалованной подтвердительной господарской грамоте от 25 апреля 1501 года указано: «...А на то ест вера наших бояр: великого *пана* (курсив наш.—Ф. Г.) Думи, великого *пана* Болдора..., великого *пана* Шефула, великого *пана* Доуми Броудоура, великого *пана* Тоадера и *пана* Негрила..., великого *пана* Еремии и *пана* Драгоша..., великого *пана* Шандра..., великого *пана* Луки Арбуре..., великого *пана* Клънъуа..., великого *пана* Исаака..., великого *пана* Кузьмы Шарпе..., великого

¹ «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. I (1340—1506 годы), СПб., 1846, стр. 26.

² *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 101.

³ Там же.

⁴ *Н. Н. Мурзакевич*, указ. соч., стр. 46.

⁵ *Ispisoace și zapise*, t. III, par. 1, p. 153—154.

⁶ *Ibidem*, p. 216—217.

⁷ *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 119.

⁸ Там же, стр. 101.

пана Могилы..., великого пана Фрунтеша..., великого пана Петрика...»¹.

В документах термины «боярин», «пан», «бояре» и «панове» выступают как равнозначные, обозначая одних и тех же лиц, являвшихся крупнейшими землевладельцами в стране и видными государственными сановниками.

О том, что слова «боярин» и «пан» были тождественными и равнозначными по своему социальному смыслу терминами, говорят и жалованные подтвердительные господарские грамоты, датированные 17 февраля², 7³, 13⁴ и 14⁵ марта 1502 года, 2 февраля 1503 года⁶, и другие, в которых фигурируют указанные выше государственные сановники — «бояре» — «паны»⁷.

Аналогичный вывод можно сделать на основании одной из грамот 1529 года, в которой сказано: «...А на то ест вера бояр наших: вера пана Здраза..., пана Негрила..., пана Гринковича..., пана Талаба..., пана Скрициона..., пана Влада и пана Михула..., пана Кърсте и пана Хуру..., пана Грозава и пана Данчула...»⁸ и т. д. Или: «...вера бояр наших... пана Ефрема Хуру..., пана Борчи..., пана Петра Кръковича..., пана Стурзи и пана Могилы..., пана Данчула Хуру и пана Мирона..., пана Шандра и пана Тампи..., пана Петра Вартикова..., пана Юрия..., пана Дана..., пана Хръбора..., пана Трифхамза..., пана Пътрашка..., пана Нягула..., пана Плак-си...»⁹, — говорится в жалованной подтвердительно грамоте от 24 апреля 1548 года.

В купчей грамоте от 30 марта 1578 года имеется следующее распоряжение господаря Молдавии Петра Хромого: «...верному и почтенному болерину жупану Строиц великому логофету писати и нашу печать привесити к

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 181.

² Ibidem, p. 192.

³ Ibidem, p. 199.

⁴ Ibidem, p. 201.

⁵ Ibidem, p. 203.

⁶ Ibidem, p. 216.

⁷ Ibidem, p. 204—205, 206, 208, 210.

⁸ ГИМ (Собрание Уварова, древнемолдавские грамоты), карт. 41/23.

⁹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 8.

сему листу»¹. Сопоставим с этим выражение жалованной грамоты начала XVII столетия, в которой другой господарь Молдавии — Константин Могила «...велел есми нашему верному и почтенному болерину пану Лупулу третьему логофету писати и нашу печать привезати к сему истинному листу»² и т. д. Опять убеждаемся в тождественности термина «болерин жупан» и «болерин пан».

Представители землевладельческой аристократии Молдавии, носившие указанные титулы, являлись членами высшего правительственного органа страны — боярской рады, заседавшей при молдавских господарях, и одновременно крупнейшими феодалами. Каждый из боярпанов располагал обширными земельными владениями в разных частях Молдавии.

«Бояре и сынове боярей»³, их жены, т. е. «княгини»⁴, или «жупаницы»⁵, владея землей «непоколебимо»⁶, «мощно и сильно», считались, с точки зрения вельможных господарей Молдавии, «верными и почтенными» людьми, «людьми избранными, добрыми и старыми»⁷.

Бояр-землевладельцев, живших за счет феодальной земельной ренты, было в Молдавии значительное количество. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что молдавский господарь Стефан Томша во время одного боярского путча в начале XVI века казнил более 700 бояр-заговорщиков⁸. Назовем имена таких могущественных светских феодалов, как Ефрем Хуру, Тотрушан Скринка, Влад, Тоадер, Данчул Хуру, Личул, Крачун, Тоадер (Новоградский посадник), Микул, Драгушан, Матьяш, Попескул, Колун, Драксин⁹, Борч, Петр Кракович, Стурза, Могила, Шандра, Трифхамза, Дан, Юрий,

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 12.

² ГИМ (Собрание Уварова, древнемолдавские грамоты), карт. 41/23.

³ *Ispisoace și zapise*, t. III, par. 1, p. 216—217.

⁴ *Aurel V. Sava*, *Op. cit.*, p. 18, 28, 34—35; *Surete și izvoade*, t. XXI, p. 163—164.

⁵ *Aurel V. Sava*, *Op. cit.*, p. 18, 28, 34—35.

⁶ *Ispisoace și zapise*, t. III, par. 1, p. 216—217.

⁷ *Ispisoace și zapise*, t. I, par. 1, p. 140.

⁸ *Documente privitoare la istoria românilor culese de Al. Cioranescu*, București, 1940, p. 260.

⁹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 5.

Хрэбор, Патрашко, Нягул, Плакса¹, Строиц², Думитраки³, Иоан Голэй⁴, Гавриил⁵, Кырня Думитраки⁶, Николай Голэй⁷, Албул⁸, Константин Рошка⁹, Радул¹⁰, Ереми Бэеянул¹¹, Тэутул¹², Гаврилаш¹³, Пэтрашко Ворбинескул¹⁴, Бэлан¹⁵ и др. К высшему слою светских феодалов принадлежал и сам господарь — наиболее крупный землевладелец Молдавии.

Молдавским господарям приходилось считаться с мнением бояр. По свидетельству Дмитрия Кантемира, в Молдавии в XVI—XVII веках господствовало 75 крупнейших старинных родовитых боярских фамилий¹⁶, представители которых являлись не только действительными владыками страны, но и вершителями исторических судеб Молдавского государства.

Молдавские бояре делились на великих и малых («бояры наши, великие и малые»; «съ въсемь съветомъ боярей нашихъ, великихъ и малыхъ»)¹⁷. Имена великих бояр, членов господарского совета-рады, обычно приводятся в конце каждой грамоты, вышедшей из молдавской господарской канцелярии¹⁸. Имена малых бояр («бояринашей») в документах персонально не перечисляются, но в отдельных случаях и малые

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 8.

² Там же, док. 12.

³ Там же, оп. 4, док. 2.

⁴ Там же, оп. 7, док. 17.

⁵ Там же, док. 19.

⁶ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 52.

⁷ Там же, док. 57.

⁸ Там же.

⁹ Там же, док. 58.

¹⁰ Там же, док. 60.

¹¹ Там же.

¹² Там же, док. 62.

¹³ Там же, док. 77.

¹⁴ Там же, док. 87.

¹⁵ Там же, док. 88.

¹⁶ *Dimitrie Cantemir, Descrierea Moldovei, București, 1956, p. 223—226.*

¹⁷ ГИМ (Собрание Уварова, древнемолдавские грамоты) карт. 41/23; ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 3, 5, 8, 10, 11; оп. 3, док. 1; оп. 4, док. 2; оп. 7, док. 19, 21, 51; Н. Н. Мурзакевич, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. I, Одесса, 1844, стр. 349.

¹⁸ ГИМ (Собрание Уварова, древнемолдавские грамоты) карт. 41/23; ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 52; оп. 1, док. 5, 12, 14; оп. 4, док. 1 и 8; оп. 7, док. 43, 54, 55, 64, 71, 77, 87, 91, 106, 109, 110.

бояре могли участвовать в раде. Молдавские господа почти всегда выступали от имени великих и малых бояр, но последние обычно фигурируют в актовом материале не поименно, а как целая группа землевладельцев.

Источники не дают прямых указаний на то, по какому признаку бояре делились на великих и малых. Однако бесспорно, что критериями, на основе которых устанавливалось это деление, являлись происхождение из знатного старинного боярского рода, а также имущественный ценз, главным образом, размеры землевладения и число крепостных и зависимых крестьян. Великие бояре — крупнейшие земельные собственники, советники, сподвижники и нередко соперники господаря. Малые бояре — феодалы, менее видные по своему значению, младшие по чину люди, не терявшие, однако, надежды при удобном случае достичь высшего ранга — сделаться великими боярами и стать у кормила власти.

По документам можно проследить, как происходило расширение боярских вотчин. Вот данные о земельных покупках великих бояр в первой половине XVI века: портар (воротник, привратник) Лука Арбуре купил 4 села, меченосец Клэну — 5, казначей Иеремия — 5, постельник Кузьма Шарпе — 4, пыркалаб города Романа Федор — 3 села, 1 селище и 4 участка земли (за ним же господарской грамотой от 22 апреля 1518 года было утверждено 5 сел), ворник Драгош — 2 села, ворник Грозав — 4, казначей Главан — 3, Кузьма Гянгя — 3, пыркалаб Петр — 3 села и т. д.¹

Во второй половине XVI — первой половине XVII веков феодалы продолжали увеличивать свои земельные владения. Так, боярин Кузьма Гянгя в 1552 году присовокупил к своим прежним владениям еще 5 сел-вотчин². За боярином Лацко — пыркалабом — господарской грамотой от 13 июня 1569 года было утверждено 4 села³. Грамотой от 20 мая 1582 года за боярином Иеремией Могилой было закреплено 10 сел-вотчин⁴. Потомки боярина Луки Арбура к 1585 году владели 19 селами с прилегающими к ним обширными земельными угодьями⁵. Во владении боярина Андрея логофета гос-

¹ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 111.

² Ibidem, t. II (1551—1570), p. 27—28.

³ Ibidem, p. 196—197.

⁴ Ibidem, t. III (1571—1590), p. 188—190.

⁵ Ibidem, p. 280—281.

подарская грамота от 11 марта 1586 года называет 20 сел и селищ¹. 24 января 1585 года по великокняжеской подтвердительной грамоте боярин Кондрат Бучум был признан владельцем 8 сел-вотчин². В 1590—1591 годах потомки известного боярина Иоана Таутула поделили между собой наследство — 15 сел, виноградники, пасеки и т. д.³.

Писец Иеремия Бэсянул в течение двух лет (1602—1604) стал владельцем резешских сел: Миклэушены, Боцешты, Хилимонешты и Бодешты⁴. Великий медельничар боярин Калин в течение одного месяца (марта) 1605 года завладел резешскими селами: Добромирешты, Фурканы, Хорчинешты, Хорзэнешты, Драгонирешты и Гиндэрешты⁵. Казначей Федор Боул имел земельные владения в селах: Рэтешты, Фрэцешты, Роспопенцы, Потложены и Верешены⁶. Боярин Кырстя (великий ворник Верхней Молдавии) в 1602 году присовокупил к своим прежним вотчинам села: Скындурены, Хэрэешты и Томешты⁷. Великий логофет Лупу Строич расширил свои имения, присоединив к ним села: Унгены, Стэни-слэвешты, Терновка и Глодены⁸. Боярин Никоарэ Прэжескул, став великим казначеем, в течение нескольких лет сделался собственником сел: Болдешты, Кырлижь, Мирешты, Козмешты, Негрешты, Стецканы и др.⁹. В 1617 году ему принадлежало около 30 сел.

Если в 1591 году боярин Нестор Уреке владел 4 селами, 2 селищами, 1 «кутом» (хутором), то в 1605 году он являлся обладателем 31 села и частей сел, 5 «кут»; 10 селищ, 4 рыбных прудов, 6 фалчей¹⁰ виноградника. Это значит, что Нестор Уреке в течение нескольких лет увеличил свои земельные владения на 27 сел (т. е. на 775%), 4 «кута» (на 500%), 8 селищ (на 500%), 4 рыбных пруда (в 1591 г. у него не было ни одного) и на 2

1 Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 308—310.

2 Ibidem, p. 413—414.

3 Ibidem, p. 464—466.

4 Documente privind istoria României, t. I (1601—1605), p. IV.

5 Ibidem.

6 Ibidem.

7 Ibidem.

8 Ibidem.

9 Ibidem.

10 Фалча — старая мера поверхности в Дунайских княжествах, равная 14 322 квадратных метра.

фалчи виноградника¹. К 16 апреля 1617 года Нестор Уреке владел уже 52 селами и 45 частями сел во всех 19 волостях тогдашней Молдавии, 6 прудами, 45 фалчами виноградника, пасеками и т. д.² За боярином Дмитрием Бухушем господарской грамотой от 24 июня 1609 года было утверждено 5 сел³, а в 1633 году ему принадлежали 14 сел и 22 части сел в 8 волостях Молдавии⁴.

Боярин Дмитрий Кирицэ Палеолог только «за верную службу» своему господарю Иеремии Могиле был пожалован 16 селами и 4 селищами⁵. Боярин Прэжескул при содействии молдавского господаря Константина Могилы расширил свои владения на 25 сел, 5 селищ и т. п.⁶

Великий ворник Верхней Молдавии боярин Никоарэ владел 14 селами (Мирены, Биканы, Баласинешты, Юрчены, Кукорены, Лоешты, Сэрэуцы, Рэдешты, Хухулены, Кожва, Мунтяны, Рэчешты, Мэкура, Трифэуцы), домами в городе Яссы, виноградниками вблизи города Котнары и другими богатствами⁷. Бывший великий ворник Нэдэбайко, помимо целого ряда сел-вотчин, был собственником 790 участков пахотной земли⁸. За боярином Ионаке постельником подтвердительной господарской грамотой от 24 марта 1624 года было закреплено 14 $\frac{3}{4}$ села⁹. В 1620 году в собственности боярина Косте Бучока было утверждено 37 сел¹⁰.

По господарской подтвердительной грамоте 1636 года боярин Иоан Прэжескул был признан владельцем 9 земельных приобретений, сделанных более чем у 30 резешей, проживавших в селах-общинах Лиешты, Ионешты, Бэлэшешты, Рэзбоены и Влэдены¹¹.

Молдавский господарь Василий Лупу грамотой от 21 апреля 1641 года подтвердил права боярина Чехана Раковицэ и его жены Тофаны на 16 сел (Баланчинешты, Солешты, Мончешты, Вилешты, Ферешты, Фэстечь, Стэ-

1 Documente privind istoria României, t. I (1601—1605), p. IV—V.

2 Ibidem, t. IV (1616—1620), p. 144—146.

3 Surete și izvoade, t. II, p. 130—134.

4 Ibidem, p. 114—116.

5 Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), p. V—VI.

6 Ibidem, t. VI.

7 Ibidem, t. IV (1616—1620), p. 111.

8 Ibidem.

9 Ibidem, t. V (1621—1625), p. IV.

10 Ibidem, t. IV (1616—1620), p. 444—447.

11 Ispisoace și zapise, t. II, par. 1, p. 211.

нилешты, Крэстиничь, Стоенешты, Бэрбошы, Селиште-ны, Рэччены, Рэспопы, Погонешты, Сторешты, Шендрены), расположенных в разных частях страны: в Хотинской, Васлуйской, Фалчинской, Лапушнянской и Хырловской волостях¹.

Как уже было указано выше, боярин Йордаке Кантакузино — великий казначей при господарском дворе — «купил» многочисленные разрозненные резешские земельные участки и довольно значительные по своим размерам целые резешские села-общины: Цыганешты, Кличешты, Борешты, Бэшены, Попешты и другие, в Ясской, Васлуйской и Нямецкой волостях. Земельные приобретения Йордаке Кантакузино зафиксированы более чем в 119 купчих грамотах и записях, из которых видно, что этот высокий сановник, имевший широкий доступ к государственной казне, стал собственником более 500 «резеший»².

Земельные владения Йордаке Кантакузино находились в 11 (из 19) волостях тогдашней Молдавии: Сучавской, Нямецкой, Романской, Баковской, Фалчинской, Васлуйской, Сорокской, Хотинской, Хырловской, Кырлигатурской и Ясской. Этому боярину принадлежали 60 сел, 15 полусел, многие земельные жребии³, 33 фалчи виноградника (общей стоимостью в 14 300 золотых, что являлось для тех времен огромной суммой)⁴.

Объективно закономерный процесс образования крупной феодальной собственности на землю и установления неполной собственности на работника производства — крепостного крестьянина — сопровождался не только классовой, но и внутриклассовой борьбой. В документах имеется много сведений о столкновениях на почве зе-

¹ Surete și izvoade, t. VIII, p. 281—284.

² Резешие — небольшая крестьянская земельная собственность; участок земли, принадлежавший крестьянину-общиннику резешу.

³ Этот термин в источниках Молдавии имеет два значения: 1) длинная узкая полоса пахотной земли обычно вместе с приусадебным участком и домом: «дом съ жребие и съ вес приход» (Surete și izvoade, t. XXIV, p. 118); 2) крестьянский надел: «пять сусиди съ пять жиреби» (Surete și izvoade, t. II, p. 247).

⁴ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 142—144, 145—148, 149—153, 169—170; t. III, par. 2, p. 29—32; A. D. Xenopol, Proprietatea mare și cea mică în trecutul țărilor române, „Viața Românească“, Anul VIII, N 2, Iași, 1913, p. 165—166.

мельных противоречий между различными светскими и духовными феодалами.

В жалованной подтвердительной грамоте от 8 апреля 1528 года содержатся указания на то, что боярин Иванко захватил село Великий Боян, принадлежавшее хотинскому пыркалабу боярину Иоану Стырче, а затем по указанию господаря Стефана Молодого вынужден был вернуть его владельцу¹.

Жалованной грамотой от 8 ноября 1576 года господарь Петр Хромой утвердил за монастырем Молдавица села Митешты и Сэрэчинешты, захваченные у него гетманом Молдавии Иеремией в правление Иоана воеводы². 12 января 1601 года господарь Иеремия Могила закрепил за монастырем Берзунц село Богдана, отнятое у последнего высоким государственным сановником — боярином Стефаном логофетом при господаре Рэзване³.

В жалованной подтвердительной грамоте от 14 января 1612 года имеются сведения о том, что видный боярин Нестор Уреке в годы правления Константина Могилы присвоил водяную мельницу Нямецкого монастыря, которую затем по распоряжению господаря Стефана Томши вернул обратно⁴. Грамотой от 16 января 1612 года Стефан Томша признал право собственности игумена и монахов Бистрицкого монастыря на две поляны, захваченные у последнего архиепископом Георгием Могилей⁵. 29 января 1612 года Стефан Томша утвердил за Хоморским монастырем село Страхотин Хырловской волости, которым завладел боярин Андроник чашник⁶. Грамотой от 12 февраля 1612 года Стефан Томша передал во владение Бистрицкого монастыря село Тымпены Нямецкой волости, присвоенное боярином Нестором Уреке ворником⁷.

16 апреля 1612 года Стефан Томша возвратил Хоморскому монастырю село Стэучены Дорохойской волости, отнятое гетманом Исааком Балика.⁸ 24 июля того же го-

¹ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), București, 1953, p. 292—294.

² Ibidem, t. III (1571—1590), 1951, p. 75—76.

³ Ibidem, t. I (1601—1605), p. 1.

⁴ Ibidem, t. III (1611—1615), p. 45—46.

⁵ Ibidem, p. 47—48.

⁶ Ibidem, p. 59.

⁷ Ibidem, p. 62—63.

⁸ Ibidem, p. 74—75.

да тот же господарь вторично приказал боярину Андрику вернуть Хоморскому монастырю село Страхотин¹.

В господарской жалованной подтвердительно грамоте от 15 января 1613 года говорится о том, что гетман Исаак Балика «насильственно» завладел половиной села Пашканы, принадлежавшей боярину Исайке комису, а затем должен был отдать ее прежнему владельцу². Грамотой от 28 января 1613 года господарь Стефан Томша закрепил за пыркалабом Иеремией земли в селе Брэшты Хырловской волости, захваченные у него гетманом-боярином Исааком Балика³. Жалованной подтвердительно грамотой от 26 марта 1613 года Стефан Томша возвратил внукам великого ворника Алботэ земли, отобранные у них боярином Федором Могила (в правление Иеремии Могила) и известным уже гетманом Исааком Балика (в княжение Константина Могила)⁴.

Как явствует из правой подтвердительно грамоты от 8 марта 1615 года, ктитор Пантократорского монастыря боярин Федор Могила (под видом обмена) отнял у монастыря Сучавица село Носкова в Сорокской волости и передал его во владение своего «чистилища грехов». Однако господарь Стефан Томша заставил Федора Могила восстановить права прежнего землевладельца⁵.

О борьбе среди феодалов за землю и за право на ренту можно судить по многочисленным судебным тяжбам, возникавшим в связи с захватами крупной землевладельческой аристократией земель⁶, крепостных крестьян и холопов⁷ у средних и мелких феодалов.

Кроме великих и малых бояр, в источниках XVI—XVII веков упоминаются «куртыне»⁸ (дворяне — от лат.

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 94—95.

² Ibidem, p. 113—114.

³ Ibidem, p. 119—120.

⁴ Ibidem, p. 123—125.

⁵ Ibidem, p. 195.

⁶ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 127—128, 134—135, 144—145; t. IV (1591—1600), p. 37, 84—85, 178—179, 244—245, 255; t. I (1601—1605), p. 182—185, 202—204, 204, 235—238, 238—239; t. II (1606—1610), p. 43; t. III (1611—1615), p. 191—192.

⁷ Ibidem, t. III (1571—1590), p. 87; t. III (1611—1615), p. 219.

⁸ Surete și izvoade, t. VIII, p. 133, 135, 397; Documente privitoare la târgul și ținutul Orheiului publicate cu un studiu introductiv de Aurel V. Sava, București, 1944, p. 86—87; Ispisoace și zapise, t. I, p. 171—172, 182, 232; Documente privitoare la istoria românilor, t. XI, p. 220; E. Picot, Op. cit., t. I, p. 36.

тинского слова *curtis* — «двор»), «калараши»¹ (всадники, конники), «хынсары»² (гусары) и «дарабаны»³. Являясь служилыми людьми, они находились на самой низшей ступени иерархической лестницы, на которой размещались представители господствующего феодального класса.

Молдавские куртяне-дворяне⁴, хынсары-гусары⁵ и дарабаны⁶, как и бояре, владели землей на наследственном праве и распоряжались ею по своему усмотрению, а если последней не хватало, они брали ее у крупных светских и духовных феодалов-землевладельцев и монастырей, за что платили оброк⁷.

Согласно переписи податного населения Молдавии 1591 года, в стране насчитывалось 4983 дворянина, подлежащих обложению и проживавших во всех 19 волостях тогдашней Молдавии⁸.

Дмитрий Кантемир указывал, что верховный правитель страны — господарь имел «придворных», которые «брались не только из шляхетства, но из рабов и простого народа»⁹. Таким образом, по словам Кантемира, молдавское дворянство рекрутировалось и пополнялось за счет крестьян и холопов. Наряду с малыми боярами, в состав великих бояр иногда выдвигались и наиболее заслуженные, с точки зрения господаря, его «слуги» из числа дворян. Кантемир писал: «Буде же князь приметит в коем (из дворян. — Ф. Г.) чрезвычайное дарование, то может самого последнего степени дворянина в малые годы возвысить на высшее чина достоинство.

¹ Aurel V. Sava, *Documente privitoare la târgul și ținutul Lăpușnei*, București, 1937, p. 111, 117—118; «Труды Бессарабской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175.

² *Surete și izvoade*, t. XXI, p. 169—170.

³ *Revista Societății Istorico-Arheologice Bisericești din Chișinău*, t. XX, Chișinău, 1930, p. 140.

⁴ *N. Iorga*, *Studii și documente*, t. V, par. 1, p. 23.

⁵ *Surete și izvoade*, t. XXI, p. 169—170.

⁶ *Documente privind istoria României*, t. IV (1616—1620), București, 1956, p. 3.

⁷ *Ispisoace și zapise*, t. III, par. 1, p. 61; Aurel V. Sava, *Documente privitoare la târgul și ținutul Lăpușnei*, București, 1937, p. 111; «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175.

⁸ *E. Hurmuzachi*, *Documente privitoare la istoria românilor*, t. XI, p. 219—220.

⁹ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 213.

В нынешнее время, когда гордость с бедностию прибавляется, дворянин думает, что благородству наложит пятно поношения, ежели будет служить у барона (т. е. боярина. — *Ф. Г.*). Но как честолюбие не позволяет им жить и безчиновными людьми, то проискивают всякими способами через благосклонность своих родственников вдруг быть приняты в ближние чиновные, коих называют они бояриначь (т. е. «бояринаши», малые бояре, дети боярские. — *Ф. Г.*), или барончик. Как сия степень есть как бы учебный сад всего государства, из коего число баронов (великих бояр. — *Ф. Г.*) наполняется; то едва изобразить можно, каковые иногда уроды высших чинов достигают»¹ в «государственных дел вовсе не сведующие»².

Молдавские куртяне, или дворяне³, хынсары⁴ и калараши⁵ занимали неодинаковое экономическое и политическое положение. Среди них можно было встретить и сравнительно крупных земельных собственников, и лиц среднего достатка, и людей, владевших совершенно незначительным имуществом, например, одной избой⁶.

Молдавское дворянство в XVI — первой половине XVII веков по своей экономической и политической мощи, роли и месту в феодально-крепостническом обществе существенно отличалось от русского дворянства. В Молдавии крупное реакционное боярство сохранило экономическое и политическое значение на протяжении всей своей истории, находясь вплоть до новейшего времени у кормила правления. Следовательно, Молдавия шла не по пути государственной централизации, как это имело место в России, а по пути роста «можновладства» и ослабления центральной власти, т. е. по тому пути, по которому развивались и соседние с ней страны — Валахия и Польша.

¹ *Д. Кантемир*, Указ. соч., стр. 294.

² Там же, стр. 295.

³ Там же, стр. 272.

⁴ Там же, стр. 226; *Surete și izvoade*, t. XXI, p. 169—170; *Aurel V. Sava*, *Op. cit.*, p. 111.

⁵ *Д. Кантемир*, указ. соч., стр. 288—289; *Aurel V. Sava*, *Op. cit.*, p. 111.

⁶ *Surete și izvoade*, t. VIII, p. 133, 135, 397; *E. Picot*, *Op. cit.*, t. I, p. 36; *Documente privitoare la târgul și ținutul Orheiului* publicate cu un studiu introductiv de Aurel V. Sava, București, 1944, p. 86—87; *Documente privitoare la istoria românilor*, t. XI, p. 220; *Ispisoace și zapise*, t. I, p. 171—172, 182, 232; *Д. Кантемир*, указ. соч., стр. 195, 272, 287—288, 292, 294.

§ 6. ЦЕРКОВНО-МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Рост церковного землевладения происходил путем захвата и так называемой «купли» крестьянских общинных земель, экономического закабаления резешей, в результате великокняжеских пожалований. Наконец, церковным и монастырским корпорациям передавали земли и частные лица. Земельные вклады «на помин души»¹ были явлением весьма распространенным. Вплоть до 1785 года² в Молдавии совершенно неизвестны случаи официального ограничения роста церковного и монастырского землевладения за счет земельных вкладов, дарений и пожалований.

Приведем примеры, рисующие пути увеличения недвижимого имущества в монастырях. Так, 26 августа 1503 года молдавский господарь Стефан Великий подтвердил дарение Молдавицкому монастырю в виде двух сел «у волости Сучавской, на имя Проворотия и Опришинци, що же быль даль тоти два села синъ Брълич, при деде нашем, при Александре воеводи, тому нашему монастиру, що на Молдавици»³. Жалованной подтвердительной грамотой от 2 февраля 1508 года господарь Богдан III закрепил за Нямецким монастырем дарованные последнему тем же боярином Бырличь 2 села-вотчины — Телебчинцы и Тристенец⁴.

В 1515 году Богдан III пожаловал Добровецкому монастырю село «Вадул Кырстей» и озеро Богатул, а также признал право монастыря на владение селом Рэдены с мельницами и прудами, подаренными монахам боярином Мыхулом. Кроме того, господарь утвердил за названным монастырем данные последнему боярином Алексой Небожатко 2 семьи холопов⁵. 7 октября 1517 года господарь Стефан Молодой закрепил за Романской епископской кафедрой село Азапены с водяной мельни-

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 3.

² С. М. Гроссман, Местные законы Бессарабии, СПб., 1905, стр. 323.

³ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 221.

⁴ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), București, 1953, p. 69—70.

⁵ M. Costăchescu, Documente moldovenești de la Bogdan Voevod (1504—1517), București, 1940, p. 367—368.

цей и участки земли в селе Катархы, переданные ей боярином Журжем Страхоае¹.

Жалованной грамотой от 31 декабря 1518 года господарь Стефан Молодой утвердил за Тазловским монастырем село Плопешты с водяной мельницей для размол зерна и валяльной мельницей — дар боярина Кузьмы Шарпе². Из подтвердительной господарской грамоты от 21 августа 1520 года узнаем, что из 30 сел, закрепленных за монастырем Путна, 3 села были пожалованы последнему боярином Юрием Купчиком³.

В 1521 году, в дни правления молдавского господаря Стефана Малого, боярин Кузьма «по своей доброй воле, никем не понужден, а ни присилован... дал въ задушие и исцеление свое» Бистрицкому монастырю «свою правую отнину..., едно село у Кобылех, ...с виноградом...»⁴

29 апреля 1529 года господарь Петр Рареш выдал Сэлеженскому монастырю подтвердительную грамоту на село Сэлежены, подаренное ктиторм этого монастыря феодалом Евлогием⁵. 22 августа 1530 года Петр Рареш признал Сучавскую митрополию собственницей половины села Опришканы с мельницами на реке Шумузе, перешедшими к ней от бывшего сучавского пыркалаба боярина Онуфрия Барбовского⁶.

Данной грамотой от 30 ноября 1540 года господарь Стефан Саранча утвердил за Хоморским монастырем ряд сел, две пасеки, гору с соляным источником, пруд, озеро, мельницу и т. п. (некоторые из этих недвижимостей были даны монастырю боярином Федором Логофетом)⁷. 27 мая 1546 года господарь Петр Рареш оформил грамотой передачу бывшим великим казначеем боярином Иеремией, в монашестве известным под именем Евлогия, в виде дара Молдавицкому монастырю села Сэлежены вместе с монастырем того же имени, ктиторм которого был Иеремия-Евлогий⁸.

¹ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 108—109.

² Ibidem, p. 134—136.

³ Ibidem, p. 170—172.

⁴ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 3.

⁵ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 320—321.

⁶ Ibidem, p. 324.

⁷ Ibidem, p. 401—403.

⁸ Ibidem, p. 527—528.

2 марта 1548 года господарь Ильяш Рареш закрепил за Нямецким монастырем дарованные последнему епископами Романской и Радовицкой кафедр Макарием и Феодосием части села Орцешты¹. 21 марта 1551 года тот же господарь утвердил за Воронежским монастырем дар митрополита Григория — земли в селе Малини, мельницы, виноградник, пруд, холопов, а также 200 венгерских золотых². Из подтвердительной грамоты господаря Стефана Рареша от 28 марта 1552 года видно, что монастырь Рышка получил от монаха Тиофилакта, в миру боярина Федора Балша логофета, село Быржовены с прилегающими к нему землями³.

Как явствует из подтвердительной грамоты от 11 апреля 1552 года, господарский «слуга» Журжа Тулба выделил из своих земельных владений в пользу Тазловского монастыря третью часть половины села Тулучешты⁴. В 1554—1555 годах Хоморский монастырь получил значительный вклад (7 сел, несколько частей в общих селах, мельницы и т. п.) от высокого государственного сановника логофета Федора Бабояга⁵.

Из подтвердительной господарской грамоты Александра Лапушняну от 20 марта 1554 года Побратскому монастырю узнаем, что ряд сел был получен монастырем в виде дарений и вкладов «на помин души»⁶. Те же выводы можно сделать и на основе подтвердительной господарской грамоты от 11 апреля 1560 года Добровецкому монастырю, в которой упоминаются села, пасеки, сады, виноградники и холопы, полученные монахами в качестве дара от светских феодалов⁷.

В мае 1560 года монах Маркела — «пустник» перешел под покровительство Нямецкого монастыря вместе со своим участком земли и местом под пасеку в Цоличь⁸.

Жалованной грамотой от 17 августа 1562 года господарь Иоан Вода Деспот утвердил за Воронежским монастырем земли, подаренные последнему боярином Тэу-

¹ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 558—559.

² Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 1—4.

³ Ibidem, p. 10—11.

⁴ Ibidem, p. 21.

⁵ Ibidem, p. 40—41.

⁶ Ibidem, p. 53—54.

⁷ Ibidem, p. 147—148.

⁸ Ibidem, p. 151.

тулом логофетом в селе Балинцы¹. 30 января 1568 года господарь Александр Лапушняну закрепил за тем же монастырем села Лукэчешты и Ботешты, данные монахом Феодосием². 16 июля 1578 года тот же Воронежский монастырь получил подтвердительную господарскую грамоту на села Дрэгоешты, Лукэчешты и Ботешты с мельницей на речке Брэдэцел, дарованные монастырю уже упоминавшимся монахом Феодосием, бывшим чашником, и его родственниками³.

15 декабря 1578 года монастырь Берзунць получил в дар от Федора, сына Марушки, пасеку с 20 ульями и рыбный пруд⁴. 20 февраля 1581 года господарь Янкул Сасул подтвердил право монастыря Гречь на владение тремя селами, одно из которых было дано ему «на помин души» Настасией Оприоаей⁵. Грамотой от 23 августа 1581 года тот же господарь закрепил за Хоморским монастырем село Дрэгушешты (именуемое также и Михэйлешты) в Кырлигатурской волости, с мельницей на реке Бахлуе, дарованное портарем-воротником города Сучавы боярином Даном⁶.

В период от ноября 1582 года по август 1583 года господарь Петр Хромой выдал Сучавицкому монастырю подтвердительную грамоту на село Вербия, пруд и мельницу на реке Жижиин Хырловской волости, переданные монахам радовицким епископом Георгием⁷. Грамотой от 26 февраля 1586 года тот же господарь утвердил во владении монастыря Сучавица половину села Турда (называемого и Озунешты) в Хырловской волости, отданную монастырю боярином Кондратом Ружинэ⁸. В апреле 1586 года Петр Хромой признал Сучавицкий монастырь собственником половины села Вороновиць и места под пасеку, поступивших к монахам от вышеназванного епископа Радовицкой кафедры Георгия⁹.

¹ Surete și izvoade, t. XXIV, p. 178.

² Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 174—175.

³ Ibidem, t. III (1571—1590), p. 57—58.

⁴ Ibidem, p. 103—104.

⁵ Ibidem, p. 151—152.

⁶ Ibidem, p. 173—174, 243—244; Surete și izvoade, t. V, p. 153.

⁷ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 193—194.

⁸ Ibidem, p. 306.

⁹ Ibidem, p. 311—312.

6 марта 1587 года некая Елена Драксиняса из села Григорешты Сучавской волости подарила Сучавской митрополии село Думбрэвены¹. 10 апреля 1587 года господарь Петр Хромой пожаловал Синайскому монастырю 6 фалчей виноградника «на поминки» боярина-гетмана Балика, от которого этот виноградник перешел во владение господаря Молдавии².

В 1587 году боярин Лукоч передал «на помин души» одному из молдавских монастырей село-вотчину с крепостными и зависимыми людьми, а также 10 коров, 4 вола, 100 овец, 6 кобыл, пару лошадей с подводой и упряжью, 10 свиней, бочку вина, 4000 аспров деньгами, серебряный кубок, серебряную ложку и другие материальные ценности³.

Согласно данным подтверждающей господарской грамоты от 15 апреля 1589 года гетман и пыркалаб города Сучавы боярин Андрей подарил монастырю Пын-гарац место под пасеку на Бохотине, в долине Хэ-меосул⁴. На другой день, 16 апреля 1589 года, господарь Петр Хромой утвердил за Романской епископской кафедрой место под пасеку и дом в селе Поенары, принесенные ей в дар духовным феодалом Тудором, известным также под именем Прида⁵. Из подтверждающей господарской грамоты от 20 июня 1589 года узнаем, что митрополит сучавский Георгий передал монастырю Сучавица село Холовэц с прилегающими к нему обширными земельными угодьями⁶.

19 апреля 1596 года видный государственный сановник боярин Кырстя, бывший великий ворник и чашник при господарском дворе, вместе со своей женой Ангелиной и остальными членами семьи, подарил Флорештскому монастырю село Флорешты с сенокосами, пасекой и водяной мельницей для размола зерна⁷.

15 июня 1599 года господарь Иеремия Могила закрепил за женским монастырем Четацуя дарение (зем-

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 340.

² Ibidem, p. 348—349.

³ Ibidem, p. 369—370.

⁴ Ibidem, p. 415—416.

⁵ Ibidem, p. 417.

⁶ Ibidem, p. 430—432.

⁷ Ibidem, t. IV (1591—1600), p. 138—139; 234—235.

лю, виноградник, сенокос и брод для постройки мельницы) Драгана из села Мэстекань Ковурлуйской волости¹. Как явствует из господарской подтвердительной грамоты от 17 декабря 1599 года, ворник Верхней Страны боярин Григорча выделил из своих земельных владений в пользу Воронежского монастыря три села (Тэистренны, Терновка и Хниловодия с мельницами)², которые господарь Иеремия Могила признал монастырской собственностью. 19 апреля 1600 года великий логофет Лупул Строич дал монастырю Агапия селище Мэлэшешты с сенокосами и рыбным прудом³.

18 июля 1601 года господарь Иеремия Могила утвердил за Нямецким монастырем дарованную последнему Ангелиной и ее сыновьями Василием и Лупаном пасеку на Бохотине⁴. Из господарской грамоты, датированной 11 января 1603 года, узнаем, что Рышканский монастырь получил в дар «на помин души» от боярыни Агафьи, дочери боярина Исаака Голэйя логофета, село Маскурей, на реке Тутове, а господарь Иеремия Могила подтвердил этот вклад специальной грамотой⁵.

30 мая 1604 года Иеремия Могила дал подтвердительную грамоту монастырю Ватопед на ряд сел, части в общих селах, 10 фалчей виноградника, сады, пасеки и т. п., подаренные боярыней Анной, вдовой покойного великого логофета Иоана Голэйя, с тем, чтобы монахи «поминали» ее мужа и родственников⁶. 1 октября 1604 года великий ворник Нижней Страны Нестор Уреке и боярин Ион Могылдя передали Секулскому монастырю село Жулешты с местом, удобным для постройки водяной мельницы, и мельницу-сукновальню⁷. 1 октября 1604 года вышеупомянутый боярин Нестор Уреке составил от своего имени и от имени своей жены Митрофаны и детей Василия, Григория, Настасии, Марии, собственноручно дарственную запись тому же Секулскому монасты-

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), p. 262.

² Ibidem, p. 274—275.

³ Ibidem, p. 288.

⁴ Ibidem, t. I (1601—1605), p. 17.

⁵ Surete și izvoade, t. XX, p. 113.

⁶ Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lăpușnei, București, 1937, p. 34—35.

⁷ Documente privind istoria României, t. I (1601—1605), p. 180—181.

рю на три села — Жулешты, Терпешты и Петриканы на Топлице, места для постройки водяных мельниц, 3 фалчи виноградника в Дялул Поркулуй и сенокосы¹.

В период от сентября 1604 года по август 1605 года духовные феодалы Паисий и Анастасия принесли в дар Хоморскому монастырю виноградник, который специальной подтверждающей грамотой господаря Иеремии Могила был признан монастырским владением².

От 1605 года известны четыре подтверждающих господарских грамоты молдавским монастырям (не считая повторной подтверждающей грамоты от 15 апреля 1605 года). Грамотой от 23 мая 1605 года господарь Иеремия Могила утвердил за монастырем св. Саввы в Яссах дома, виноградники и другое движимое и недвижимое имущество, дарованное монахам Федором, сыном Периса, после смерти своего отца по духовному завещанию последнего³. Другой грамотой от 1 июня 1605 года Иеремия Могила закрепил за монастырем Сучавица данное последнему митрополитом Георгием Могилой село Хринчешты в Сучавской волости⁴. Третьей грамотой от 26 июня 1605 года князь Иеремия Могила признал во владении Рышкановского монастыря часть села Маскурей Тутовской волости — вклад дочери боярина Иоана логофета Агафьи⁵. Наконец, четвертой грамотой Иеремии Могила от 4 сентября 1605 года было оформлено дарение (в виде ряда сел и их частей, селищ, виноградников) великого логофета боярина Строича монастырю Драгомирна⁶.

В 1606 году боярин Могылдя ворник дал «на помин души» Секулскому монастырю участок земли под дом в городе Тыргул-Фрумос, место для пасеки и загона скота, рыбный пруд и мельницу. Господарь Семен Могила 30 июля подтвердил этот дар⁷. В тот же день Семен Могила выдал подтверждающую грамоту Синайскому монастырю на вклад боярина Давида постельника: поло-

¹ Documente privind istoria României, t. I (1601—1605), p. 181—182.

² Ibidem, p. 179.

³ Ibidem, p. 244—245.

⁴ Ibidem, p. 245—247.

⁵ Ibidem, p. 249—250.

⁶ Ibidem, p. 257—258.

⁷ Ibidem, t. II (1606—1610), p. 56—57.

вину села Юкаш Нямецкой волости, место для сооруже-
ния пруда и водяной мельницы и т. д.¹

В 1607 году Секулский монастырь получил еще два дарения. 15 апреля 1607 года боярин Никоарэ Дониц, пыркалаб города Оргеева, дал ему дома и торговые лавки в городе Оргееве². В сентябре 1607 года Федор, Станка и Ион, дети Кырсти Иву из села Негрилешты, передали монастырю земли в селе Негрилешть, виноградник и мельничный брод на реке Тутове³.

Подтвердительной грамотой от 9 августа 1608 года господарь Константин Могила утвердил⁴ за монастырем Ватопед имущество, полученное последним от Анны, жены боярина Голэйя логофета: села Костоканы и Лиешты в Васлуйской волости, Спинены в Ясской волости, Хэрничены в Романской волости, виноградники в Котнаре, виноградарские прессы, место под дом в городе Яссах⁴. Тот же господарь грамотой от 19 сентября 1608 года закрепи́л за монастырем св. Николая виноградник в Копу, дарованный монахам дочерью Георгия Параской в правление князя Арона⁵.

7 мая 1609 года господарь Константин Могила подтвердил право Побратского монастыря на земли в селе Оериешты Ковурлуйской волости и виноградник, данные монастырю «на помин души» племянницей Данчиула Оиара Сорой, дочерью Станки⁶. Из купчей подтвердительной грамоты, вышедшей из молдавской господарской канцелярии 21 августа 1609 года, узнаем, что боярин Нестор Уреке купил у романского пыркалаба боярина Маноле селище Екушены, которое затем отдал «на помин души» Секулскому монастырю. Господарь же Константин Могила узаконил это дарение⁷.

В 1610 году боярин Алекса (при свидетеле «старосте купцов» Исааке Арапе) дал «на помин души» монастырю св. Саввы место под дом в городе Яссах, о чем была составлена дарственная запись⁸.

¹ Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), p. 57.

² Ibidem, p. 95—96.

³ Ibidem, p. 127.

⁴ Ibidem, p. 170—171.

⁵ Ibidem, p. 179.

⁶ Ibidem, p. 211—212.

⁷ Ibidem, p. 247—248.

⁸ Ibidem, p. 339—340.

Между 19 декабря 1611 года и 31 августа 1612 года господарь Стефан Томша выдал подтвердительную грамоту Пантократорскому монастырю на села Глиджэны и Андрееуцы в Сучавской волости, дарованные монахам вместе с другими земельными владениями боярином Федором Могилой¹. В то же время некий Вэсиу передал Тазловскому монастырю пасеку с ульями в селе Зэрнешты Нямецкой волости². 25 июля 1611 года господарь Константин Могила утвердил за Секулским монастырем несколько домов в городе Яссах, пожалованных монастырю бывшим ворником боярином Доничем³. Согласно дарственной записи от 19 ноября 1611 года, великий казначей боярин Никоарэ Прэжескул и другие видные феодалы отдали монастырю св. Саввы «на помин души» покойного боярина Арпентия Прэжескула 2 фалчи виноградника⁴. 23 ноября 1611 года монахи Бисериканского монастыря составили свидетельскую запись, в которой говорится, что боярыня Думитра и ее дочь Крыстина уступили указанному монастырю часть своей вотчины в селе Орбик, водяную мельницу на реке Бистрице и виноградник в Бакове, записав при этом в синодике четыре имени для поминания⁵.

Жалованной грамотой от 16 января 1612 года Стефан Томша закрепил за Пынгарацким монастырем перешедшие к последнему от бывшего гетмана Молдавии боярина Андрея села Билэешты и Ивэнешты, селище Малый Алмаш, виноградник в Котнаре на Новом Холме, пасеку в заповедном лесу у устья Хэмеиосула и холопов⁶. 18 января 1612 года тот же господарь сделал подтверждение Секулскому монастырю на право владения двумя селами (Жидешты и Рушчиорь в Нямецкой волости), полученными монастырем от боярина Демьяна и его жены «княгини» Настасьи⁷. Жалованными грамотами от 5 и 6 февраля 1612 года Стефан Томша утвердил за Бисериканским монастырем уступленные по-

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 41—42.

² Ibidem, p. 43—44.

³ Ibidem, p. 26.

⁴ Ibidem, p. 37.

⁵ Ibidem, p. 38.

⁶ Ibidem, p. 50—51.

⁷ Ibidem, p. 54.

следнему копыеносцем Чолпаном, «княгиней» Думитрой и ее дочерью Крыстиной, женой боярина-чашника Самоила части вотчины в селе Орбик Нямецкой волости и виноградники в Бакове¹. Грамотой от 12 февраля 1612 года Стефан Томша признал Пынгарацкий монастырь собственником 3 фалчей и 40 пражин² виноградника в Котнаре на холме Томбрика, представлявшего собой вклад известного гетмана — боярина Андрея³.

9 марта 1612 года господарь Стефан Томша подтвердил право монастыря Византия на владение участком земли от устья Малого Визэуцула до холма Рэкиташул, дарованным бывшим старостой города Путна Броштоком⁴.

26 марта 1612 года Стефан Томша выдал монастырю Драгомирна подтвердительную грамоту на данные последнему боярином Строичем логофетом села Уричены и Флэмынзь Хырловской волости⁵. 18 апреля 1612 года господарь Стефан Томша сделал Секулскому монастырю подтверждение на часть вотчины с садами и виноградниками в селе Негрилешты — пожалование Федора и его сестры Станки, детей Ивула Кырсти, о которых уже была речь выше⁶. 17 июля 1612 года Григорий со своей женой Иоаной дали Бисериканскому монастырю фруктовые сады, пасеку и 4 участка пахотной земли в селе Попчешты⁷.

11 января 1613 года молдавский господарь Стефан Томша утвердил монастырь Путна во владении поступившим к последнему от епископа Хушьской кафедры Филотея селом Красна Сучавской волости⁸. Боярин Константин Корпач ключник 25 июля 1614 года подарил монастырю св. Саввы половину виноградника в Копоу, которым он владел вместе со своей сестрой боярыней Настасией Вартикоае⁹. В 1614 году бывший староста Бо-

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 60—61.

² Пражина — жердь длиной около 2,5 метра, служившая для измерения земли.

³ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 63.

⁴ Ibidem, p. 68.

⁵ Ibidem, p. 72—73.

⁶ Ibidem, p. 77.

⁷ Ibidem, p. 93—94.

⁸ Ibidem, p. 111.

⁹ Ibidem, p. 173

бейко и поп Харитон передали Нямецкому монастырю свои «очины и дедины»; Стефан Томша грамотой от 12 декабря подтвердил этот вклад¹.

15 марта 1615 года Константин, сын Манолия Мораета и Марийки из города Яссы, дал согласно духовному завещанию своей матери ясскому монастырю св. Саввы 3 фалчи виноградника, сады и несколько бочек². 9 мая 1615 года боярыня Настасия Вартикоая пожаловала тому же монастырю св. Саввы принадлежавшую ей половину виноградника в Копоу³. Бывший сучавский ворник боярин Яким дарственной записью от 31 марта 1615 года отдал во владение Бистрицкого монастыря место для пасеки с домом и фруктовым садом в Деренеу Оргеевской волости⁴.

Боярин Ионашко Строич, сын логофета Лупу Строича, говорит в своей дарственной записи от 2 февраля 1616 года, что он передает вклад монастырю св. Саввы — село-вотчину Телица в Оргеевской волости и три фалчи виноградника в Котнаре⁵. Другой дарственной записью от 20 августа 1616 года Ионашко Строич уступил монастырю Драгомирна села: Дружешты и Тэистрены в Хырловской волости, Бырсэнешты в Дорохойской волости и Борискэуцы в Черновицкой волости⁶. 23 сентября 1616 года господарь Радул Михня закрепил за монастырем Драгомирна дарение бывшего логофета Лупу Строича и его сына Ионашко Строича — пять сел (Дружешты, Тэистрены, Бырсэнешты, Дэмидены, Борискэуцы) и селище Гэрбешты⁷.

23 августа 1616 года господарь Радул Михня утвердил за монастырем св. Ильи пруд Копча и 24 фалчи луга вблизи города Сучавы⁸. Тот же господарь грамотой от 28 ноября 1616 года подтвердил право монастыря св. Саввы на владение двумя фалчами виноградника в окрестности города Хуши, дарованными монахам быв-

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 185.

² Ibidem, p. 200—201.

³ Ibidem, p. 216.

⁴ Ibidem, p. 211.

⁵ Ibidem, t. IV (1616—1620), p. 3—4.

⁶ Ibidem, p. 25—26.

⁷ Ibidem, p. 46—47.

⁸ Ibidem, p. 31.

шим ворником боярином Кырстей и его женой Ангелиной¹. 28 декабря 1616 года Романская епископская кафедра получила в дар от Иоана Михула и его сыновей Иоана и Федора пасеку с ульями в селе Рэкитоаса Текуцкой волости².

14 октября 1617 года господарь Радул Михня утвердил за монастырем св. Саввы села Бэичены и Кэрэу-лешты в Романской волости, переданные боярами Лупулом Драготэ и Федором Дранга³.

В период между 1 сентября 1618 года и 31 августа 1619 года жена покойного боярина Йорги Екатерина пожертвовала «на помин души» своего мужа Секулскому монастырю виноградник и два мельничных брода в селе Тырговице на реке Путна⁴. Великий постельник боярин Бернат передал 17 апреля 1618 года во владение того же монастыря села Бериндешты и Сэбоаны Романской волости, полученные им от своего дяди, боярина Брута постельника⁵. Настоятель монастыря «Арон вода» (св. Николая) Исаия записью от 20 июля 1618 года засвидетельствовал, что у него имеется господарская жалованная подтвердительная грамота на вклад боярина Драгоша Мустяцэ постельника и его жены боярыни Анны Мустяцоаей — пасеку с фруктовыми деревьями⁶.

16 января 1619 года князь Радул Михня подтвердил право Секулского монастыря на владение селом Влэдены, данным монахам великим ворником Нижней Страны, боярином Константином Бучиоком⁷.

20 марта 1620 года жена бывшего господарского постельника Кирицэ Палеолог Мария, вернувшись из Польши после восьмилетнего пребывания там в изгнании, пожаловала «на помин души» своего мужа Сучавицкому монастырю село-вотчину Вэскэуцы в Сорокской волости⁸. 12 апреля господарь Гашпар Грациани выдал подтвердительную грамоту монастырю св. Саввы на уступ-

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), p. 65.

² Ibidem, p. 75.

³ Ibidem, p. 206.

⁴ Ibidem, p. 293.

⁵ Ibidem, p. 269—270.

⁶ Ibidem, p. 286, 401—402.

⁷ Ibidem, p. 307, 332—333.

⁸ Ibidem, p. 427—428.

ленные последнему боярином Лупулом Драготэ ворником и его женой «княгиней» Мартой Кандакия села Бэичены, Кэрэулешты, Шербанешты и 2 мельницы¹. 14 апреля 1620 года жена бывшего постельника боярина Думитракия Палеолог Мария передала Бисериканскому монастырю село Вынэторь с мельничным бродом на реке Бистрице Нямецкой волости². Молдавский господарь Гашпар Грациани грамотой от 21 апреля 1620 года утвердил за монастырем «Арон вода» пчельник с фруктовым садом в Микуле, дарованный боярином Драгомиром Мустяцэ постельником³. 24 апреля 1620 года жена боярина Кирицэ Палеолог Мария отдала Побратскому монастырю село Чокэнешты в Лапушнянской волости⁴. 28 апреля 1620 года упомянутая боярыня пожаловала Агапиевскому монастырю село Килдешты в Романской волости⁵, а другому монастырю подарила село Буканы в Лапушнянской волости⁶.

11 мая 1620 года все та же боярыня Мария дала «на помин души» монастырю св. Саввы село Хорилканы в Оргеевской волости⁷, которое господарь Гашпар Грациани утвердил за монастырем грамотой от 14 июня 1620 года⁸. 4 июля 1620 года Гашпар Грациани закрепил за Синайским монастырем село Сэрэтени в Лапушнянской волости, дарованное уже названной несколько раз выше Марией⁹. 7 июля 1620 года Хоморский монастырь получил в дар от боярина Ионашко Строича, сына Строича логофета — главы молдавской господарской канцелярии, несколько участков земли в селе Дерзка Сучавской волости¹⁰.

В 1622 году митрополит сучавский Анастасий Кримкович дал Секулскому монастырю 7 фалчей виноградника в Котнаре¹¹. В 1625 году сучавский пыркалаб—по-

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), p. 443—444.

² Ibidem, p. 463—464.

³ Ibidem, p. 465—466.

⁴ Ibidem, p. 466.

⁵ Ibidem, p. 467.

⁶ Ibidem, p. 466—467.

⁷ Ibidem, p. 472.

⁸ Ibidem, p. 479.

⁹ Ibidem, p. 484.

¹⁰ Ibidem, p. 486.

¹¹ Ibidem, t. V (1621—1625), p. 138—139.

садник и гетман вооруженных сил Молдавии, будущий господарь, боярин Мирон Барновский пожертвовал («для искупления своих грехов») монастырю Солка села Минуэуши и Плопены с мельницами, рыбными прудами и озерами в Дорохойской волости и завещал этому же монастырю села Уриканы в Кырлигатурской и Кэкэчене в Нямецкой волостях¹.

Молдавский господарь Стефан Томша подтвердительной грамотой от 29 июля 1623 года закрепил за Хорморским монастырем 2 фалчи виноградника в Котнаре, дарованные бывшим придворным господарским постельником боярином Михаилом Трифоном². Дарственной записью от 9 октября 1625 года некая Лонгина со своими детьми пожертвовала Пынгарацкому монастырю участок земли под пашню³.

Около 1631 года Захарий Замэ передал во владение Бисериканского монастыря принадлежавшую ему в селе Кындешты землю с тем, чтобы настоятель этого монастыря записал имя дарителя в синодик и поминал его при богослужении⁴. В 1635 году господарь Молдавии Василий Лупу подтвердительной грамотой от 31 июля признал Пынгарацкий монастырь собственником 30 участков пахотной земли и сенокосов (уступленных боярином Ионашко Кырстей), предоставив монахам право взимать в свою пользу с живущих на монастырской земле крестьян земельную ренту⁵.

Количество примеров дарений и вкладов монастырям и другим духовным учреждениям «на помин души», содействовавших росту церковного землевладения и сосредоточению в руках духовных феодалов основных средств производства, можно значительно умножить. По имеющимся в нашем распоряжении данным, в XVI — первой половине XVII веков светскими феодалами было сделано до 300 таких дарений и вкладов в пользу церковно-монастырских корпораций (не считая повторных подтверждений земельных дач великокняжескими гра-

¹ Documente privind istoria României, t. V (1621—1625), p. 232—233.

² Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), p. 239.

³ Ibidem, p. 364.

⁴ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 44.

⁵ Ibidem, t. II, par. 1, p. 103—104.

мотами). Господарских пожалований различным духовным учреждениям известно около 200.

В актовом материале, вышедшем из молдавской господарской канцелярии в XVI — первой половине XVII веков, фигурирует около 60 монастырей. Их земельные богатства были неодинаковы (от одного-двух сел-вотчин до 30 и более). Кроме того, в документах упоминается еще до 40 безымянных монастырей, не считая многочисленных церквей, которые были почти в каждом селе.

По свидетельству молдавского летописца Григория Уреке, только во второй половине XV века в Молдавии было основано около 50 монастырей и церквей¹. Церковное строительство при поддержке молдавских господарей неуклонно развивалось и далее. По словам Дмитрия Кантемира, лишь «в одном Сучавском уезде находилось 60 церквей каменных, и во всей Верхней Молдавии больше 200 больших и каменного строения монастырей, и горы наполнены были монахами и путниками»²; «все монастыри в Молдавии, — продолжает Кантемир, — учреждены на точных установлениях и правилах, кои предписаны монахам... Больших монастырей, в коих предстоятелями архимандриты, только четыре; малых под игуменами состоящих, больше двухсот, кроме стольких же обществ, которыми те же монастыри в разных местах владеют»³.

Во главе церковно-монастырских корпораций стояли Радовицкая, Романская, Хушьская епископские кафедры и Сучавско-Ясская митрополия. Сучавская, а затем Ясская митрополия, Романская, Хушьская и Радовицкая епископские кафедры, монастыри, церкви были более или менее значительными вотчинниками.

О росте церковно-монастырского землевладения можно судить по следующим данным. Если во второй половине XV века молдавским монастырям принадлежало около 100 сел-вотчин⁴, то к середине XVII столетия в их владении было уже свыше 500 сел-вотчин, более 110 долей земли в общих селах, 30 селищ и хуторов-приселков, 55 виноградников и 82 фалчи площади, занятой под ви-

¹ *Grigorie Ureche, Letopiseșul Țării Moldovei, București, 1954, p. 112.*

² *Д. Кантемир; указ. соч., стр. 323.*

³ Там же, стр. 371.

⁴ *I. Ursu, Ștefan cel Mare, București, 1925, p. 340.*

ноградниками, более 100 участков и 40 фалчей сенокоса, 50 прудов и озер, много фруктовых садов и заповедных лесов, 100 водяных мельниц и примерно столько же бродов для их строительства, свыше 80 пасек и т. д.

Крупными земельными собственниками были монастыри Путнянский, Бистрицкий, Добровецкий, Тазловский, Секулский, Молдавицкий, Побратский, Хоморский, Ватопедский, Сучавский, Нямецкий, Драгомирнский, Галатский, Воронежский, Бисериканский, Агапиевский, Сокола.

Вышеприведенные сведения, взятые из жалованных, данных, вкладных, подтвердительных и других господарских грамот, интересны не только тем, что иллюстрируют пути роста монастырского землевладения, но и тем, что дают некоторые итоги этого процесса по отдельным монастырям.

Так, судя по господарской подтвердительной грамоте от 15 марта 1490 года¹, Путнянский монастырь владел в это время 16 селами в Сучавской и Черновицкой волостях.

В 1503 году монастырь Путна насчитывал в своем владении уже 30 сел, разбросанных в разных частях Молдавии и закрепленных за ним специальной господарской подтвердительной грамотой. Монастырю принадлежали также виноградники, леса, пасеки, соляные копи, мельницы и т. д. Наконец, господарь подтвердил ряд льгот и привилегий, которыми пользовался монастырь, в частности его право собирать подати с населения принадлежавших ему сел, взимать торговые пошлины и т. д.² К середине XVII столетия землевладение Путнянского монастыря выросло еще примерно вдвое.

Из хозяйственной описи молдавского монастыря Галата от 25 ноября 1588 года мы узнаем, что он обладал 17 селами, 16 фалчами виноградника, 20 водяными мельницами, 500 пчелиными ульями. Опись зафиксировала в монастырском хозяйстве 1563 головы различного крупного и мелкого скота, 32 бочки вина, 29 000 аспров денег, кроме того, в монастыре было много золотых и серебря-

¹ *I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 419.*

² Там же, стр. 215—216.

ных кубков, кадил, крестов, 53 ковра и т. д.¹ К середине XVII века богатство Галатского монастыря выросло еще не менее чем в два раза.

В собственности монастыря Сокола, основанного во втором десятилетии XVII столетия, при господаре Стефане Томше, к 1625 году имелось более 40 сел-вотчин, много садов и виноградников, пасек и сенокосов, прудов и водяных мельниц, скота и т. д. Для этого монастыря, как и для многих других, характерны стремление к безграничному стяжательству, огромная тяга к земле и другим богатствам страны.

В XVI — первой половине XVII веков монастырское землевладение, как и прежде, занимало второе место (после боярского) в системе феодального землевладения Молдавии. Сосредоточив в своих руках основные средства производства страны, светские и духовные феодалы жестоко эксплуатировали молдавское крепостное и зависимое крестьянство и холопов.

Церковь занимала видное место в Молдавском государстве XVI—XVII веков. Митрополит, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, белое духовенство, будучи крупными земельными собственниками, владельцами больших стад скота, разных дорогих вещей, являлись не только служителями религиозного культа; часть из них (высшие представители церковной феодальной иерархии) принимала активное участие в управлении страной.

Церковные и монастырские корпорации являлись мощным орудием в руках Молдавского феодального государства, основная функция которого состояла в том, чтобы держать в повиновении эксплуатируемое большинство населения страны в интересах эксплуататорского меньшинства.

§ 7. ГОСПОДАРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Верховным земельным собственником всей страны юридически считался господарь, хотя фактически значительная часть земли Молдавии находилась во владении крестьянских общин и в собственности частных лиц.

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 402—410.

Каждая господарская грамота, вышедшая из молдавской государственной канцелярии, как правило, начинается словами: «Милостию боужею мы... воевода, господарь земли Молдавской...»¹ и т. д. Владение землей молдавскими господарями покоилось на феодальном праве, и страна рассматривалась ими как вотчинная собственность. Так, например, молдавский господарь Стефан III, ведя в 1503 году переговоры с польским королем Александром по поводу Покутии, говорил, что последняя «есть наша правая зъ стародавняя отъчына»². Эта формула применялась даже тогда, когда речь шла о спорной территории.

Для исследования истории господарского землевладения у нас нет ни духовных грамот молдавских господарей, ни описей недвижимого имущества последних. Источником для изучения этого вопроса являются господарские купчие, меновые, жалованные, дарственные, вкладные, подтвердительные и другие грамоты, вышедшие из молдавской княжеской канцелярии. Из этих грамот мы узнаем, что в распоряжении господаря имелся значительный земельный фонд, состоявший из земли как населенной и находящейся под пашней, так и пустующей и необработанной.

Во владение господаря переходили земли выморочные³, конфискованные за «хитленство»⁴ (т. е. измену, предательство), а также земли бежавших за пределы страны лично свободных и господарских крепостных и зависимых крестьян⁵ и т. д. Господарю принадлежали обширные угодья: заповедные леса, рыбные ловли, пастбища. Населению запрещалось пасти скот, ловить рыбу, охотиться в господарских владениях. Специальные господарские чиновники — «бранищары»⁶ и «припашары»⁷ — следили за тем, чтобы это правило соблюдалось.

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 3, 5, 10, 11, 12, 13; оп. 3, док. 1; оп. 4, док. 1, 2; оп. 7, док. 62, 77, 78, 83, 87 и др.

² И. Богдан, указ. соч., т. II, стр. 485.

³ Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), p. 57; t. IV (1616—1620), p. 438—439.

⁴ Ibidem, t. I (1501—1550), pp. 367—368, 404—405, 406, 471—472, 482—483, 489—491, 551—552; t. II (1551—1570), p. 7—8; t. III (1571—1590), p. 94—95, 308—310.

⁵ «Правила», стр. 5—6.

⁶ И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 420—421, 473; т. II, стр. 233.

⁷ Там же, т. I, стр. 10, 29, 95, 173, 200.

Наконец, господарь, как и любой феодал, являлся владельцем большого числа крепостных и зависимых крестьян¹, которые работали у него на барщине и вносили ему натуральный и денежный оброк.

Из жалованных дарственных грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии, видно, что господарские имения составляли земельный фонд, из которого производились пожалования церковно-монастырским учреждениям, а также дарения и вознаграждения господарским вассалам за «правую и верную» службу. Таким образом, господаи содействовали расширению земельных владений светской и духовной феодальной знати, в то время как их собственный земельный фонд таял.

В 1500 году по предписанию господаря Стефана Великого Бистрицкому монастырю были выделены четыре села (Слуганы, Кикотешты, Калинешты и Лацканы) с прилегавшими к ним обширными пашнями и богатыми угодьями, а также с жившими в селах людьми, которые обязывались работать в пользу новых землевладельцев². Великокняжеской жалованной дарственной грамотой от 14 декабря 1501 года господарские села Синешты и Онишканы в Кырлигатурской городской округе перешли в собственность монастыря Путна. Кроме того, господарь предоставил монастырским властям право: «осадить (т. е. устроить новые. — Ф. Г.) села и пасеки, и тое да ест томоу святомоу монастирю...»³

1502 годом датируются пять жалованных дарственных господарских грамот, четыре из которых разрешают господарским слугам основать четыре села размером до 20 дворов каждое⁴; пятой жалуются монастырю Путна заповедный лес в монастырских окрестностях и 150 глыб соли из соляных копей города Тротуша⁵.

В 1503 году господарь Молдавии пожаловал братьям Буде и Грозе «пустошь» (с тем, чтобы они завели на ней село)⁶, Нямецкому монастырю — села Бэичены и Мого-

¹ Revista istorică, Anul XII, NN 10—12, Octombrie-Decembrie, 1926, p. 319—320.

² И. Богдан, указ. соч., т. II, стр. 172—174.

³ Там же, стр. 182—185.

⁴ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 5, 10—11, 14—15.

⁵ Ibidem, p. 27—28.

⁶ И. Богдан, указ. соч., т. II, стр. 228—229.

шешты, водяные мельницы, пасеку в господарском заповедном лесу, а также ежегодный оброк в размере 6 камней воска¹ с Нямецкого торга; Добровецкому монастырю — пять сел (Фетешты, Алексешты, Мунтены, Костэчены и Островены)².

В 1507—1508 годах господарь Богдан III пятью жалованными дарственными грамотами передал своим слугам (за их «правую и верную» службу) пять участков пустующей земли для заведения на них сел-вотчин, с которых они будут получать «доход» в свою пользу³. Жалованной грамотой от 7 марта 1513 года был оформлен переход господарского села Оничаны с водяной мельницей к боярину Исааку логофету⁴.

К 1514 году относятся господарские пожалования монастырям Побратскому (села Хеча)⁵ и Воронежскому (озера Леонти)⁶.

К следующему году относится жалованная дарственная грамота господаря Богдана III Воронежскому монастырю на село Букурешти, заповедный лес и другие угодья⁷.

Господарь Стефан Молодой 22 апреля 1518 года предоставил боярину Федору, пыркалабу города Романа, землю, «колико сможет оживати (освоить. — Ф. Г.), три села, каждый въ своемъ хотару (межа, граница. — Ф. Г.) ...досыта»⁸.

Слова грамот, что тому или другому феодалу или духовному учреждению разрешается «колико възможеть себе села и прикуты осадить досыта», свидетельствуют о том, что рост феодального землевладения сопровождался не только захватами земель лично свободных крестьян-общинников резешей, но и закрепощением последних.

В 1519 году князь Стефан Молодой сделал еще три

¹ В средневековой Молдавии камень воска равнялся 32 литовским фунтам.

² *И. Богдан*, указ. соч., стр. 238—241.

³ *Documente privind istoria României*, t. I (1501—1550), p. 53—54, 54—55, 55, 56, 67—68, 68—69.

⁴ *Ibidem*, p. 86—87.

⁵ *Ibidem*, p. 88—89.

⁶ *Ibidem*, p. 93.

⁷ *Ibidem*, p. 100—102.

⁸ *Н. Н. Мурзакевич*, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. III, Одесса, 1853, стр. 250.

дарения: известному уже боярину Федору, пыркалабу города Романа (новоградскому) (пустошь для основания села)¹, боярам Кузьме Шарпе постельнику (село Пояни-ли)² и Иеремии казначею (села Балинцы и Гришканы с половиной парома на Серете)³.

Согласно жалованным грамотам от 7 января и 8 октября 1520 года, господарь Стефан Молодой выделил из своих имений и передал во владение дьяка Иоана селище Малетинцы⁴; Радовицкой епископской кафедре дал село Хаварана в Дорохойской волости, фруктовый сад и пасеку⁵. Из грамот от 1 и 5 июля 1521 года узнаем, что тот же господарь предоставил боярину Бану ворнику, васлуйскому уряднику Гаджу и Драгушу «пустошь» с тем, чтобы они основали село⁶; вистерничелу же Иоану Турку подарил село Шизскоуцы в Черновицкой волости⁷.

30 июня 1522 года князь Стефан Молодой пожаловал Радовицкую епископскую кафедру местом под пасеку⁸, а в 1523 году передал боярину Ивану чашнику часть села Цигэнешты с водяной мельницей на реке Путне⁹. Жалованной дарственной грамотой 1525 года господарь Стефан Молодой оформил передачу боярину Богдану села Гэичены¹⁰.

В 1527 году князь Петр Рареш пятью жалованными дарственными грамотами наделил землями Тазловский монастырь (селами Пашканы, Тотешты, озером и холопами)¹¹, вассалов-слуг Драксина, Пурчела, Исаака и Илью (местом для основания села)¹², Нямецкий монастырь (селом Копанка на Днестре)¹³, «слугу» Витолта (пустошью под село)¹⁴ и Побратский монастырь (селом

1 Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 150—151.

2 Ibidem, p. 151.

3 Ibidem, p. 153—155.

4 Ibidem, p. 157.

5 Ibidem, p. 174—176.

6 Ibidem, p. 180—181.

7 Ibidem, p. 185.

8 Ibidem, p. 205—206.

9 Ibidem, p. 218—219.

10 Ibidem, p. 223—224.

11 Ibidem, p. 228—229.

12 Ibidem, p. 230—231.

13 Ibidem, p. 235—236.

14 Ibidem, p. 239—240.

Добруша в Сорокской волости с мельницами на реке Реуте)¹.

К 1528—1529 годам относится двенадцать дарений и пожалований господаря Петра Рареша своим светским вассалам и одному духовному учреждению (Радовицкой епископской кафедре)². В 1530—1540 годах господари Петр Рареш и его преемник Стефан Саранча совершили более 10 подобных актов³, а в 1541—1550 годах их было уже свыше 32⁴. Эти данные (так же как материалы, приводимые ниже) не только говорят о наличии у молдавских господарей значительного земельного фонда, из которого они весьма щедро вознаграждали своих вассалов за службу, но и свидетельствуют о значительном размахе расхищения народного достояния страны и концентрации основных средств производства в руках сравнительно немногочисленного класса светских и духовных феодалов и церковно-монастырских корпораций.

Из данной подтвердительной великокняжеской грамоты от 13 июня 1551 года узнаем, что господарь Стефан Рареш пожаловал епископа Радовицкой епископской кафедры Митрофана селом-вотчиной Оничаны в Сучавской волости, с прилежавшими к нему обширными земельными владениями и угодьями и с крепостными и зависимыми крестьянами⁵.

Жалованными дарственными грамотами от 11 апреля и 14 мая 1552 года и 10 декабря 1553 года был наделен

¹ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 243—244.

² Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 249—250, 253—255, 256—257, 274—275, 279—280, 294—295, 295—296, 308—309, 319—320; Surete și izvoade, t. I, p. 203—204; t. XVIII, p. 136—137; t. XXIV, p. 168—169; Н. Н. Мурзакевич, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. III, Одесса, 1853, стр. 251.

³ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 5; Н. Н. Мурзакевич, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. II, Одесса, 1848, стр. 563; Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 324, 352—353, 364—365, 366—367, 367—368, 380—381, 394—395, 399.

⁴ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 404—405, 406, 407, 408, 427—428, 452—453, 463—465, 471—472, 477, 480—481, 482—483, 489—491, 498—500, 501—503, 505—507, 518, 519—520, 532—533, 548, 551—552, 553—554, 591—592; Surete și izvoade, t. XVIII, p. 211—212; t. XXI, p. 93—94; t. XXIV, p. 175; ЦГА МССР, ф. 220, оп. 1, док. 6, 8.

⁵ Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 7.

несколькими селами Киприянский монастырь¹; получили «пустошь» для основания села господарские слуги Ажи-гирий, Штефул, Драгич и Матвей², а село Концешты с мельницами и холопами было передано Тазловскому монастырю³. В 1554 году господарь Александр Лапушняну подарил Тазловскому монастырю участок в селе-вотчине Синешты и два брода для строительства водяных мельниц⁴.

В жалованной грамоте господаря Александра Лапушняну от 12 апреля 1558 года говорится: «Истинный наш верный пан Антон гуменник служил нам право и верно, тем мы видевшие правую и верную службу его до нас, жаловали есми его особою нашею милостию и дали есми емоу от нас у нашей земли, у Молдавской, половина села Аврамени...»⁵

В жалованных дарственных грамотах от 14 апреля и 17 июня 1559 года имеются сведения о переходе от господаря Александра Лапушняну к его слугам, братьям Семену, Думе, Шербану и Глиге, «пустоши» под село⁶, а к монастырю св. Саввы села Окна⁷. К 1560—1569 годам относятся жалованные дарственные и подтверждающие господарские грамоты Рышкановскому монастырю (на село Пашканы с пасеками и сенокосными угодьями)⁸, дяку Василию Когэлничану (на село Рыпеле)⁹, «слуге» Хабиаку, «старому» (на участок земли)¹⁰, Слатинскому монастырю (на село Трушешты с мельницей и сукновальней)¹¹ и монастырю Агапия (на село Бэлэшешты и селище Граши)¹².

Если на 1570—1580 годы приходится около 25 господарских дарений и пожалований сел-вотчин, селищ, пустошей, отдельных участков пахотной земли, пасек, ви-

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 3, док. 3.

² Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 31—32.

³ Ibidem, p. 38—39.

⁴ Ibidem, p. 62—63.

⁵ Surete și izvoade, t. XIX, p. 35.

⁶ Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 122—123.

⁷ Ibidem, p. 124.

⁸ Ibidem, p. 149—150.

⁹ Surete și izvoade, t. XXV, p. 5.

¹⁰ Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 170—171.

¹¹ Ibidem, p. 175.

¹² Ibidem, p. 204—205.

пограбников, лугов, заповедных лесов, прудов, мельниц и пр. светским и духовным феодалам и церковно-монастырским корпорациям¹, то в 1581—1590 годах подобных дарений и пожалований было произведено свыше 60².

Обычно жалованные дарственные великокняжеские грамоты писались по определенному трафарету, менялись обычно только имена молдавских господарей-дарителей и жалуемых лиц, а также объекты дарения. Однако отдельные грамоты содержат интересные данные и подробности. Так, например, в них имеются господарские указания крестьянам, передаваемым вместе с землей, чтобы они повиновались своим новым господам. Иногда говорится, что тот или иной из даруемых участков земли никем не освоен и не захвачен и т. д.

Так, например, господарь Петр Хромой, жалую «за верную и правую службу» дьяка Илью (из Сучавы) селищем Унгурашь с прилегающими к нему землями и другими угодьями, говорит, что оно «ником не освоено и никем не захвачено» («де нимине цинутэ, ничь апу-катэ»)³. Это еще раз подтверждает мысль о том, что рост феодального землевладения сопровождался захватами крестьянских и других земель.

Жалованные дарственные грамоты господаря Петра Хромого от 16 марта, 30 апреля и 5 июля 1591 года фиксируют акт передачи княжеского селища Крестинешты дьяку Георгию⁴, села Броштены в Дорохойской

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 3, 37, 59—60, 89, 91, 92—93, 94, 106—107, 109—110, 121, 123—124, 130, 131, 139—140; Surete și izvoade, t. II, p. 152; t. XIX, p. 122; C. A. Solomon și C. A. Stoide, Documente tecucene, t. II (sec. XVI—XIX), Bârlad, 1939, p. 6; ЦГА СССР, ф. 220, оп. 7, док. 17.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 151—152, 222—223, 224—225, 230—231, 250, 263, 265—266, 287—288, 322, 325, 337—338, 341—342, 348—349, 354—355, 355—356, 369, 370, 371—372, 391, 399, 410—412, 415—416, 423—424, 426—427, 438—439, 445, 454, 463; Surete și izvoade, t. II, p. 276; t. V, p. 153; t. XIX, p. 157; t. XXI, p. 126—127; t. XXII, p. 105; t. XXIV, p. 185—186, 186; P. Michailovici, Documente moldovenești găsite la Constantinopol (1462—1755). Extras din „Cercetări istorice“, anul VIII—IX (1932—1933), N 3, Iași, 1933, p. 12.

³ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 337—338.

⁴ Surete și izvoade, t. XXI, p. 130—131.

волости стольнику Стаматию¹, села Требеш в Баковской волости ворнику Андрею². В 1592 году господарь Арон Тиран передал из своих имений настоятелю Нямецкого монастыря села Дрэгэнешты и Брустурь³, а монастырю Путна — пруд⁴.

К 1596 году относятся 6 жалованных дарственных грамот господаря Петра Хромого, в которых говорится о передаче им Галатскому монастырю сел Мынзешты и Фолфоешты⁵; великому ворнику Нижней Страны боярину Нестору Уреке села Бэрбоши⁶; скиту Зосиму⁷ и пивничару Корне по участку земли⁸; Галатскому монастырю части озера Кахова⁹ и Благовещенскому монастырю участка земли от устья Скэришоары до ее верховья¹⁰.

К 1597—1599 годам относятся великокняжеские пожалования из господарского домена и покупных имений Сучавскому монастырю (сел Верхний Хородник и Нижний Хородник в Сучавской волости)¹¹, монастырю Галата (ряда сел с водяными мельницами, пасеками и рыбными прудами в 6 из 19 волостей страны: Нямецкой, Романской, Хырловской, Ясской, Кырлигатурской и Ковурлуйской)¹², дьяку Григорию Шкеяну (господарского луга)¹³, боярину Могылде (мельниц, пасеки, стойла для содержания скота в городе Тыргул-Фрумос)¹⁴ и Путнянскому монастырю (села Стэучены в Хырловской волости)¹⁵.

В первом десятилетии XVII столетия молдавскими господарями было произведено более 30 дарений и по-

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), p. 17.

² Ibidem, p. 31.

³ Ibidem, p. 43.

⁴ Surete și izvoade, t. XXIV, p. 193.

⁵ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), p. 135—136.

⁶ Ibidem, p. 137—138.

⁷ Ibidem, p. 139—140.

⁸ Ibidem, p. 141.

⁹ Ibidem, p. 141—142.

¹⁰ Ibidem, p. 145.

¹¹ Ibidem, p. 174—176.

¹² Ibidem, p. 223—224.

¹³ Ibidem, p. 233.

¹⁴ Surete și izvoade, t. XXI, p. 126—127.

¹⁵ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), p. 272.

жалований боярам, «слугам», духовным феодалам и церковно-монастырским учреждениям¹, а во втором десятилетии того же века их насчитывается свыше 50².

В 1621 году господарь Александр Ильяш и его преемник Стефан Томша «смиловались» и пожаловали: Голийскому монастырю село Вынэторь³, хотинскому пыркалабу боярину Мирону Барновскому два села-вотчины Босанча⁴, монастырю св. Саввы 4 фалчи виноградника⁵, Агапиевскому монастырю село Кильдешты⁶, монастырю св. Ильи село Разбоены⁷, боярину Василию Рошке село Бербешты⁸ и третьему логофету, боярину Лупулу, участок земли в господарском заповедном лесу⁹.

По сведениям жалованных грамот от 20 февраля, 10 августа и сентября 1622 года, господарь Стефан Томша подарил боярину Ионашко Чехану село-вотчину Волосены¹⁰, боярину Кондре село Стэучены¹¹ и монастырю Солка озеро Личиул¹².

В 1623—1624 годах аналогичные дарения получили монастырь Солка¹³, третий логофет молдавской господар-

¹ Documente privind istoria României, t. I (1601—1605), p. 28—29, 50, 60, 72; t. II (1606—1610), p. 21—22, 40—43, 56—57, 57, 66—67, 69—70, 71, 72—73, 98—101, 103, 120—122, 133, 144, 147, 154, 174, 182—183, 204—205, 210—211, 241—243, 248—249, 272—273, 300; Surete și izvoade, t. II, p. 364—367; t. XXI, p. 155—159, 169; ЦГА МССР, ф. 220, оп. 3, док. 11:

² Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 27—28, 31—32, 48—49, 52, 75—76, 84, 86, 129—131, 131—132, 139—140, 140, 159—160, 178—181, 193, 196—197, 197—198, 202—204, 206—208, 209—210, 222—223; t. IV (1616—1620), p. 16—17, 51—52, 72—73, 131, 134, 137—138, 255—256, 285, 297—298, 422—423, 435, 438—439, 441—443, 465; Surete și izvoade, t. XIV, p. 1, 2—3, 5; t. XXI, p. 201—202, 204—205; t. XXII, p. 138—139.

³ Documente privind istoria României, t. V (1621—1625), p. 30—31.

⁴ Ibidem, p. 57.

⁵ Ibidem, p. 58.

⁶ Ibidem, p. 75—76.

⁷ Ibidem, p. 81.

⁸ Ibidem, p. 82—83.

⁹ Ibidem, p. 84—85.

¹⁰ Ibidem, p. 103—104.

¹¹ Ibidem, p. 157—158.

¹² Ibidem, p. 163—164.

¹³ Uricarul, t. XVIII, p. 348—349.

ской канцелярии боярин Фома¹, третий логофет боярин Лупул², боярин Дука³, монастырь св. Саввы⁴, сучавский пыркалаб и гетман вооруженных сил Молдавии, боярин Мирон Барновский⁵ и другие.

В жалованных дарственных грамотах 1630—1635 годов содержатся сведения о переходе от господаря к монастырю Успения виноградника, садов, пасек и винных погребов⁶, к хотинскому пыркалабу, боярину Феодосию села Клишкауцы⁷, к Данилу участка земли⁸, к боярину Патрашко трех частей села-вотчины Кэбичены⁹, а к монастырю Галата господарского озера вблизи города Яссы¹⁰.

Данной подтвердительной грамотой от 24 января 1636 года господарь Василий Лупу закрепил за третьим логофетом, боярином Прэжескулом, ряд сел-вотчин с прилегавшими к ним пашнями и сенокосными угодьями, а также крепостными крестьянами¹¹.

18 мая 1640 года господарь Василий Лупу пожаловал великому логофету Гаврилашу канцлеру село Малую Черлину. «Ож тот истинный наш верный и почтенный боярин Гаврилаш,— говорится в документе от имени Василия Лупу,— служил прежде иным (другим.— Ф. Г.) святопочившим господарям съ правою и верною службою, а днес (ныне.— Ф. Г.) господства ми служаще съ правою и верною службою, тем мы видяще его правою и верною службу до нас, жаловали есми ему..., — село Малая Черлина...»¹²

Данными жалованными великокняжескими грамотами 1641—1642 годов господарь Василий Лупу оформил передачу боярам Стефану селища Спериацы¹³ и Михан-

¹ Documente privind istoria Romîniei, t. V (1621—1625), p. 207—208.

² Ibidem, p. 210, 211.

³ Ibidem, p. 267.

⁴ Ibidem, p. 295.

⁵ Ibidem, p. 295—296.

⁶ Surete și izvoade, t. IV, p. 13; t. XV, p. 68—69, 69—70, 72—74.

⁷ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 3, док. 36.

⁸ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 5, док. 32.

⁹ Surete și izvoade, t. II, p. 321—322.

¹⁰ P. Mihailovici, Op. cit., p. 36—38.

¹¹ Ispisoace și zapise, t. 2, par. 1, p. 211—214.

¹² ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 77.

¹³ Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul La-pușnei, București, 1937, p. 53.

лу Сапотяну ряда сел-вотчин¹. В 1643—1645 годах тот же господарь Василий Лупу пожаловал боярина Ионашко Русула селом Тохотинул², а казначея Иордакия — селом Борзешты³.

Приведенные выше примеры⁴ свидетельствуют, прежде всего, о наличии в Молдавии крупного господарского землевладения, из которого верховный правитель страны жаловал своих вассалов. Распыление господарского землевладения путем дарений, вкладов и пожалований приводило не только к дальнейшему ослаблению центральной господарской власти, но и к росту экономического могущества, политическому усилению и обособлению молдавской землевладельческой аристократии — крупного боярства.

§ 8. ИММУНИТЕТ

Классики марксизма-ленинизма раскрыли природу иммунитета как атрибута феодальной земельной собственности⁵. Такое понимание иммунитета было чуждо буржуазной историографии.

Один из представителей государственной «школы» (в трактовке вопроса о происхождении крепостничества в Молдавии и Валахии), румынский буржуазный историк Р. Росетти, в своей книге «Земля, селяне и владельцы в Молдавии»⁶ коснулся и иммунитета, посвятив ему около трех страниц. Автор рассматривает иммунитет как результат особых великокняжеских пожалований своим вассалам — светским и духовным. Росетти утверждает, что иммунитетом в Молдавии пользовались не только светская и духовная землевладельческая знать, но и «основная масса мелких чиновников и купцов»⁷, а также трудящиеся массы страны, т. е. все без исключения члены феодально-крепост-

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 3, док. 47.

² Aurel V. Sava, Op. cit., p. 58—59.

³ Uricarul, t. XXIII, p. 188—190.

⁴ По неполным данным, в XVI — первой половине XVII веков молдавскими господарями было произведено свыше 300 подобных дарений и пожалований, зафиксированных в 300 великокняжеских жалованных дарственных грамотах.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 366.

⁶ R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 288—292.

⁷ Там же, стр. 289.

нического общества, независимо от размеров землевладения и имущественного ценза.

Росетти пишет: «Из текстов древнемолдавских актов, кажется, явствует, что когда господарь Молдавии освобождал крестьян того или другого монастырского села от государственных налогов и повинностей, то это великокняжеское пожалование было в их интересах, и они теперь не должны были вносить (подати) монахам ни вместе всем селом, ни в одиночку»¹. Отсюда ясно, заключает Росетти, какое огромное значение приобретал иммунитет для сельских жителей страны; «нет никакой особой необходимости настоятельно доказывать, какую большую ценность представляли иммунитетные права и привилегии, даваемые господарем молдавским сельским жителям»². Автор ошибочно полагает, что молдавские крепостные и зависимые крестьяне, будучи освобождены, полностью или частично, господарем от государственных налогов и повинностей, не исполняли эти повинности в пользу своих господ — землевладельцев.

В 1947 году в Румынской Народной Республике вышло в свет небольшое монографическое исследование В. Костакел, специально посвященное иммунитету в румынских княжествах³.

Костакел собрала довольно большой и интересный фактический материал по данному вопросу и сделала ряд интересных и верных выводов и наблюдений. Однако, несмотря на то, что Костакел значительно продвинула изучение вопроса по сравнению со своими предшественниками, ей все же не удалось избежать в своей работе ряда существенных недостатков. Костакел не раскрыла действительной природы иммунитета как атрибута крупного светского и духовного феодального землевладения, она рассматривает иммунитетные привилегии только как результат особых великокняжеских пожалований церковно-монастырским корпорациям и светским и духовным феодалам. Автор ошибочно считает, что иммунитет был заимствован в Дунайских княжествах из других соседних стран.

¹ Р. Росетти, указ. соч., стр. 291.

² Там же.

³ V. Costachel, Les immunités dans les Principautés roumaines. București, 1947.

Несколько страниц иммунитету как атрибуту феодальной земельной собственности, представляющему собой форму внеэкономического принуждения, организации господства и подчинения в молдавской деревне, посвящено в монографии «Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века»¹.

Этому же вопросу уделено полторы страницы в обобщающем коллективном труде «История Молдавии»².

Один из авторов этого труда Е. М. Руссев совершенно правильно отмечает, что процессу юридического оформления феодально-крепостнических отношений в Молдавии значительно способствовала все более распространявшаяся система иммунитета. Попавшие в феодальную зависимость путем внеэкономического принуждения или экономического закабаления непосредственные производители материальных и культурных благ молдавской деревни подвергались эксплуатации на основе феодальной земельной ренты, находившей юридическое оформление в жалованных, дарственных несудимых, льготных и подтвердительных господарских грамотах³.

Молдавская высшая светская землевладельческая аристократия и духовная феодальная знать, достигнув экономического могущества и политической самостоятельности, добивалась получения от верховных правителей страны — господарей — ряда привилегий. Согласно господарским грамотам все крепостное и зависимое население феодальных владений освобождалось, полностью или частично, от государственных налогов, податей и повинностей. Тем самым увеличивались доходы феодалов. Представителям центральной господарской власти и господарским чиновникам на местах запрещалось вмешиваться во внутреннюю жизнь принадлежавших светскому или духовному землевладельцу — грамотчику-иммунисту вотчин, производить суд и расправу над его крестьянами, взимать с них различные поборы и т. д. Следовательно, феодал являлся не только земельным собственником, но и государем в пределах своих имений.

¹ См. Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950, стр. 66—71.

² «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 105—106.

³ Там же, стр. 183.

Молдавские феодалы пользовались правом судить население своих вотчин даже «за великое дело», т. е. за уголовные преступления, разбор которых, вообще говоря, входил в компетенцию господарского суда как высшей судебной инстанции. Следовательно, к Молдавии вполне относится замечание Энгельса о том, что «помещик сделался не только начальником полиции, но и единственным судьей над своими крестьянами — даже в собственном деле, так что крестьянин мог жаловаться на помещика только самому же помещику. Таким образом, в лице одного помещика сосредоточена была законодательная, судебная и исполнительная власть, и в своем поместье он был совершенно неограниченным властелином»¹.

Добившись от господарей жалованных, несудимых, тарханских (льготных), данных (дарственных) и других грамот, подтверждавших их право на сбор в свою пользу государственных налогов и на производство суда над подвластным им крепостным и зависимым населением, а следовательно, и на взимание с него судебных штрафов и пошлин, феодалы пользовались, таким образом, двумя крупными статьями дохода.

Дошедшие до нас жалованные, дарственные, несудимые, льготные и подтвердительные грамоты, выданные из молдавской государственной канцелярии на имя отдельных светских и духовных феодалов, являются источником для изучения истории иммунитета.

Латинское слово «*immunitas*», «*immunis*», от которого ведет свое происхождение молдавское и румынское слово «имунитате», — означает в переводе на русский язык: 1) невосприимчивость; 2) неприкосновенность; изъятие из-под действия некоторых законов лиц, занимающих особое положение в государстве; 3) свобода, освобождение от тех или иных обязанностей или налогов.

В эпоху господства феодально-крепостнических производственных отношений комплекс феодальных прав и фискальных привилегий, среди которых важнейшими были право землевладельца судить подвластное ему трудовое население и собирать с него в свою пользу налоги, и составлял иммунитет.

От второй половины XV столетия сохранились 30

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 243.

иммунитетных грамот¹, из которых 4 являются повторными, 6 грамот фиксируют полный иммунитет. Такие грамоты обычно назывались «великими тарханствами и великими слобозиями»², т. е. актами, предоставляющими населению феодальных имений «великую льготу», «полное освобождение» от государственных податей или подсудности господарским слугам. 5 грамот, содержащих полные иммунитетные привилегии, были выданы господарем Молдавии Стефаном III наиболее древним и крупным духовным корпорациям: Романской³ и Радовицкой⁴ епископским кафедрам, Бистрицкому⁵, Путнянскому⁶ и Побратскому⁷ монастырям. Остальные 20 грамот с неполным иммунитетом («малых тарханств») были оформлены от имени молдавского господаря на владения других церковно-монастырских корпораций. Одна грамота с полным иммунитетом касается владений самого господаря и его наследников⁸.

Что касается жалованных, льготных и подтвердительных иммунитетных грамот XVI и первой половины XVII веков, то они дошли до нас в количестве 807 актов (в том числе учтены и повторные). Из них 380 выданы молдавскими господарями монастырям⁹, почти

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 3, 3—4, 8—9, 10—11, 14—15, 16—17, 29, 30—31, 37—38, 95—96, 105—106, 143—144, 158—159, 166—167, 173—174, 199—200, 230—231, 235—236, 256—257, 333—335, 342—343, 406—409, 419, 421; t. II, p. 142—143, 182, 209—211, 214—217, 233—235.

² Там же, т. I, стр. 95.

³ Там же, стр. 10—11, 95—96.

⁴ Там же, стр. 406—409.

⁵ Там же, стр. 3—5, 14, 30—31.

⁶ Там же, стр. 419—421; т. II, стр. 209—211, 214—217.

⁷ Там же, т. I, стр. 29.

⁸ Там же, стр. 476—485.

⁹ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 2, 28—30, 44, 100—102, 165—166, 170—172, 189—190, 192—194, 384—385, 391, 401—403, 407—408, 458—460, 481, 491, 498—500, 583; t. II (1551—1570), p. 53—54, 94—95, 124, 153, 177—178, 181, 209, 226—227; t. III (1571—1590), p. 6, 66, 67—68, 74, 166, 195, 268—269, 270—271, 373—374, 385—386, 424, 447—448, 449, 455, 463—464; t. IV (1591—1600), p. 3, 14, 28, 42—43, 43—44, 44—45, 55, 56, 59, 62, 84, 102—103, 113, 113—114, 120, 121, 124, 124—125, 125, 126, 127—128, 131, 133, 135—136, 136, 141, 143, 144, 145, 149, 150—151, 154—155, 179—180, 235—236, 263, 276—277, 277—278, 289, 290, 299, 299—300, 301—302, 302; t. I (1601—1605), p. 20, 31, 38—39, 47—48, 71, 77, 112, 169, 124—125, 125, 171, 190—191, 191, 191—192, 193, 244—245, 248; t. II (1606—1610),

столько же грамот (378) господари пожаловали боярам¹,

р. 8—9, 30—31, 43—44, 53—54, 58, 60, 70—71, 74, 85, 97, 106, 123, 129—130, 131, 133—134, 134, 134—135, 139, 140, 141, 144—145, 145, 148, 152—153, 153—154, 156, 158, 161, 162, 165, 170, 173, 180, 205, 232, 240—241, 281, 305; т. III (1611—1615), р. 46, 46—48, 47, 47—48, 48, 55, 56—57, 57—58, 59, 60, 61, 64, 67, 67—68, 68, 72, 73, 75, 77, 78—79, 84, 86, 86—87, 90—91, 91—92, 92, 94, 97, 99, 109—110, 125—126, 131—132, 133—134, 134, 135, 139—140, 140, 149, 153—154, 154, 155—156, 160—161, 170—171, 185, 186, 186—187, 211, 222—223; т. IV (1616—1620), р. 1, 2, 4, 5—6, 6, 8—9, 17, 17—18, 19—20, 20, 21—22, 22, 22—23, 23—24, 24—25, 28, 29—30, 32—33, 33, 40, 43, 65, 71—72, 77—78, 80—81, 82, 87, 96—97, 99, 100—101, 102, 108—109, 110—111, 153, 154, 155, 169—170, 172—173, 173—174, 184—185, 185, 186, 193—194, 207—208, 210, 215, 227, 228—229, 295—296, 296—297, 297—298, 298, 299, 305—306, 310—311, 321—322, 323, 324, 325—326, 327; 328—329, 331—332, 332—333, 333—334, 334, 338—339, 341, 343, 347—348, 348—349, 375, 381—382, 385, 399—400, 401—402, 405, 424, 435, 464, 465, 479, 484, 489, 489—490, 491, 500, 500—501, 501, 502, 503, 505—506, 508, 508—509, 509—510, 511; т. V (1621—1625), р. 2, 4, 38, 39, 40, 43, 43—44, 44—45, 45—46, 47—48, 57, 58, 68, 69—70, 75—76, 76, 77, 78, 81, 87, 88, 89—90, 90—91, 91, 92, 94, 95—96, 98—99, 99, 99—100, 100, 101—102, 110—112, 118, 119—120, 123, 123—124, 128—129, 158, 159, 163—164, 164—165, 172, 197, 199, 227, 230, 235—236, 243, 244, 244—246, 246, 247, 248, 249, 257—258, 258, 260, 261, 306—307, 308—309, 312, 313, 314—315, 317—318, 318—319, 349, 358; M. Costăchescu, Documente moldovenești dela Ștefăniță Voevod (1517—1527), Iași, 1943, р. 311; T. V. Ștefanelli, Documente din vechiul ocol al Câmpulungului moldovenesc, București, 1915, р. 435—436; Surete și izvoade, т. II, р. 254, 364—367; т. XIX, р. 182; т. XX, р. 190—191; т. XXI, р. 155—159; т. XXIV, р. 190; Ispisoace și zapise, т. I, par. 2, р. 143; C. A. Solomon și C. A. Stoide, Documente tecucene, т. II (sec. XVI—XIX), Bârlad, 1939, р. 11—12; T. Balan, Documente bucovinene, т. I, Cernăuți, 1933, р. 241—242; ЦГА МССР, ф. 220, оп. 5, док. 1; оп. 1, док. 11; Н. Н. Мурзакевич, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. V, Одесса, 1863, стр. 840—841; «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175.

¹ Documente privind istoria României, т. I (1501—1550), р. 150—151, 366—367, 404; т. II (1551—1570), р. 35—36; т. III (1571—1590), р. 94, 232, 288; т. IV (1591—1600), р. 153—154; т. I (1601—1605), р. 39, 87, 125, 249; т. II (1606—1610), р. 76, 123, 142, 155, 156, 259, 285; т. III (1611—1615), р. 58—59, 226; т. IV (1616—1620), р. 7—8, 16—17, 18—19, 26, 38, 51—52, 56—57, 73—74, 113—114, 130—131, 144—146, 187—188, 192—193, 257—258, 273—274, 290, 307, 309—310, 314—315, 346—347, 373, 398—399, 402—403, 410, 471, 480—481, 483, 491; т. V (1621—1625), р. 77, 80, 84, 103—104, 160—161, 287, 333, 359; Surete și izvoade, т. II, р. 57, 256; т. IV, р. 54—55; т. VII, р. 93; т. XIX, р. 191; т. XX, р. 53; т. XXI, р. 224; т. XXII, р. 117—118; т. XXIV, р. 130—131; т. XXV, р. 7; Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, р. 18, 32—33; Ispisoace și zapise, т. I, par. 2, р. 95, 98—99, 99—100; Uricarul, т. XXIII, р. 85; N. Iorga, Studii și documente, т. V, par. 1, р. 219—220.

25 — Романской¹, Хушьской², и Радовицкой³ епископским кафедрам, 10 дворянам⁴, 4 — попам⁵, 2 — митрополиту⁶, 2 — епископу города Романа⁷, 2 — ясскому (столичному) духовенству⁸, 2 — дьяку⁹, 1 — дьякону¹⁰ и 1 — хынсару¹¹.

Из известных в настоящее время 807 жалованных, льготных и подтверждающих иммунитетных грамот XVI — первой половины XVII веков 405 фиксируют права отдельных светских и духовных феодалов и церковно-монастырских учреждений на владение своими землями с тем, чтобы никто из господарских слуг и других лиц не вмешивался в дела землевладельца — грамотчика-иммуниста.

275 кратких господарских жалованных грамот касаются податного иммунитета и предоставляют светским и духовным феодалам и церковно-монастырским организациям право собирать в свою пользу с подвластных им крестьян налоги и поборы, причитавшиеся с последних государству. 92 жалованные иммунитетные грамоты, оформленные от имени господарей, закрепляют за феодалами и духовными учреждениями права владения землей, заповедными лесами, сенокосами, озерами и прудами, мельницами и псеками, крепостными и зависимыми крестьянами и холопами, торговыми предприятиями, иногда разрешают землевладельцам вести беспшлинную торговлю, взимать в свою пользу государственные пошлины и т. д. 35 грамот, содержащих полные

¹ Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), p. 291; t. III (1611—1615), p. 99—100, 138, 145; t. IV (1616—1620), p. 18, 75, 78, 319, 326; t. V (1621—1625), p. 294.

² Ibidem, t. IV (1616—1620), p. 281, 318, 320—321, 321, 335—336, 502; t. V (1621—1625), p. 5, 44, 50, 72.

³ Ibidem, t. I (1601—1605), p. 249; t. II (1606—1610), p. 188—189.

⁴ Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 170—171; t. II (1606—1610), p. 74; t. III (1611—1615), p. 65; Uricarul, t. XVIII, p. 427—428.

⁵ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 278—279; t. IV (1616—1620), p. 27, 285; ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 83.

⁶ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 129—131, 190—192.

⁷ Ibidem, t. V (1621—1625), p. 86, 217.

⁸ Ibidem, t. IV (1616—1620), p. 94—95, 340.

⁹ Ispisoace și zapise, t. I, par. 2, p. 231—232, 232—233.

¹⁰ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), p. 27.

¹¹ Ibidem, p. 199.

иммунитетные привилегии, были выданы молдавскими господарями наиболее крупным феодалам-землевладельцам и духовным корпорациям.

Приведем некоторые типичные образцы иммунитетных грамот XVI — первой половины XVII веков. «...Да оутврьдим и оукрепим наш святыи монастыр, що на Путнои,—гласит данная подтвердительная грамота от 17 ноября 1502 года, — иде же ест храм оуспению пресвятен богородици, и где ест егумен архимандрит молебник нашъ кир Спиридон, и оучинили есмо, съ благословениемъ отцевъ и богомольцев наших, митрополита Соцавского кир Георгия, и епискупа Долнен митрополии от Романова тръга кир Феоктиста, и епискупа Радовского кир Иоаникия, и дали есми вышереченному монастырю оусн... того монастыра села, везде по въсей нашей земли, що колико тот святыи монастырь имаеть и що будут ся ему и от сели на пред придавати, оуси да слухают вышереченного монастыра и з данею и съ оусим приходом...»¹

Интерес этой грамоты заключается в том, что она предоставляет монастырю иммунитет в пределах всех его земельных владений (по всей территории Молдавии) — как тех, которые ему принадлежали, так и тех, которые будут приобретены в дальнейшем.

В дарственной подтвердительной господарской грамоте от 17 января 1522 года монастырю Путна, помимо сведений о том, что последний пользовался податным и судебным иммунитетом, содержатся также указания, что монастырь имел право беспошлинной рыбной ловли, торговли и провоза красной рыбы (что, вообще говоря, являлось монополией господаря). «...Дали и потврьдили есмы тому святому нашему монастырю от Путнои,—говорится от имени господаря Молдавии,—абы... ходили по рибу то три мажи (т. е. воза.—Ф. Г.) по дващи (дважды.—Ф. Г.) на годину (в год.—Ф. Г.): три мажи оу осень или до Дуная или до Озерахъ или до Нистра, или боудъ где они будоуть их послати, а то ихъ мажи да ходять и да приходять съ рибою слободно и доброволно, и безъ забаве и безъ пагоубе; и мыто да не имають платити нигде оу нашей земли: ни

¹ И. Богдан, указ. соч., т. II, стр. 209—210.

великое мыто Сучавское, ни польское, ни малое мыто нигде оу нашей земли, ни цину за грошъ...»¹

Конечно, не каждый светский или духовный феодал, и не всякая церковно-монастырская корпорация обладали такими обширными иммунитетными правами и фискальными привилегиями, как Романская или Радовицкая епископские кафедры, не говоря уже о Сучавской митрополии. Однако известные прерогативы принадлежали и более мелким землевладельцам — господарским слугам.

Один из таких слуг Шептилич, судя по жалованной грамоте от 3 января 1558 года, пользовался фискальными привилегиями и ограждался господарем от попыток со стороны господарских слуг и других феодалов отнять его земли и крестьян. «Петръ воевода божей милостью господарь земли Молдавской,— гласит указанная грамота,— дали есми сест лист господства ми слуге нашему Шепгилич, на то он да ест слободно и у доброю волю... кет (сколько.— Ф. Г.) людей приставилось от того стран: или серби или грич (т. е. греки.— Ф. Г.) у село у кирници (колодец.— Ф. Г.), у Коплена, що дадох господство ми една селища за мест пустинии, да имае от нас слобозию не робити нам не едно... работ, не илиш платити, не дань давати.., про то ж никто от наших слуг да не смеет их валовати за ничто пред сим листом нашим...»² Из разбираемого документа видно, что Шептилич получил от господаря село с правом призывать туда жителей из разных стран, причем они освобождались от дани и других государственных повинностей. Господарским слугам было запрещено нарушать эту грамоту.

«...Еремия Могила воевода,— читаем в жалованной льготной господарской грамоте от 3 октября 1605 года,— дал есми сест лист господства ми слуги нашему Тоадер Къпотич, на то он ест моцен и силен сим листом господства ми *дъръжати и никому не дати своих суседи* (курсив наш.— Ф. Г.) от село Холовчинци, елико *сусиди* тамо суть, и хоте и кто придет съ лист господства ми увезатися у село, еще да не имае дати никому, покова придет за лице пред господства ми. Про то ж

¹ ГИМ (Собрание Уварова, древнемолдавские грамоты), карт. 41/23.

² Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 175.

никто да не смеет валовати пред сим листом господства ми...»¹ Смысл «пожалования» Иеремея Могилой заключается в том, что Федор Кэпотич имеет право никому не уступать свою землю и своих крестьян, даже тем, кто станет их требовать на основании господарской грамоты. Если будет спор о земле и крестьянах Ф. Кэпотича, этот спор должен разрешить лично господарь.

В другой грамоте тому же феодалу, выданной господарем Константином Могилой 25 мая 1607 года, говорится: «...дал есми сест лист господства ми слуге нашему Тоадеру Кэпотичу,— на то, он да ест *моцен и силен* (курсив наш.— Ф. Г.) съ сим листом господства ми *держати* и опирати част Хьсенес и част Драг от село Холочинци..., никто да не смеет опирати и тажко и част Мърькуцен, хоте и кто сътвори и лист господства ми, еще да не смеет опирати *суседи* (курсив наш.— Ф. Г.) въси, колице суть в село, а ни млин; аще кому мнит кривда, а он да соби питает лицом пред господства ми; а слуга наш Тоадер да *имает работати съ суседи* (курсив наш.— Ф. Г.) ...Про то ж никто да не имае опирати али заборонити пред сим листом...»² Кроме утверждения права собственности Федора Кэпотича на отдельные конкретные земельные владения, грамота содержит другие важные статьи: о принадлежности Кэпотичу живущих в этих владениях крестьян; о том, что все земельные тяжбы, которые возникнут у Кэпотича, должны разбираться господарем, что никто не смеет нарушать данные ему привилегии³.

Таким образом, центральная господарская власть стремилась закрепить за отдельными феодальными хозяйствами принадлежавшие им земли и несвободных крестьян в качестве рабочей силы, защищала землевладельцев от натиска более сильных феодалов, посягавших на их земли и их крестьян, а также способствовала юридическому оформлению отношений господства и подчинения и усилению внеэкономического принуждения в молдавской деревне.

Молдавские куртяне-дворяне, стоявшие на самой нижней ступени феодально-иерархической лестницы,

¹ Surete și izvoade, t. IX, p. 72—73.

² Ibidem, p. 77.

³ Ibidem.

пользовались незначительными иммунитетными правами. Они лишь получали защиту со стороны великокняжеской власти от возможных выступлений крестьян и в отдельных случаях освобождались верховным правителем страны от «куртенства», т. е. от государственных налогов, податей и повинностей, падающих на дворянство.

«...Семеон Могила воевода, господарь земли Молдавской,— сообщает исторический источник начала XVII столетия, — оже господства ми промилостивихсе и простих... от *куртенство* (курсив наш.— Ф. Г.) на слуга наш Тоадерови от Тодерен из волост Хрьлове, за неж... покова будет он жив, а он имаает от господства ми слобозию не робит нам жадною наш работ работати, ни оу войско ходит, ни дань дати, ни илтиш платити, ни аспры, а ни сулджиу, а ни горщину за свини, ни десетину за пчел, а ни нини ангериях...»¹

Подводя итоги, мы можем сказать, что собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного крестьянина — была экономической основой политической силы и самостоятельности крупных феодалов-крепостников, обладавших правами иммунитета. Иммунитет являлся юридическим выражением феодальной земельной ренты и одним из важных средств получения землевладельцем прибавочного продукта от непосредственных производителей материальных благ феодального общества. Феодальная собственность на землю сочеталась с политическими правами в отношении зависимого от землевладельца населения.

Молдавские господа, утверждая иммунитетные права и фискальные привилегии высшей землевладельческой светской аристократии и духовной феодальной знати, укрепляли и без того экономически сильные и политически обособленные феодальные вотчины. Следствием судебного и податного иммунитета было также исключение феодального владения из общей административной системы и превращение его в еще более самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой экономической и политической связи с остальным миром.

¹ Uricarul, t. XVIII, p. 427—428.

Великие бояре, митрополит, архиепископы, епископы и игумены являлись своеобразными маленькими господами на территории, на которую простирался иммунитет, пользовались почти всеми prerogativami верховного правителя страны: чинили суд над своими крепостными и зависимыми крестьянами и выносили по своему усмотрению приговоры, собирали в свою пользу государственные налоги и подати, судебные штрафы, торговые пошлины и т. д.

Поскольку феодальная земельная собственность носила сословно-иерархический характер, содержание и объем феодальных прав и иммунитетных привилегий были очень разнообразны. В Молдавии, так же как и в Северо-восточной Руси, «степень полноты иммунитета зависела от положения землевладельцев в системе феодальной иерархии и в связи с этим от степени потребности тех или иных групп класса феодалов в защите их княжеской властью от антифеодальных выступлений со стороны своих крестьян, а также и от попыток других, более крупных феодалов, отнять их земли и право на ренту»¹.

О том, что объем иммунитетных привилегий не был одинаков, что подтверждаемые господарем права феодалов соразмерялись с их имущественным положением, что степень полноты иммунитета зависела от положения землевладельцев в системе феодальной иерархии, свидетельствуют приведенные выше указания жалованных, несудимых, тарханных (льготных), данных (дарственных) и подтвердительных великокняжеских грамот.

Иммунитет имел классовое содержание. Основная масса крепостного и зависимого крестьянства, которая работала на землях феодалов-крепостников, получив от них наделы земли, находилась в подчинении у своих владельцев. Последние осуществляли господство над непосредственными производителями материальных и культурных благ методами внеэкономического принуждения.

Бояре,— писал идеолог и защитник феодально-крепостнического строя князь Дмитрий Кантемир,— «порученные им дела разбирают в домах своих и делают

¹ Очерки истории СССР, часть II (XIV—XV вв.), М., 1953, стр. 58.

приговоры...»¹ Если же крепостной или зависимый молдавский крестьянин-истец попытается обжаловать решение вотчинного суда или неправильные действия своего господина перед господарским судом, как высшей судебной инстанцией, то его «наказывают за презрение баронского (т. е. боярского. — Ф. Г.) приговора *палками* (курсив наш. — Ф. Г.), и потом по благоизобретению князя определяется ему еще пеня (штраф. — Ф. Г.) за презрение повеления начальства; должен он также убытки своего соперника заплатить вдвое»².

Конечно, после такой судебной процедуры не каждый крепостной или зависимый крестьянин-истец решался обращаться в верховный господарский суд с жалобой на решение вотчинного суда или неправильные действия своего господина.

В то время когда в ряде европейских стран, в связи с усилением королевской или царской власти и складыванием централизованных государств, иммунитетные привилегии земельных собственников были сужены, в Молдавии XVI—XVII веков иммунитет еще имел большое значение. Это обстоятельство пагубно отражалось на производительных силах страны, фактически переживавшей феодальную раздробленность.

¹ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 256.

² Там же, стр. 257.

Глава третья

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ МОЛДАВСКОЙ ДЕРЕВНИ

§ 1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА В ИСТОРИОГРАФИИ

Одним из первых авторов, который попытался показать социальный состав молдавского феодально-крепостнического общества XIV — начала XVIII веков, был известный историк и философ Дмитрий Кантемир — выдающийся ученый своего времени и видный представитель и деятель феодальной культуры Молдавии.

В своем энциклопедическом труде «Описание Молдавии» Д. Кантемир две главы (VI и XV) посвятил специально молдавскому «баронству» и «шляхетству». Автор говорит о том, что молдавские светские феодалы делились на три «статьи», или ранга: на великих бояр, малых бояр¹ и служилых людей — «куртеней, или дворян»².

«Когда таковым образом число бояр и дворян очень умножилось, — писал Кантемир, — угодно было князьям разделить их на три статьи. В первую помещены бароны, а именно те, кои либо от самих князей употребляемы были в первенствующие государственные должности, или от таковых произошли. Оные имели почти те же чины, каковые в России бояре от прочего нижего дворянства. Во второй статье поставлены придворные, получившие деревни по наследству от предков своих. В третью рыцари, калараши (всадники, конники. — Ф. Г.), которые за пожалованные им от князей по-

¹ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 193.

² Там же, стр. 272.

местья повсегда на свои собственные издержки должны ходить на войну»¹.

Кантемир остановился не только на положении молдавского «баронства» и «шляхетства» трех статей. Он отметил также резешей, «коих лучше назвать вольными поселянами, нежели дворянами»². «Оные... не имели собственных деревень, но несколько оных составляли деревню, и пахали земли либо сами, или наемными своими слугами»³.

По словам Кантемира, бояре «окабалили тех из резешей, которые по бедности отеческого (т. е. отцовского.— *Ф. Г.*) наследства лишены, и несправедливым образом принуждены иго рабства (крепостничества.— *Ф. Г.*) на себя взять»⁴. Автор подчеркивает, что резешин особенно «теряли оные,—земли,—по бедности или в худые времена»⁵.

В XVI главе своего труда Кантемир рассказывает «О прочих обывателях Молдавии». Выяснив этнический состав населения страны, автор пишет: «Настоящие молдавцы, кроме дворян, коих степени мы выше описали, есть мещане и мужики; мещанами называются живущие в городах или местечках, а мужиками или крестьянами, обитающие в деревнях. В местечках,—добавляет автор,—никому не подданы, кроме князю, и ему одному платят подать»⁶.

Основную массу населения страны, по словам Кантемира, составляли «мужики, или крестьяне, обитавшие в деревнях»⁷. «Мужик», — указывает автор, — «помолдавски вечин (т. е. крепостной. — *Ф. Г.*), или сосед, называется». «Мужики» были первые соседи, которых... к полевым трудам принудили»⁸. Они «в работах господ своих все... беспрекословны; не предписано в том никакой меры, но от воли господина зависит, сколько дней им работать прикажет»⁹. «Они пашут.., сеют.., и жнут...»¹⁰

¹ *Д. Кантемир*, указ. соч., стр. 287—288.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 304.

⁵ Там же, стр. 305.

⁶ Там же, стр. 301—302.

⁷ Там же, стр. 301.

⁸ Там же, стр. 304.

⁹ Там же, стр. 305.

¹⁰ Там же, стр. 307.

Но несмотря на упорный труд «молдавских мужиков», их «можно бы почесть за беднейших людей во всей подсолнечной...»¹ Феодалы-землевладельцы, напротив, не работают, но тем не менее «в изобилиях роскоши воспитаны»². Таким образом, молдавский господарь, идеолог и защитник феодально-крепостнического строя Кантемир вынужден признать, что незначительная часть общества наживает свои богатства за счет подневольного труда крестьянства, лишенного самого необходимого.

Значительное место в своем труде Кантемир отводит молдавскому духовенству. Ему специально посвящены I, II и III главы «Описания Молдавии», в которых автор довольно подробно рассказывает «о духовном правлении» страны, «о монастырях Молдавии», их организации и т. д.

Кантемир, сделав первую в молдавской историографии попытку раскрыть социальную структуру молдавского общества XIV—XVIII веков, главное внимание уделил представителям господствующего класса — светским и духовным феодалам-землевладельцам. История же непосредственных производителей материальных и культурных благ — крестьян, составлявших основную массу молдавского народа, фактически не нашла своего отражения в работе Кантемира. Народ, по существу, выпал из поля зрения автора, и его почти не дополнили в этом отношении и позднейшие молдавские и румынские дворянско-буржуазные историки. Наоборот, последние (за небольшими исключениями) искажали подлинный смысл «статей» Кантемира, разделив господствующий феодальный класс — бояр Молдавии — на несколько «классов». Каждая «статья» (или ранг, боярский «чин», по терминологии Кантемира) была превращена ими в особый класс.

Так, румынский буржуазный историк А. Д. Ксенопол писал: «Бояре, по Кантемиру, делились на три класса»³. Такое деление общества на «классы», прочно внедрившееся в молдавскую и румынскую буржуазную историографию, внесло путаницу в представление о социальных отношениях в Молдавии. Некоторые из

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 307.

² Там же, стр. 8.

³ А. Д. Xenopol, Istoria românilor din Dacia Traiană, t. III, Iași, 1896, p. 147.

последующих буржуазных историков — Н. Йорга, К. Жюреску, Р. Росетти, И. К. Филитти, И. Урсу, Г. Майор, И. Влаху и другие — довели количество этих «классов» до четырех и более.

Жители страны нередко делились историками на классы не по их отношению к орудиям и средствам производства, не по экономическому и правовому положению в обществе, а по этническому признаку. Например, русский дворянский исследователь Ф. Ф. Вигель писал: «Все... жители Бессарабии разделены на следующие классы: 1) духовенство, 2) дворяне, 3) боярынаше, или личные дворяне, 4) мазылы, что соответствовало нашим (русским. — Ф. Г.) однодворцам, 5) рупташи (поповичи), 6) купцы и мещане, которые крепостные люди, и 7) евреи»¹.

Следовательно, у Ф. Ф. Вигеля названо семь «классов», причем евреи выделены им в особый «класс». Конечно, при таком принципе деления общества Вигель и подобные ему авторы могли довести количество «классов» до числа этнических групп, населявших Молдавию.

Ошибочным также является отнесение румынским буржуазным историком Н. Йорга дворянства к крестьянству², смешение И. К. Филитти дворянства (в понимании Д. Кантемира) с боярами; причисление русскими буржуазными исследователями — Д. Д. Суручаном³ и С. М. Гроссманом⁴ — лично свободных крестьян-общинников резешей к дворянам-помещикам («служилым людям»); включение румынскими авторами К. Жюреску⁵ и П. П. Панаитеску⁶ резешей в состав бояр.

«Если мы исключим резешей из состава бояр, — писал К. Жюреску, — считая их свободными крестьяна-

¹ Ф. Ф. Вигель, Замечания на нынешнее состояние Бессарабии, М., 1892, стр. 3.

² N. Iorga, Istoria românilor prin călători, t. I, București, 1928, p. 294.

³ Д. Д. Суручан, Происхождение и первоначальная история резешей и резешеских общин, «Жизнь юга», 1897, № 2, стр. 145.

⁴ С. М. Гроссман, Местные законы Бессарабии, СПб., 1905, стр. 282.

⁵ C. Giurescu, Studii de istorie socială..., București, 1943, p. 227—229.

⁶ P. P. Panaitescu, Mihai Viteazul, București, 1936, p. 87.

ми, то тогда состав боярства совершенно изменится...»¹, «боярское наименование вплоть до XVIII столетия давалось *всем землевладельцам* (курсив везде автора. — Ф. Г.). *Боярский класс*, — продолжает К. Жюреску, — охватывал и включал в себя всех без исключения землевладельцев, независимо от того, являлись ли они крупными или мелкими, богатыми или бедными...»².

Таким образом, дворянско-буржуазные историки, как правило, без всякого основания либо включали лично свободных крестьян-резешей в состав господствующего эксплуататорского класса, в число крупных земельных собственников, либо, наоборот, господствующий эксплуататорский класс феодалов-землевладельцев дробили на значительное количество «классов». Конечно, при таком делении общества эти историки не видели классовых противоречий, антагонизма между классами и классовой борьбы. Напротив, они говорили об общности интересов отдельных классов. Так, Жюреску писал: «*Основой классовой гармонии* (курсив автора. — Ф. Г.) было чувство кровного родства, цементирующее общество»³ и объясняющее полное отсутствие социальных конфликтов и классовой борьбы в истории Дунайских княжеств. Автор, игнорируя общезвестные исторические факты, говорит, что ему совершенно не известны случаи социальных конфликтов в молдавской и валашской феодально-крепостнической деревне⁴.

Вызывает возражение точка зрения П. П. Панаитеску. Он считал, что «происхождение боярства неясно», что «в ранние периоды в Молдавии и Валахии любой землевладелец являлся *боярином* (курсив автора. — Ф. Г.) и только значительно позже из общей массы бояр выделились крупные землевладельцы от более мелких...»⁵

Как известно, образование различных категорий сельского населения является результатом длительного и сложного исторического процесса, который своими корнями уходит в глубь веков. Различные социальные категории крестьян складывались исторически. Основным производящим классом в Молдавии XVI—XVII вв. явля-

¹ К. Жюреску, указ. соч., стр. 229.

² Там же, стр. 277—278.

³ Там же, стр. 258.

⁴ Там же.

⁵ П. П. Панаитеску, указ. соч., стр. 87.

лись земляне-царане, или соседи-вечины (крепостные крестьяне). Они составляли массу молдавского народа, на плечи которого ложилась вся тяжесть социально-экономического и национально-политического гнета.

В русской, молдавской и румынской буржуазной и современной исследовательской литературе, а также в энциклопедиях и энциклопедических словарях, в справочниках, и в учебных пособиях прочно утвердилось неверное мнение о том, что молдавские земляне-царане и соседи-вечины — это две различные категории крестьян. До 1749 года в Молдавии якобы существовало особое сословие крепостных крестьян под названием вечинов, а в 1749 году молдавский господарь Константин Маврокордато в специально изданном законе «торжественно провозгласил», что это сословие «упраздняется» и впредь вечины стали называться сатянами, или царанами, превратившись в сословие юридически свободных людей.

Так, например, Петр Куницкий в своем «Кратком статистическом описании Заднеэстровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бухаресте 1812 года», писал в 1813 году: «Сие имя (т.е. «вечин» — крепостной.— *Ф. Г.*) только недавно вышло из употребления. Теперь же называются царане, т. е. земледельцы»¹.

Русский буржуазный ученый, славист-болгаровед и историк-молдавовед С. Н. Палаузов считал, что «лучшая заслуга, которую признают за К. Маврокордато, это — освобождение крестьян, которых он объявил в зависимости от государства» и «обратил их в чисто-оборочное сословие»².

Буржуазный исследователь А. Артемьев утверждает: «Сначала... поселяне состояли в крепостном отношении к землевладельцам, но с половины прошедшего (XVIII. — *Ф. Г.*) столетия крепостное право на личность молдаван и малороссиян-руснаков было уничтожено и крепостными оставлены были только цыгане, всегда считавшиеся дворовою прислугою... Освобожденные же поселяне,

¹ *Петр Куницкий*, Краткое статистическое описание Заднеэстровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бухаресте 1812 года, СПб., 1813, стр. 13—14, примечание.

² *С. Н. Палаузов*, Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении, СПб., 1859, стр. 142.

получив право личной свободы, вместо прежнего названия «вечиннов», стали называться «царанами»¹.

В основном та же самая мысль проводится и в статье «Царане», помещенной в XXXVII томе «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «*Царане*» (по-молдавски «земледельцы», или «поселяне»), — говорится здесь, — свободные хлебопашцы в Бессарабской губернии. Как видно из постановления молдавского господаря Константина Маврокордато, изданного в 1741 году (должно быть — 1749 г. — Ф. Г.), царане получили настоящее свое название взамен прежнего названия вечиннов...»²

Согласно утверждению автора «Истории Румынии» Н. Борецкого-Бергфельда, так называемая «реформа Константина Маврокордато... имела важное значение, — в истории молдавского крестьянства, — так как она, будучи проведена в пользу... крестьян»³, освободила их «от некоторых тяжелых для них повинностей»; Константином Маврокордато «была объявлена личная свобода молдавских крестьян; их барщина была уменьшена до 12 дней в году вместо 24-х...»⁴ и т. п.

Эти выводы Борецкого-Бергфельда, как увидим далее, не подтверждаются историческими источниками.

В иностранной буржуазной исторической литературе по вопросу об экономическом и правовом положении различных категорий молдавских крестьян господствовала та же точка зрения, что и в русской и в молдавской буржуазной историографии.

Так, например, французский ученый Е. Реньо в своем труде «Политическая и социальная история Дунайских княжеств» писал: «Актом от 5 августа 1746 года было провозглашено упразднение крепостничества в Валахии. А 6 апреля 1749 года генеральная ассамблея Молдавии приняла аналогичное решение»⁵, отменив крепостное право в Молдавии.

¹ А. Артемьев, Списки населенных мест Российской империи. Бессарабская область, СПб., 1861, стр. XXX.

² Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, Энциклопедический словарь, т. XXXVII, СПб., 1903, стр. 798.

³ Н. Борецкий-Бергфельд, История Румынии, СПб., 1909, стр. 145.

⁴ Там же, стр. 147.

⁵ E. Regnault, Histoire politique et sociale des Principautés danubiennes, Paris. 1855, p. 298.

Румынский революционный демократ Н. Бэлческу неправильно считал так называемую «реформу» 1749 года молдавского господаря К. Маврокордато «подлинно революционным актом... опередившим на полвека французскую революцию 1789 г.»¹. Не обоснованными являются утверждения автора, что до 1749 года «вечины, являвшиеся рабами, были освобождены от всех налогов, поборов и повинностей»², что «с освобождением класса вечинов, последние влились в класс свободных людей, образовав вместе с ними один класс — царан»³, что в 1749 году в Молдавии образовалась «новая категория людей, известная в стране под именем *скутельников и послушников*»⁴ (курсив автора. — Ф. Г.).

Не соответствует исторической действительности утверждение Бэлческу, так же как и других авторов, что «Органический регламент» 1832 года «был призван отменить и упразднить»⁵ те порядки, которые были введены в Молдавии в результате реформы Константина Маврокордато, «и произвести полнейший обратный переворот»⁶, восстановив крепостнические отношения «во всех областях политической, финансовой и социальной жизни страны»⁷. Проведя эту контрреформу, по словам Бэлческу, «законодатели обосновали и юридически оформили крепостничество, — в Валахии и Молдавии, — которое исчезло во всей Европе»⁸.

Противоречивое решение вопроса о крепостнических отношениях в Молдавии дал М. Когэлничану.

«Вот, господа, что нахожу я в указе господаря Молдавии Иоана Стурдзы и в законе молдавских бояр членов Дивана (боярской рады, совета. — Ф. Г.) Молда-

¹ Цит. по кн. Н. Попеску-Доряну, Революция 1848 года в Румынии и Николай Бэлческу, М., 1950, стр. 49; N. Bălcescu, Opere, București, 1952, p. 71.

² N. Bălcescu, Serieri istorice, Ed. III, Craiova, f. a., p. 167.

³ Там же, стр. 166.

⁴ N. Bălcescu, Opere, București, 1952, p. 71.

⁵ N. Bălcescu, Reforma socială la români, Opere, București, 1952, p. 77.

⁶ N. Bălcescu, Question économique des Principautés danubiennes, Opere, t. I, part. 2, București, 1940, p. 26.

⁷ N. Bălcescu, Reforma socială la români, Opere, București, 1952, p. 77.

⁸ Там же, стр. 99.

вии от 10 апреля 1827 года», — говорил с парламентской трибуны Когэлничану 25 мая 1862 года, цитируя соответствующий законодательный акт:

«Население, живущее на землях бояр или других лиц, не имеет права перехода без согласия и разрешения своего *хозяина-землевладельца* (курсив автора. — Ф. Г.); беглецы, которые попытаются бежать от своих господ без их ведома и разрешения, должны быть возвращены обратно на свои прежние места и подвергнуты наказанию».

«Этот акт, — продолжал Когэлничану, — никто не может оспаривать, никто не может отрицать его существование, ибо его оригинал находится и хранится в архиве Молдавии, а двое из его исследователей сидят здесь в зале заседания: уважаемые господа Петр Росет и Стефан Катаржиу».

Сопоставив указ Иоана Стурдзы с текстами «Уложений» господарей Молдавии Василия Лупу (1646 года) и Валахии Матвея Бассараба (1652 года), Когэлничану приходит к выводу о том, что со времени юридического оформления крепостнических отношений в XVII веке и до 30-х годов XIX века молдавские крестьяне были несвободными людьми.

«Нет, господа, — доказывал Когэлничану своим оппонентам, членам и сторонникам консервативной партии, — наши крестьяне-царане продолжали быть прикрепленными к своему селу-вотчине, к земле; они продолжали оставаться «*glebae adscripti*» (прикрепленными к земле. — Ф. Г.) вплоть до 1832 года. *Органический регламент* впервые дал крестьянам относительную свободу, предоставив им право перехода...»¹

Эти совершенно справедливые и вполне аргументированные выводы Когэлничану опровергают не содержащие аргументации его же собственные утверждения о том, что якобы: «господарь Константин Маврокордато в 1749 году положил замечательное начало реформам в пользу *вечинов* (курсив автора. — Ф. Г.), которые составляли значительную часть сельского населения страны. Вечины, доведенные до положения, приближавшегося

¹ М. Kogălniceanu, Scrieri și discursuri, Ed. III, Craiova, f. a., p. 259.

к рабству, в достопамятном 1749 году были приравнены в правах к прикрепленным к земле царанам...»¹

В противоречии с тем, что было сказано и превосходно доказано Когэлничану относительно господства юридически оформленных крепостнических отношений в Дунайских княжествах в XVII — начале XIX веков, находится также утверждение автора о том, что якобы «крестьяне у нас являются свободными людьми еще с 1746 и 1749 годов, т. е. с тех пор, когда де-юре было упразднено *крепостничество* (курсив автора. — Ф. Г.) в Валахии и Молдавии»².

Фактические данные, имеющиеся в распоряжении исследователей, со всей очевидностью показывают, что в 1746 и 1749 годах крепостное право не было отменено *ни де-юре, ни де-факто*.

Ведь сам же автор подчеркивал, что подобное утверждение является «большой ошибкой и величайшим заблуждением»³, так как крепостные крестьяне и в дальнейшем «не имели права перехода без разрешения своего господина-землевладельца» и, в случае бегства, подлежали немедленному возврату «своим прежним владельцам с любого места и в любое время, притом подвергаясь наказанию; иными словами, крестьяне продолжали оставаться прикрепленными к земле, *glebae adscripti*, и после упразднения крепостничества»⁴.

По словам Когэлничану, его «эрудированный коллега и лучший друг, ученый Александр Пападопул Калимах, описал два дня из истории прошлого (XVIII. — Ф. Г.) столетия, которые, в темном царстве тирании и жестокостей, сияют как две единственные звезды на мрачном небе, как две единственные светлые точки, — это 5 августа 1746 и 6 апреля 1749 годов — когда в Бухаресте и в Яссах, в дни правления одного господаря-фанариота, Земские соборы упразднили *крепостничество*»⁵ (курсив автора. — Ф. Г.). Действительно, Александру Пападопулу Калимаху принадлежит специальная журнальная статья, озаглавленная «Освобождение крестьян в

¹ М. Когэлничану, указ. соч., стр. 242.

² Там же, стр. 258.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 258.

⁵ Там же, стр. 172.

Молдавии»¹. Однако, как это будет показано ниже, Пападопул Калимах, так же как и его предшественники и последователи, неправильно интерпретировал исторический источник и вследствие этого сделал неверный вывод о якобы проведенной Константином Маврокордато реформе. Однако у Калимаха были и отдельные правильные мысли, о которых мы скажем ниже.

Традиционный взгляд на реформу Константина Маврокордато повторяется и в ряде других трудов. По словам автора многотомной «Истории Румынии» А. Д. Ксенопола, Константин Маврокордато, упразднив в 1749 году в Молдавии крепостничество и «освободив вечинов» от крепостной зависимости, объявил их свободными царанами и тем самым ликвидировал и само название «вечин»².

Другой видный румынский буржуазный историк, Н. Йорга, писал в 1938 году в VII томе своего труда «История Румынии»: «Выдающимся событием в княжение (Константина Маврокордато. — Ф. Г.) было торжественное провозглашение освобождения крестьян»³ от крепостной зависимости. «В 1749 году, — отмечает Йорга, — боярство и духовенство торжественно провозгласили о своем решении упразднить крепостничество в Молдавии. Исчезло само название «вечин», и впредь все сельское земледельческое население страны составило одну группу свободных крестьян—царан...»⁴.

Р. Росетти в своем монографическом труде «Земля, селяне и владельцы в Молдавии» один параграф уделил специально так называемому «освобождению крестьян» в Молдавии в 1749 году. Вызывает недоумение несоответствие заголовка этого параграфа его содержанию. Параграф назван: «Упразднение крепостничества». Из текста же не видно, чтобы в Молдавии в 1749 году действительно произошла «отмена крепостного права». Напротив, Росетти на конкретном материале превосходно опровергает не только неправильность данного им же за-

¹ A. Papadopol Kalimah, Desrobirea țăranilor în Moldova, Convorbiri literare, N 1, anul XXI, București, 1887.

² A. D. Xenopol, Istoria românilor din Dacia Traiană, t. IX, Iași, 1927, p. 86.

³ N. Iorga, Istoria românilor, t. VII, București, 1938, p. 149.

⁴ N. Iorga, Constatări istorice cu privire la viața agrară a românilor, București, 1908, p. 34.

головка соответствующему параграфу, но и созданную представителями буржуазной историографии теорию о так называемой «реформе» Константина Маврокордато.

«На поставленные господарем участникам Земского собора вопросы относительно крепостничества в Молдавии, Земский собор, — пишет Росетти, — через свою анафору от 6 апреля 1749 года, ответил: 1) что вечины являются *не рабами, а крепостными крестьянами* (курсив наш. — Ф. Г.); 2) что они не могут быть ни проданы, ни разделены, ни отданы в приданое — без земли и в одиночку; 3) что они являются безземельными смежными поселянами, живущими на чужой земле и *не имеющими права перехода или выхода из селения* (курсив наш. — Ф. Г.). В анафоре предлагалось, чтобы такое же положение оставалось и впредь без каких-либо изменений; когда будет продаваться имение, чтобы живущие на господской земле крестьяне продавались не отдельно от земли, а вместе с землей; чтобы поселяне работали в господском хозяйстве 24 урочных барщинных дня, а не неограниченное время, как это было ранее; чтобы крепостные крестьяне-вечины поставляли своему господину—земельному собственнику обычную джиму (от латинского слова *decimae*, что означает в переводе на русский язык — «десятина»; оброк. — Ф. Г.) из всего производящегося в крестьянском хозяйстве. Эта анафора, принявшая характер закона, — заключает Росетти, — была подтверждена господарем 1 июня 1749 года»¹.

Таким образом, даже из этой далеко не полной и неточной передачи Росетти исторического источника видно, что в Молдавии в 1749 году никакой аграрной реформы не было проведено.

Необоснованное положение о том, что «упразднение крепостничества, — в 1746 и 1749 годах в Валахии и Молдавии, — было составной частью комплекса мероприятий и реформ Константина Маврокордато, имевших своей целью дать обществу и государству наилучшую организацию...», воспроизводится в трехтомном труде К. К. Жюреску «История Румынии»².

¹ R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 375—376.

² C. C. Giurescu, Istoria românilor, t. III, București, 1944, p. 264.

Румынские буржуазные исследователи П. Негулеску и И. Алексеану, замыкая круг тех представителей дворянско-буржуазной историографии, которые высказались по вопросу об освобождении вечинов в 1749 году, и солидаризируясь с ними, писали в 1944 году в книге «Органические регламенты Валахии и Молдавии»: «Константин Маврокордато своими аграрными реформами, проведенными в Валахии и Молдавии в XVIII столетии, упразднил крепостничество»¹ и освободил румынских и молдавских крестьян от крепостной зависимости.

Рассмотренные историографические традиции по вопросу об истории крепостного права в Молдавии проявились и в современной румынской и советской исторической литературе.

Так, например, Н. Попеску-Доряну, подвергая совершенно справедливой критике ошибочную точку зрения Бэлческу, считавшего так называемую «реформу» господаря Константина Маврокордато «подлинно революционным актом..., опередившим на полвека французскую революцию 1789 г.»², сам убежден в том, что в 1749 году на самом деле была проведена эта реформа³, что при этом речь шла «о ряде мероприятий, направленных на улучшение положения крепостного крестьянства», которые имели бы большое значение, «если бы они были проведены в жизнь»⁴.

Однако автор сам себе противоречит: с одной стороны, он утверждает, что в 1749 году «бояре торжественно провозгласили отмену крепостного права», а с другой стороны, пишет, что тогда, «собственно, и не говорилось о такой отмене»⁵.

По словам молдавского советского историка Н. В. Березняка, «в 1749 году Константин Маврокордато в специально изданном законе торжественно провозгласил, что в Молдавии упраздняется сословие «вечин» (крепостных, лишенных права перехода)... Вечины стали называться сатянами, или царанами (селянами, так как

¹ P. Negulescu și I. Alexeanu, Regulamentele organice ale Valahiei și Moldovei, București, 1944, p. 264—265.

² Н. Попеску-Доряну, Революция 1848 года в Румынии и Николай Бэлческу, М., 1950, стр. 49.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ Там же.

слова «саѣ» и «цара» означают село)»¹. По мнению автора: «это был акт, стиравший грани между различными категориями зависимого крестьянства (вечины, скутельники, обедневшие резеши, зависимые царане), фактически слившихся в один разряд крепостных царан»².

Эти утверждения Н. В. Березнякова опровергаются не только конкретными историческими фактами, но и собственными словами автора, который несколько ниже сам указывает: «Документ 1775 года... говорит, что *вечины* (курсив наш. — Ф. Г.) работали на земле владельцев «столько, сколько последние хотели»³.

Таким образом, отдельные положения концепции автора не согласованы между собой: с одной стороны, он утверждает, что в 1749 году в Молдавии было упразднено сословие крепостных крестьян-вечинов и что вечины впредь стали именоваться царанами, или сатянами, а с другой стороны, — что вечины и после 1749 года продолжали существовать под собственным именем и работать в господском хозяйстве неограниченное законом время.

Нельзя согласиться и с утверждением Березнякова о том, что «Органический регламент» 1832 года «окончательно узаконил крепостнические отношения, сложившиеся в Молдавии и Валахии еще задолго до его издания»⁴; в «Органическом регламенте» «феодально-крепостнические отношения Молдавии и Валахии были юридически оформлены в том виде, как они фактически сложились в этих княжествах ко времени введения в действие регламента»⁵. В дальнейшем будет показано, что не «Органический регламент», возникший в условиях разложения феодального способа производства, окончательно узаконил крепостнический строй в Молдавии, а сделало это «Уложение» 1646 года, в котором, действительно, юридически были оформлены феодально-крепостнические отношения в том виде, как они факти-

¹ Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков, Кишинев, 1950, стр. 141. Ср. «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 279—280.

² «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 280.

³ Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков, Кишинев, 1950, стр. 154.

⁴ Н. В. Березняков, Революционное движение 1848 года в Дунайских княжествах, Кишинев, 1951, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 11.

чески сложились в стране к моменту его издания. «Органический регламент», напротив, впервые после «Уложения» 1646 года предоставил крестьянам право (хотя и очень ограниченное) перехода от одного владельца к другому.

Совершенно правильно отмечает Я. С. Гросул, что «вопрос о происхождении царан, об их правовом и фактическом положении не получил правильного освещения ни в русской дворянско-буржуазной, ни в румынской буржуазной историографии»¹. Однако и сам Я. С. Гросул не дал решения этого вопроса.

Говоря о так называемой «реформе» 1749 года господаря Константина Маврокордато, Гросул пишет: «По букве закона молдавские царане действительно имели право перехода, однако, как будет показано дальше, в силу ряда «оговорок» и «исключений», содержащихся в тех же законах, царане фактически этим правом пользовались очень ограниченно»²; «Отмена крепостной правовой нормы, — продолжает автор, — при сохранении прежних форм феодальной эксплуатации, естественно, носила формальный, декларативный характер. И действительно, если формально была устранена крепостная зависимость крестьян от помещика, то в результате сословной неполноправности и отсутствия земли у царан она фактически осталась в силе...

Отсутствие собственной земли и сословная неполноправность молдавских царан определяли их положение после так называемого «освобождения» в 1749 году»³.

Гросулу можно возразить, что молдавские земляне-царане, или соседи-вечины, уже после «Уложения» 1646 года и вплоть до начала XIX столетия не имели права перехода от одного землевладельца к другому, т. е. они и де-юре, и де-факто являлись крепостными людьми. Никакой «отмены крепостной правовой нормы» и «устранения крепостной зависимости крестьян от помещика» не произошло и в 1749 году. Сословно-неполноправными крестьянами были не земляне-царане, а общинники-резеши, которые являлись лично свободными

¹ Я. С. Гросул, Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.), Кишинев, 1956, стр. 127.

² Там же, стр. 128.

³ Там же, стр. 143—144.

людьми, подчинялись непосредственно государственной власти, несли в ее пользу повинности, налоги, дань и т. д.

В книге Гросула имеются противоречия. «В отличие от крепостных крестьян,— указывает Гросул,— молдавские царане, в соответствии с молдавским законодательством конца XVIII века и законодательством русского правительства первой половины XIX века, номинально считались лично свободными, т. е. имели право перехода»¹. Таким образом, по словам автора, молдавские царане были признаны лично свободными и получили право перехода не с самого начала XVIII века или с 1749 года, как это утверждалось им же несколько выше, а по молдавскому законодательству конца XVIII столетия и по не утвержденному русским правительством проекту постановления об обязанностях царан Бессарабской области 1819 года.

В действительности же бессарабские крестьяне-царане впервые (после «Уложения» 1646 года) получили право перехода от одного землевладельца к другому и относительную личную свободу в первые десятилетия после присоединения Бессарабии к России в 1812 году.

Не может быть принято утверждение Я. С. Гросула о том, что «Органический регламент» 1832 года, с одной стороны: «законодательно закрепил фактически существовавшее крепостное состояние крестьян...»², а с другой стороны: «декларировал, что крестьянам предоставляется право перехода от одного владельца к другому»³. Одно положение несовместимо с другим.

Под влиянием дворянско-буржуазной историографии и без учета показаний исторических источников Д. Е. Шемяков, Н. А. Мохов и С. Э. Левит делают заключение о том, что «во второй половине XVIII века категория крестьян-вечин, как закрепощенного населения, исчезает, и мы уже имеем дело с категорией крестьян, называемых царанами, которые юридически имели право перехода»⁴.

¹ Я. С. Гросул, Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.), Кишинев, 1956, стр. 133. Ср. стр. 129—130.

² «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 407.

³ Там же, стр. 408.

⁴ Д. Шемяков, Н. Мохов, С. Левит, Исследование по истории крестьян Молдавии, «Коммунист Молдавии», 1956, № 9, Кишинев, стр. 71.

Полагаю, что нет никакой необходимости «раскрывать процесс превращения вечин в царан, раскрыть причины, которые толкнули господствующий класс на... реформу»¹ 1749 года, так как ни такого «процесса», ни такой «реформы» в действительности не было.

Категория молдавских частновладельческих крестьян — землян-царан, как будет показано ниже, фигурирует в исторических источниках с 1421 года, а слово «сосед» — «вечин», указывающее на крепостное состояние землян-царан, впервые выступает в документе от 4 апреля 1545 года.

Основному направлению в историографии по вопросу об истории молдавского крестьянства противостоит другое течение, представленное лишь несколькими учеными, которые считали, что крестьяне-царане — это те же вечины, т. е. крепостные, что слово «вечин» — «крепостной» никогда никем официально не упразднялось, а само мало-помалу вышло из употребления в начале XIX столетия. Этой точки зрения придерживаемся и мы, хотя, естественно, подходим к решению данного вопроса с других методологических позиций, чем дворянские и буржуазные историки, которые к тому же для подтверждения своей мысли не приводили никаких исторических источников.

Так, молдавский дворянский историк Дмитрий Кантемир в своем «Описании Молдавии» XIV — начала XVIII веков отмечал: «Имя мужиков... вечин или сосед называется»².

«Во всех грамотах,— писал русский буржуазный исследователь А. И. Зашук,— цыгане называются «холопами», в отличие от царан, которые... были тоже крепостными и назывались «вечинами»³.

Румынский буржуазный археограф и источниковед, издатель «Уложения» 1646 года Г. А. Сион, комментируя отдельные пункты этого памятника, также именовал царан вечинами, отождествляя их, хотя в «Уложении»

¹ Д. Шемяков, Н. Мохов, С. Левит, Исследование по истории крестьян Молдавии, «Коммунист Молдавии», 1956, № 9, Кишинев, стр. 71.

² Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 304.

³ А. И. Зашук, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, СПб., 1862, стр. 175.

слово «вечин» вовсе и не фигурирует, а только подразумевается¹.

Другой румынский буржуазный исследователь А. Пападопул Калимах отмечал, что «в Молдавии «Уложение» господаря Василия Лупу признало крепостное состояние царанина, считавшегося и ранее вечинном»², т. е. крепостным.

Что же касается самого понятия «вечин», то А. И. Защук, так же, как и его предшественник Петр Куницкий³, писал, что «сие имя только недавно (т. е. в начале XIX века. — Ф. Г.) вышло из употребления»⁴, очевидно, в связи с разложением феодально-крепостнической системы.

В дальнейшем исследовании будут аргументированы следующие положения:

1) В 1749 году в Молдавии не было никакой аграрной «реформы», которая упразднила бы крепостное право в стране. Молдавские крестьяне (земляне-царане, или соседи-вечины), будучи юридически и фактически крепостными людьми, прикрепленными к земле и лично зависимыми от светских и духовных феодалов-землевладельцев, продолжали оставаться таковыми и впредь.

2) Соседи-вечины, или земляне-царане, составляя класс непосредственных производителей материальных благ страны, никоим образом не могли «влиться в класс свободных людей» — царан.

3) Земляне-царане, или соседи-вечины, как до 1749 года, так и после указанного года несли различные феодальные повинности как в пользу своих землевладельцев, на землях которых они жили и трудились, так и в пользу Молдавского феодального государства, если только феодал-землевладелец не пользовался иммунитетными правами и привилегиями.

Ряд неясностей имеется в литературе и по вопросу о положении резешей.

¹ «Правила», предисловие.

² А. Papadopol Kalimah, Desrobirea țăranilor în Moldova, Convorbiri literare, N 1, anul XXI, București, 1887, p. 7.

³ П. Куницкий, Краткое статистическое описание Заднепровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бухаресте 1812 года, СПб., 1813, стр. 14, примечание.

⁴ А. И. Защук, указ. соч., стр. 153, примечание.

С. Э. Левит в своей рецензии на сборник статей «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков», дав общую положительную оценку этого труда, а затем отметив его недостатки, совершенно правильно указывал: «В молдавской историографии вопрос об образовании сословия «царан» всегда был неясным... и авторам книги не удалось внести ясности в этот вопрос»¹; «также остается неясным вопрос о происхождении резешей»²; «каждый автор делит крестьян по-своему, без учета того, что сказано у другого автора»³.

Однако нельзя принять мнение С. Э. Левита о том, что крестьяне-общинники резеши «имели ряд привилегий», что «земли, которые они занимали, господарь не мог дарить своим приближенным...»⁴

Нельзя согласиться с Я. С. Гросулом, который, как и его предшественники, полагает, «что свободные крестьяне-резеши находились под некоторой опекой государственной власти», что «господарская власть феодального государства вынуждена была... отстаивать земли и свободу резешей от притязаний бояр и монастырей»⁵.

Нам представляется неверным и утверждение Д. Е. Шемякова, Н. А. Мохова и С. Э. Левита о том, что лично свободные крестьяне-общинники резеши находились в «привилегированном сословном положении»⁶.

Таково в общих чертах состояние вопроса о формировании различных категорий крестьян Молдавии, об их экономическом и правовом положении в XIV—XVIII веках в историографии. Следует отметить, что ни в дворянско-буржуазной (русской и иностранной), ни в советской литературе до сих пор не появилось ни одной монографической работы, посвященной истории молдавского крестьянства указанного времени. Задача создания такой монографии стоит перед советскими исследователями.

¹ С. Э. Левит, Книга по истории Молдавии, ж. «Октябрь», 1950, № 6, Кишинев, стр. 64.

² Там же, стр. 63.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Я. С. Гросул, Крестьяне Бессарабии (1812—1861 гг.), Кишинев, 1956, стр. 173.

⁶ Д. Шемяков, Н. Мохов, С. Левит, Исследование по истории крестьян Молдавии, «Коммунист Молдавии» 1956, № 9, Кишинев, стр. 71—72.

§ 2. ПРОЦЕСС ЗАКРЕПОЩЕНИЯ МОЛДАВСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

В середине прошлого столетия в дворянско-буржуазной исторической и экономической литературе распространялись ошибочные взгляды, что крепостничество якобы возникло в Дунайских княжествах в результате их завоевания и, следовательно, привнесено извне, что барщина выросла из крепостного состояния и носила добровольный полюбовный характер, что она проникла в Дунайские княжества из западноевропейских стран через Венгрию и Польшу и т. д.

Так, например, М. Когэлничану доказывал, что в Дунайских княжествах крепостное право появилось во время так называемого «дескэлекаря», т. е. основания Валахского и Молдавского феодальных государств легендарными выходцами из Марамуреша, которые будто бы, овладев мечом территорией Валахии и Молдавии, покорили и закрепостили, свободное до этого времени, население. Он писал: «Барщина у нас,— в Валахии и Молдавии,— как и везде, является следствием установления феодального строя и феодального права; она была позаимствована Дунайскими княжествами из западноевропейских стран через Венгрию и Польшу. Барщина в Валахии и Молдавии вплоть до Органического регламента 1831—1832 годов была совершенно такой же, как в Западной Европе, и в особенности как во многих провинциях Франции, откуда она была позаимствована Венгрией и Польшей, а оттуда — Дунайскими княжествами...

Спускаясь к истокам барщины, желая выяснить ее происхождение,— продолжает Когэлничану,— мы находим доказательства тому, что барщина носила и носит добровольный характер, является не чем иным, как добровольным трудом сельского населения в пользу своего господина-хозяина (*seigneur, grundherr*), сельского попа или бедных сельских жителей. Такое же значение и смысл имеет в Молдавии до наших дней и слово барщина — *клака*¹. В Молдавии вообще и в уездах на р. Милкове в особенности и до сегодняшнего дня организуются *клаки*, бесплатные работы, в пользу сельского попа, учителя, какой-нибудь вдовы или другого бедного сельского жителя, во время которых за счет хозяина и

¹ Клака — 1) барщина; бесплатный, даровой труд; 2) работа миром. — Ф. Г.

организатора барщинных работ играет музыка, участников клаци угощают стаканами вина, а они работают и веселятся...»¹

Подобной неверной точке зрения, затушевывающей классовый антагонизм в феодальном обществе, было противопоставлено другое, более правильное понимание исторического процесса возникновения феодально-крепостнических отношений, развитое в революционно-демократической литературе. Выдающийся румынский революционный демократ Н. Бэлческу в своих статьях, посвященных положению земледельческого населения в различные времена², экономическим проблемам в Дунайских княжествах³ и социальной реформе в Румынии⁴, утверждал, что «крепостничество являлось прямым следствием барщинной системы...»⁵, «следовательно, феодализм не мог быть введен в Дунайских княжествах двумя господами»⁶ — легендарными основателями Валашского и Молдавского государств. «Михаил Храбрый,— указывает Бэлческу,— был первым господарем, который специальным «Уставом» узаконил (курсив наш. — Ф. Г.) исторически сложившиеся отношения и обычаи в стране и распорядился, чтобы каждый царанин-крестьянин остался бы соседом—крепостным того, на чьей земле он будет застигнут настоящим законом»⁷. «Законы Василия Лупу в Молдавии и Матвея Бассараба в Валахии окончательно узаконили и еще раз подтвердили сложившиеся в Молдавии и Валахии отношения и обычаи...»⁸

Таким образом, согласно концепции Бэлческу, крепостное состояние возникало из барщины и валашский господарь Михаил Храбрый лишь юридически «узаконил» (а «legiuit») уже существовавший в стране феодальный строй, а не ввел (а «introduș») крепостничество в Валахию, как это утверждали сторонники государственной

¹ M. Kogălniceanu, Scrieri și discursuri, Ed. III, Craiova, f. a., p. 226—228.

² N. Bălcescu, Scrieri istorice, Ed. III, Craiova, f. a., p. 158.

³ N. Bălcescu, Opere, t. I, par. 2, p. 10.

⁴ N. Bălcescu, Opere, București, 1952, p. 66.

⁵ N. Bălcescu, Scrieri istorice, Ed. III, Craiova, f. a., p. 158; Opere, t. I, par. 2, p. 10; Opere, București, 1952, p. 66.

⁶ N. Bălcescu, Scrieri istorice, p. 157.

⁷ Там же, стр. 162.

⁸ Там же, стр. 163.

«школы» в исторической науке, ошибочно считая Бэлческу своим предшественником.

Приведенные выше слова Бэлческу не только опровергают взгляды Когэлничану и его сторонников на происхождение крепостничества в Дунайских княжествах, на барщину и ее эволюцию, но и доказывают необоснованность утверждения румынских историков о том, что якобы «Н. Бэлческу был первым историком, который считал, что Михаил Храбрый ввел в Валахии крепостничество»¹. Неверным является и сделанный в свое время нами упрек Бэлческу в том, будто бы он считал феодализм явлением политическим, которое «было введено двумя «принцами» — Михаилом Храбрым в Валахии в Василием Лупу в Молдавии»².

Подлинно научную трактовку вопроса о крепостничестве в Молдавии и Валахии дал К. Маркс. В своем письме Ф. Энгельсу от 30 октября 1856 года он так характеризовал феодально-крепостнические отношения в Дунайских княжествах: «Этот ход развития интересен тем, что тут (в Валахии и Молдавии. — Ф. Г.) можно показать возникновение крепостничества чисто экономическим путем, без промежуточного звена в виде завоевания или антагонизма двух племен»³.

Возвращаясь к этой же мысли более десяти лет спустя, Маркс писал в 1867 году в своем знаменитом труде «Капитал»: «Там, где существовала барщина, она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины. Так было в румынских провинциях»⁴.

Эти слова К. Маркса целиком и полностью подтверждаются актовым материалом, вышедшим из мол-

¹ C. Giurescu, Vechimea rumâniei în Țara Românească și legătura lui Mihai Viteazul (An. Acad. Rom., Ser. II, Mem. Secț. Ist., t. XXXVII), București, 1914—1915, p. 379; A. Papadopol Kalimah, Desrobirea țăranilor în Moldova, Convorbiri literare, N 1, Anul XXI, București, 1887, p. 7; I. N. Angelescu, Histoire économique des roumains, t. I, Paris, 1919, p. 16; G. Maior, Politica agrară la rumâni. Desvoltarea cheștiunei agrare în toate țăările locuite de români din secolul XVII, XVIII și XIX, București, 1906, p. 338.

² См. Ф. А. Грекул, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950, стр. 24.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 161.

⁴ Там же, т. XVII, стр. 260.

давской господарской канцелярии, к рассмотрению которого мы и приступаем.

В предыдущей главе уже было выяснено, что в XVI—XVII веках в Молдавии происходил начавшийся много ранее процесс роста крупного феодального землевладения и закрепощения лично свободного молдавского крестьянства, зависимого непосредственно от Молдавского феодального государства. Было показано также, что развитие феодальной земельной собственности теснейшим образом связано с обращением в крепостную зависимость крестьянства, что это — двуединый социально-экономический процесс, который своими корнями уходит в глубь веков. Пути роста феодальной земельной собственности и закрепощения крестьян-общинников, как мы видели, были разнообразными. Во-первых, происходил захват светской и духовной знатью общинных крестьянских земель и связанных с этими землями повинностей, принадлежавшие крестьянам земельные участки — жребии, бэтрыны — дедины — превращались в наделы, получаемые ими от феодалов на тяжелых кабальных условиях. Во-вторых, имело место экономическое закабаление лично свободных крестьян-общинников резашей и их последующее закрепощение. В-третьих, общинные земли и индивидуальные земельные участки крестьян переходили к светским и духовным феодалам путем их покупки «за свои правии и чистые пинези». Наконец, получили широкое распространение земельные пожалования и дарения господрей своим вассалам — светским и духовным феодалам.

Великокняжеские жалованные, несудимые, льготные, данные и подтвердительные грамоты, вышедшие из молдавской господарской канцелярии, оформлявшие и закреплявшие переход земель с живущими на них крестьянами или без них в руки светской и духовной феодальной знати и подтверждавшие ее иммунитетные права и фискальные привилегии, являются одним из лучших исторических источников для изучения не только процесса роста крупного светского и духовного феодального землевладения за счет господарского земельного фонда, но и путей развития крепостнических отношений в Молдавии.

Так, жалованная несудимая и тарханная великокняжеская грамота от 13 марта 1466 года гласит: «...Оже

тот истини нашъ митрополит кир Тарасие от Романова тръгу даемъ и дали есми сес лист наш оусим его людем от его село от Негоеши, шо соут на Чороном Потоце, а тих люди, варе кто имоут ся селити оу том село, а они да имают от нас великою тарканство и великою слобозию за 5 лет о въсеком наше даание и слоужбе, и да не даст нам ни илишь, ни подводу, ни посадоу, ни жолдъ, а ни на город да не робети, а ни на млини, а ни бочки да не возят, ни сино да не косятъ, а ни иное наше даание или слоужбе да не имае. И такожде ни паркалабове от Немце, а ни старости от тою волости, а ни глобници их, а ни припашаре, а ни ослоухаре, а ни слидогонци, а ни за тадбе, ни за душегоубство, а ни за диукоу волочению, а ни за которою дело, или за великое дело или за малое, никто их да не смеют их соудити, лише сам митрополит или его оурядници...»¹

Из этой грамоты прежде всего видно, что митрополит Тарасий, нуждаясь в рабочих руках, добился от великокняжеской власти определенных привилегий, конечно, для себя, а не для пришлых людей, которые поселятся на его земле и включатся в орбиту феодальных отношений. Надо полагать, что пришлые крестьяне-колоницы села Негоешты, будучи освобождены центральной господарской властью от уплаты налогов и несения повинностей в пользу Молдавского феодального государства и получив от призвавшего их духовного феодала Тарасия на кабальных условиях участки земли, обязаны были вносить оброк своему господину — земельному собственнику — и работать на барщине в господском хозяйстве. В этих условиях о «самостоятельности» крестьянина уже не могло быть и речи. Через некоторое время прихожие феодально-зависимые крестьяне-колоницы или их потомки, становясь старожилами, оказывались в крепостном состоянии: сначала фактически, а затем и юридически.

Жалованная дарственная подтвердительная господарская грамота от 17 апреля 1475 года молдавскому женскому монастырю Хородник свидетельствует о наличии в монастырских владениях барщины и о том, что монастырские крестьяне были закрепощены: «...Оже придоша пред нами и пред нашими бояре, — говорит-

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 95.

ся от имени господаря Стефана III, — калутерици (монахи. — Ф. Г.) от нашего монастыре от Хородника, и оуказали намъ лист от нашего родителе (здесь в смысле деда. — Ф. Г.), от Александра Воевода, що били имали на две селе, *абы робили тому монастирю* (курсив наш. — Ф. Г.)... Ино мы потверждаемъ, с нашим добрим и благим произволениемъ, и чистим и светлим серъдцемъ, тот предречены монастыр от Хородникъ, и даемъ тому монастирю сес лист нашъ на то, ...2 села: Петра Вранина, где был дворъ, и другое село що ти ж слухает къ тому монастирю... *Але щобы остерегали тот монастыр, а щобы робили тому монастирю. А коли що загинет того монастыре, или не имут робити що тебе будет тому монастирю, ...мы знати... тым людем, що сут съ тих сел вышеписанных...*»¹ (курсив наш. — Ф. Г.).

Таким образом, из цитированной грамоты видно, что упоминаемая в ней феодальная вотчина представляла собой хозяйственную организацию, обслуживаемую трудом крепостного и зависимого сельского населения. Связь барщины и личной зависимости крестьянина от феодала-землевладельца выступает в этом документе достаточно наглядно.

О наличии барщины в господских феодальных хозяйствах и ее принудительном характере говорят около 60 аналогичных великокняжеских жалованных грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии в XVI — первой половине XVII веков².

В жалованной льготной подтвердительной грамоте от 3 сентября 1585 года, данной господарем Молдавии Петром Хромым хотинскому пыркалабу-посаднику боярину Бучёку, сказано: «...Дали и подтвердили нашему верному и почтенному боярину Бучёку, хотинскому пыркалабу, его правую и купленную вотчину Великая Лунка со всеми прилегающими к ней угодьями, в границах, что указаны в купчей грамоте Иоана воеводы и

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 199—200.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 66, 424; t. IV (1591—1600), p. 143, 154—155; t. I (1601—1605), p. 31, 77, 248; t. II (1606—1610), p. 8—9, 43—44, 139, 144—145, 165; t. III (1611—1615), p. 64, 94; t. IV (1616—1620), p. 28, 96—97, 207—208, 227, 257—258, 273—274, 385, 488—489, 503, 508; t. V (1621—1625), p. 44—45, 87, 96, 119—120, 159, 172, 235—236, 247.

подтверждены добрыми людьми. А те люди, которые придут и поселятся в той вотчине-селе Великая Лунка, — венгры, валахи, сербы, греки и другие, пусть будут *соседями* (курсив наш. — Ф. Г.) боярина Бучёка; от нас, господаря, они будут иметь льготу на 5 лет с тем, чтобы не выполняли на нас никакую работу и не платили нам никаких податей и налогов, а чтобы работали на боярина Бучёка и платили ему. И никто из наших (господарских) слуг не имеет права вмешиваться в дела той вотчины Великая Лунка...»¹

Этот исторический источник говорит о том, что колонисты (венгры, валахи, сербы, греки и т. д.), которые поселятся на земле боярина Бучёка, будучи освобождены господарем от личных работ и уплаты налогов в пользу Молдавского государства, обязаны работать на барщине в боярском хозяйстве и быть *«соседями»*, т. е. крепостными крестьянами указанного боярина. Следовательно, крепостное состояние крестьян-колонистов села Большая Лунка констатируется как само собою разумеющийся факт.

В жалованной господарской грамоте от 3 октября 1605 года, выданной господарем Иеремией Могилой своему слуге Федору Кэпотичу, говорится: «Еремия Могила воевода... дали еси лист господства ми слуге нашему Тоадер Къпотич, на то он ест моцен и силен сим листом господства ми держати и никому не дати своих *сусиди* (курсив наш. — Ф. Г.) от село Холовчинци...»².

Из этой грамоты мы узнаем, что господарский слуга Федор Кэпотич мог владеть своими крепостными крестьянами-соседями и никому их не отдавать. Но нам неизвестно, как он их использовал. Однако из другой аналогичной великокняжеской грамоты, выданной господарем Молдавии тому же Федору Кэпотичу, видно, что он заставлял своих крестьян работать на барщине. «...Симион Могила воевода..., — гласит названный документ, — дали еси лист господства ми слуге нашему Тоадер Къпотич, на то он да ест моцен и силен съ сим листом господства ми держати... село Холовчинци...

¹ Uricarul, t. II, Ed. 2, Iași, 1889, p. 259 (акт дан в переводе с молдавского языка).

² Surete și izvoade, t. IX, p. 72—73.

и *сусиди* (курсив наш. — Ф. Г.) вѣси, колице суть у село..., да имаєт работати съ сусиди...»¹

Подтверждением вывода о том, что возникновение крепостничества в Молдавии происходило «экономическим путем», без каких-либо завоеваний и военных конфликтов, что крепостное состояние крестьян возникало из барщинного труда, являются не только вышеприведенные акты, вышедшие непосредственно из молдавской господарской канцелярии, но и другие исторические источники.

Так, в одной из правых грамот середины XVII столетия читаем: «...Мы, Петр и Ионашко Флокосул, из Нехорен, пишем и свидетельствуем настоящей нашей записью о том, что имели мы одного из крестьян-работников по имени Федор, который несколько лет работал у нас. Федор даже успел жениться у меня, Петра, в селе Бечешты. Поэтому он, несомненно, должен принадлежать мне. Ионашко же Флокосул, напротив, утверждает, что крестьянин Федор должен принадлежать ему, так как он работал и у него в хозяйстве. И вот мы, рассорившись на этой почве, пришли к тебе, наше владычество, господарю, чтобы ты решил, как быть, и кому должен принадлежать впредь Федор, как крепостной; как ты решишь, так и будет...

...Крестьянин Федор, видя сложившиеся обстоятельства и не желая оставаться более ни у одного из нас: ни у меня, Петра, ни у Ионашка Флокосула, предпочел отдаться в крепостные великому казначею и властелину Думитрашку. А мы, Петр и Ионашко Флокосул, видя, что крестьянин Федор отдался под покровительство великого казначея Думитрашка и что из-за Федора у нас возникла ссора и тяжба, со своей стороны решили подарить того крестьянина Федора его величеству великому казначею и великому боярину Думитрашку. И никому из нас, ни мне, Петру, ни ему, Ионашко Флокосулу, не должно быть никакого дела до того крепостного крестьянина Федора. Мы не должны переманивать его к себе обратно, и он сам, Федор, не должен переходить к другому владельцу, а должен оставаться и жить у своего господина Думитрашка, великого казначея...»²

¹ Surete și izvoade, t. IX, p. 77.

² Там же, t. IV, стр. 319 (отрывок из правой грамоты приводится в переводе с молдавского языка).

Этот отрывок, помимо указаний на возникновение крепостного состояния из барщины и на наличие в Молдавии отношений патроната и коммендации, устанавливавших зависимость крестьян от феодалов и игравших большую роль в процессе крестьянского закрепощения, содержит также много интересных бытовых подробностей из социально-экономической истории средневековой Молдавии.

В 1618 году боярин Нестор Пырван заключил с Тазловским монастырем договор о передаче ему последним селища Остапканы, на реке Бистрице, где он построят мельницы, дома и другие необходимые хозяйственные постройки, которыми будет пожизненно пользоваться со своей женой Ангелиной, причем станет обращать лично свободных крестьян в крепостных-вечинов, после же смерти его и его жены это имение с населением достанется монастырю¹.

Рост крупного светского и духовного феодального землевладения приводил к тому, что оставшиеся на свободе в незначительном числе крестьяне-общинники резеши, независимые от частных (светских и духовных) феодалов, мало-помалу разорялись, феодалы опутывали их сетью кабально-долговых обязательств, и в конце концов они переходили в крепостную зависимость, сначала фактическую или экономическую, а затем и юридическую. Следовательно, в процессе закрепощения молдавских крестьян-общинников важную роль играло их экономическое закабаление.

Чрезвычайно интересен акт коммендации от 13 января 1617 года, которым лично свободные крестьяне-общинники резеши села Дрэгоешты — Семен сын Урсула, Урсул сын Фурдую, шурин последнего Илларион, Ионашко сын Обрэжия, Федор сын Пынти и Яким сын Урсула — «по своей доброй воле, никем не побуждаемые, и никем не притесняемые», передали свои доли земли, «сколько приходится» им в указанном селе, боярину-постельнику Алсану и сами отдались в крепостные этому высокому государственному сановнику, с тем чтобы он

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), p. 235—236.

заплатил в господарскую казну причитавшиеся с них за год долги¹.

Таким образом, разоренные феодальными войнами и грабежами, притесняемые чиновниками и ростовщиками, опутанные различными штрафами и долговыми обязательствами, крестьяне-общинники резеши вынуждены были прибегать к «защите» — патронату со стороны какого-нибудь могущественного феодала.

Документ от 11 апреля 1619 года также содержит сведения о том, что свободные крестьяне, находясь в затруднительном экономическом положении, «добровольно» отдавались под «покровительство» крупных светских и духовных землевладельцев и церковно-монастырских учреждений, становились крепостными людьми².

Эти источники опровергают ошибочное мнение о том, что будто бы закладывались за землевладельцев только валашские лично свободные крестьяне мошняны, зависимые от Валашского государства.

В одной из интересных кабальных записей говорится: «...Константин Дука воевода... пишем наше владычество княгине ворничаса, жене покойного Иона Раковицэ, бывшего великого ворника. Даем вам знать о человеке по имени Кирилл, который работает в монастырском хозяйстве Сокола. Он жаловался, что вы отобрали у него корову, которая была дана ему старицей, чтобы он кормился ее молоком, а также жаловался, что вы его *уводите в крепостничество* (курсив наш. — Ф. Г.), а он показывал акт коммендации, говорящий о том, что он является тамошним *мошинашом* (дедином, резешем. — Ф. Г.), а не *соседом-вечином* — *крепостным*; старица взяла его под свое ручательство и покровительство, в патронат, до роения его пчел. Поэтому и вы оставьте его, и не мучайте человека, и верните ему корову, и оставьте его на поручительство старицы до тех пор, пока отроятся его пчелы, а затем или вы придете лично с ним в господарскую раду, диван, в случае, если будет разбор дела, или пришлете своего человека, который будет лично с ним, в его присутствии, выяснять это дело; если же

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620); p. 81.

² Там же, стр. 313.

окажется, что крестьянин Кирилл будет вашим крепостным, то тогда вы его заберете...»¹.

Приведенный источник свидетельствует о том, что крестьяне-резеши, задавленные голодом и нуждой, вынуждены были идти в кабалу к феодалам. Крестьянину Кириллу была дана монастырской старицей корова, молоком которой он «питался», будучи вынужден за это работать на монастырской барщине. Весьма вероятно, что экономическая кабала, явившаяся результатом получения «ссуды», вовлекла впоследствии Кирилла, бывшего резешем, в разряд монастырских крепостных крестьян.

Из разбираемого источника видно также, что в погоне за рабочей силой столкнулись интересы двух феодалов: монастырской корпорации и вдовы бывшего ворника Иона Раковицэ, которые стремились одновременно закабалить одно и то же лицо. Конечно, именно эти споры феодалов, а не крестьянские жалобы, которые обычно не доходили до верховного правителя страны, и послужили причиной разбора дела.

Акт коммендации от 10 апреля 1669 года, вышедший из молдавской господарской канцелярии, сообщает, что лично свободный крестьянин Василий стал крепостным сановника—ворника Писоского после того, как женился на принадлежавшей ему крепостной девушке. «...Я, Василий, — говорит составитель акта, — пишу и свидетельствую настоящей моей записью о том, что я никем не принужденный и без всякого давления со стороны, отдался в крепостные ворнику Писоскому, потому что он выдал за меня замуж принадлежавшую ему девушку, дочь Пантелея, вместе с имуществом, перешедшим к ней по наследству от ее отца. Я обязываюсь внести все долги, оплатить и налоги моего тестя Пантелея...»²

Этот документ интересен не только тем, что указывает на один из источников прироста крепостного населения страны за счет лично свободных крестьян. Он свидетельствует и о том, что браки между свободными и крепостными людьми влекли за собой лишение первых свободы и их переход в крепостничество.

¹ Surete și izvoade, t. VIII, p. 184 (акт дан в переводе с молдавского языка).

² Там же, t. IV, стр. 132 (акт дан в переводе с молдавского языка).

Источники позволяют говорить о том, что в Молдавии XVII века основная масса сельского населения была уже давно прикреплена к земле; подавляющее большинство крестьян было зависимо от светских и духовных феодалов. Католический епископ Марк Бандини, посетивший в середине XVII столетия Молдавию, отмечал в своих мемуарах, написанных в 1646 году: «...Царане проживают в селах; они имеют своего господина-землевладельца, на которого без всяких ограничений, в любое время, работают, но не платят ему ни дань, ни налог, но платят только господарю, как и городские граждане»¹. Категория лично свободных крестьян-общинников резешей к середине XVII века была уже, очевидно, настолько ничтожной, что Марк Бандини о ней даже не упомянул.

В Молдавии, как и на Руси, государственному оформлению крепостного права в масштабе всей страны предшествовали частичные ограничения права крестьянского перехода. Еще задолго до принятия правительством мер к стеснению перехода крестьян светские и духовные феодалы уже применяли на практике эти стеснения с тем, чтобы сохранить в своем феодальном хозяйстве рабочую силу.

Широкие размеры крестьянского выхода сильно затрагивали интересы господствующего класса. Его представители обращались с жалобами к господарям. В связи с этим последние издавали специальные грамоты и указы о сыске крепостных крестьян. Все подобные постановления были направлены к тому, чтобы закрепить раз и навсегда крестьян за их владельцами и воспрепятствовать их переходу и бегству.

Исторические источники свидетельствуют о том, что еще задолго до издания феодально-крепостнических «Правил» 1646 года, окончательно запретивших переходы крестьян от одного владельца к другому, в Молдавии вполне сложилось понятие о беглом крестьянине как о человеке, незаконно вышедшем из имения феодала, в котором он жил, и подлежавшем розысканию и немед-

¹ Codex Bandinus, Memoriu asupra scrierei lui Bandinus dela 1646 urmatu de textu, însoțitu de acte și documente de V. A. Urechia (Analele Academiei Române, t. XVI, 1893—1894, Memoriile Secțiunii Istorice), București, 1895, p. 155.

ленному возвращению на старое место жительства, к своему прежнему господину.

Господарям Молдавии не раз приходилось обращаться к правителям других стран по вопросу о недопущении переходов за границу крепостных крестьян и холопов. Так, например, в записи 1499 года «посольства от Стефана, воеводы волоского, до великого князя литовского Александра, Костею дьяком», между прочим, сказано: «Господарь мой Стефанъ воевода велель твоей милости говорыти: у ваше милости суть люди волохове, што отъ его земли, отъ земли Молдавское, и ваша милость бы есте тыхъ людей у васъ не держали, але до его земли отослали, по прысехахъ и по записехъ, што маете ваша милость промежи вами»¹.

В 1501 году тот же молдавский господарь Стефан Великий договорился с польским королем о том, что оба правителя не будут принимать в свои владения беглецов, «странствующих людей» и изгнанников². В 1511 году господарь Молдавии Богдан III жаловался польскому королю на то, что польские магнаты и шляхта переманивают обещаниями различных льгот молдавских крепостных и зависимых крестьян, которые переходят из Молдавии в Польшу³. В 1513 году польский король Сигизмунд в свою очередь просил молдавского господаря Богдана, чтобы последний не принимал людей, бежавших из Польши в Молдавию, обязуясь, со своей стороны, что он также не будет принимать беглых людей из Молдавии⁴. В 1514 году польский король Сигизмунд дал указание местным властям города Каменца помочь молдавскому господарю Богдану разыскать и вернуть молдавских крестьян, бежавших из Молдавского государства в Польшу⁵.

В письме от 13 февраля 1522 года молдавский господарь Стефан обратился к местным властям трансильванского города Бистрицы с просьбой оказать содействие

¹ *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 449.

² *E. Picot*, Op. cit., t. II, p. 214.

³ „Acta tomicina“, t. III, p. 157; N. Iorga, Chilia și Cetatea Albă, p. 179; Е. М. Руссев, Молдавия, Очерки истории СССР, период феодализма, конец XV века — начало XVII века, М., 1955, стр. 808.

⁴ *E. Hurmuzachi*, Documente privitoare la istoria românilor, t. II, par, 3, p. 103—104.

⁵ Там же, стр. 159.

его человеку Фоме и другим специально присланным туда людям из Молдавии в розыске и возвращении в Молдавию людей, которые бежали оттуда в Трансильванию, в «*civitate vestra*»¹ («в ваши города»).

В 1585 году молдавский господарь Петр Хромой просил власти трансильванского города Бистрицы выдать ушедших туда из Молдавии крепостных крестьян и холопов².

В заключенный между молдавским господарем Стефаном Рэзваном и королем польским Сигизмундом Баторием договор от 3 июня 1595 года был включен специальный пункт о том, что если поселенцы-колонисты или коренные частновладельческие молдавские или польские крестьяне тайно или явно уйдут от своих владельцев из одной страны в другую, то каждый из вышеупомянутых правителей должен принять меры, для того чтобы доставить их обратно к их прежним владельцам («*coloni et iobagions, qui ex bonis et iuribus eorundem possessionariis in bona aliena clam se contulerint, ilico restituantur*»)³.

В письме от 8 августа 1598 года молдавский господарь Иеремия Могила обещал одному из польских старост, что он вернет ему требуемых им крепостных крестьян, если при проверке дела на месте окажется, что они являются польскими подданными. Если же расследование установит, что староста предъявляет претензии в отношении молдавских крепостных крестьян, бежавших от своих владельцев в Польшу, чтобы избавиться от крепостной зависимости, а затем вернувшихся обратно в Молдавию, то в этом случае Иеремия Могила отказывался удовлетворить просьбу старосты и выдать ему крестьян⁴.

Таковы лишь отдельные примеры мероприятий, проводившихся господарской властью в целях стеснения ухода молдавских крепостных и зависимых крестьян за

¹ M. Costăchescu, Documentele moldovenești de la Ștefăniță Voevod (1517—1527), Iași, 1943, p. 529.

² E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 1, p. 696.

³ Там же, t. III, par. 1, p. 696.

⁴ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. II, par. 1, p. 540; A. D. Xenopol, Proprietatea mare și cea mică în trecutul țărilor române, p. 179.

пределы страны, который учащался, несмотря на наличие пограничных застав.

Принимало молдавское правительство меры и по ограничению перехода крестьян от одного землевладельца к другому внутри страны.

В жалованных, данных, несудимых, льготных, подтвердительных и других господарских грамотах неоднократно встречаются предписания о том, чтобы тот или иной светский или духовный феодал «держал мощно и сильно своих соседей-крепостных и никому не отдавал их, если даже кто-либо придет к нему с господарской грамотой, пока лично не предстанут обе стороны перед господарем...»¹

Господари Молдавии предоставляли также отдельным феодалам право разыскивать и возвращать обратно своих беглых крестьян. Так, 3 апреля 1578 года молдавский господарь Петр Хромой издал специальную грамоту, согласно которой игумен и «молебник» монастыря Молдавица могли «разыскивать, возвращать и держать своих беглых крестьян и холопов, и никто из господарских или боярских слуг, чтобы не препятствовал монастырской братии осуществлять эти мероприятия»².

В 1612 году господарь Молдавии Стефан Томша специальной жалованной дарственной грамотой предоставил игумену одного из молдавских монастырей полномочия не только ограничивать право крестьянского перехода, но в случае бегства крестьян разыскивать их по всей стране и водворять в принадлежавшие монастырю села³.

В жалованной льготной грамоте от 3 февраля 1614 года, данной господарем Стефаном Томшей светскому феодалу Ончулу, говорится, что последний может не выпускать из своих владений принадлежащих ему крестьян: «...Стефан воевода..., господарь земли Молдавской, — дал есми сест лист господства ми слузе нашему Ончул, бывший староста, и ватаманом его от село Рошиячи, и на то они да ест *крепци и силни* (подчерк-

¹ Surete și izvoade, t. IX, p. 72—73.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 94; t. II (1551—1570), p. 176—177.

³ I. C. Filitti, Oameni dependenți și cultivatori liberi în Principatele române în sec. XV—XVIII (Anal. Acad. Rom., Ser. III, Mem. Sect. Ist., t. III), București, 1932—1933, p. 386.

нуто нами. — Ф. Г.) съ сим листом господства ми *дръжати и не пуснити нигде въ иншии* (другие. — Ф. Г.) *села... своих подани»*¹ (крепостных. — Ф. Г.).

Подтвердительная грамота от 22 июня 1613 года того же Стефана Томши своему слуге, судебному приставу Мэлаю, из села Брэтяни, закрепляет за последним его вотчину-дедину и крепостных крестьян — соседей села Жевертены: «Стефан воевода... господарь земли Молдавской дал есми сест лист господства ми слуге наш Мэлаю аprod от Брэтяни... *да ест моцен* (мощным. — Ф. Г.) *и силен сим листом господства ми дръжати и оборанити правая своя отнину и дедину пол село Жърдени* от волост Дорогоюской, *ничтож да не имают делю калугери* (монахи. — Ф. Г.) *от монастир Пандократор съ част ему, а ни съсиди* (соседи. — Ф. Г.) ему, доколе не поставили они свои уриче и наредение...»² (курсив наш. — Ф. Г.).

В одной из великокняжеских грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии во время правления Гашпара Грациани, читаем: «...Гашпар воевода (1619—1620. — Ф. Г.) ...господарь земли Молдавской. дал есми сес лист господства ми нашему верному болернну Некулакине великому столнику *на то он да ест моцен и силен сим листом господства ми дръжати и оборонити свои правую село по име Ниспореш* *съ сусиди и съ вес приход* (курсив наш. — Ф. Г.), не дават Бухмътем и Топшешим ничта, а комус мнити некои кривду, они стати лице пред... нами, и инак не бѣдет...»³.

В 1631 году молдавский господарь Иеремия Могिला выдал боярину-ключнику Теодорашку специальную грамоту, согласно которой тот получил право искать по всей стране своих беглых крепостных крестьян и, если они будут где-либо обнаружены, высылать их вместе со всеми «пожитками», под конвоем, в село Шкея, из которого они бежали⁴.

В 1639 году господарь Василий Лупу предоставил аналогичное право своему слуге армашу⁵ Патрашку

¹ Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 95.

² Ibidem, par. 2, p. 92.

³ Surete și izvoade, t. II, p. 57.

⁴ А. Д. Ксенопол, указ. соч., стр. 188.

⁵ Армаш — боярский чин. Великий армаш — начальник тюрем и распорядитель исполнения смертных приговоров.

Болдескулу, от которого ушли его крепостные крестьяне Григорий, Ион и Василий¹.

Согласно грамоте от 9 апреля 1642 года валашского господаря Матвея Бассараба молдавскому боярину Иеремии Чёкырлие, последний получил возможность, в сопровождении государственного валашского чиновника, разыскивать по всей Валахии своих беглых крепостных крестьян, вышедших из Молдавии, с тем чтобы отправить их на прежнее место жительства².

Помимо вышеприведенных документов, о бегстве крепостных крестьян от своих господ-землевладельцев и о их насильственном водворении («привязанными веревкой за шею») на свои прежние места обитания говорит также около 40 великокняжеских грамот 1576—1623 годов³.

В XVII веке в Молдавии существовали установленные правительством «урочные годы» для сыска беглых крестьян.

Так, грамота Стефана Томши гласит: «Стефан воевода, божиею милостию господарь земли Молдавской, пишем слуге наше верному Думитру пъркалаб Романской, даем ти знати, оже жаловались нам отцу и молебник нашему кир Митрофан епископъ Романской, и весь собор от святая епископия от там, рекуще: ож имае святая епископие одно село подли търгу Романской, где съ зовет послушничии святии епископии, и сут люди страни от инша земли, и от стародавни дни Петра Водъ, и от Янкул Водъ, и паки ж (также. — Ф. Г.) от Петра Водъ, и от иных старых господарех, и вси прислухали за святая епископие до суда, а коли ест ныне валует (беспокоит. — Ф. Г.) их шолтуз и пъргари, и восхотели их потягнути быти с търгах, яко же от ныне било николи же, тем ради господства ми оставихом онех люди, да возмет себе *сусиди* (курсив наш. — Ф. Г.), котории сут побегли от при дни Константина Воеводы (1608—1611.—

¹ Surete și izvoade, t. III, p. 77.

² Там же, стр. 77—78.

³ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 72, 121; t. I (1601—1605), p. 16, 87; t. II (1606—1610), p. 154—155, 158—159; t. III (1611—1615), p. 42, 67—68, 71—72, 74; t. IV (1616—1620), p. 8, 41, 96—97, 167, 202, 313, 374—375, 384, 409—410, 420—421, 424, 471, 473, 478, 483, 502; t. V (1621—1625), p. 74, 78, 87, 204—207, 242, 251; Ispisoace și zapise, t. I, par. 2, p. 92, 95; Surete și izvoade, t. II, p. 57; t. XXII, p. 130.

Ф. Г.), а которые имеют издавна побегали, да оставля-
еть их, зело умирно быти, где сут, про то ж яко узриши
се сес лист наш, а ти съмотри, если будет некою чело-
векъ побигал от торгу до послушници святеи епископии
от при дни Константина Воеводы, а търговци да имеют
того возмите воспать, а если будет май издавно, да има-
ет их лишити зело умирно, а коли будет иначе, а они да
приидет да будет за лицъ пред отцу и молебнику наше-
му Митрофан епископ...»¹

Из этого текста видно, что Стефан Томша установил
срок сыска и возврата частновладельческих крестьян их
господам. Крепостные крестьяне, бежавшие от своих гос-
под в годы правления молдавского господаря Констан-
тина Могилы, подлежали возврату прежним владель-
цам. Крепостные же, ушедшие от феодалов до вокняже-
ния этого господаря, закреплялись за владельцами тех
сел, в которых они поселились в бегах, а их старые вла-
дельцы лишались права требовать их возвращения в
свои вотчины. Таким образом, срок сыска беглых кре-
постных крестьян в Молдавии по законодательству Сте-
фана Томши устанавливался примерно в десять-пятнад-
цать лет.

13 января 1628 года молдавский господарь Мирон
Барновский, идя навстречу многочисленным просьбам
землевладельцев-крепостников, издал указ, согласно ко-
торому все беглые крепостные крестьяне, независимо от
того, когда они бежали от своих господ, подлежали на-
сильственному возврату прежним владельцам. Указ не
распространялся лишь на тех крестьян, которые вышли
за границу до польско-турецкой войны 1621 года, а за-
тем вернулись обратно на родину. Старые владельцы
этих крестьян по закону 1628 года утрачивали на них
право².

Так подготавливалась почва для издания «Уложения»
1646 года, окончательно юридически оформившего кре-
постное право в Молдавии, возведя его в общегосудар-
ственный закон.

18-й пункт первой главы «Уложения» 1646 года гла-
сит: «Если же *царанин* (подчеркнуто нами. — Ф. Г.)

¹ Ep. Melchisedec, Cronica Romanului și a episcopiei de Roman, t. I, București, 1874, p. 242—243.

² Surete și izvoade, t. XV, Iași, 1926, p. 66.

сбежит со своего села и от своего господина-владельца, никто и нигде не должен принимать его, а если кто-либо и примет беглого *царанина*, то обязан незамедлительно, сейчас же, схватить беглого *царанина* и срочно под конвоем вернуть его обратно в село, к его прежнему владельцу, или же, по крайней мере, сообщить господину-владельцу о местонахождении его беглого *царанина*. Поступающий иначе и нарушающий это Правило платит в господарскую казну, а также и господину-боярину или владельцу *царанина* определенное количество литров серебра. Кроме того, по приказанию господаря, принявший и укрывший беглого *царанина* не только возвращает его своему прежнему владельцу, но и сам обязан доставить беглеца господину, от которого он сбежал»¹.

Из этой статьи видно, что феодалы-крепостники, составители «Правил», желая обеспечить свое хозяйство рабочими руками, решили прекратить переход крестьян-царан, юридически прикрепив их к земле, к наделу. Так в 1646 году были *юридически оформлены и узаконены фактически издавна сложившиеся в стране феодально-крепостнические производственные отношения*.

«Уложение» 1646 года не приостановило дальнейшего бегства крепостных и зависимых крестьян, не был им завершен и процесс закрепощения молдавского крестьянства. Этот процесс продолжал развиваться и вширь и вглубь, он шел как по линии роста феодальной земельной ренты, так и по линии обращения в крепостную зависимость крестьян-общинников резешей, еще остававшихся лично свободными людьми, и распространения на них барщины. Об этом говорит хотя бы приводимый ниже документ.

Жалованная подтверждающая грамота от 23 августа 1667 года гласит: «Дука воевода... пишем наше владычество ватаману и всем селянам из села Бабилены Фалчинского уезда. Сообщаем вам о том, что наше владычество решило, чтобы вы впредь не переходили из рук в руки, и от одного владельца к другому, и знали, кому вы принадлежите и где устроены; мы, строя монастырь Чстацуя..., жаловали вас последнему, чтобы впредь вы принадлежали ему со всем своим доходом. Что касается государственных податей, поборов, налогов и других по-

¹ «Правила», стр. 6.

винностей, которые возложены на податное население страны, то вы впредь не будете их платить наряду с остальным податным населением страны, а только будете платить годовичную дань во время взимания последней, как это будет тогда указано. Вы впредь будете освобождены от налогов и поборов в пользу государства, как-то: от уплаты и взноса злотов, дукатов, сулджиу, илиша, масла; вы будете освобождены от различных господарских работ по уборке и заготовке сена и других повинностей; от налога с овец и свиней, от десятины с пчелиных ульев и т. д. Но зато, если вы увидите настоящее письмо нашего владычества, вы обязаны во всем повиноваться и слушаться наших молебников, игумена и всего монастырского собора во всем, что они вам прикажут, вы должны впредь выполнять все повинности и работы в пользу монастыря, что вам будет поручено вашими владельцами...»¹

Аналогичную картину рисуют и господарские жалованные подтвердительные грамоты от 18 мая 1651², 12 июня 1654³ и 9 апреля 1666 годов⁴.

Молдавский летописец второй половины XVII века Н. Костин писал, что светские и духовные сановники «ввели обычай, по которому тот, кто просидел на господской земле двенадцать лет, должен остаться навсегда крепостным»⁵.

Итак, молдавские крестьяне-общинники резеши в ходе исторического развития все более разорялись и попадали в феодально-крепостническую зависимость к крупным светским и духовным землевладельцам. Этому способствовали многие социально-экономические и политические факторы: дальнейшее выделение из сельской общины экономически и политически сильных людей, становившихся над общиной и завладевавших ее землями; кабала; внеэкономическое принуждение; частые феодальные убоицы и войны, разорявшие молдавское крестьян-

¹ Surete și izvoade, t. IV, p. 52—53 (акт дан в переводе с молдавского языка).

² И. К. Филитти, указ: соч., стр. 376; Р. Росетти, указ: соч., стр. 150.

³ V. Motogna, Două scrisori ale lui Gheorghe Ștefan, Revista istorică, Anul XII, N-le 10—12, 1926, p. 319—320.

⁴ N. Iorga, Studii și documente, t. V, par. 1, p. 41.

⁵ M. Kogălniceanu, Cronicele României sau letopisețele Moldovei și Valahiei, Ed. II, t. I—III, București, 1872—1874, p. 147.

ство; непосильные растущие налоги и поборы, связанные с бесчисленными войнами и зависимостью Молдавии от турецких султанов; притеснения со стороны господствующего класса; иммунитет, обеспечивавший крупным земельным собственникам возможность эксплуатации непосредственных производителей материальных и культурных благ на базе феодальной земельной ренты и содействовавший дальнейшему усилению власти феодалов-крепостников и т. д. Последние все смелее и увереннее наступали на молдавскую сельскую общину, закабалая и вырывая из ее среды наиболее слабых членов, превращая их в зависимых от себя крестьян: соседей-вечинов, или землян-царан.

§ 3. КРЕПОСТНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ЗЕМЛЯНЕ-ЦАРАНЕ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Наличие в быту и в юридических памятниках равнозначных терминов, служивших для обозначения одной и той же категории молдавского сельского земледельческого населения, догматический и формальный подход ряда буржуазных исследователей к историческим источникам и к терминологии способствовали созданию самых разноречивых и противоречивых версий о сословии землян-царан, или соседей-вечинов.

В этом параграфе прежде всего будет показано, что молдавские земляне-царане и соседи-вечины представляют собой не два различных, обособленных друг от друга разряда крестьян, как это утверждали многие представители русской, молдавской и румынской дворянско-буржуазной историографии, а одну и ту же категорию основных непосредственных производителей материальных и культурных благ молдавской феодально-крепостнической деревни, что термин «царан» имел социальный смысл: крестьянин-земледелец.

Второе положение, доказываемое в данном параграфе, сводится к тому, что земляне-царане, или соседи-вечины, выступают в известных нам исторических источниках не со второй половины XVIII века, а, по крайней мере, с XV—XVI столетий и что в 1749 году в Молдавии господарь Константин Маврокордато не проводил никакой «реформы», не упразднял сословия крепостных

крестьян—соседей-вечинов и не превращал их в юридически свободных людей—царан.

Никто не станет отрицать того, что молдавское и румынское слово «царан» в переводе на русский язык значит буквально — крестьянин-земледелец. Никто не будет спорить и с тем, что слово «вечин» в переводе с молдавского и румынского языков на русский означает: 1) сосед и 2) крепостной. Равным образом хорошо известно, что и молдавские слова «вечин», «йобог» и «шерб» имеют значение крепостной, указывая на одну и ту же категорию крестьян-царан. Наконец, всем ясно, что молдавский крестьянин-землянин—царанин прошел долгий и сложный исторический путь развития: от образования классового общества до социалистической революции.

Почему же в таком случае слова и выражения источников — «сосед»¹, «вечин»², «йобог»³, «шерб»⁴, «сэрак»⁵ («бедняк»), «мишел»⁶ («чернь»), «тоць мишей ноштрь царань»⁷ («вся наша крестьянская чернь»), «царан прост»⁸ («простой крестьянин»), «убогий»⁹ и так далее, характеризующие положение землянина-царанина, должны служить основанием для того, чтобы утверждать, что они обозначали различные категории крестьян? Почему каждый термин, который встречается в исторических источниках, обязательно должен служить для наименования разных разрядов крестьянства?

Такова логическая сторона дела. Но одной логики, конечно, недостаточно. Необходимо обратиться к фактическому материалу и им подтвердить правильность

¹ *M. Costăchescu, Documente moldovenești dela Ștefăniță Voevod (1517—1527), Iași, 1943, p. 108—109.*

² *Uricarul, Ed. 2, t. II, p. 259.*

³ *E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, p. 1146.*

⁴ *I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 376.*

⁵ «Правила», стр. 26.

⁶ *Surete și izvoade, t. II, p. 256; t. IV, p. 316; t. V, p. 317—318; t. XXII, p. 45; Ispisoace și zapise, t. III, par. I, p. 175; Г. Шинкай, Хроника румынелор ши а май мултор нямурь, Иашь, т. I—III, 1853, т. II, p. 134, 179.*

⁷ *Surete și izvoade, t. XXII, p. 45.*

⁸ «Правила», стр. 117.

⁹ *И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 11.*

выдвинутой нами точки зрения об идентичности терминов земляне-царане и соседи-вечины.

Молдавские частновладельческие крестьяне *земляне*, как основное податное сословие страны и несвободное трудовое земледельческое население, впервые под этим именем встречаются в жалованной дарственной грамоте господаря Александра Доброго своей бывшей жене Римгалии от 13 декабря 1421 года, в которой говорится, что «господарь наш имеет истегати (взыскать. — Ф. Г.) ...тых (подаренных Римгалии. — Ф. Г.) дванадцать сст золотых на наших... *землянох*»¹ (курсив наш. — Ф. Г.).

В другой раз *земляне*, как несвободное сельское земледельческое население, упоминаются в жалованной несудимой господарской грамоте от 30 августа 1479 года Радовицкой епископской кафедре. «...И ти ж наши слуги перерубци, — говорит молдавский господарь Стефан Великий своим чиновникам-слугам, — аби не *гонили тоти люди* от Коцмани ни на город, ни на млины, ни на наши дворове, съ иными *земляне* (курсив наш. — Ф. Г.). И ти ж за припасни, шо се знайдут оу Радовцех и у Коцмане, у тих селах, шо прислухают от митрополю, а до тих припасни никто аби не имал ни жадное дило, аби имал дило епискупа нашего от Радовцех, или дворници их. Тое въсе вишеписанное да ест от нас урик (жалованная грамота, хрисовул. — Ф. Г.) нашему митрополю от Радовцех, непорушено николи ж на веки...»²

В третий раз наименование *земляне* — в качестве обозначения крепостного сельского населения — фигурирует в жалованной несудимой грамоте от 23 августа 1481 года, данной господарем Стефаном Великим той же Радовицкой епископской кафедре. В этом документе читаем: «...а до тих *люди* (курсив наш. — Ф. Г.), шо суть у тех села, аби не имали дило ни един наш боярин, а ни старости от Цицина, а ни глобници, а ни перерубци, ни судити их, а ни глобу узяти от них, ни за великое дило, а ни за малое дило, ни за душегубство, ни за волочение дивку, шо се там у Коцмане будет учените; *али щоби их судили наши епискупи, или дворници их*, яко више пишемъ. И ти ж наши слуги перерубци аби не *гонили*

¹ М. Costăchescu, Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, t. I, Iași, 1931, p. 142.

² I. Bogdan, Op. cit., t. I, p. 230—231.

тоти люди от Коцмани ни на город, ни на млины, ни на наши дворове, съ иными «земляне»¹ (курсив наш.—Ф. Г.).

Итак, термин «земляне» с XV столетия завоевал уже права гражданства и фигурирует в различных источниках по истории Молдавского государства. В быту же он, несомненно, употреблялся значительно раньше.

В жалованной льготной господарской грамоте от 20 июля 1586 года, хотя и написанной на древнерусском языке, вместо более раннего слова «земляне» фигурирует соответствующий ему молдавский термин «царане»². Из этой грамоты мы узнаем, что у крестьян-царан господарские чиновники насильно отнимали скот в счет государственных мясопоставок и налогов³.

Исключительный интерес как для освещения вопроса о социально-экономическом положении основной массы молдавского крестьянства XVI—XVII веков — землян-царан, так и для опровержения точки зрения о том, что молдавские царане появились только во второй половине XVIII столетия в результате так называемой «реформы» господаря Константина Маврокордато, имеет перепись податного населения Молдавии 1591 года⁴.

В этом официальном статистическом документе слова «сосед», или «вечин», вовсе отсутствуют, зато неоднократно фигурирует термин «царане»-крестьяне, указывающий на их принадлежность к определенному сословию. В документе указано общее число царан-налогоплательщиков в Молдавии (около 37 тысяч дворов) и дано их количественное распределение по отдельным волостям страны. Не исчисляются те царане, которые в разное время были освобождены от государственных налогов господарскими грамотами и должны были выполнять эти повинности в пользу землевладельцев.

В правой великокняжеской грамоте от 10 марта 1598 года молдавские крестьяне не только названы именем царане, но и выступают как крепостные феодалов.

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 257.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 329—330.

³ Там же.

⁴ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XI, p. 220.

Их господа закладывают их наравне с движимым и недвижимым имуществом, передают их в счет уплаты денежной суммы и т. д.: «...Ож приидоше пред нами, — пишет господарь Иеремия Могила, — Мърийка и съ брат свои Ионашко и тегали на княгине Генгеви бывшаго питар (боярский чин; булочник. — Ф. Г.) ради една отнина от село Ружиноаса, что била куплена оба съ Генге при животе (при жизни. — Ф. Г.) его от Глигорие и от Мирон, племеникове Мариици. Ино мы съдихом их съ наш суд по обичаю земскому, и съ наш вес съвет, и тако обретохом, да вратят они кнегини Генгеви, и дадохом имь день, когда бил им дне възвращению пинезом. Они ж не имели от где вратити, но хотят вложити едни тужди люди *цѣрани*...»¹ (курсив наш. — Ф. Г.). Итак, молдавские крестьяне-царане села Ружиноаса были заложены в обеспечение долга в 70 талеров, который отказался внести Ионашко Ганге в установленный срок своим кредиторам.

Оброчная рядная господарская грамота от 4 августа 1641 года, приводимая нами ниже в переводе с молдавского языка, гласит: «...Дали сию моего господарства грамоту богомольцам нашим — монахам святого монастыря Святой Пятницы и монастыря Баликой, чтобы они согласно этой грамоте имели право и власть взимать десятину с хлеба, и сена, и со всяких овощей, и со льна, и с конопли, и со всех доходов с села Кишинева, кто бы ни пахал там в пределах того монастырского села — калараш ли или кто бы то ни был, со всех взимали бы десятину, и если кто из *вечинов* (курсив наш. — Ф. Г.) тамошних вспашет землю... в иной меже, и в таком случае взимать десятину, также и в Борчешах, в поселке монастырском, если кто вспашет землю в вотчине монастырской — калараш ли, дворовой ли человек (куртян), *царан ли* (поселянин), или кто бы то ни был, — со всех взимали бы десятину...»²

Таким образом, хотя в данном случае в одном и том же источнике крепостные частновладельческие крестьяне именуются двояко, то «вечинами», то «царанами», совершенно ясно, что речь идет об одном разряде сельского населения.

¹ Surete și izvoade, t. XX, p. 56—57.

² «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175. Перевод отредактирован.

Челобитная игумена Голийского монастыря Макария на имя молдавского господаря Дуки воеводы и письмо последнего от 29 июля 1669 года своему вассалу избашу Бежану свидетельствуют о том, что молдавские крестьяне-«царане»¹ жили на наделах, полученных от феодалов, обязаны были работать на барщине в господском хозяйстве и выплачивать своим господам натуральные или денежные оброки.

Об этом же говорит жалованная господарская грамота от 25 июня 1669 года, данная тем же воеводой тому же Голийскому монастырю, в которой фигурируют «люди царане»² монастырского села Бурнэрешты Оргеевской волости.

В правой грамоте от 3 мая 1677 года читаем: «Мы, Антонис Русет воевода..., господарь земли Молдавской, сообщаем настоящей грамотой, и пусть знают все, кому ведать надлежит, о состоявшейся тяжбе между нашими молебниками-монахами монастыря Барнова, находящегося в Ясских дремучих лесах, с одной стороны, и *царанами* (курсив наш. — Ф. Г.) села Чербешты, с другой стороны. Монахи показывали на суде свои жалованные грамоты, полученные от предыдущих господарей, на село Чербешты, входящее в округу города Яссы, вместе с сенокосами, находящимися в пределах того села, прудом и мельницей. Это село было пожаловано монастырю Барнова покойным господарем Мироном Барновским. А что касается противоположной стороны — истцов *соседей* (курсив наш. — Ф. Г.) того села, то они и ранее неоднократно пытались не слушаться монахов, и теперь опять попытались, как и прежде, в таком же духе, не повиноваться. Поэтому, мое владычество решило, что не стоит нарушать жалованную грамоту основателей монастыря, которые пожаловали монастырь. Мое господство решило также еще со своей стороны дать монахам право, какое они и ранее по обычаю имели от предыдущих господарей, чтобы *люди* (курсив наш. — Ф. Г.) поголовно все обязаны были работать на монахов на различных видах работ *ежемесячно по два дня во все годы*. Монахи в свою очередь должны указанным выше *людям* (курсив наш. — Ф. Г.) села Чербешты выделить место для се-

¹ Аурел В. Сава, указ. соч., стр. 117—118.

² Там же, стр. 111.

нокосов, чтобы они косили для себя сено, но не там, где они захотят, а там, где им выделяют место монахи. Кроме того, монахи имеют право взимать десятину в пределах названного села Чербешты с хлебных злаков, сенокосов, садоводства и со всего крестьянского дохода, который будет...»¹

Этот исторический источник представляет большой интерес не только потому, что опровергает ошибочное мнение о землянах-царанах и соседях-вечниках как разновидностях крестьянства, отличающихся по своему положению, но и потому, что ярко рисует социально-экономические отношения в Молдавии. Село Чербешты Ясской городской округи, принадлежавшее Барновскому монастырю, — это клеточка огромного общественного организма, в которой, как в фокусе, отражаются общие черты феодально-крепостнического строя. Документ этот дает возможность судить о характере феодальной ренты. Кроме того, из приведенного исторического источника выступает роль феодальной надстройки в деле укрепления экономического базиса, усиления экономической и политической власти феодалов-крепостников. Молдавский господарь рука об руку с попом и монахом шли в

¹ «Ной Антоние Русет Воевода..., господарь земли Молдавской. Дэту счире Домниа Меа ку очеастэ карте тутурора куй се каде а счи, пентру о пырэ чеау авуту ругэторий ноштрий кэлугэрь де ла сф. Мэнэстире дела Бэрнова, дин кодрулу Иашилор, ку *цэраний* (курсив наш. — Ф. Г.) дин Чиорбешч; арэтату — не-ау кэлугэрий дресе де ла алць Домнь, че ау фост май ынаните де ной, пентру сату Чиорбешчий че ау фосту де околулу тыргулуй Иашилор, ку поень де фынаце, кыте сунт пре хотарул сатулуй, ши ку хелештеу, ши ку моарэ, каре сату есте дание ши милуире мэнэстирь Бэрнова, де ла рэпосатул Мирон Барновски Водэ. Ашиждеря пентру рындул *вечинилор* (курсив наш. — Ф. Г.) динтр'ачел сату, с'ау фост май испитит ши май де мулт ка сэ н'аскулте де кэлугэрь ши акуму парэш с'ау черкат ынтр'ачеста кипу. Дечь Домниеа Меа, ам сокотиту кэ ну сэ каде сэ стрикэму данна ши милуиреа ктиторилор, че ау фост, ши ау милуит сф. мэнэстирь. Домниеа Меа, ынкэ дэму лор прекум леау фост обичену ши де ла алць Домнь че ау фост май ынаните де ной. *Оамений* (курсив наш. — Ф. Г.) динтр'ачесту сату дин Чиорбешч сэ айбэ а лукра ын тоате лунь, ку тоций, ынтр'о лунэ, кыте доуе зиле престе тоць аний кэлугэрилору ла требеле лору. Ашиждеря ши кэлугэрий сэ ле дене локу де фынаць пре хотарул сатулуй сэ-шь косаскэ, ынсэ ну унде ва фи вона *оаменилор* (курсив наш. — Ф. Г.), чи унде ва фи вона кэлугэрилор, аколо сэ косаскэ ей фыну. Ашиждеря сэ айбэ кэлугэрий ашь луа де а зечеа, де пе хотарулу сатулуй, дин пыине, ши дин фынаць, ши дин грэдинэ, ши дин тот венитул че ва фи...» (Uricău, t. I, Ed. 2, p. 132).

наступление на крепостных крестьян, карая тех из них, кто не желал работать на своих господ.

О наличии в Молдавии частновладельческих, зависящих от светских и духовных феодалов крестьян-царан еще задолго до так называемой «реформы» 1749 года господаря Константина Маврокордато, говорят и жалованная льготная великокняжеская грамота от 8 октября 1680 года¹ и другие исторические источники.

Особый интерес представляет известный кодекс феодального права Молдавии — «Уложение» 1646 года. В этом памятнике неоднократно упоминаются термин «царанин» и его синонимы «земледелец», «пахарь». Памятник этот хорошо рисует и положение царан.

Первая статья первой главы «Правил» 1646 года гласит: «Если земледелец (царанин) возьмет у земельного собственника участок земли («надел») *исполу* (т. е. из половинной доли урожая. Подчеркнуто нами. — Ф. Г.), а затем земледелец-пахарь не станет хорошо, должным образом и как следует обрабатывать его, а будет сеять кое-как, то тогда земледелец-пахарь теряет право на продукты своего труда, ему строго запрещается собирать урожай с предоставленного ему участка земли, так как солгав, земледелец-пахарь обманул земельного собственника»².

В другой статье говорится: «Если земледелец-пахарь возьмет у земельного собственника участок земли («надел») и засеет его, сделав и другие затраты, а затем попытается собрать урожай с предоставленного ему участка земли и увезти снопы без ведома и позволения господина, земельного собственника, то тогда земледелец-пахарь, как вор, теряет всю жатву и все продукты труда своего»³.

Наконец, «Правила» указывают: «Если же царанин сбежит со своего села и от своего владельца, никто и нигде не должен принимать его, если же кто-либо и примет беглого царанина, то обязан немедленно схватить беглого царанина и поспешно возвратить его обратно в село к своему владельцу, или же, по крайней мере, сообщить последнему, т. е. владельцу села и царанина. По-

¹ Surete și izvoade, t. XXII, p. 45.

² «Правила», стр. 7.

³ Там же.

ступающий иначе и нарушающий это Правило платит в господарскую казну определенное количество литров серебра, а также платит боярину, владельцу царанина. Кроме того, по приказанию господаря, приютивший беглого царанина возвращает и доставляет его своему первоначальному владельцу, от которого он сбежал»¹.

Характерно, что в «Уложении» 1646 года, являвшемся официальным законодательным памятником, так же как и в общегосударственной переписи податного населения Молдавии 1591 года, слова «сосед» и «вечин», которые, по мнению ряда историков, служили для обозначения особой категории крепостных крестьян, отличной от землян-царан, совершенно не встречаются. Но в «Уложении» неоднократно фигурируют лично свободные крестьяне-общинники резеши² (зависимые непосредственно от Молдавского феодального государства); крепостные светских и духовных феодалов крестьяне-царане³ и холопы⁴.

Приведенный выше текст «Уложения», согласно которому царане окончательно лишались права перехода от одного землевладельца к другому и светским и духовным феодалам предоставлялось господарской властью право розыска и возвращения своих беглых крестьян-царач в течение неограниченного срока, свидетельствует не только о том, что с изданием «Уложения» крепостное право в Молдавии было юридически оформлено в масштабе всего государства, но и о том, что вечины и царане — это одно и то же.

Правильность такого вывода подтверждается всем содержанием акта молдавского господаря Константина Маврокордато от 6 апреля 1749 года, в котором делается ссылка на «Правила» 1646 года и говорится, что царане — это те же самые вечины, лишённые в 1646 году права перехода от одного землевладельца к другому, причем закон о них сохраняет свою силу и в будущем.

Ввиду того, что урбарий⁵ 1749 года до сих пор интерпретировался, на мой взгляд, неправильно, приведу его

¹ «Правила», стр. 6.

² Там же, стр. 10.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Там же, стр. 9.

⁵ Урбарий — феодальный закон, регулирующий производственные и другие отношения между господином-землевладельцем и частновладельческим крестьянином.

текст полностью: «...Жалобы со стороны вечинов и при других сиятельных князьях, равно как и во второе княжение его высочества сиятельного князя нашего Константина Николая Воеводы, не прекращались. А в сие же третье княжение еще больше жалоб поступило от поселян, живущих на монастырских и боярских землях. в которых они жалуются на владельцев селений, что те слишком угнетают их крепостничеством; так угнетают, что поселянам кажется, что крепостничество не имеет никакого отличия от рабства; поселяне и стремились найти правосудие и избавление от крепостничества, представляя доказательства, что некоторые из владельцев селения хотя и не имели права подчинять себе крепостных до такой степени, как рабов, ввели в обычай продавать крепостных крестьян как рабов, и делить их, как цыган, и вносить их имена в рядные грамоты о приданом, и отделять детей от их родителей, забирая их в господские дома для службы, и переводить из одного места в другое. Его высочество хотел, учиня об этом разбирательство, установить истину, от чего происходят столь многочисленные и бесконечные жалобы и возмущение народа. Какую обиду имеет народ и что значит вечин? Какое право и какую власть имеют владельцы вотчин в отношении вечинов? В чем они более подвластны господам, нежели другие смежные, живущие в боярских вотчинах и выполняющие свои повинности люди? И так ли как рабами владеют ими и как цыганами-холопами? Каков был в этом отношении обычай? На эти вопросы требовало его высочество Воевода от всякого из нас ответа.

Шестого апреля, в четверг, на второй неделе после пасхи, когда были мы, как светское, так и духовное сословия и другие звания, в собрании в Трехсвятительском монастыре, при выносе святых мощей, сделан был опрос о сих вышесказанных обстоятельствах; при этом все единогласно отвечали, восстанавливая истину, что вечины не суть рабы и землевладельцы не владеют ими под именем рабов, ибо только холопы состоят в рабстве, исполняя с их женами и детьми без всяких ограничений ежедневно службу в домах господ своих; вечины же только мужеского пола служат таким образом, что высылают на работу одного человека из дома, независимо от того, сколько кто имеет сыновей; равным образом выполняют

повинности и другие смежные — лэтураши, а женский пол не выполняет столь тяжелых повинностей и не имеет такой рабской подчиненности, ибо вечин (крепостной) значит поселянин соседней земли, не имеющий своей земли и права выходить из селения. Об этом есть постановление, князя и Вистерин (казначейства), и в Правилах (1646 года) постановлено, что поселянин-вечин не имеет права выходить из села, а если оттуда выйдет, то возвратить его обратно. Это распоряжение соблюдалось и покойными древними князьями, что видно из их хрисовов; ибо когда случалась тяжба между двумя владельцами из-за одного поселянина, то возвращали его в то селение, где он был коренным жителем. Что же касается того, что вечинов продавали, делили, отдавали в приданное братьев и сестер порознь, переводили с места на место, меняли людей без моший (дедин), отлучали детей от родителей, то владельцы селений и вечинов не имели права это делать и отныне впредь такового права на вечинов никто не должен иметь; и если кто продаст мошью, то людей не должен продавать отдельно от земли, а только вместе с нею, поселяне должны оставаться в селе и выполнять свои повинности по обычаю; барщина должна исполняться по 24 урочных дня в год каждым вечином на той работе, на которую он будет поставлен землевладельцем, и десятину вносить от всего производящегося в крестьянском хозяйстве. Так мы свидетельствуем и на том соглашаемся. А чтобы сие постановление соблюдаемо было, мы все его подписали и просим, чтобы оно было утверждено его высочеством Воеводою...»¹

¹ «...Пыреле де причина вечинилор ши ла алиць луминаць Домнь, кум ши ла трекуте Доминиле Мэрией Сале Преа Ынэлцатулуй, луминатулуй Домнулуй ностру, Константин Николае Воевод и'ау линсит; парэ ла ачастэ а треиа домние ши май мулт жалобе фэкынд оамений сэтень че шеду не мошиниле мэнеэтирешть ши боерешть, фэкынд пырэ асупра стэпынилор сателор, кэ-й сунун ку вечинэате: адекэ пэрынду-ле оаменилор кэ ачест нуме де вечиние и'аре осебире де робие ши се силеа ка сэ гэсаскэ ындрептаре ши мынтуире де нумеле вечинии, арэтынд ши причинь кэ уний дин стэпыный сателор с'ау обишнунт а винде пре вечинь ка пре робь ш'ай ымпэрци ку ымпэрцеала ка пе цигань ши а да нумеле лор ын фой де зестре ш'ай десэрци пре копий дела пэриньци, луынду-й ын касе ла служба лор, ш'ай мута дела ун лок ла алтул; нефинд ачеа волниче а се винде ши а се сунуне пынэ ынтратыта ка пре робь. Пен-тру каре черчетынд Мэрна Са Водэ ку амэрунтул ка сэ афле аде-

Вот, что говорит источник, послуживший основанием для создания теории о том, что якобы вечины и царане — это различные категории крестьян, что с 1749 года ранее крепостные крестьяне-вечины стали юридически свободными царанами, что в 1749 году в Молдавии «торжественно» было упразднено крепостничество, которое затем, спустя сто лет, в 1831—1832 годах, вновь было юридически оформлено «Органическим регламентом»,

вэрул, дин че причинуеск ачесте гылчевь ши неодихна оаменилор, че стрымбэтате ар фи авынд де фак атыта неконтентэ жалобэ; ши че ва сэ зикэ вечин, че волниче, че супунере ау стэпыний мошиилор асупра лор, ку кыт сынт май супушь де кыт лэтураший че шеду пе моший боерешть ши фак служба лор ши ка пре робь се стэпынеск, ау ка пре цигань, кум ау фост обиченул, ау черут Мэриа Са Водэ рэспунсу ла фиште каре де ной.

Ла шасэ зиле а луй Април, жой, ынтру а доуэ сэптэмынэ дупэ Пашти, фиинд ной ку тоций адунаць, атыта партеа бисеричеаскэ кыт ши боиеряскэ ши алтэ обште, ын мэнэстиреа Трийсфетителор, ла скокул Сфинтелор Моаште, с'ау фэкут Собор де ынтребэциуне ачестор причинь май сус арэтате. Ла каре ку тоций ку ын глас ам рэспунс мэтурискынд адивэрул кэ вечиний робь ну сынт, ничь сэ стэпынеск ку нуме де робие; фииндкэ нумай циганий ау ача робие, карий ку феменле ши ку копий лор служеск пе тоате зиле стэпынилор сэй. Иарэ вечиний нумай партеа бэрбэтеаскэ служеск, скоцинд ла лукру нумай ын ом динтр'о касэ, мэкар кыць фициорь ва аве омул, асемине служеск ка ши лэтуралниций; иарэ партеа фемееаскэ ну служеште; ничь ау ача супунере ка робий, кэ вечин ва сэ зикэ сэтеан межиеаш, фэрэ де мошне, атыта нумай кэ дин сат ну есте волник ка сэ насэ, каре порункэ есте ши дела Домние ши а Вистерией ши а Правилый, порунчинд сэтеанул сэ ну фие волник а еши дин сат ши де унде ва еши сэ се деа ла урмэ. Каре рындуналэ с'ау пэзит ши де рэпосаций Домний чей векь, кум с'ау възут ла хрисоавеле лор, кэ кынд с'ау пырыт доэ сате пентру ын сэтеан, де унде с'ау доведит к'ау фост де баштинэ, около с'ау дат. Нумай ындрэзнеала упора дин стэпыний мошиилор н'ау супэрат фэрэ де кале; ку вынзэриле ши ымпэрицириле ши мутэриле че с'ау пуртат дела ын лок ла алтул, ле-ау дат причинь де жалобэ, пэрынду-ле лор о супунере ка де робие. Каре лукру а се винде вечиний, сау а се деспэрни ку ымпэричалэ сау а се да ын фой де зэстре пе фращэ, сау а се мута динтр'ун сат ынтр'алтул сау а се скимба нумай пе оамень фэрэ де мошне, сау пе копий а-й деспэрни дела пэринць, н'ау фост волничь стэпыний сателор ши ничь де акум ынанте ачестэ волниче асупра лор ынмень сэ ну айбэ, кэ ну есте ку кале. Ши кынд с'а винде мошна, оамений сэ ну се винзэ, чи ка ниште сэтень а сателор ын сат сэ рэмые, фэкынд служба обичинунтэ; ынсэ ши служба сэ факэ ку нарту, 24 де зиле де ом ынтр'ун ан, орь ла че лукру се ва пуне ши дижмэ сэ деа де... пе мошне. Аша мэтурисим ши не примим; ши ка сэ фие пэзит ачест ашезэмынт, не-ам искэлит ку тоций каре ашезэмынт сэ се ынтэреаскэ ши де Мэриа Са Водэ...» (Magazinul Istoric pentru Dacia, t. II, Bucureşti, 1846, p. 296—297).

введенным русскими властями. Как видим, никаких данных для подобных выводов нет. Памятник свидетельствует о другом.

Во-первых, урбарий говорит о том, что молдавские крепостные царане-вечины неоднократно пытались стряхнуть с себя феодально-крепостнический гнет, что они непрерывно приносили жалобы господарям Молдавии, указывая, что их положение мало чем отличалось от рабского. Основным их требованием было уничтожение крепостного права или хотя бы его смягчение. В частности, крестьяне—царане-вечины требовали, чтобы их не продавали без земли (вопреки «обычаю земли») и особенно в одиночку, не отнимали детей у родителей, не разлучали братьев и сестер.

Во-вторых, совершенно ясно, что 6 апреля 1749 года в Яссах собрался Земский собор, который еще раз подтвердил факт прикрепления крестьян—царан-вечинов к земле, принадлежавшей светской и духовной феодальной знати. Крестьянам и впредь было запрещено переходить от одного землевладельца к другому, а в случае их самовольного перехода или бегства от своих господ, они подлежали насильственному возврату своим прежним владельцам. Здесь же, на Земском соборе, еще раз были подтверждены права светских и духовных феодалов на взыскание с частновладельческих крестьян—царан-вечинов феодальной земельной ренты. Урбарий 1749 года преследовал цель не более как пресечения чрезмерных злоупотреблений феодалов.

Но в урбарии нет никакого намека на то, что в 1749 году в Молдавии было отменено крепостное право и что крепостные крестьяне—вечины стали юридически свободными царанами.

Следовательно, теорию о том, что будто бы Россия в 1831—1832 годах вновь оформила в Дунайских княжествах крепостное право, отмененное якобы во время турецкого владычества в Валахии и Молдавии господарем-фанариотом Константином Маврокордато, надо признать абсолютно необоснованной.

Конечно, формы и степень феодально-крепостнической зависимости и эксплуатации были весьма разнообразны и менялись в ходе исторического развития. Как отмечал В. И. Ленин, «формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного со-

стояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»¹. Поэтому естественно, что если молдавские частновладельческие крестьяне соседи-вечины, или землянцаране, были крепостными, то крестьяне-общинники резеши, сохраняя личную свободу, являлись людьми сословно-неполноправными, принадлежали к низшему, «черному», сословию.

Забегая вперед, можно добавить, что в ходе исторического развития, при более широкой возможности развития товарного производства и экономических связей, особенно с Россией, феодально-крепостнические отношения в Молдавии начали разлагаться, а несвобода крестьянина стала смягчаться, меняя свои формы от крепостничества с барщинным трудом до простого оброчного обязательства и сословной неполноправности. Однако изучение этого процесса выходит за пределы нашей темы.

Переходим теперь к рассмотрению вопроса об экономическом и правовом положении молдавских землянцаран в XVI и в первой половине XVII столетий.

Источники содержат некоторые, правда скудные данные об имуществе царан. Из жалованных несудимых грамот от 10 и 12 апреля и 31 августа 1458 года, данных господарем Стефаном III Бистрицкой, Романской и Молдавицкой духовным корпорациям, видно, что жители монастырских сел (Леукушаны, Драгомирешты, Борхинешты и др.) имели «пасеки»², «пчел и свиней»³, огороды с «капустой»⁴, «свежую рыбу»⁵ и так далее. При всем том грамоты называют крестьян «убогими»⁶ (бедными) людьми. «Оуси убоги люди от тих триех сслах», — гласит жалованная несудимая великокняжеская грамота от 19 августа 1472 года Побратскому монастырю⁷.

Жалованная несудимая тарханная грамота от 13 марта 1466 года, данная господарем духовному феодалу Тарасию, отмечает наличие у большинства крестьян-царан села Негоешты Романской епископской кафедры лоша-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 159.

² Н. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 8—9.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 10.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 11.

⁷ Там же, стр. 174—175.

дей или кобыл, волов или яловниц, воска или меда, капусты, яблок, свежей или соленой рыбы, соли, железной или деревянной посуды, сукна и полотна для домашних нужд¹ и т. д.

Из письма молдавского господаря Петра Хромого от 20 июля 1586 года, адресованного своим слугам Нямецкой волости, видно, что отдельные частновладельческие крестьяне-«царане»² имели коров, которых у них сильно отнимали государственные чиновники для погашения их задолженности по поставке в казну мяса — «сулджииу»³.

Некоторое представление об экономическом положении основной массы молдавского крестьянства — землян-царан дает таблица, составленная нами по неполным данным переписи податного населения Молдавии 1591 года⁴. (См. стр. 302).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что царане представляли собой в экономическом отношении неоднородную массу.

«Уложение» 1646 года сообщает, что молдавские светские и духовные феодалы наделяли на тяжелых условиях своих крепостных-царан не только землей⁵, но и другими средствами производства: рабочим скотом⁶, семенами⁷ и т. д.

В письме от 30 сентября 1661 года господарь Молдавии Стефан-воевода приказал своим слугам, чтобы они не требовали с крестьян-царан села Доколина, принадлежавшего великому логофету, боярину Николаю Бухушу, лошадей и подвод на транспортные нужды, исполнения в пользу государства, ямской и гужевой повинности, фуража и проч., так как большинство жителей этого села разбежалось, а оставшиеся там царане были «бедными людьми»⁸, не имевшими ни хлеба, ни сена и т. д.

В исторических источниках содержатся сведения о

¹ И. Богдан, указ. соч., стр. 96.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 329—330.

³ Там же.

⁴ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XI, p. 220.

⁵ «Правила», стр. 7.

⁶ Там же, стр. 6—7.

⁷ Там же, стр. 7.

⁸ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 158—159.

Название волостей	Общее число паран-налого- плательщиков по волостям	Из них убогих	Примечание
Сорокская	1 918	204	
Хотинская	2 148	232	
Нямецкая	3 083	553	
Васлуйская	1 252	177	
Бырладская	514	87	
Ковырлуйская	1 400	243	
Дорохойская	1 510	204	
Кигечская	2 480	220	
Сучавская	4 560	568	
Хырловская	1 295	240	
Лапушнянская	1 879	293	
Черновицкая	1 163	68	
Романская	1 054	141	
Тротушская	656	81	120 работников соляных коней
Баковская	526	121	
Ясская	2 270		Убогие не выделены
Фалчинская	1 077		.
Оргеевская	2 657		.
Текучская	1 073		.
Тутовская	1 311		.
Кырлигатурская	516		.
Путнянская	2 040		.
Итого	36 392	3 437	

том, что в феодально-крепостнической Молдавии XVI—XVII веков одни были «убогими»¹, «бедными» («сэрачь») ², а другие — «богатыми»³, одни имели «мало»⁴, а другие — «много»⁵, что крепостные крестьяне—земляне-царане являлись в основном «убогими» людьми⁶, а бояре — «богатыми»⁷, что имевшие «мало» и «стонавшие»⁸ под тяжестью социально-экономического и национально-политического гнета, цинично именовались представителями господствующего феодального класса «чернью» («мишей») ⁹, «сбродом» («адунэтурэ де оамень») ¹⁰, «скверными людьми» («оамень рэй») ¹¹, «простыми крестьянами» («царань прошть») ¹², «мужиками» ¹³, «подлым народом» ¹⁴, которому даже в церквях, в этих «чистилищах души», запрещалось близко подходить к крупным земельным собственникам ¹⁵.

Богатые, напротив, с точки зрения господарской власти и господствующего класса — это «люди избранные» ¹⁶, «верные и почтенные» ¹⁷, «добрые и старые» ¹⁸, «знатные граждане» ¹⁹, «вельможные» ²⁰, «люди добрые,

¹ *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, p. 10.

² *E. Hurmuzachi*, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 2, p. 903—904; 908; Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 158—159; «Правила», стр. 26, 31.

³ «Правила», стр. 41—42.

⁴ Там же, стр. 26.

⁵ Там же.

⁶ *И. Богдан*, указ. соч., стр. 10, 231, 257.

⁷ «Правила», стр. 41—42.

⁸ *Г. Шинкай*, Хроника ромынилор ши а май мултор неамурь, Нашь, т. I—III, 1853; т. II, p. 134.

⁹ Там же, стр. 134, 179; Surete și izvoade, t. II, p. 256; t. IV, p. 316; t. V, p. 317—318; t. XXII, p. 45; Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 175; Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lăpușnei, București, 1937, p. 104.

¹⁰ *E. Picot*, Op. cit., p. 462—464.

¹¹ *N. Iorga*, Studii și documente, t. V, par. 1, p. 447.

¹² «Правила», стр. 117.

¹³ *Д. Кантемир*, указ. соч., стр. 307.

¹⁴ Там же, стр. 235.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ispisoace și zapise, t. II, par. 1, p. 140.

¹⁷ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 51.

¹⁸ Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 140; Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 163; M. Costăchescu, Documente moldovenești din județul Neamț, Arhiva Românească, t. IV—V, 1940, p. 274.

¹⁹ *Д. Кантемир*, указ. соч., стр. 162.

²⁰ *М. Костэреску*, указ. соч., стр. 276.

слуги господарские»¹, составлявшие светское и духовное феодалные сословия.

Необходимо подчеркнуть, что имущественное положение даже самих крепостных крестьян землян-царан, или соседей-вечинов, не говоря уже о лично свободных мелких земельных собственниках, крестьянах-общинниках резешах, было далеко не однородным. Отдельные крестьяне отличались друг от друга по степени личной зависимости от феодалов, по количеству и качеству земли, числу рабочего и иного скота, размерам платежей, по тяжести феодално-крепостнической эксплуатации, характеру землевладения и землепользования и т. д. Как уже отмечалось, в исторических источниках говорится и о «простых крестьянах»², и в то же время о «добрых людях из крестьян» («царань оамень бунь»)³, т. е. о крестьянах зажиточных. Так, например, при составлении одной купчей крепости в качестве свидетелей выступило «...много добрых людей: и попы, и царане-крестьяне, добрые люди...» («...ау фосту мульц оамень бунь: ши преуць, ши царань оамень бунь...»)⁴.

Несвободный молдавский крестьянин Матвей обладал лишь одной лошастью и весьма скромным хозяйством⁵. Другой крестьянин, упомянутый в документе 1579 года («наш бедный крепостной Стан Григораш»⁶), также владел только одной лошастью, которую к тому же неудачно променял трансильванскому подданному Стефану.

Но, несмотря на наличие среди крестьян-царан имущественного неравенства, положение подавляющей их части было очень тяжелым. Говоря о трудовом земледельческом населении страны, источники указывают, что это — «неимуший, бедный, нуждающийся народ» («тот народул невоеш»)⁷, это «наши бедные крепостные»

1 Surete și izvoade, t. XX, p. 197—198.

2 «Правила», стр. 117.

3 Ispisoace și zapise, t. II, par. 1, p. 162.

4 Там же.

5 E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, pag. 2, p. 785.

6 Там же, т. XV, ч. I, стр. 676.

7 A. Papadopoulos-Kerameus, Scrieri și documente grecești privitoare la istoria românilor din anii 1592—1837, culese și publicate în tomul XIII din documentele Hurmuzachi, traduse de G. Murnu și C. Litzica, București, 1914, p. 404.

(«йобажий ноштрий сэрачь»)¹, «бедные люди» («оамень сэрачь»)², «бедные, слабые и неимушие» («сэрачь ши непутинчиошь»)³, среди них немало «голодных» («флэмынзь»)⁴, «больных» («болнавь»)⁵, «хромых, слепых и калек» («шкиопь ши орбь ши алций»)⁶, ставших такими в результате подневольного труда. Даже представители господствующего класса вынуждены были признать, что «убогь есмь реч: села не имамь, стяжании нес ми, и откуду имамь дати нищому...»⁷.

Неурожаи, постоянные голодовки еще больше истощали мелкое крестьянское хозяйство, ставя страну под угрозу полного разорения. Вот почему в произведениях некоторых защитников феодальных порядков (Макария, Евфимия, Азария, Г. Урске, М. и Н. Костинов, И. Некулче, Д. Кантемира и др.), несмотря на их классовую ограниченность, тенденциозность и политическую неправленность, нашло отражение бедственное положение трудового населения страны.

Молдавский высокий сановник, носивший титул великого логофета, идеолог феодально-крепостнического строя, боярин-летописец Н. Костин говорит о постоянных голодных годах в Молдавии, а во время страшного голода конца XVII столетия отмечает даже случаи людоедства⁸. В голодные и неурожайные годы множество человеческих трупов валялось по обочинам дорог.

Молдавский господарь, историк Дмитрий Кантемир, рисуя жизнь основной массы молдавского крестьянства—царан, делает вывод: «молдавских мужиков... можно бы почесть за беднейших людей во всей подсолнечной...»⁹.

В юридическом отношении царане были почти бесправны. Феодалы продавали и покупали крепостных

¹ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, pag. 2, p. 1146.

² «Правила», стр. 117.

³ Surete și izvoade, t. XXII, p. 138.

⁴ A. Papadopoulos-Kerameus, Op. cit., p. 402.

⁵ Там же, стр. 404.

⁶ Surete și izvoade, t. XXII, p. 138.

⁷ А. И. Яцимирский, Из истории славянской проповеди в Молдавии (тексты), СПб., 1906, стр. 62.

⁸ М. Когэличану, Летописецеле Цэрий Молдовей, т. II, Иашь, 1845, стр. 39.

⁹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 307.

крестьян, «били оных палками»¹, до тех пор, пока они «зле душу извержат»². Таким образом, крепостные крестьяне низводились до положения рабов.

Молдавские феодалы торговали своими крепостными крестьянами — «соседями»³-«вечинами»⁴, продавали⁵ и покупали⁶ их с землей и без земли, целыми семьями и в розницу, разделяя семьи, отрывая дочерей и сыновей от своих родителей, жаловали⁷ крестьян другим лицам, закладывали их⁸, делили⁹, передавали по наследству¹⁰, меняли¹¹, дарили¹², отдавали в приданое¹³ и т. д.

Молдавские крестьяне (земляне-царане, или соседи-вечины) составляли принадлежность феодальной вотчины, входя в ее состав. Имена крепостных крестьян, так же как и холопов, фигурируют в купчих, жалованных, дарственных, подтвердительных, рядных, деловых и иных господарских грамотах наравне со скотом, движимым и недвижимым имуществом и т. д.

Так, в 1637 году группа молдавских бояр подтвердила акт продажи бывшим ворником Панасием села Аврамешты с «крепостными крестьянами-соседями» великому казначею Йордакию¹⁴.

В купчей грамоте от 12 апреля 1642 года говорится, что Крыстя Драче «...продал свою правую отнину и дедину: четири жиребии от село Синъуц, что на реце

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 306.

² Там же.

³ Surete și izvoade, t. IX, p. 72—73, 77.

⁴ Uricarul, t. I, Ed. 2, p. 132; Surete și izvoade, t. XXII, p. 130.

⁵ Surete și izvoade, t. III, p. 256—257; t. IV, p. 250—251; T. Balan, Documente bucovinene, t. II, Cernăuți, 1934, p. 100.

⁶ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 27, 92—93.

⁷ V. Motogna, Două scrisori ale lui Gheorghe Ștefan, Revista Istorică, Anul XII, N-le 10—12, 1926, p. 319—320; Surete și izvoade, t. V, p. 247, 320; Uricarul, t. XVIII, p. 262; T. Balan, Op. cit., t. III, 1937, p. 24, 74; Uricarul, t. XXIII, p. 70.

⁸ Surete și izvoade, t. V, p. 86—87.

⁹ Ispisoace și zapise, t. II, par. 2, p. 11; T. Balan, Op. cit., p. 100; Ispisoace și zapise, t. III, par. 2, p. 34; Surete și izvoade, t. XXII, p. 21—23.

¹⁰ Surete și izvoade, t. IV, p. 90; t. V, p. 194; T. Balan, Op. cit., t. II, p. 51; t. III, p. 42—43.

¹¹ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 45; Surete și izvoade, t. II, p. 246—247.

¹² Uricarul, t. XIV, p. 166—167.

¹³ Ispisoace și zapise, t. III, par. 2, p. 34.

¹⁴ Surete și izvoade, t. III, p. 256—257.

Сирет, у волост Сучавской, и съ половина от млин, и съ садови, и съ домови готови, и съ три *сусиди* (курсив наш. — Ф. Г.) на име Григорие Костреш и Флоре и Фьдор сынъ Мълаю, и от... село, и от поле, и съ вес приход, та он продал кнегини Илени комисоае, дъща покойного Гаврилаша бывшего великого логофета, ради една сто и два десят леукови битых, и платил ему въси исполъно...»¹

В меновой грамоте от 22 января 1609 года сказано, что великий казначей Никоар Прѣжескул отдал свою вотчину — село Болдещи вместе с крепостными крестьянами-«соседями» господарскому слуге «Федору в обмен на половину села Столничены»².

Примерно то же самое говорится и в меновой записи от 29 ноября 1610 года, согласно которой Василий, сын Брудула, внук Дърѣбана, и его сестра Аврѣмья дали великому ворнику Верхней Молдавии Пѣтрашко пять семейств крепостных крестьян-«соседей» вместе с их «жребиями» — земельными наделами, а от него получили шесть крестьянских семейств также с земельными участками, которые они обрабатывали.

«...Пан Оуреке големой дворник Долней земли, — гласит рассматриваемая меновая запись, — и пан Исак Балика хетман и прѣкълаб Сучавскы, и пан Кирици Думитрашко великий постелник, и пан Никоар великий вистиарник, и Боул вистиарник и Тоадер великий армаш, и Василе Прѣжескул ворник, и Гиоргие Балш ворник. Оже приидоша пред нами Василие сынъ Брудула, внук Дърѣбана, и съ сестра его по имени Аврѣмья, неким непонуждени а ни присиловани, и изменили и дали пять *сусиди* (курсив наш. — Ф. Г.) съ пять *жиребии* от село Леукушещи, что у волост Сучавской, его милост пан Пѣтрашко великому ворник горней земли, а пан его милост Пѣтрашко великий ворник дал исим шесть *сусид* (курсив наш. — Ф. Г.) съ шесть *жиребию* от село имено Къмързани. Тем ради видевшѣ их добровольною токмеж изменение за изменению, а ми от нас учинихом его милост сиа свидетельства, покова будет себе учинити исписок от господства, и на болша вера и наших

¹ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 27.

² Surete și izvoade, t. XXI, p. 169—170.

печати и подписании приложихом к сия наша свидетельства»¹.

О бесправии молдавского крестьянства можно судить хотя бы на основании следующего текста аграрного законодательства. «К орудиям же поля принадлежит все, служащее к обработке земли, уборке и сбережению плодов, как-то: земледельцы, волы, животные для утучнения земли и все земледельческие снадобья, служащие к обработке земли, уборке и сбережению плодов»².

Здесь крестьяне-земледельцы, непосредственные производители материальных и культурных благ, люди труда и защитники отчизны поставлены рядом с крупным рогатым скотом и средствами и орудиями земледельческого производства.

Итак, в XVI — первой половине XVII веков молдавские крестьяне испытывали тяжелый феодально-крепостнический гнет, над ними тяготело турецкое кровавое иго. Произвол местных светских и духовных феодалов и иноземных турецких поработителей порождал нищету и бесправие трудового люда Молдавии.

§ 4. СОСЛОВНО-НЕПОЛНОПРАВНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ РЕЗЕШИ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Выше мы отметили, что молдавское крестьянство в XVI—XVII веках состояло из двух основных категорий: 1) крепостных, лично зависимых, частновладельческих крестьян (землян-царан, или соседей-вечинов), живших на земле светских и духовных феодалов-землевладельцев, и 2) лично свободных, но сословно-неполноправных крестьян-общинников резешей, подвластных непосредственно Молдавскому феодально-крепостническому государству и живших на государственной земле, которую они, однако, считали своей и распоряжались ею (за исключением находившихся в распоряжении общины лесов, лугов и других угодий) по собственному усмотрению вплоть до отчуждения путем заклада, дарения или продажи. При этом члены резешской общины имели право в первую очередь приобрести отчуждаемую терри-

¹ Surete și izvoade, t. II, p. 246—247.

² А. Н. Егунов, Местные гражданские законы Бессарабии, СПб., 1881, стр. 202.

торию. Мы указывали, что резешей в рассматриваемое время оставалось уже немного, так как они постепенно разорялись и попадали в частновладельческую зависимость.

Естественно, что в разряд резешей нами не включаются представители других (не крестьянских) сословий, которые нередко проникали в соседнюю сельскую общину и узурпировали крестьянские земли и связанные с владением ими права.

Разве можно, например, считать в действительности резешем или «машинашем»¹ крупнейшего светского землевладельца Теодорашка Кантакузино, который сделался таковым «путем получения в дар и покупки участка крестьянской земли»² в соседнем резешском селе-общине Ротомпэнешты? Конечно, нет. Нельзя называть резешами и других светских или духовных сановников, которые выделялись в ходе исторического развития из общины и становились над общиной, закрепощая труд свободных молдавских крестьян. Неправильно причислять к резешам также дворян, купцов, мещан, проникавших в резешскую среду путем захвата их земли.

Резеш — это непосредственный производитель материальных благ страны, владелец небольшого участка пашенной земли, имевший, как правило, свой дом, а также другие средства и орудия производства (коня, плуг, борону, косу, серп, топор и т. д.) и пользовавшийся общинными угодьями. Наряду с земледелием резеш занимался в необходимой для своего крестьянского хозяйства мере и ремесленным трудом. Если земля была первым и основным условием существования молдавского резеша, то второе такое условие составлял домашний ремесленно-промышленный подсобный промысел.

В. И. Ленин, излагая историю аграрного вопроса в России во второй половине XIX века, затрагивая тему о крестьянском хозяйстве и о различии между разрядами сельского населения, исторически сложившемся в течение многих веков, коснулся положения молдавских резешей, вошедших в состав России в связи с присоеди-

¹ N. Iorga, Studii și documente, t. VII, p. 115; A. D. Xenopol, Proprietatea mare și cea mică în trecutul țărilor române, „Viața Românească”, Anul VIII, Februarie, N 2, Iași, 1913, p. 171.

² Там же.

нием к ней по Бухарестскому мирному договору 1812 года Бессарабии. Несмотря на то, что В. И. Ленин говорил о социально-экономических отношениях второй половины XIX века, когда сельская община особенно интенсивно распадалась в результате расслоения молдавской деревни, когда в резешскую среду в значительном числе проникали бояре, дворяне, купцы и мещане, все же он под термином «резеши»¹ понимал именно категорию молдавских крестьян, задавленных «живыми остатками крепостничества»², а не «лиц разных сословий»³. Как указывал В. И. Ленин, резеши Молдавии и Бессарабии⁴ владели незначительными земельными участками. Согласно официальным статистическим данным департамента земледелия, на крестьянско-резешский двор приходилось в среднем 5,3 дес. земли⁵.

Акты о резешах до XVII столетия немногочисленны, но с течением времени число их возрастает, в них все полнее отражается юридическая природа этого разряда крестьян, их экономическое и правовое положение в молдавском обществе, их роль в общественном производстве и т. д.

Только в тех случаях, когда в нашем распоряжении имеется конкретный акт — дарственная, купчая или иная господарская грамота, относящаяся к определенному лицу (резешу) или к ряду лиц и сообщающая, почему тот или иной резеш подарил или продал влиятельному и богатому собственнику свой участок земли (виноградник, сад или другое недвижимое имущество) или почему остальные резеши (члены сельской общины), пользовавшиеся по «обычаю земли» преимущественным правом покупки резешских земель, не смогли воспользоваться этим правом из-за отсутствия средств, — мы узнаем о действительном экономическом состоянии и правах не только резеша, отчуждавшего свою землю, но и остальных резешей — членов территориальной общины. Другие исторические источники (правые, рядные и оброчные грамоты, господарские указы, уложения и т. д.) расширяют наши сведения о резешах.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 60.

² Там же, стр. 61.

³ Л. С. Берг, указ. соч., стр. 105—106.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 452, прим. 35-е.

⁵ Там же, стр. 60.

Один из наиболее ранних известных нам исторических источников, в котором упоминаются «резеши», относится к 1580 (7088) году¹. В нем говорится, что резеш Гавриил Динган вместе со своими братьями предъявил, по требованию господаря, купчую грамоту, которой подтверждался факт купли ими участка земли в селе Отешты². На основании этого документа трудно представить себе конкретно материальные условия жизни и правовое положение Гавриила Дингана. Известно лишь, что он был мелким землевладельцем.

В письме от 8 сентября 1585 года молдавский господарь Петр Хромой распорядился через бывшего канцлера молдавской господарской канцелярии — великого логофета Георгия, чтобы резеши («содоши») села Гэрбешты уплатили 54 золотых надзирателям Петру и Андрею Гэрбескулам. «...Пишем нашему верному Георгию, бывшему великому логофету, яко узришь сес лист господства ми, а ты скажи Петри вѣтах и... Андрейки Гърбескул, яко да вратят келтуяла (расход. — Ф. Г.), что келтовал Андрейка ради едни привилие, що они их платил, что били тоти привилие им *сѣдѣщие* (курсив наш. — Ф. Г.) и дал за оба привилие 40 злат и за един исписоку 14 злати...»³.

И в данном случае глухие указания источника не позволяют судить, каково было положение резешей, богаты они или бедны, какую роль они играли в производственной жизни страны и т. д.

«Петръ воевода... дали есми сест лист господства ми слуге нашему Андрейка вѣтах, — читаем в грамоте, датированной 10 сентября того же 1585 года, — на то он да ест моцен и силен и с сим листом наш опирати отину от Тунгузеи и от Къскоещи и от полена монастыри от своих *резеши* (курсив наш. — Ф. Г.), доколе запла-тят они ему ферию⁴, иже дал у вистиар господства ми,

¹ Surete și izvoade, t. XIX, p. 136.

² Там же.

³ Там же, стр. 190.

⁴ «Завязка», или «ферия», — это судебный штраф, шедший в господарскую казну. Штраф накладывался для того, чтобы истец не возобновлял тяжбу. Государственная власть этим преследовала цель положить конец возобновлению многочисленных земельных споров, длившихся десятилетиями между трудовым народом и феодальной знатью, захватывавшей общинные и индивидуальные крестьянские земли.

а комусь възрит кривда, а он станет лицом пред нами...»¹ Речь идет о том, что, согласно указанию молдавского господаря Петра Хромого его слуге надзирателю Андрею, тот должен конфисковать у резешей их земли, так как они не внесли в господарскую казну судебный штраф — «ферию». Таким образом, видно, что молдавские резеши штрафовались господарской властью, а земли, которые находились в их владении, передавались господарем как верховным земельным собственником страны во владение феодальной знати. Но ясного представления о резешах не дает и данный документ.

Из правой господарской грамоты от 19 сентября 1585 года мы узнаем, что вышеупомянутые резеши сел Тунгузеи и Кэскоешты возбудили дело против господарских слуг Петра и Андрея Гэрбескулов, захвативших их земельные участки. Однако господарь Петр Хромой постановил, что истцы не имеют никаких прав на данные земли, мотивируя свое решение тем, что якобы их купили еще предки Петра и Андрея². Из ранее же рассмотренных актов видно, что сам господарь Петр Хромой распорядился конфисковать у резешей их земельные владения из-за неуплаты ими в господарскую казну штрафа — «фериин».

Таким образом, узурпация молдавской светской и духовной феодальной знатью общинных и индивидуальных резешских земель выдавалась центральной господарской властью и другими представителями господствующего класса за их куплю и продажу. Следовательно, ни личные, ни имущественные права резешей не были обеспечены законом. Простого распоряжения господаря Молдавии было достаточно для того, чтобы превратить государственную землю, на которой жили и трудились резеши, в частновладельческую феодальную вотчину.

В грамоте от 21 февраля 1588 года говорится о том, что господарь Петр Хромой распорядился через своих слуг Кокора и Георгия (хотинских пыркалабов) отмежевать (посредством установки специальных столбов) имение боярина—логофета Гаврилаша в селах Хорбинешты, Вербиянка и Холохорены от владений крестьян-резе-

¹ Surete și izvoade, t. XIX, p. 191.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 292—293.

шей¹. Таким образом, из этого документа видно, что в названных селах имелись как боярские, так и резешские земли. Однако из другой господарской грамоты, датированной 12 августа 1645 года, узнаем, что резеши села Холохорены обвинялись в том, будто бы они никогда не пользовались там земельными участками и поэтому подлежат насильственному выселению. «...Василий воевода... господарь земли Молдавской, — гласит эта правая грамота, — сообщаем нашему слуге Петрашку Ворбинескулу о том, что судились лично перед нами, с одной стороны, наш верный и почтенный боярин великий ворник Нижней Страны Уреке, а с другой, — жители села Холохорены. Они судились за землю села Холохорены. Те люди говорили, что они владеют в селе Холохорены землями—дединами. Потому мы и отправляли туда два раза нашего боярина, чтобы он выяснил на месте суть дела. Он, боярин, узнал, что жителям села Холохорены нет никакого дела до этого села и что они напрасно ходят и мешают, так как они в том селе Холохорены не имеют ныне никаких земель. А поэтому повелеваем тебе, Петрашку Ворбинескул, назначить тем *резешам* (курсив наш. — Ф. Г.) определенный срок для разрушения их домов, на земле, где они живут. Ты высели их оттуда. А если же они и впредь будут продолжать сопротивляться, то ты, Петрашку Ворбинескул, назначь определенный день и распорядись, чтобы все дома *резешей* (курсив наш. — Ф. Г.) до единого были разрушены до основания...»².

¹ «...Петръ воевода..., господарь земли Молдавской, пишем нашим Кокоре и Георгие пыркълаби Хотинскии. Даемо вам знати, ере май прежде от сего сътворихмо лист господства ми съ малою печать слуге нашему Гаврилаш Логофет, аби есте ему хотарили (размежевали. — Ф. Г.) оу село, оу Харбинещи; из уст господства ми еще казахмо, ти Кокор, да хотаришь ему, а ти еси не ходил хотарьти до съда, протож як о узрити сест лист господства ми, виж аби есте поехали оба и хотарили слуге нашему Гаврилаш логофет, и да съмотряйте правелие слуге нашего Гаврилаш логофет и *рѣзашом* (курсив наш. — Ф. Г.) его яко брещете ви съ вашими душами и съ люди добрих и старих от там, а ви да изберете часть немшеская особно от село и от толоку (пар, служащий пастбищем. — Ф. Г.) и от поле и от повезде яко будет май прав, и да поставляйте им столпи, и у село Вербиянка також, и у Холохорены також, да изберете ему и поставляйте им столпи, так да знайте, инак не учините...» (ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 28).

² ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 87; см. также, док. 88, 91, 92 (документ дается в переводе с молдавского языка).

Приведем текст правой грамоты от 3 мая 1617 года: «...Радул воевода, божию милостию господарь земли Молдавской. Ож приидоше пред нами и пред нашими болери... *рѣзеши* (курсив наш. — Ф. Г.) ...и тягали на наши молебници калугери (монахи. — Ф. Г.) от святая монастыр называемая Тоадера Могили, где ж ест храм Възнесения..., ради половина вышняя село Сърбии, что на Башиу, и сиче они казали, *ож они имали великою асупрение* (резеши говорили, что они терпели великие притеснения, угнетения от феодалов. Курсив наш. — Ф. Г.) и пометам им пинези («покупатели» бросили крестьянам деньги. — Ф. Г.) пять сот талери личных *без воли их* ради тое пол за село, ино господства ми и съ нашим правденом съветом съдихом их по закону земскому, и искахом и обретохом, аж ест правая отнина и выкупление молебником нашим калугерем, за что имали таковии наредение други, ере колико привилие старии, все тии привилие били въ рѣци калугерем. Того ради тоти вишписаннии *рѣзеши* они застали (оказались побежденными в тяжбе с феодалами, и потерпев поражение, вынуждены были сдаться. — Ф. Г.) от въсего нашего закона...»¹

В цитированной грамоте речь идет о том, что резеши возбудили в господарском суде дело против монахов монастыря Тоадера Могили, которые, по словам истцов, притесняли и угнетали их и захватили у них полсела Сербии, насильно вручив им за него деньги. Хотя суд и решил дело в пользу монастыря, но имеются все основания полагать, что монахи действительно захватили резешские земли, а господарь своей правой грамотой юридически закрепил этот захват.

Иногда резеши сами вынуждены были отказываться от своих земель, не будучи в состоянии выносить фискального гнета. В документе, датированном 3 июня 1619 года, содержатся сведения о том, что резеш Пэтрашкан из-за тяжелого налогового бремени покинул свой участок земли и бежал из села Леукушаны². Конечно, не от хорошей жизни он бросил родной дом, близких и

¹ Ispisoace și zapise, t. I, par. 2, p. 102—103.

² Ispisoace și zapise, t. I, par. 2, p. 126—127.

навсегда ушел из родных мест. Точно так же не от хорошей жизни молдавский крестьянин резеш Федор Коронга в 1621 году продал за 15 лей свой фруктовый сад в селе Мичешты феодалу Константину. Источник совершенно определенно говорит, что продажа была совершена крестьянином из-за «великой нужды и голода» («де маре липсэ» ши «фоаме»)¹. Нужда побудила молдавских резешей села Брысешты продать 13 декабря 1650 года свои земельные участки за 4 меры пшеницы². То же самое можно сказать и относительно молдавских крестьянок, членов общины резешей,— Васильке, Соломии и Савои, продавших в 1660 году из-за «голода» («де фоаме») светскому феодалу Аргирию первая 10 яблонь, вторая и третья — 7 за тот же хлеб насущный³.

Из купчей грамоты от 5 апреля 1661 года узнаем, что молдавский крестьянин Килиян, опросив своих родных и близких, а также всех остальных резешей — членов общины-села Ончены и не найдя среди них покупателя из-за их экономической несостоятельности, продал на сторону участок земли размером в 36 шагов, «во время большого голода, когда в стране мера хлеба стоила 1 венгерский золотой дукат...»⁴

20 мая 1674 года другой крестьянин-общинник — Юкша передал своим сорезешам — братьям Георгию Балакию и Василию Коркотэ принадлежавший ему в селе-общине Козмешты участок земли размером в 100 шагов за то, что те внесли в господарскую казну его долг по государственному подушному налогу⁵.

«Я, Федора, дочь Фоки, вместе со своим мужем Урсулом,— гласит купчая грамота, датированная июнем 1675 года,— пишем и свидетельствуем настоящей своей записью, что мы продали принадлежавшую нам в селе Козмешты часть дедины боярину Василию из села Томешты; продали ту часть дедины, которую купил мой

¹ Surete și izvoade, t. II, p. 205.

² Там же, т. III, стр. 242.

³ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 134—135.

⁴ Там же, стр. 171—172.

⁵ Ispisoace și zapise, t. III, par. 2, p. 157.

отец Фока у Надеждия из села Козмешты во время великого голода, в дни правления Стефаницы воеводы (1659—1661. — Ф. Г.), сына господаря Василия воеводы. Предварительно мы опросили всех своих братьев и сестер и всех своих сорезешей: не желают ли они приобрести продаваемый участок земли? И никто из резешей села Козмешты не изъявил желания и не оказался в состоянии купить ту часть дедины. Тогда мы продали ее вышеупомянутому боярину Василию из соседнего села Томешты за 24 лея...»¹.

Таким образом, несмотря на то, что молдавские крестьяне-общинники резешы имели преимущественное право приобретения отчуждаемых их сорезешами земельных участков, несмотря на то, что обычно резешы, желавшие продать свои клочки земли, предварительно спрашивали у родственников, а затем и у остальных крестьян-общинников согласия на отчуждение, все же общинная и индивидуальная крестьянская земля неуклонно продолжала концентрироваться в руках феодалов, а резешы все более разорялись.

Часть резешей не была уже в состоянии вести свое хозяйство и шла в кабалу к феодалам.

В источнике, датированном 4 апреля 1688 года, читаем: «...мы, Афанасий и Апостол, внуки Дэнчештов, пишем и свидетельствуем настоящей купчей записью, что, попав в тяжелую нужду и не имея надежды ни с какой стороны, вынуждены были обратиться с просьбой и мольбой к господину Иоану Раковице, второму чашнику, и он соблаговолил и дал нам двенадцать лей, которые выручили нас из нужды. Мы же в свою очередь за эти деньги, что дал нам Иоан Раковице, передали ему всю причитавшуюся нам часть села Дэнчешты: земли в пределах указанного села, брод для постройки мельницы, пашни, сенокосы, фруктовые деревья, место для пасеки и весь доход, который будет с тех земель и угодий. Однако же, если принадлежавшая нам в селе Дэнчештах земля окажется недостаточной для покрытия вышеупомянутой выданной нам Иоаном Раковице суммы, то тогда он имеет право пополнить ее другими принадлежащими нам землями — дединами, которые

¹ Ispisoace și zapise, t. III, par. 2, p. 164 (купчая грамота приводится в переводе с молдавского языка).

находятся в другом месте. Что касается нас, то мы известили остальных наших сорезешей и спросили их согласия на отчуждение земли, и никто из них не изъявил желаний и не взялся дать нам упомянутые выше деньги, когда мы испытывали нужду. А он, Иоан Раковицэ, дал нам те деньги, о которых мы писали выше. А поэтому и проданная нами ему земля да будет его вечной и нерушимой отниной и дединой...»¹

Из цитированной кабально-купчей крепости видно, что молдавские крестьяне-резешей, как правило, не были в состоянии приобретать недвижимое имущество.

Молдавский резеш Василий, сын Донисоаи, с женой Ириной и детьми, оказавшись в тяжелом экономическом положении, опросил всех своих родственников и близких, не желают ли они купить у него дом, но они, не имея никакой возможности сделать это из-за отсутствия средств, разрешили Василию продать свой дом кому угодно, хотя бы за пределы общины-села. Тогда Василий 17 июля 1702 года продал дом некоему Иоану Унгуриану. В купчей грамоте об этом говорится так: «Я, Василий, сын Донисоаи, со своей женой Ириной и со своими детьми, составили настоящую купчую запись и вручили ее в руки Иоану Унгуриану, мельнику, в том, что я продал ему свой дом, построенный моими руками; оказавшись в большой нужде и бедности, я вынужден был совершить эту продажу. Предварительно я опросил всех своих братьев и родственников, может быть, им нужен дом и они его купят, но они, не имея никакой возможности купить у меня дом, разрешили мне продать его кому угодно, кто только пожелает приобрести его и имеет для этого средства. Тогда нашелся покупатель Иоан Унгуриан, и я, Василий, продал ему свой дом за 7½ лея...»².

Таким образом, и из данного документа, как и из предыдущих исторических источников, незавидное экономическое положение подавляющего большинства молдавских крестьян-общинников резешей выступает довольно наглядно.

¹ Surete și izvoade, t. VIII, p. 230 (акт дается в переводе с молдавского языка).

² T. V. Ștefanelli, Documente din vechiul ocol al Câmpulungului Moldovenesc, București, 1915, p. 21 (акт приводится в переводе с молдавского языка).

Такую же картину рисует приводимая ниже дарственная грамота (по существу представляющая собой акт купли-продажи), оформленная 11 июня 1709 года: «Я, Крэчун Хормор, сын Алексея, внук Ония, из Костешты пишу и свидетельствую настоящей своей дарственной записью, что я никем не принужденный и не притесненный, а по своей доброй воле, дал и подарил боярину Антиохию Жоре, великому логофету, свою долю, четвертую часть села Костешты Тутовского уезда. Вышеупомянутая часть дедины и отнины досталась мне по наследству от моего отца Алексея. Но теперь, попав в тяжелое экономическое положение, я просил всех моих родственников и сорезешей, чтобы они купили у меня ту четвертую часть дедины и отнины и дали мне необходимые деньги, чтобы расплатиться с долгами и выйти из этой беды. Но никто из моих родственников и близких, а также из моих сорезешей не был в состоянии купить ту мою долю, четвертую часть дедины и отнины, все от этого отказались. Находясь в таком тяжелом материальном положении и в такой беде, я, зная боярина Антиохия Жору, великого логофета, и на сей раз обратился к нему и попросил его, чтобы он избавил меня от этой беды. Со своей стороны я, видя его доброту, дал и подарил ему свою вышеупомянутую долю, четвертую часть дедины и отнины, причитавшуюся мне в селе Костешты (в селище, полях, в лесу и сенокосах), с местами, удобными для пасеки, с фруктовыми деревьями,— все, что принадлежало мне в той четвертой части дедины и отнины и что перешло мне по наследству от моих родителей, а также водоем для постройки водяной мельницы на реке Бырладе, со всем доходом. То все пусть впредь принадлежит боярину Антиохию Жоре и его жене, их детям и внукам и правнукам...»¹

Положение основной массы молдавских резешей было очень тяжелым. Из кабально-ипотечной закладной записи 1611 года видно, что молдавский крестьянин-общинник Эммануил Урсул владел только одной овцой с ягненком, двумя барашками и двумя козликами, причем этот скот был взят им под заклад у одного феодала, — сына Георгия Флоаче².

¹ Surete și izvoade, т. XXII, р. 71 (цитированный источник приводится в переводе с молдавского языка).

² Т. В. Штефанелли, указ. соч., стр. 1.

В другой кабальной грамоте, датированной 14 июля 1702 года, содержатся сведения о том, что во владении «мошинаша»¹ (резеша) Кирилла имелось всего лишь несколько пчелиных ульев и корова, которая к тому же была ссужена ему одной из молдавских церковно-монастырских корпораций, и за эту ссуду Кирилл был обязан работать на барщине в монастырском хозяйстве. Таким образом, Кирилл, считаясь юридически лично свободным крестьянином-мошинашем, или резешем, фактически приближался к положению соседа-вечина (крепостного)².

Если большинство резешей состояло из людей мало-земельных и бедных, употреблявших часть своего прибавочного времени на работу на господской пашне в имениях светских и духовных землевладельцев, получая от них наделы земли на кабальных условиях³, то незначительная часть более зажиточных резешей, напротив, располагая лишней землей, отдавала ее в аренду с условием внесения оброка и выполнения барщины своим же собратьям по общине — малоземельным сорезешам⁴. Последние, таким образом, переходили из разряда свободных крестьян-общинников в ряды царан.

Некоторые экономически сильные резешы, пользуясь тяжелым экономическим положением своих собратьев по общине, скупали у них участки земли, виноградники и сады, увеличивая свои земельные владения. Примером может служить Варвара Хачимандоя, которая постепенно купила 8 земельных жребиев у своих сорезешей села Топены⁵.

Основное различие между молдавскими резешами и землянами-царанами (или соседями-вечинами) заключалось (как уже говорилось выше) в том, что первые жили на государственной земле, вторые — на земле част-

¹ Surete și izvoade, t. VIII, p. 184.

² Там же.

³ Surete și izvoade, t. IV, p. 232; Aurel V. Sava, Op. cit., p. 121—122.

⁴ Revista Societății Istorico-Arheologice Bisericești din Chișinău, t. XX, Chișinău, 1930, p. 167—168.

⁵ Surete și izvoade, t. II, p. 104; A. D. Xenopol, Proprietatea mare și cea mică în trecutul țărilor române, „Viața Românească”, Anul VIII, N 2, Iași, 1913, p. 166—167.

новладельческой. Поэтому первые являлись лично свободными людьми, а вторые — крепостными.

Резеши де-юре (а некоторые наиболее крупные и зажиточные из них и де-факто) имели право даже строить и использовать для своих собственных хозяйственных нужд водяные мельницы. Так, в «Уложении» 1646 года сказано: «Если же резеши пожелают разделить землю, находившуюся во владении всего села в целом, а затем окажется, что в одном из размежеванных индивидуальных резешских земельных участков обнаружится хорошее или удобное место для постройки мельницы, и его владелец построит таковую, то в таком случае остальные резеши не могут протестовать или говорить что-либо против владельца построенной мельницы»¹. Крепостному же крестьянину (соседу-вечину, или землянину-царанину) категорически запрещалось иметь собственную мельницу или жернова. Под страхом смертной казни через повешение он обязан был молоть свой хлеб только на мельнице своего господина-землевладельца, который (обладая монопольным правом держать мельницы) получал с них большие доходы в виде «уиума» (натуральной платы за помол зерна).

Различия в положении резеша и крепостного частновладельческого крестьянина можно установить и с точки зрения характера и количества лежавших на них феодальных повинностей, форм их зависимости и степени эксплуатации, подсудности и т. д.

Молдавского крестьянина-общинника резеша, зависимого непосредственно от государства, судил общинный суд, или господарский судья, или, наконец, сам господарь. Крепостной частновладельческий крестьянин (сосед-вечин, или землянин-царанин), как правило, подлежал суду своего господина-землевладельца и только по делам высшей уголовной юстиции (так называемое «великое дело» — душегубство, похищение девушки, татьба с поличным и «свада торговская в Ильин день») преступление соседа-вечина, или землянина-царанина, разбирал господарский суд.

Отмечая существенные различия между молдавскими крестьянами-общинниками (резешами) и частновладель-

¹ «Правила», стр. 10.

ческими крестьянами (землянами-царанами, или соседями-вечинами), следует в то же время помнить, что резеши не только всеми узами были связаны с крепостными крестьянами, являясь основным источником пополнения их числа, но и занимали во многом одинаковое с ними положение в феодально-крепостническом обществе. И те и другие подвергались феодальной эксплуатации, которая порождалась непосредственно самим способом производства, на тех и других распространялось внеэкономическое принуждение.

Заканчивая рассмотрение вопроса о молдавских резешах, можно сделать вывод, что резеши — это не крупные феодалы-землевладельцы, не бояре и не дворяне, каковыми их считали некоторые русские и румынские историки, но в то же время — это и не крепостные крестьяне (соседи-вечины, или земляне-царане). Резеши — это лично свободные, сословно-неполноправные крестьяне-общинники, жившие на государственной земле и владевшие ею частью индивидуально (усадебная земельная площадь, пашня), частью на общинном праве (леса, сенокосы, другие угодья). Индивидуальное владение резешами землей основывалось на переходе ее по наследству как по мужской, так и по женской линии. Резешская земля, как правило, не подлежала систематическим переделам по требованию общины, а делилась только между наследниками, что сильно дробило крестьянское хозяйство. Резеши, как и частновладельческие крестьяне (земляне-царане), не были однородны по своему экономическому положению. Среди них можно было встретить и зажиточных, и лиц среднего достатка, и (чаще всего) бедняков.

§ 5. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ (СОСЕДСКАЯ) ОБЩИНА

В русской, молдавской и иностранной дворянско-буржуазной и современной исторической литературе были распространены ошибочные взгляды на происхождение и сущность молдавской сельской (или соседской) общины. Ряд исследователей полагал, что молдавская сельская община возникла не закономерным путем в процессе распада первобытно-общинного родового строя, а была создана искусственно, «по необходимости». Дру-

гие авторы считали, что молдавская сельская община была институтом, характерным не для всех крестьян-общинников (резешей), а только для резешей-пармакариев, т. е. владельцев мелких земельных участков — «пармаков». Третьи утверждали, что отличительным признаком сельской общины является не ее дуализм, выражавшийся в сосуществовании частновладельческих порядков и пережитков первобытно-общинных отношений, а наличие периодических переделов земли. Четвертые доказывали, что сельская община в Молдавии была введена государством из чисто фискальных соображений, как случайный спутник крепостничества. Пятые, сопоставив молдавскую сельскую общину с югославянской семейной общиной — задругой и с другими разновидностями общины, характерными для разных стран, и обнаружив между ними существенные различия, пытались тем самым обосновать концепцию о совершенно особом историческом пути развития Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии.

Русский буржуазный исследователь А. И. Зашук писал: «Общинное управление образовалось между ними (крестьянами-общинниками резешами. — Ф. Г.) не вследствие совместного приобретения земли целым обществом или несколькими лицами совокупно, как например, произошло оно у государственных крестьян, поселенных на собственных землях, а по необходимости. В начале это были землевладельцы, обладавшие порядочными участками, приобретенными покупкой или пожалованными от господарей Молдавии за службу. С умножением рода первых владельцев, участки их дробились между наследниками, по силе действующего и до настоящего времени в Бессарабии закона о равномерном разделе имущества между наследниками обоих полов, и дробление дошло до такой степени, что многие резеши (можно сказать большая часть) остались при одном или нескольких пармаках земли»¹. «Самособою разумеется, — продолжает далее А. И. Зашук, — что на этих ничтожных частицах земли пармакарии не могли бы не только заниматься земледелием, но и вести

¹ А. И. Зашук, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, СПб., 1862, стр. 220—221.

самое незначительное хозяйство, даже строить изб, и вот потомки одного рода, как пармакарии, так и более значительные владельцы, согласились управлять всею наследственной землею сообща; к ним присоединились соседние роды и таким образом составились резешские селения, в которых вся земля вообще считается принадлежностью общины...»¹.

Таким образом, по словам А. И. Зашука, община и общинное землевладение в Молдавии возникли не в результате закономерного общественного развития, а были созданы искусственно.

Это ошибочное утверждение А. И. Зашука наложило отпечаток на последующую историографию, в частности оказало влияние на труды Н. Я. Быховского², М. В. Шимановского³, Н. В. Лашкова⁴ и других авторов, нашло свое отражение в энциклопедических словарях (например, в «Словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона⁵) и, наконец, проникло даже в работы современных авторов — В. Ф. Малинского⁶ и Я. С. Гросула⁷.

«Дробление наследственных участков, — сказано в 51 томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, — привело резешей к установлению общинного землевладения. Первоначально большие участки, приобретенные покупкой или пожалованные господами Молдавии за службу, вследствие местного закона о равномерном разделе имущества между наследниками обоого пола, дошли до ничтожной величины одного или двух «пармаков» (шириною в сустав большого пальца и длиною во всю длину земли, принадлежащей

¹ А. И. Зашук, указ. соч., стр. 221.

² Н. Я. Быховский, Экономический кризис в Бессарабии, «Русская мысль», кн. XI, М., 1897, стр. 53.

³ М. В. Шимановский, О резешах и резешском владении, Одесса, 1898, стр. 136—138.

⁴ Н. В. Лашков, Бессарабия к столетию присоединения к России. Географический и историко-статистический обзор состояния края, Кишинев, 1912, стр. 80—81.

⁵ Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, Энциклопедический словарь, т. 51 (XXVI), СПб., 1899, стр. 478.

⁶ В. Ф. Малинский, Аграрная «реформа» 1918—1924 годов в Бессарабии, Кишинев, 1949, стр. 11—12.

⁷ Я. Гросул, Крестьяне Бессарабии (1812—1861 годы), Кишинев, 1956, стр. 177—178.

селению). Владельцы пармаков или «пармакарии» согласились пользоваться всей наследственной землей сообща»¹.

Примерно то же самое утверждал буржуазный исследователь Н. В. Лашков, который писал: «Резеши — поселяне бессарабские, владеющие земельными участками, как частной личной и наследственной собственностью, но на особом местном праве: владение землей ограничивается общинным управлением и обязательством при продаже земли отчуждать последнюю только в распоряжение других членов того селения или общины. Измельчание земельных участков у отдельных собственников, под влиянием дробления при наследовании, заставило большинство резешских селений перейти к общинному землевладению с отводом общего выгона и доходных статей, — при частном владении усадьбой и садами, и только в немногих селениях, обладающих крупными земельными участками, общественных угодий не имеется»².

Аналогичная мысль встречается и в работе В. Ф. Малинского «Аграрная «реформа» 1918—1924 годов в Бессарабии». «Измельчание земельных участков у отдельных собственников, — говорит В. Ф. Малинский, — заставило некоторые «резешские» селения перейти к общинному землевладению. Перешедшие к общинному землепользованию «резеши» получили название «пармаков» («пармакарии». — Ф. Г.). Таким образом, — обобщает свою мысль автор, — общинная форма землепользования была характерной не для всех «резешей»³, — а только для резешей-пармакариев».

Я. С. Гросул, оспаривая мое мнение о том, что «земля резешей не подлежала систематическим переделам, а делилась только между наследниками», пишет: «Это положение Ф. Грекула является верным только для той части резешей, которая владела землей на началах частной и наследственной собственности, но не соответствует положению «резешей-пармаков» (правильно:

¹ Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, указ. соч., стр. 478.

² Н. В. Лашков, Бессарабия к столетию присоединения к России. Географический и историко-статистический обзор состояния края, Кишинев, 1912, стр. 80—81.

³ В. Ф. Малинский, Аграрная «реформа» 1918—1924 годов в Бессарабии, Кишинев, 1949, стр. 12.

«пармакариев», т. е. владельцев мелких земельных участков — «пармаков». — Ф. Г.), у которых применялся периодический общинный передел земли и на протяжении всей первой половины XIX века»¹.

Однако не следует забывать, что в основе производственных отношений внутри сельской общины лежала именно «частная и наследственная собственность» на значительную часть основных средств производства, в коллективной же собственности общины сохранялись лишь леса, пастбища, выгоны и водопои. Во-вторых, следует иметь в виду, что мое исследование было посвящено изучению социально-экономического и политического строя Молдавии во второй половине XV столетия и мои выводы ни в какой мере не распространялись на историю Молдавии в XIX веке. Периодические переделы общинной земли (повторяющиеся через каждые 2—3 года), о которых говорит автор, могли происходить в XIX столетии, но отсутствовать в XV веке. Общеизвестно, что такие переделы бывали, прекращались и затем вновь возобновлялись, но от этого сельская община не прекращала своего существования. Что касается терминов «пармак» и «пармакарий», то я их вообще не встречал в исторических источниках XV—XVII веков. Поэтому нет никаких оснований механически переносить факты и явления из истории Молдавии первой половины XIX столетия на XV век и повторять версию о том, что якобы молдавская сельская община с ее периодическими переделами мирской земли была характерна только для резешей-пармакариев.

Румынский буржуазный исследователь И. К. Филиг-ти, желая обосновать концепцию об особом историческом пути развития аграрных отношений в Дунайских княжествах, противопоставлял молдавскую и валашскую форму сельской общины югославянской семейной общине, русскому «миру» и византийской земледельческой общине. Он писал: «Молдавская община — это не земледельческая община Византийской империи, возникавшая из чисто фискальных мотивов, не аграрный коммунизм русского «мира» с его периодическими переделами мирской земли на равные доли для простого землепользования и не сербская «задруга» с ее коллективной

¹ Я. С. Гросул, указ. соч., стр. 178.

собственностью и равными правами землепользования всех членов общины»¹.

В. Костакел пришла к неверному выводу, будто бы «молдавская сельская община утратила свое значение и потеряла жизнеспособность уже в XV столетии, когда феодалы, применив силу, захватили общинные земли, находившиеся до того в коллективном пользовании: леса, пастбища, выгоны. Феодалы, — продолжает автор, — чтобы обеспечить владение захваченной землей, огораживали ее заборами. Этот процесс ограбления общины особенно ярко проявился и нашел свое отражение в истории английского крестьянства»².

В. Костакел, проводя исторические параллели между молдавскими и английскими крестьянами, смешивает два совершенно разных и диаметрально противоположных явления: процесс захвата общинных земель и закрепощения молдавского крестьянства с процессом «огораживания» и первоначального накопления в Англии. Автор отождествляет прикрепление молдавского крестьянства к земле с экспроприацией английского крестьянства от земли.

Основоположники марксизма-ленинизма уделяли вопросу об общине исключительно большое внимание. Они неоднократно подчеркивали значение сельской (или соседской) территориальной общины для исторических судеб трудового земледельческого населения феодально-крепостнического общества. Сельская община-марка являлась осколком первобытно-общинного строя, сохранившимся в условиях феодально-крепостнического государства. С развитием феодально-крепостнических отношений в жизни сельской общины происходили существенные перемены, она все более подвергалась феодализации.

К. Маркс, говоря о характере социально-экономического развития населения Дунайских княжеств, писал: «Их первоначальный способ производства был основан на общинной собственности... Часть земель самостоя-

¹ I. C. Filitti, *Proprietarii solului în trecutul Principatelor Române* (Anal. Acad. Rom., Ser. III, Mem. Secț. Ist., vol. XVI), București, 1934—1935.

² V. Costăchel, *Despre problema obștiilor agrare în Țara-Românească și Moldova în secolele XIV—XV*, „Studii și cercetări de istorie medie”, N 1, Anul II, București, 1950, p. 95.

тельно возделывалась членами общины, как свободная частная собственность, другая часть — *ager publicus* (общинное поле) — обрабатывалась ими сообща. Продукты этого совместного труда частью служили резервным фондом на случай неурожаев и других случайностей, частью государственным фондом на покрытие издержек по войне, с религиозными целями и других общинных расходов. С течением времени, — продолжает К. Маркс, — военная и духовная знать вместе с общинной собственностью узурпировала и связанные с нею повинности. Труд свободных крестьян на их общинной земле превратился в барщинный труд на захватчиков общинной земли. Одновременно с этим развились крепостные отношения...»¹

Эти высказывания Маркса намечают путь исследования вопроса о молдавской сельской общине, который освещен совершенно недостаточно.

Феодално-крепостнический строй образовался в Молдавии в результате разложения первобытно-общинных отношений. Население карпато-днестровских земель, достигнув стадии классового общества и миновав рабовладельческую общественно-экономическую формацию, пошло по пути развития феодално-крепостнического способа производства. Постепенно земля свободной сельской общины-марки превращалась в господскую собственность, а непосредственные производители материальных благ — крестьяне становились крепостными, обязанными работать в пользу светских и духовных феодалов. Однако и при феодализме еще сохранялась сельская община и существовали лично свободные крестьяне-общинники (резеши), зависимые непосредственно только от Молдавского феодалного государства.

Молдавия изучаемого нами времени распадалась (не считая трех-четырех десятков сравнительно незначительных городов) на множество сел-общин (деревень или их групп). В силу господства феодално-крепостнических отношений и натурального хозяйства в стране, каждая сельская община-марка представляла собой самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 242—243.

слабой экономической и политической связи с остальным миром.

Каждая молдавская сельская община имела свои границы, установившиеся с давних времен. В грамотах, вышедших из молдавской господарской феодально-крепостнической канцелярии и посвященных определению территориальных пределов отдельных общин, обычно говорится: «да ест по старому хотару (т. е. по старой границе. — *Ф. Г.*) от оусих сторон покуда из века оживали»¹; с «усих сторон съ усими своими старими хотари покуда из века оживали»², «...а хотаръ темъ селамъ въсемъ съ въсеми старыми хотари, от въсехъ сторонъ, коуда из века вечного оживали»³ и т. д.

Как уже говорилось в параграфе о резешском землевладении, каждой свободной сельской общине принадлежал особый земельный фонд. Часть его разбивалась на равные по своей величине доли, которые распределялись между отдельными домохозяевами по жребию, от чего и сами земельные участки-доли получили название «жеребиев»⁴. В состав «жеребия», как правило, входили приусадебный участок, пахотное поле («нива», или «царина») и участок сенокоса. В актах, вышедших из молдавской господарской канцелярии, нередко можно встретить такие определения: «...дом съ жиребие и съ вес приход»⁵; «...дал свою правою отнину и дедину, една жиребию от село Строещ съ въсем доходом...»⁶; «...поставил заклад една жеребие за дом от (села) Порчеш...»⁷; «да имае... дръжати тих ниви колико имае тая жеребие: у царину (нива, пахотное поле. — *Ф. Г.*) шо се еи приходит...»⁸ «...продал своя правая отнина и дедина четири жиребие... и от ватруе село (приусадебный участок в центре села. — *Ф. Г.*) и от поле (пахотное поле, нива, пашня. — *Ф. Г.*) и съ вес приход...»⁹

¹ Surete și izvoade, t. I, p. 204.

² Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 7.

³ В. А. Уляницкий, Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв., М., 1887, стр. 48.

⁴ Surete și izvoade, t. XXIV, p. 118.

⁵ Там же.

⁶ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 29.

⁷ Там же, t. II, par. 1, p. 66.

⁸ Там же.

⁹ Там же, t. III, par. 1, p. 27.

Члены общины, владея индивидуально жребиями-парцеллами, имели право, при соблюдении известных общинных порядков, их отчуждать: дарить, закладывать и продавать, о чем свидетельствуют приведенные выше выражения: «дал свою жребию», «поставил в заклад едну жребию», «продал свою правою жребию».

Кроме той части земельного фонда, которая подвергалась разделу и периодическим переделам, у сельской общины была также земля, которой члены общины могли пользоваться коллективно. Так, в «Уложении» 1646 года говорится: «Если кто-либо из резешей обнаружит в своем резешском селе хорошее место, подходящее для постройки водяной мельницы, и поспешит построить таковую, не спросив согласия и разрешения на это у остальных сорезешей данного села, а последние начнут обвинять резеша — строителя мельницы в том, что он без их ведома и разрешения построил мельницу на земле, находящейся в коллективном пользовании всего села, — даем указание, чтобы в таких случаях протестовавшие резеши вернули резешу — строителю мельницы соответствующие издержки, израсходованные им на строительство мельницы, а затем пусть все резеши села по-братски пользуются той мельницей и ее доходом.

Если же резеши пожелают разделить землю, принадлежавшую селу в целом, а затем на одном из размежеванных индивидуальных резешских частных земельных участков обнаружится хорошее место, удобное для постройки мельницы, и его владелец построит таковую, то в таком случае остальные резеши не могут протестовать и предъявлять какие-либо претензии к владельцу построенной мельницы»¹.

О том, что одна часть кресгьянской общинной земли находилась в индивидуальном владении отдельных домохозяев, а другая — в коллективном пользовании всех членов общины, рассказывает также следующий пункт «Уложения» 1646 года: «Если кто-либо из резешей посадит и вырастит фруктовое дерево на сельской нераздельной земле, так что оно станет приносить плоды, а затем вздумают разделить между собой общую землю и указанное дерево окажется на размежеванном

¹ «Правила», стр. 10.

земельном участке другого резеша, а не на земельном участке того, кто посадил и вырастил его до плодоношения, то в таком случае дерево должно по-прежнему принадлежать тому, кто его посадил и вырастил, и он может срубить это дерево. Если же владелец земельного участка, на котором оказалось чужое фруктовое дерево, отнесется недружелюбно к владельцу плодоносящего дерева, тогда он обязан дать последнему взамен другое равноценное дерево в другом месте»¹.

В коллективном пользовании всех членов общины находились леса², пастбища³, выгоны⁴, воды⁵.

Сочетание частного владения (дом, двор, приусадебный участок, огород, сад, виноградник, пахотное поле, луг) и коллективного пользования (леса, пастбища, выгоны и воды) придавало сельской общине большую жизненную силу, локальную сплоченность, создавало условия для ее сопротивления усиливавшемуся феодально-крепостническому гнету и наступлению светских и духовных феодалов на права общинников, которые жили между собой по принципу доброго соседства. К. Маркс указывал, что сельская община-марка «в течение всех средних веков была единственным очагом народной свободы и жизни»⁶.

Однако, поскольку основными чертами производственных отношений сельской общины были частная собственность на значительную часть средств производства, мелкое хозяйство и частное присвоение его плодов, индивидуальный характер труда и неравномерное распределение продуктов, постольку для общины были характерны имущественная дифференциация, наличие богатых и бедных. Между отдельными общинами происходили недоразумения и споры из-за земли. Так, например, в «Уложении» 1646 года указано: «Если две деревни-общины затеят между собой спор по поводу границы между ними или из-за каких-либо земель, то тогда

¹ «Правила», стр. 7.

² Там же, стр. 5.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ Там же, стр. 14.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 694.

жуды (судьи; главы или старосты сельских общин. — Ф. Г.) пусть разберут возникший спор на месте происшествия, расследовав дело и восстановив справедливость по принципу: земля должна принадлежать той деревне-общине, которая владела ею и ранее; более древнее владение побеждает, т. е. побеждают те члены общины-села, которые владели той землей, так сказать, испокон веков. Такое правило должно соблюдаться непоколебимо и впредь»¹.

По словам Дмитрия Кантемира, высокий сановник, глава господарской канцелярии, «великий логофет», среди порученных ему господарем Молдавии важных государственных дел, занимался и размежеванием пашен и деревень². «Второй канцлер» (второй логофет), в случае занятости «великого канцлера», также надзирал за установлением земельных границ³.

Во главе молдавской сельской общины стояли кнезы⁴, жуды⁵ и ватаманы⁶. Румынский буржуазный ученый И. Богдан в своей статье «О румынских кнезах» пришел к выводу, что «кнезы — являлись древними представителями или главами сел-общин у романских народов Юго-Восточной Европы. Они существовали задолго до XII—XIII веков, и мы находим их не только по левую сторону Дуная: в Трансильвании, Венгрии, Галиции, Молдавии и Валахии, но и на Балканском полуострове, — у волохов, на территории древней Сербии и т. д.

...Со времен татарского нашествия старосты общины, или кнезы, жуды, стали называться также ватаманами. В молдавских жалованных, купчих или меновых грамотах села-общины часто указываются во главе с их старостами: кнезами, жудами или ватаманами. Обычная формула грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии гласит: жалуем такому-то боярину такое-то село, где был такой-то кнез, такой-то жуде, такой-то

¹ «Правила», стр. 5.

² Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 203.

³ Там же.

⁴ М. Costăchescu, Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare, vol. I, Iași, 1931, p. 103.

⁵ Там же, стр. 168.

⁶ Там же, стр. 151.

ватаман, или, просто: где такой-то; под словом «такой-то» следует всегда подразумевать определенного кнезя, жуде или ватамана»¹. В XVI—XVII веках ватаман являлся старостой сельской общины и нес в основном фискально-полицейские функции.

В Молдавии длительное время, уже в условиях господства феодально-крепостнической формации, сохранялись в качестве пережитка правовые институты, присущие последней стадии первобытно-общинного строя. Таковы, например, институт «гонения следа»² под наблюдением особых «слидогонцев»³, обычай умыкания девушек («волочение дивкоу»)⁴, обязанность всех членов села-общины коллективно отвечать за совершенное на ее территории «душегубство»⁵ или другое уголовное преступление.

Молдавский господарь Петр Арон, предоставив жалованной грамотой от 25 августа 1454 года крестьянам села Сосчоры Молдавицкого монастыря свободу от ряда феодальных повинностей в пользу Молдавского государства, освободил их и от обязанности «гнать след», т. е. идти по следу преступника до его обнаружения в пределах данной общины или вплоть до границы соседней общины, которая в свою очередь обязана была продолжать поиски преступника. «Слиду злодийского да не гонеть тое село от своего хотаря...»⁶, — гласит источник.

В другой аналогичной жалованной господарской грамоте от 31 августа 1458 года жителям села Боржинешты того же Молдавицкого монастыря сказано: «Ни слид злодийских да не гонять оу село том хотару...»⁷.

Из документов видно, что при господарском дворе бы-

¹ *I. Bogdan*, *Luptele românilor cu turcii până la Mihai-Viteazul. Cultura veche română. Două conferințe*, București, 1898, p. 50—51.

² *M. Costăchescu*, *Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare (1438—1456)*, vol. II, Iași, 1932, p. 505.

³ *I. Bogdan*, *Documentele lui Ștefan cel Mare (1457—1492)*, vol. I, București, 1913, p. 95.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *M. Costăchescu*, *Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare*, vol. II, p. 505.

⁷ *I. Bogdan*, *Documentele lui Ștefan cel Mare*, t. I, p. 14.

ли специальные люди — «слидогонцы»¹, которые следили за тем, чтобы сельские общины исправно выполняли свою обязанность по «гонению следа». Об этом свидетельствует хотя бы жалованная грамота, данная 13 марта 1466 года господарем Молдавии Стефаном III крестьянам-колонистам села Негоешты Романской епископской кафедры, в которой упоминаются господарские слуги — «слидогонцы»².

Что касается обычая умыкать девушек (похищать невест) у их родителей, то этот пережиток родового быта не встречал одобрения и поддержки со стороны Молдавского феодального государства. «Умыкание» государство рассматривало как «великое дело», т. е. наиболее крупное преступление, приравняваемое феодальным правом к «душегубству», «татбе с поличным» и другим уголовным «злодействам». Так, в жалованной господарской грамоте от 13 марта 1466 года, изымавшей жителей села Негоешты Романской епископской кафедры из подсудности представителям государственной власти, читаем: «...Ни за татбе, ни за душегубство, а ни за *диукою волочению* (курсив наш.—Ф. Г.), а ни за которою дило, или за великое дело или за малое, никто их (жителей села Негоешты. — Ф. Г.) да не смеют их соудити, лише сам митрополит или его оурядници»³.

В жалованной льготной грамоте, датированной 19 августа 1472 года, устанавливающей неподсудность жителей трех других монастырских сел господарским слугам, говорится: «...никто от наших оурядникох, да не имают другое глобу оузяти от тих трех монастырских селах и от монастырских люди, тоулко да имают наши глобници оузяти нам нашу глобу от душегубства и от *волочение дивкою*»⁴ (курсив наш. — Ф. Г.).

О «волочении дивок», как о «великом деле», имеются упоминания и в жалованных господарских грамотах от 30 августа 1479 года⁵ и от 23 августа 1481 года⁶.

Однако обряд умыкания девушек-невест у их родителей оказался настолько живучим, что он в измененном

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, p. 95.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 173.

⁵ Там же, стр. 230—231.

⁶ Там же, стр. 256—257.

виде просуществовал в Молдавии вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти.

Сельская община была институтом, характерным не только для лично свободных, сословно-неполноправных молдавских крестьян-общинников резешей, зависимых непосредственно от Молдавского феодального государства, но и для крепостных частновладельческих крестьян (землян-царан, или соседей-вечинов). Происходившее в Молдавии закрепощение сельской общины не означало ее уничтожения. Частновладельческие крестьяне соседивчины — это бывшие свободные члены сельской общины, на что указывает и само их название. Вместе с землей, на которой они родились, жили и трудились, они попали в феодально-крепостническую зависимость к светским и духовным сановникам; соседская община и ее члены оказались под «опекой» феодалов-крепостников. Б. Д. Греков, исследовав сельские общины в Галицкой Руси, среди которых было немало общин, живших на «волошском праве», писал: «Vicini-villani — это «соседи», — несомненно, общинники»¹.

Одно из основных различий между резешскими и царанскими селами заключается, на наш взгляд, в том, что царанам пришлось отказаться от периодических переделов полей и лугов.

Сельские общины под воздействием общих экономических причин постепенно разрушались. Однако община еще долго продолжала оказывать сопротивление дальнейшей феодализации молдавской деревни. Как уже отмечалось выше, в Молдавии существовал прочно установившийся традиционный обычай преимущественной продажи крестьянских резешских земельных участков прежде всего родственникам продавца и членам данной общины, а это способствовало сохранению земли за общиной. Крестьянин-общинник резеш, желавший продать свой земельный участок, должен был заблаговременно известить об этом как своих родственников, так и других членов своей общины, и только в том случае, если среди последних отсутствовали имущие люди, которые были в состоянии совершить покупку, продавец мог вступить в сделку с любым покупателем.

¹ Б. Д. Греков, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, книга первая, М., 1952, стр. 287.

Итак, молдавская сельская община показала свою жизнеспособность и демократизм. Но под давлением общих экономических процессов она разлагалась, а ее права вместе с землей узурпировались светской и духовной феодальной знатью.

§ 6. КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОВИННОСТИ

На феодально-зависимом крестьянстве Молдавии лежал тройной гнет. Во-первых, крестьяне эксплуатировались на основе феодальной ренты собственниками той земли, которой они пользовались для ведения своего хозяйства. Во-вторых, крестьяне несли повинности в пользу государства. Наконец, они же являлись основными плательщиками той дани, которой Молдавия была обложена турецкими завоевателями.

Частновладельческие крестьяне («люди»-«земляне», или «соседи»-«вечины») обязаны были выполнять сельскохозяйственные работы в хозяйстве своего господина (отработочная рента, барщина); вносить землевладельцу натуральный оброк продуктами крестьянского хозяйства (продуктовая рента); частично крестьяне переводились и на денежный расчет (денежная рента). Таким образом, в Молдавии в XVI—XVII веках сосуществовали все три формы феодальной земельной ренты: отработочная, продуктовая и денежная. Однако денежные платежи занимали, в соответствии со всем укладом натурального хозяйства, совершенно незначительное место среди остальных феодальных повинностей молдавских крестьян.

Барщина засвидетельствована в первых же актах, вышедших из молдавской господарской канцелярии. Так, молдавский господарь Стефан Великий, подтверждая жалованной грамотой от 17 апреля 1475 года Хорондническому монастырю земельные дарения Александра Доброго, обязывал монастырских крестьян, «щобы [они] остерегали тот монастыр, щобы робили тому монастырю» точно так же, как они «робили тому монастырю» при Александре Добром, т. е. в начале XV столетия. Далее Стефан предупреждает монастырских крестьян: «А коли що загинет у того монастыря, или не имут ро-

бити що требе будет тому монастирю, ...мы знати тым людям, що сут съ тих сел вишеписанних...»¹.

Приведенный акт говорит не только о наличии в XV веке в Молдавии барщины, но и о том, что молдавские частновладельческие крестьяне уклонялись от барщинных работ, не мирились со своим положением и не желали трудиться на своих эксплуататоров. Указанная грамота опровергает ошибочное утверждение румынского историка П. П. Панайтеску о том, что барщина появилась в Дунайских княжествах только в XVII столетии².

На протяжении XVI — первой половины XVII веков отработочная рента, барщина как крестьянская повинность, выступает в актовом материале, вышедшем из молдавской господарской канцелярии, около 60 раз³.

До середины XVIII века закона, который регламентировал бы барщинные дни для страны в целом, не существовало, и молдавские частновладельческие крестьяне («люди»-«земляне», или «соседи»-«вечины») работали в господском хозяйстве неограниченное никакими юридическими актами время («фэрэ де сорок»). Правыми же грамотами 1660⁴ и 1677⁵ годов норма барщины для отдельных феодальных хозяйств была определена в количестве 24 урочных дней в году. Однако молдавская светская и духовная землевладельческая знать понимала барщинный рабочий день не в его обыкновенном астрономическом смысле, а как время, необходимое для производства среднего дневного продукта. «Средний же дневной продукт,— по замечанию Маркса,— хитроумно определен таким образом, что ни один циклоп не справился бы с ним в сутки»⁶.

Что касается натуральной формы феодальной земельной ренты, то она состояла в уплате земельному соб-

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, p. 199—200.

² P. P. Panaitescu, Dreptul de strămutare al țăranilor în țările române (pînă la mijlocul secolului al XVII-lea), Studii și materiale de istorie medie, t. I, București, 1956, p. 72 și ur.

³ См. параграф о процессе закрепощения крестьян.

⁴ R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 261, n. 2.

⁵ Uricarul, t. I, Ed. 2, p. 132.

⁶ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1951, стр. 243.

ственнику «дани»¹ («дажде») и «десятин»² («джим») «со всего хлеба, и сена, и со всяких овощей, и с льна, и конопля, и со всех приходов»³ крестьянского производства. Такова обычная формула рядных, оброчных и некоторых подтвердительных и правых грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии.

Молдавские частновладельческие крестьяне, как уже отмечалось, обязаны были молотъ свои злаки только на мельнице своего господина. Это считалось его монополией, от которой он имел значительный доход. Крестьянам категорически запрещалось пользоваться мельницами и ходить в корчмы, расположенные в чужих владениях.

Доходы с мельниц и корчем являлись феодальными баналитетами. Ниже приводится грамота от 23 апреля 1448 года, в которой определяются права светского феодала Михаила логофета на такого рода баналитеты. «...Да оучинит собе млины и що коли будет его воле, или жерствило, или валила, или буд що, или ступы, а хотаръ тем млиномъ и тому месту колко ему будет просторонно досыт, на оуси стороны и горы и доловъ, и да ест приход к тым млином ис нашего места от Бани, колко быль до тых млиновъ приходу, при наших предковъ, такижъ и теперь. Въсе тое да прислухает къ тым вышеписанным млином, и да ест волень панъ Михаил логофет *казнити и брати* (курсив наш. — Ф. Г.) *ис того, кто ест оу его хотари и не имаеъ возити на тоты млины*»⁴.

О государственных повинностях крестьян в документах сохранилось больше данных, чем о повинностях частновладельческих. Молдавский господарь Антиох Кантемир, в своем обращении к царям (крестьянам) Молдавии пытавшийся оправдать рост налогового бремени в стране, указывал, что господарь, высокие сановники и прочие «придворные служители» «ни одного дня не могут существовать без расходов», что нельзя содержать государственных чиновников и армию без

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, p. 140.

² «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175.

³ Там же.

⁴ M. Costăchescu, Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, t. II, p. 313—314.

натуральных и денежных «оброков» («служиторий курций» «фэрэ обороаче» ши «фэрэ келтуялэ ну пот фи ничь о зи»)¹.

Эти признания Антиоха Кантемира можно привести в качестве конкретной иллюстрации к словам Энгельса о том, что налоги составляют экономическую основу эксплуататорского государства, что «для содержания... общественной власти необходимы взносы граждан — *налоги*»².

Налоги и повинности ложились всей своей тяжестью на плечи крестьянства. Духовные феодалы и бояре обычно освобождались господарской властью от налогового обложения. По словам Антиоха Кантемира, «ленивые и непотребные богу и человеку злые калугери» (монахи)³ жили за счет трудового податного населения страны.

Лучшим историческим источником для изучения характера крестьянских податей и повинностей в пользу Молдавского государства и для выяснения налоговой политики центральной власти являются жалованные грамоты, которые выдавались молдавскими господарями отдельным светским и церковным феодалам-землевладельцам и духовным учреждениям. В жалованных грамотах XVI—XVII веков нет никаких указаний на налоговое обложение бояр (великих и малых), митрополитов, архиепископов, епископов, игуменов и купцов. Следовательно, налогоплательщиками были непосредственные производители материальных благ. На эту сторону дела обратил внимание русский исследователь А. Демидов, который писал в 1853 году: «Положение податных сословий (в Молдавии и Валахии. — Ф. Г.) становилось еще тягостнее от исключительных привилегий, какими пользовались некоторые классы жителей и разные влиятельные боярские фамилии. Эти несправедливые исключения были очень многочисленны»⁴.

На основе жалованных грамот можно составить перечень до сорока различных государственных податей и повинностей.

¹ Surete și izvoade, t. XXII, p. 45.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 146.

³ «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. I, Одесса, 1844, стр. 349—350.

⁴ А. Демидов, Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году, М., 1853, стр. 210.

Таковы «дань»¹ («дажде»², или «бир»³), «илиш»⁴ (подать на содержание государственного аппарата: возможно специально на прокормление армии), «десятина»⁵ (или «диджама»⁶), «жолд»⁷ (подать на содержание государственного аппарата), «горщина»⁸ (налог с овец и свиней), «сулджиу»⁹ (мясопоставки), «яловица»¹⁰ (поставка ялового скота на убой), «даждия калулуй»¹¹ (налог с конского поголовья), «масло»¹², «воск»¹³, «аспры»¹⁴, «гроши»¹⁵, «галбены»¹⁶ («злоты»¹⁷), «постой»¹⁸, «олак»¹⁹, или «кай де олак»²⁰ (ямская и почтово-курьерская повинность), «подводы»²¹ (гужевая повинность), «бранище»²², «посад»²³ (работы на строительстве города-посада), «городовое дело»²⁴, «работа»²⁵ на строительстве господарских «дворов»²⁶, «млынов»²⁷ (мельниц) и «ста-

¹ *M. Costăchescu*, Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare (1374—1437), t. I, Iași, 1931, p. 207.

² *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 11.

³ *M. Costăchescu*, Op. cit., t. II, p. 566.

⁴ Там же. т. I, стр. 287, 307—308.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ По словам Н. В. Лашкова, слово «жолд» является искажением польского «grzód», что означает в переводе на русский язык жалование, плата (Н. В. Лашков, Местное управление Молдавии и Валахии в XVII веке, Кишинев, 1901, стр. 38).

⁸ *M. Costăchescu*, Op. cit., t. II, p. 491—492.

⁹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 329—330.

¹⁰ Surete și izvoade, t. IV, p. 278—279.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 52—53.

¹³ *T. Balan*, Documente bucovinene, t. II, Cernăuți, 1934, p. 172.

¹⁴ Surete și izvoade, t. IV, p. 316.

¹⁵ *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, p. 29.

¹⁶ *T. Balan*, Documente bucovinene, t. III, Cernăuți, 1937, p. 41.

¹⁷ *Aurel V. Sava*, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 104.

¹⁸ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 175.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, часть 2, стр. 124—125.

²¹ *M. Costăchescu*, Op. cit., t. I, p. 207—208.

²² Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 175.

²³ Surete și izvoade, t. IV, p. 52—53.

²⁴ *M. Costăchescu*, Op. cit., t. I, p. 207—208.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 288—289.

²⁷ Там же.

вов»¹ (прудов), «косьба сена»², «возка вина»³, «служба в войске»⁴, «ходьба в сторожы»⁵, «гонение следа злодейского»⁶, «мыт»⁷ (общее название торговых пошлин), «перевоз»⁸, «броднина»⁹ (плата за пользование перевозами и бродами); различные виды судебных штрафов — «глоба»¹⁰, «ослух»¹¹, «душегубина»¹², «третина»¹³, «чиботе»¹⁴, «припас»¹⁵ и пр.

Выявленные нами (по материалам господарских жалованных грамот) крестьянские повинности могут быть разделены на четыре основные группы. В первую группу должны быть включены разные «дани»¹⁶ и «оплаты»¹⁷ («дань», «илиш», «десятина», «жолд», «горщина», «сулджину», «яловица», «даждия калулуй», «масло», «воск», «аспры», «гроши», «галбены» и др.), т. е. прямые налоги и поборы (деньгами и натурой). Ко второй группе повинностей следует отнести всякие «службы»¹⁸ и принудительные «работы»¹⁹ — «ангарии»²⁰ («олак», или ям. «подводы», «посад», городовое дело, строительство и ремонт господарских дворов и мельниц, сооружение прудов и водоемов, косьбу сена, перевозку вина и соли, сторожевую повинность, службу в армии и т. д.). Третью группу крестьянских повинностей составляют торговые и проезжие пошлины — «мыта»²¹ («мыт», «броднина»,

¹ *M. Costăchescu*, Op. cit., t. I, p. 207—208.

² Там же, т. I, стр. 251; т. II, стр. 516—517.

³ *I. Bogdan*, Op. cit., t. I, p. 95.

⁴ Там же, стр. 310, 491—492.

⁵ Там же, стр. 200.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 14.

⁸ *M. Costăchescu*, Op. cit., t. II, p. 59.

⁹ Там же, т. I, стр. 329.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, т. II, стр. 251.

¹² Там же, т. I, стр. 207—208.

¹³ *I. Bogdan*, Op. cit., t. I, p. 10.

¹⁴ *Н. В. Лашков*, Местное управление Молдавии и Валахии в XVII веке, Кишинев, 1901, стр. 40.

¹⁵ *I. Bogdan*, Op. cit., p. 30.

¹⁶ *M. Costăchescu*, Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare (1374—1437), t. I, Iași, 1931, p. 141—142.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, т. II, стр. 288—289.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Ispisoace și zapise*, t. II, par. 1, p. 182—183.

²¹ *М. Костэкеску*, указ. соч., т. I, стр. 141—142.

«перевоз» и др.). Наконец, в четвертую группу повинностей входят различные судебные штрафы и пошлины — «глоба», «ослух», «чиботе» «третина», «душегубина», «припас» и др.

Рассмотрим теперь крестьянские повинности более детально, по группам. Начнем с дани, так как она является одной из наиболее древних форм эксплуатации молдавского трудового населения и, как правило, стоит в грамотах на первом месте в ряду податей и повинностей.

Впервые о дани говорится в жалованной грамоте, датированной 13 декабря 1421 года¹. Здесь, как и в других аналогичных документах, указано, с кого дань взымалась. Молдавский господарь Александр Добрый, жалуя бывшей своей жене Римгалии город Серет и село Волховец с прилежавшими к ним «селами и приселками, со млинами (мельницами. — Ф. Г.) и со ставами (прудами. — Ф. Г.), и с мыты и оплаты из данью (курсив наш. — Ф. Г.)», отмечает, что последняя «истегалась» (т. е. взыскивалась) с «землян»² — крестьян.

Во второй раз о дани упоминает господарская жалованная грамота от 1 августа 1444 года, освобождавшая монастырских крестьян села Баласиновцы от несения ряда повинностей в пользу государства: «...Оже тое село, що прислухаетъ к тому монастырю (Хородник. — Ф. Г.), на имя Баласиновци, — читаем в указанном источнике, — да не даст нам... ни дань (курсив наш. — Ф. Г.), ни илиша, ни подводу, ни десятину, ни ослух, ни посаду, ни на млины да не робятъ, ни на город, ни вино да не возятъ, ни на войско николи (никогда. — Ф. Г.) да не ходятъ, ни на жолд и ни иную некоторую нашу службу и дание не имають...»³. Здесь опять-таки говорится о том, что дань взыскивалась с крестьян.

В более поздних жалованных грамотах, вышедших из молдавской господарской канцелярии, упоминания о дани и сведения о том, что молдавское крестьянство являлось основным податным населением страны, главным налогоплательщиком, встречаются все чаще и чаще⁴.

¹ М. Костэкеску, указ. соч., т. I, стр. 141—142.

² Там же.

³ Там же, т. II, стр. 207—208.

⁴ См. М. Costăchescu, Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare (1438—1456), t. II, Iași, 1932, p. 251, 288—289, 310,

В исторических источниках, написанных на молдавском языке, славянское слово «дань» переводится терминами «даре», «дажде» и «бир», что означает «подать», «побор», «налог». Таким образом, дань — это один из основных прямых налогов, взимавшихся с трудового податного населения страны на основе «числы»¹ — подворного распределения налогов.

По вопросу о природе «илиша» в исторической литературе были высказаны различные точки зрения. Так, румынский буржуазный историк И. Урсу предполагал, что «илиш» — это подать, шедшая на прокормление армии². Другой румынский исследователь — К. К. Жюреску пришел к выводу, что «илиш» — это «дижма», т. е. «десятина», взимавшаяся исключительно хлебными злаками и вносившаяся населением Молдавии в виде дани еще печенегам, половцам и татарам³.

Исторические источники не содержат точных указаний на характер «илиша». Из документов ясно лишь одно: «илиш» — это прямой налог, взыскиваемый господарскими чиновниками — илишарами с сельского податного населения и шедший на содержание государственного аппарата. Центральная господарская власть придавала большое значение этому побору и освобождала от него лишь в виде исключения крестьян наиболее крупных

461—462, 491—492, 505, 516—517, 566; I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I—II, București, 1913, p. 8—9, 9—10, 10—11, 14—15, 29, 30—31, 75—76, 95—96, 105—106, 173—174, 199—200, 229—231, 256—257, 342—343; Surete și izvoade, t. II, p. 256; t. IV, p. 12, 52—53, 133, 278—279, 303, 316; t. VIII, p. 1, 4, 96, 129, 329—330; t. XXII, p. 44, 45, 56, 117—118; t. XXIV, p. 1; t. XXV, p. 15; Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 104; 111, 117—118, 121—122, 124—125, 135; Uricarul, t. I, Ed. 2, p. 132; t. XVII, p. 23; t. XVIII, p. 427—428; Revista Societății Istorico-Arheologice Bisericești din Chișinău, t. XX, Chișinău, 1930, p. 140, 141, 156, 160, 167, 169—170; T. Balan, Documentele bucovinene (1519—1662), t. II, Cernăuți, 1934, p. 152, 162, 172; t. III, p. 41, 76—77; Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 175; t. I, par. 2, p. 232—233; t. II, par. 1, p. 136—137; t. III, par. 1, p. 88—89, 111, 158—159; t. III, par. 2, p. 99—100, 124—125; «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175, 176—177; ГБЛ, М., 1733; ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 83 и др.

¹ Ispisoace și zapise, t. I, par. 2, p. 126—127; t. III, par. 2, p. 155—156.

² I. Ursu, Ștefan cel Mare, București, 1925, p. 333.

³ C. C. Giurescu, Despre iliș, Revista istorică română, MCMXXXVII, t. VII, Fasc. III, IV, p. 255.

землевладельцев. «...Да не имають платити ни *илиша* (курсив наш. — Ф. Г.), ни дань, ни подводу, ни на млинох наших да не робят...»¹, — гласит жалованная господарская грамота от 12 апреля 1458 года Романской епископской кафедре. В жалованной грамоте 1466 года Стефана Великого на село Негоешты Романской епископской кафедры читаем: «...да не даст *нам ни илиш* (курсив наш. — Ф. Г.), ни подводу, ни посадоу, ни жолдъ, а ни на город да не робети, а ни на млины, а ни бочки да не возят, ни сино да не косять, а ни иное наше дание или службе да не имають...»². Последующие господарские жалованные грамоты не дают нового материала, разъясняющего вопрос о том, что такое «илиш».

Рядом с «илишем» жалованные грамоты обычно ставят «дижму»³, или «десятину»⁴. Она взималась центральной господарской властью со всех продуктов, производившихся в крестьянском хозяйстве: «от капусты»⁵ и «винограда»⁶, «от пчел и свиней»⁷ и т. д.

Впервые о десятине говорится в жалованной грамоте от 1 сентября 1429 года Александра Доброго Нямецкому монастырю⁸. В другой раз десятина упоминается в одной из жалованных грамот 1430 года⁹. Затем она непрерывно фигурирует в актовом материале и в других исторических источниках вплоть до середины XIX столетия.

Как уже отмечалось, слово «жолд» является искажением польского «*rzod*», что означает в переводе на русский язык жалованье, плата¹⁰. «Жолд»¹¹ как повинность молдавских крестьян заключалась в доставке средств на содержание органов власти. «...Щобы не платили намъ дань, ни посад, ни илиш, ни подвод, ни *жолд*

¹ *I. Bogdan*, Op. cit., t. I, p. 10.

² Там же, стр. 95.

³ Там же, т. II, стр. 597.

⁴ Там же.

⁵ Там же, т. I, стр. 342.

⁶ *М. Костэреску*, указ. соч., т. I, стр. 461—462.

⁷ *М. Костэреску*, указ. соч., т. II, стр. 516—517; И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 14.

⁸ *М. Костэреску*, указ. соч., т. I, стр. 287—288.

⁹ Там же, стр. 307—308.

¹⁰ *Н. В. Лашков*, Местное управление Молдавии и Валахии в XVII веке, Кишинев, 1901, стр. 38.

¹¹ *М. Костэреску*, указ. соч., т. II, стр. 207—208.

(курсив наш. — *Ф. Г.*)...»¹, — говорит молдавский господарь Петр в грамоте на села Темишешты, Дворнищи, Крэстинешты, Бэлошешты, Жеминешты, Пашко и Петрика Нямецкого монастыря.

В господарской жалованной грамоте 1453 года Александра воеводы на село Балосинешты монастыря Хоролник сказано: «...Да не дадут дань, ни посаду, ни подводу, ни илиша, ни на млинох наших да не робятъ, ни на город, ни на сторожу да не ходят, ни *горщину* (курсив наш. — *Ф. Г.*) от свини да не дадут, ни десятину от бчел, ни вино да не возятъ тоты люди...»². Здесь, помимо указанных выше крестьянских податей и повинностей, выступает новый вид побора — *горщина*, т. е. налог с овец и свиней.

В других жалованных грамотах, вышедших из молдавской господарской канцелярии, говорится, что податное население Молдавии обязано было сдавать государству *яловиц*³ (яловой скот на убой) или платить в государственную казну соответствующую сумму и выполнять «*сулджиу*»⁴ (повинность по поставке государству мяса).

По словам молдавского господаря Дмитрия Кантемира, в Молдавии при господарском дворе была специальная должность «великого сулджара, или надзирателя за мясниками», который наблюдал за убоем скота «для княжеского стола» и «придворных служителей»⁵. Кроме того, под начальством великого сулджара был целый штат обыкновенных сулджаров, которые следили за точным и своевременным выполнением населением обязанности по государственной мясопоставке — «*сулджиу*»⁶.

В господарской грамоте 1670 года Дуки воеводы говорится о налоге с конского поголовья («*даждия калулуй*»), который обычно взыскивался с населения ежегодно в мае⁷.

¹ М. Костэкеску, указ. соч., т. II, стр. 288—289.

² Там же, стр. 491—492.

³ Surete și izvoade, t. IV, p. 278—279.

⁴ Там же, стр. 52—53; т. XXII, стр. 45.

⁵ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 202.

⁶ Ispisoace și zapise, t. 3, par. 2, p. 155—156.

⁷ Surete și izvoade, t. IV, p. 278—279.

Что касается крестьянских повинностей в пользу государства, выступающих в жалованных грамотах под названиями: «масло», «воск», «аспры», «гроши», «галбены», или «злоты», то отсутствие в рассмотренных нами документах необходимых данных не дает пока возможности с точностью установить их объем и характер.

Вторую группу крестьянских повинностей, согласно жалованным грамотам, составляли, как было указано, различные принудительные «работы» — «ангарии» и всякие «службы» в пользу Молдавского государства: «подвода», «олак» (ям), строительство и ремонт господарских дворов, мельниц и прудов, «посад», «город» (городовое дело), перевозка вина и соли, косьба сена на господарские нужды, армейская и сторожевая служба, «кормление» господарских слуг и турецких сатрапов и их лошадей. Это — повинности, связанные со строительными и оборонительными работами, с организацией транспорта, с военной и сторожевой службой, с обеспечением господарских и турецких чиновников и их лошадей провиантом и пристанищем.

В жалованной господарской грамоте 1458 года Стефана Великого Молдавицкому монастырю на село Борхинешты читаем: «...Ни подвод¹ не дают, ни посаду, ни на млинох (мельницах. — Ф. Г.) наших да не робятъ, ни вино да не возятъ... А на войско... да идут тоти люди, коли прилучится самому господства ми итти на войско, тогди тоты люди да идут на войску, а иногда николы...»² В жалованной грамоте 1475 года того же господаря монастырю Хородник сказано: «...Ни посад, ни подвод..., ни на город да не робятъ, ни на посад, ни оу сторож да не ходят, ни на млины да не робятъ, ни оу войску да не ходят...»³

Из двух приведенных отрывков господарских жалованных грамот явствует, что молдавские крестьяне, владельцы которых не пользовались иммунитетными привилегиями, обязаны были поставлять государству на нужды транспорта подводы, ходить на строительство города-посада, строить и ремонтировать господарские мельницы, возить вино, исполнять обязанности сторожей, а также служить в войске.

¹ Подвода — гужевая повинность.

² И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 14.

³ Там же, стр. 200.

В других господарских грамотах круг крестьянских повинностей рассматриваемой группы представлен еще шире и конкретнее: «...Ни подводоу, ни посадоу..., ни на город да не робети, а ни на млины, а ни бочки да не воят, ни сино да не косять...»¹, — гласит грамота 1466 года, освобождавшая на пять лет крестьян села Негоешты Романской епископской кафедры от государственных податей и повинностей. Здесь, кроме встречавшихся и в ранее разобранных источниках повинностей, упомянута новая обязанность молдавских крестьян — косить сено для нужд господаря.

В жалованной грамоте 1481 года на село Коцманы Радовицкой епископской кафедры имеется такой текст: «...И тиж наши слуги перерубци² аби не гонили (курсив наш. — Ф. Г.) тоти люди от Коцмани и на город, ни на млины, ни на наши дворове съ иными земляне»³. Отсюда видно, что «люди»-«земляне» (крестьяне-царане), как правило, должны были не только участвовать в строительстве городов-посадов и господарских мельниц, но и строить и ремонтировать господарские дворы.

Одной из самых тяжелых принудительных повинностей для податного населения Молдавии была ямская и почтово-курьерская повинность в пользу Молдавского феодального государства и турецких властей («олак»). Она нередко отрывала крестьян и рабочий скот даже от самых срочных и неотложных полевых сельскохозяйственных работ. Это весьма отрицательно сказывалось на крестьянском хозяйстве всей страны.

Характер указанной повинности раскрывается на материале двух господарских жалованных грамот (Стефана Лупу, 1661 год и Георгия Дуки, 1671 год) жителям села Доколина, принадлежавшего боярину Николаю Бухушу. В первой грамоте говорится: «...Пишем, наше владычество, нашим слугам олакарам⁴, подводарам⁵ и

¹ И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 95.

² Перерубци — господарские слуги, которые заставляли («гонили») податное население Молдавии работать на строительстве городов-посадов, господарских дворцов, мельниц и т. п. Название «перерубци» происходит от слова «рубить» в значении строить.

³ И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 257.

⁴ Олакар — господарский слуга, организатор ямского транспорта и почтово-курьерской службы для нужд государства; гонец, нарочный, курьер.

⁵ Подвар — господарский слуга, организатор гужевого транспорта.

конэкарам¹. Предписываем вам, если вы увидите настоящую моего владычества грамоту, то оставьте в покое село Доколина и не требуйте с него ни ямских и почтово-курьерских лошадей, ни подвод (гужевой повинности), ни сена, ни зерна для лошадей, ни других дорожных кормов, потому что селяне села Доколина являются бедными и разоренными людьми; у них ни хлеба не уродились, ни сена они не заготовили, так как не имели где его косить...»²

Примерно то же самое можно прочесть и в жалованной грамоте 1671 года воеводы Дуки: «...Дал мое владычество настоящую грамоту ватаману и всем селянам села Доколина, чтобы на основании этой грамоты они не давали нам ни ямских и почтово-курьерских лошадей, ни корму для них, ни фуража для наших лошадей, ни питания каждому из моих слуг. А давали бы все это только туркам и татарам, которые будут посланы с поручениями от султана или от меня, господаря...»³

Таким образом, из рассмотренных документов видно, что основная масса молдавских крестьян, помимо гужевой повинности, обязана была поставлять государству для нужд транспорта и почтовой связи лошадей, обеспечивая их сеном и зерном, а также кормить лошадей и господарских слуг, которые бывали в деревнях и селах Молдавии с различными поручениями от молдавских господарей и турецких султанов.

Третью группу крестьянских повинностей составляли, как уже говорилось, торговые пошлины — «мыта»⁴.

В феодальной Молдавии торговля использовалась господствующими классами не только в целях распределения материальных благ, но и в целях добавочной эксплуатации трудящихся масс города и деревни. Главным средством, служившим для осуществления такой дополнительной эксплуатации трудового народа, были различные торговые пошлины, или «мыта», нередко достигавшие 10% стоимости продаваемого товара. По свиде-

¹ Конэкар — господарский слуга, организатор постоянных дворов, почтовых станций, привалов и т. п.

² Surete și izvoade, t. III, p. 158—159 (акт дан в переводе с молдавского языка).

³ Ispisoace și zapise, t. III, par. 2, p. 124—125.

⁴ M. Costăchescu, Documentele moldovenesti înainte de Ștefan cel Mare (1374—1437), t. I, Iași, 1931, p. 141—142.

тельству Дмитрия Кантемира, «ворникул де тырг (торг), то есть надзиратель торгов или рыношной, собирал десятую часть со всех товаров, продаваемых мерою или весом...»¹

Торговые пошлины устанавливались по усмотрению главы Молдавского государства — господаря. Крупные феодалы и купцы в виде привилегии полностью или частично освобождались господарской властью от торговых сборов. Крестьяне же, за очень редкими исключениями, не пользовались в этом отношении никакими льготами и привилегиями. Правда, частновладельческие крестьяне-царане могли быть освобождены господарской жалованной тарханной грамотой от уплаты торговых пошлин, но такое освобождение фактически касалось не столько крестьян, сколько их господ, которые, пользуясь податными привилегиями, стремились выжать как можно больше доходов из населения своих вотчин в свою пользу.

В жалованной господарской грамоте от 13 марта 1466 года, освобождавшей крестьян-колонистов села Негоешты Романской епископской кафедры на пять лет от торговых пошлин, говорится: «...А кто усхочет... мито от них (крестьян. — *Ф. Г.*) брати от оусего их товару: или от риба свижая, или от мажи. (возок; единица веса. — *Ф. Г.*) соленои, или от соли; или от сукно, или от платно (полотно. — *Ф. Г.*), или от железо, или от плавъ (паром. — *Ф. Г.*), или от горници (гончарные изделия. — *Ф. Г.*), или от деревяном соудином (деревянная посуда. — *Ф. Г.*), или от капоуста, или от яблок, или пак от воску, или от пресного меду, коли (когда. — *Ф. Г.*) имути продавати..., или пак где боудут куповати, или жчвих товаръ или мертвих: или воли, или яловици, или барановъ, или кони, или кобили, или пак боуд що за товаръ, или звири: или коуници, или билици..., а имъ (крестьянам-колонистам. — *Ф. Г.*) ничто да не заборонено, и без мито...»²

Что касается крестьян-резешей, зависимых непосредственно от Молдавского государства, то они, в случае продажи на рынках своих товаров, все без исключения

¹ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 218.

² И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 96.

облагались торговыми и проезжими пошлинами. Государство предъявляло к ним требования «щобы [они] платили каждый мыто» («тарканъ никто щобы не был»)¹ «и по суху, и по воде»², и «на бродах, и на перевозах, и где имуть класти» свой товар, «или будь проданное мыто или не проданное»³.

Торговые и проезжие пошлины взимались во всех торговых центрах Молдавии, в городах и в селах. Это были пошлины за пользование рынками, дорогами, мостами, перевозами, бродами, паромы и т. д. Будучи одной из форм косвенных налогов, торговые пошлины являлись значительным бременем, ложившимся на плечи трудового молдавского народа.

Четвертую группу крестьянских повинностей, согласно господарским жалованным грамотам, составляли, как указано, различные пошлины и штрафы: «глоба»⁴, «душегубина»⁵, «ослух»⁶, «третина»⁷, «чиботе»⁸, «припас»⁹ и др.

Глоба — это штраф, взыскиваемый с крестьян, как правило, по обвинению в наиболее крупных уголовных преступлениях, которыми считались душегубство, умыкание девушки, «ссора торговская» и татьба с поличным. Все указанные преступления подводятся под понятие «великое дело».

Душегубина — штраф по обвинению в душегубстве, или «смертном деле».

Ослух — штраф за «ослушание» и невыполнение господарских приказов и распоряжений.

¹ М. Костэкеску, указ. соч., т. II, стр. 59.

² Там же, стр. 531.

³ Там же, стр. 513.

⁴ М. Костэкеску, указ. соч., т. II, стр. 207—208, 251, 288—289, 310, 391, 491—492, 505, 516—517; И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 4, 10, 29, 30, 95, 173, 174, 200, 230, 231, 256, 257; т. II, стр. 262.

⁵ Uricarul, t. XXIII, p. 19—20; T. Balan, Documente bucovinene (1573—1720), t. III, Cernăuți, 1937, p. 41; C. A. Solomon și C. A. Stoide, Documente tecucene (sec. XVI—XIX), t. II, Bârlad, 1939, p. 11—12.

⁶ М. Костэкеску, указ. соч., т. II, стр. 207—208, 288—289, 310, 491—492, 516—517; И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 10, 95.

⁷ М. Костэкеску, указ. соч., т. II, стр. 288—289, 516—517; И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 10, 29.

⁸ Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 121—122; Н. В. Лашков, Местное управление Молдавии и Валахии в XVII веке, Кишинев, 1901, стр. 40.

⁹ И. Богдан, указ. соч., т. I, стр. 30.

Третина — третья часть судебной пошлины за мелкие преступления («малое дело»), шедшая в господарскую казну (другие две трети поступали в пользу судьи и руководителя сельской общины — кнеза, жуда или ватамана).

Чиботе (сапоги) — штраф в пользу господарских слуг за износ ими сапог во время многократных посещений крестьянских изб с целью взимания с крестьян различных налогов и повинностей.

Припас — штраф за действительные или мнимые поправы, совершенные крестьянским скотом.

Таковы основные прямые налоги, трудовые повинности, торговые пошлины и штрафы в пользу государства, которые тяжелым бременем ложились на молдавских крестьян.

Для взыскания налогов и принуждения податного населения к несению феодальных повинностей существовала разветвленная сеть господарских слуг, которые силой власти заставляли непосредственных производителей материальных благ выполнять все их обязанности. Таковы «даждиеры»¹ (сборщики дани, или «даждии»), «десятники»², или «диджмуниторы» (сборщики «десятины» — «диджмы»), «илишары»³ (сборщики «илиша»), «бирары»⁴ (сборщики подворного налога — «бира»), «горщи-нары»⁵ (сборщики «горщины»), «жолдунары»⁶ (сборщики «жолда»), «сулджары»⁷ (следившие за выполнением мясопоставок — «сулджиу»), «злоташи»⁸ (сборщики злотов), «леоаши»⁹ (сборщики лей), «талераши»¹⁰ (сборщики талеров), «галбенаши»¹¹ (сборщики «галбенов» — золотых дукатов), «орташи»¹² (сборщики «ортов»), «мытни-

¹ Ispisoace și zapise, t. III, par. 2, p. 155—156.

² I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, p. 8, 76.

³ Там же, стр. 14.

⁴ Surete și izvoade, t. IV, p. 52—53.

⁵ Revista Societății Istorico-Arheologice Bisericești din Chișinău. t. XX, Chișinău, 1930, p. 173—174.

⁶ M. Costăchescu, Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, t. II, p. 207—208.

⁷ Surete și izvoade, t. IV, p. 52—53; t. XXII, p. 45.

⁸ T. Balan, Documente bucovinene (1573—1720), t. III, Cernăuți, 1937, p. 41.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibidem.

ки»¹ (сборщики «мытов»), «глобники»² (сборщики «глобы»), «душегубинары»³ (сборщики «душегубины»), «припашары»⁴ (сборщики «припаса»), «перерубцы»⁵ (господарские слуги, которые «гнали» податное население на строительство городов-посадов, господарских дворов и мельниц), «олакары»⁶ (организаторы ямской и почтово-курьерской службы), «подводары»⁷ (организаторы гужевого транспорта), «конэкары»⁸, «ослухары»⁹ и другие.

Говоря о повинностях молдавских крестьян в XVI—XVII веках, нельзя не вспомнить о дани, которую вынуждена была выплачивать Османской Порте зависимая от нее Молдавия.

Захватив в конце XIV века Валахию и утвердившись окончательно в начале XVI века в Молдавии, турецкие завоеватели подвергли эти земли неслыханному разграблению и превратили в объект постоянной эксплуатации.

Ненасытную жадность турецкого правительства очень правдиво и образно описал молдавский летописец XVII века Григорий Уреке, сравнивший Османскую Порту «с бездонной бочкой, которую, сколько в нее воды ни лей, никогда не наполнишь»¹⁰.

Дань, уплачиваемая Молдавией Османской Порте в течение XVI—XVII веков, «увеличивалась турецким правительством беспрестанно... Так, в последние годы своего княжения Стефан III платил туркам 4000 золотых. Сын его Богдан III (1504—1517) платил уже удвоенную дань — 8000 дукатов. Другой сын Стефана — Петр Рареш (1527—1538; 1541—1546) платил 12 000 дукатов. При его сыне Стефанице Рареше (1551—1552) дань была увеличена еще на 5000 золотых. Во времена господаря Иоана Воды Лютого (1571—1574) дань туркам до-

¹ Т. Balan, Op. cit., p. 41.

² I. Bogdan, Op. cit., p. 10, 342.

³ Ibidem, p. 10.

⁴ Т. Balan, Op. cit., p. 41.

⁵ I. Bogdan, Op. cit., p. 14.

⁶ Там же.

⁷ Т. Balan, Op. cit., p. 41.

⁸ Ibidem.

⁹ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 158—159.

¹⁰ Grigore Ureche, Letopisețul Țării Moldovei, București, 1956, p. 179; E. Picot, Op. cit., p. 462.

стигала 40 000 золотых, а его преемник господарь Петр Хромой (1574—1579; 1582—1591) для получения фирмана¹ удвоил дань, доведя ее до 80 000 золотых. Кроме дани султану, дань с Молдавии взималась также белгородским пашей, якобы для укрепления крепостей и охраны страны.

Помимо дани, господари обязаны были систематически посылать султану и его приближенным щедрые подарки — деньгами, мехами, породистыми конями и т. д. Одному только султану молдавские господари в XVI веке обязаны были ежегодно отправлять по 500 наиболее породистых и резвых коней и по 300 отборных соколов...»²

Что касается натуральных поборов с молдавского населения, то правители Турции взыскивали их в том объеме и так часто, как находили это нужным. Исторические источники нередко содержат такие сообщения: «Да въ Волоскую землю (в Молдавию. — Ф. Г.) отъ салтана турецкого присланъ указъ; велено готовить на войско 4000 возовъ хлеба, 2000 воловъ, 1000 лошадей съ возами...»³ Или: «От визиря де въ Волоскую землю, — прислан указ, — собрать 2000 (пудов. — Ф. Г.) муки и ячменю, 300 пудовъ масла, 300 пудовъ меду, 4000 овецъ. 200 000 (!) возовъ сена, и... отвезти къ турецкому султану...»⁴

Молдавский господарь и историк, человек, хорошо знавший положение дел в поработенной турецкими сатрапами стране, Д. Кантемир писал, что крестьянин «платил столько податей, сколько предписывал ему князь»⁵; «когда князь в земле своей несколько тяжелые налоги определить захочет, то хотя без опасности потери жизни, никто ему не возпротивится, или повелению его возпротивится»⁶. Если Порте или господарю нужны были деньги или сельскохозяйственные продукты, то господарь приказывал, «чтоб в столько-то дней

¹ Фирман — письменный указ султана, утверждавший господаря на молдавском престоле.

² «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 168.

³ «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIII, стр. 711.

⁴ Там же, т. IX, стр. 657—658.

⁵ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 306.

⁶ Там же, стр. 94.

оное дело произведено было в действо, почему наряжаются два или три, или по обстоятельству вещи *множайшие* (подчеркнуто нами. — Ф. Г.) посланные в провинции, собирают деньги или хлебный запас, или что им приказано будет, отдают оное казначею, от коего получают в приеме росписки... В мирное время случается в казне от 30 000 до 40 000 имперских талеров. Когда ж присылается от Порты новый князь, или старый подтвердительным письмом оставляется в прежнем своем звании, то должно собирать до 50 000 имперских талеров, а *все то с бедных подданных* для насыщения алчного златолюбия турков, *каким бы образом ни было, вымогается...*¹

Вся тяжесть налогов и повинностей ложилась на плечи податного населения страны. Крестьянские повинности как количественно, так и качественно не были стабильны. Они изменялись в зависимости от роста государственного аппарата и увеличения расходов на его содержание, от роста потребностей господствующего и правящего феодального класса и от увеличения дани, которую зависима от Оттоманской Порты Молдавия обязана была выплачивать Турции.

Приведем статистические данные об упоминаниях различных крестьянских повинностей в актовом материале. Такие упоминания я нашел в 375 жалованных, льготных, рядных, оброчных и других грамотах XVI — первой половины XVII веков. Отработочная рента (барщина) встречается в них 59 раз² (большей частью она подразумевается); продуктовая рента, оброк (т. е.

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 274.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 66, 424; t. IV (1591—1600), p. 143, 154—155; t. I (1601—1605), p. 31, 77, 248; t. II (1606—1610), p. 8—9, 43—44, 139, 144—145, 165; t. III (1611—1615), p. 64, 94; t. IV (1616—1620), p. 28, 96—97, 207—208, 227, 257—258, 273—274, 321, 385, 435, 488—489, 503, 508; t. V (1621—1625), p. 4, 44—45, 50, 72, 87, 111, 119—120, 123, 158, 159, 172, 235—236, 245, 247, 294; Ispisoace și zapise, t. II, par. 1, p. 136—137; Н. Н. Мурзакевич, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бесарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. V, Одесса, 1863, стр. 840—841.

«джимы» — «десятины») — 140¹; денежная рента — 57².

«Десятина» — «джима», шедшая в пользу Молдавского государства, фигурирует в указанных актах около 140 раз, «дань» («даре», «дажде» или «бир») — 126³, «дабилы» — «подати», «поборы» — 160⁴, «илиш» — 106⁵,

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 66, 232, 424, 449; t. IV (1591—1600), p. 3, 34, 180, 276, 299; t. I (1601—1605), p. 39; t. II (1606—1610), p. 9, 54, 74, 113, 131, 153, 165, 305; t. III (1611—1615), p. 55, 97; t. IV (1616—1620), p. 94, 207, 258, 290, 296, 297, 305, 322, 323, 327, 340, 375, 483, 502; t. V (1621—1625), p. 102, 111, 123, 128, 217, 245; Uricarul, t. XVIII, p. 427—428; P. Mihailovici, Op. cit., p. 36—38; T. Balan, Documente bucovinene, t. I, Cernăuți, 1933, p. 241—242; Surete și izvoade, t. VIII, p. 96; «Правила», стр. 7; «Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», т. I, Кишинев, 1900, стр. 174—175; ЦГА МССР, ф. 220, оп. 3, док. 46; оп. 7, док. 83.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 373; t. IV (1591—1600), p. 3, 62, 155, 276; t. I (1601—1605), p. 31, 39, 77, 87; t. II (1606—1610), p. 9, 44, 74, 113, 131, 153; t. III (1611—1615), p. 55; t. IV (1616—1620), p. 97, 207, 227, 257, 273, 307, 314, 375, 464; t. V (1621—1625), p. 102, 123, 160, 249; Uricarul, t. XVIII, p. 427—428; Н. Н. Мурзакевич, указ. соч., стр. 840—841.

³ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 232, 268; t. IV (1591—1600), p. 180; t. I (1601—1605), p. 248; t. II (1606—1610), p. 9, 74, 113; t. III (1611—1615), p. 86, 160; t. IV (1616—1620), p. 10, 11, 12, 94, 207, 227, 273, 274, 307, 340, 429, 473, 502; t. V (1621—1625), p. 111, 123, 245, 247, 249, 367; N. Iorga, Studii și documente, t. V, par. 1, p. 219—220; Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 175; Uricarul, t. XVIII, p. 427—428.

⁴ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 424; t. IV (1591—1600), p. 3, 155, 276; t. I (1601—1605), p. 31, 87, 125, 205, 248; t. II (1606—1610), p. 9, 34, 44, 60, 97, 131, 145, 153, 170, 281; t. III (1611—1615), p. 55, 86, 99, 110, 160; t. IV (1616—1620), p. 18, 94, 97, 153, 185, 215, 228, 258, 274, 298, 307, 314, 327, 340, 343, 347, 403, 483, 491, 498, 500, 502; t. V (1621—1625), p. 78, 102, 111, 119, 123, 160, 172, 197, 245, 246, 249, 313, 318; Surete și izvoade, t. XX, p. 211; t. XXII, p. 117—118; Н. Н. Мурзакевич, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. V, Одесса, 1863, стр. 840—841.

⁵ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 66, 91, 232, 288, 373, 424; t. IV (1591—1600), p. 3, 45, 62, 155, 180; t. I (1601—1605), p. 31, 39, 77, 248; t. II (1606—1610), p. 9, 44, 60, 74, 113, 131, 139, 165, 232; t. IV (1616—1620), p. 10, 11, 12, 28, 97, 207, 227, 257, 274, 307, 314, 327, 375, 429, 464; t. V (1621—1625), p. 77, 102, 111, 123, 158, 159, 160, 245, 249; Surete și izvoade, t. II, p. 256; Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 175; Uricarul, t. XVIII, p. 427—428; Н. Н. Мурзакевич, указ. соч., стр. 840—841.

«сулджиу» — 64¹, «горщина» — 60², «жолд» — 32³, «воск» — 26⁴, «масло» — 14⁵, «мед» — 16⁶ (не считая «десятины» от пчелиных ульев), «куры» — 5⁷, «царская дань», или «бирул ымпэрэтеск» (т. е. дань в пользу султанской Порты) — 48⁸, «постой» — 16⁹, «подводы» — 110¹⁰, «кай де олак» — 52¹¹, «ангарии», или принудительные «работы» на строительстве города-посада, крепостей, господарских «дворов», мельниц и прудов, косьба

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 424; t. IV (1591—1600), p. 155; t. I (1601—1605), p. 31, 39, 77; t. II (1606—1610), p. 44, 74, 113, 131; t. III (1611—1615), p. 55; t. IV (1616—1620), p. 11, 12, 97, 207, 274, 307, 314, 327, 464; t. V (1621—1625), p. 102, 111, 123, 160, 245, 249; Uricarul, t. XVIII, p. 427—428; Surete și izvoade, t. II, p. 256; Н. Н. Мурзакевич, указ. соч., стр. 840—841.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 66, 91, 232, 424; t. IV (1591—1600), p. 3, 155, 276; t. I (1601—1605), p. 31, 39, 77; t. II (1606—1610), p. 9, 44, 74, 113, 131, 153, 165; t. III (1611—1615), p. 55; t. IV (1616—1620), p. 97, 207, 258, 327, 375; t. V (1621—1625), p. 102, 111, 123, 245; Uricarul, t. XVIII, p. 427—428.

³ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), p. 42, 63; t. I (1601—1605), p. 124; t. III (1611—1615), p. 60; t. IV (1616—1620), p. 319, 321, 326, 385, 502; t. V (1621—1625), p. 5, 44, 72, 172—294.

⁴ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 29; t. II (1606—1610), p. 165; t. IV (1616—1620), p. 11, 274, 307, 314, 321; t. V (1621—1625), p. 5, 50, 72, 160, 246.

⁵ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), p. 10, 12, 491; Surete și izvoade, t. II, p. 256.

⁶ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), p. 12.

⁷ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 424; t. II (1606—1610), p. 165.

⁸ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 66, 424; t. IV (1591—1600), p. 3, 42, 63, 155, 276; t. I (1601—1605), p. 31, 39; t. II (1606—1610), p. 60, 131, 153, 165; t. III (1611—1615), p. 55, 60; t. IV (1616—1620), p. 327, 343, 375, 508; t. V (1621—1625), p. 102, 111, 123, 245, 294.

⁹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 268; t. IV (1616—1620), p. 94, 340.

¹⁰ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 268; t. IV (1591—1600), p. 42, 63, 143, 180, 263; t. I, (1601—1605), p. 124, 191; t. II (1606—1610), p. 58, 60, 74, 97, 145, 173, 188; t. III (1611—1615), p. 60, 68, 110, 115; t. IV (1616—1620), p. 1, 18, 38, 40, 94, 207, 258, 319, 321, 326, 335, 340, 385, 410, 489, 490, 500, 502, 508; t. V (1621—1625), p. 5, 44, 72, 88, 120, 172, 246, 247, 248, 294, 319.

¹¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 268; 424; t. IV (1591—1600), p. 42, 63, 155; t. I (1601—1605), p. 31, 39, 191; t. II (1606—1610), p. 60, 145, 188; t. III (1611—1615), p. 60, 68, 110; t. IV (1616—1620), p. 1, 94, 207, 258, 319, 340, 489, 490, 500, 502; t. V (1621—1625), p. 246, 248.

и заготовка сена — 248¹, воинская повинность — 26², «глоба» — 100³, «душегубина» — 64⁴ и т. д.

Усиление феодального гнета шло в основном тремя путями: 1) по линии увеличения феодальной земельной ренты вообще, 2) по линии роста налогового бремени в частности и, наконец, 3) путем возрастания дани, уплачиваемой Молдавией султанской военно-феодальной Турции.

О том, что крестьянские повинности непрерывно росли и налоговое бремя увеличивалось, говорят, например, следующие сообщения молдавских летописцев-очевидцев. Летописец XVI столетия Евфимий, описывая события 1542—1554 годов, отмечает, что господарь Ильяш, который за свою верность Оттоманской Порте и принятие мусульманской веры «иже и Махметь наречен бысть..., велик бир (налог. — Ф. Г.)... по всей земли... повеле же давати...»⁵ Другой молдавский летописец XVI века Азарий, говоря о росте налогового обложения, сообщает, что «въ те оубо времена и лета

¹ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 91; t. III (1571—1590), p. 268, 288, 373; t. IV (1591—1600), p. 3, 45, 62, 155, 180, 276; t. I (1601—1605), p. 31, 39, 77, 124, 248; t. II (1606—1610), p. 8, 44, 60, 74, 113, 123, 131, 139, 145, 153, 170, 232, 281; t. III (1611—1615), p. 48, 55, 64, 86, 110, 155; t. IV (1616—1620), p. 18, 38, 94, 97, 207, 227, 257, 274, 296, 307, 314, 319, 321, 322, 326, 327, 335, 340, 375, 385, 410, 435, 464, 489, 490, 491, 500, 502, 503, 508; t. V (1621—1625), p. 5, 44, 72, 77, 88, 102, 111, 120, 123, 158, 159, 160, 172, 245, 246, 248, 249, 294, 318; Surete și izvoade, t. II, p. 256; Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 175; Uricarul, t. XVIII, p. 427—428; Н. Н. Мурзакевич, указ. соч., стр. 840—841.

² Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 91, 232, 288; t. I (1601—1605), p. 39; t. III (1606—1610), p. 9, 44, 60, 74; t. V (1621—1625), p. 44, 88; Uricarul, t. XVIII, p. 427—428.

³ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 29, 190; t. III (1571—1590), p. 385, 386, 464; t. IV (1591—1600), p. 180, 263; t. I (1601—1605), p. 190; t. II (1606—1610), p. 58, 129, 133, 141, 153, 188; t. III (1611—1615), p. 48, 57, 58, 91, 154, 155; t. IV (1616—1620), p. 1, 28, 40, 185, 296, 298, 306, 322, 381, 489, 490, 491, 500, 502; t. V (1621—1625), p. 44, 69, 98, 99, 248, 257; Н. Н. Мурзакевич, указ. соч., стр. 840—841.

⁴ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 190; t. III (1571—1590), p. 385, 386, 424, 464; t. IV (1591—1600), p. 263; t. I (1601—1605), p. 190; t. II (1606—1610), p. 58, 97, 130, 133, 141, 153, 165; t. III (1611—1615), p. 48, 57, 58, 91—92; t. IV (1616—1620), p. 1, 28, 185, 281, 381; t. V (1621—1625), p. 44, 69, 98, 99, 257; Н. Н. Мурзакевич, указ. соч., стр. 840—841.

⁵ I. Bogdan, Vechile cronice moldovenesti până la Urechia, București, 1901, p. 165.

(1551—1574)... воевода же... въсоте (повысил.— Ф. Г.)... народу оуроки (повинности, дань, оброк, подать.— Ф. Г.)»¹. Молдавский господарь «дани тяжкие возложи, люди насилуя, и о нищих не поболе»²,— заключает Азарий.

По свидетельству молдавского летописца первой половины XVII столетия Григория Уреке, господарь Иоан Деспот, обложив население «новым налогом, увеличил и без того тягостные повинности»³. А господарь Иоан Вода Лютый, по словам Григория Уреке, «изо дня в день выдумывал все новые и разные налоги и повинности...»⁴

Неуплата налогов влекла за собой частичную или полную конфискацию крестьянского имущества⁵. Кроме того, для более регулярного поступления налогов в государственную казну, центральная господарская власть ввела писцовые реестры казначейства и приспособила к фискальным интересам государства крестьянскую сельскую общину, используя круговую поруку и мирской способ раскладки крестьянских податей и повинностей. Так, в жалованной господарской грамоте 1614 года Стефана Томши на село Рошиячи читаем: «...Дали есми сест лист господства ми слуге нашему Ончулу, бывшему старосте, и ватаману его от села Рошиячи... на своих поддани... от там: да имают сидити и платити своих дабил (подати, повинности.— Ф. Г.), како есть написано въ катастих от вистиар (т. е. в писцовом реестре казначейства.— Ф. Г.) господства ми, а котори не въсхошет платити, како где есть написан, да имают ему опирати въсех комати (конфисковать все имущество.— Ф. Г.)... И вы въси дабилары (сборщики податей, повинностей.— Ф. Г.) да не имаете им опирати их скот ради инших (других.— Ф. Г.) селове, таки да имаете възяти за ради их дабилах...»⁶

¹ *I. Bogdan*, *Letopisețul lui Azarie*, București, 1909, p. 170.

² *Ibidem*, p. 172.

³ *E. Picot*, *Op. cit.*, p. 416.

⁴ *Ibidem*, p. 486.

⁵ *Uricarul*, t. XXIII, p. 85; *Surete și izvoade*, t. IV, p. 278—279; *Documente privind istoria României*, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 329—330; *Surete și izvoade*, t. XXII, p. 35.

⁶ *Ispisoace și zapise*, t. I, par. 1, p. 98—99.

Таким образом, в цитируемом тексте говорится, во-первых, о том, что молдавские крестьяне должны платить налоги согласно казенным писцовым книгам; во-вторых, что неуплата налогов влекла за собой конфискацию крестьянского имущества; в-третьих, что разверстка крестьянских податей и повинностей носила мирской характер.

Молдавский господарь Стефан Петричейко, жалую в 1673 году монастырю Четацуя право сбора горщины в количестве 3000 овец с шести сел-общин, следующим образом произвел раскладку этого налога по селам: с Паркова—1200 овец, с Фрасина—300, с Динжаны—600, со Стурзаны—300, с Душманы — 300, с Логофецаны—300¹. Из приведенного документа можно заключить, что села-общины не были одинаковы как по числу дворов, так и по количеству живших в них крестьян-налогоплательщиков. В силу этого при раскладке горщины для различных общин было определено разное количество овец. По-видимому, каждая община, в свою очередь, должна была распределить свой оклад по дворам в зависимости от числа имевшихся в каждом дворе крестьян-налогоплательщиков.

Настоящим бичом для податного населения страны являлась система кормлений и отдачи на откуп сбора государственных налогов и повинностей. Откупщики стремились не только извлечь из непосредственных производителей материальных благ уплаченную господарю арендную сумму, но и значительно превысить ее, и тем самым как можно больше нажиться за счет трудового народа. «...Пишем наше владычество нашему баярину Кырсте, мытнику, — говорит господарь Молдавии Константин Дука. — Даем вам и вашим слугам знать, что до меня, господаря, дошла на вас и ваших слуг жалоба второго постельника Думитрашки Раковицы о том, что вы и ваши слуги ходите по селам и избиваете во время сбора десятины податных людей: одних бьете по пяткам, других же бьете и по пяткам и по заду... Сбор десятины вы, как и другие бяре, взяли на откуп...»²

Этот документ, вышедший непосредственно из господарской канцелярии, свидетельствует о том, что на-

¹ Revista Societății Istorico-Arheologice Bisericești din Chișinău, t. XX, Chișinău, 1930, p. 173—174.

² Surete și izvoade, t. VIII, p. 151.

логи и другие повинности выколачивались из крестьян самыми грубыми методами.

Русский дворянский писатель Ф. Ф. Вигель, рисуя положение молдавских и валашских крестьян, писал: «Кто не знает, что в Молдавии и Валахии под названием откупа разумеется купленное право законным образом грабить и обогащаться? Первый откупщик и владетель есть владетельный князь и господарь, от самой Порты подлостями и подарками право сие получивший.., первые чиновники суть его контрагенты; прочая же челядь суб-арендаторы или, лучше, воры нижнего разряда. Каждый из них есть губка, всасывающая в себя пот и кровь народные, которые из них опять высшей властью выжимаются»¹.

Примерно то же самое вынужден был признать и румынский буржуазный историк А. Д. Ксенопол, говоря о злоупотреблениях государственных сборщиков налогов, которые «самовольно увеличивали подати, удваивали их, учетверяли, удесятерили, разделяя похищенную сумму с членами господарской боярской рады... Исправники, префекты, грозные сборщики налогов и податей были настоящими жестокими деспотами в своей волости и никогда не боялись наказания, будучи поощряемы к противозаконным действиям высшими»².

§ 7. ХОЛОПЫ

История крестьян тесным образом связана с историей другого разряда зависимого населения молдавского феодального общества XVI — первой половины XVII веков — холопов.

Из жалованных, дарственных, подтвердительных, купчих, раздельных и других грамот, вышедших из молдавской господарской канцелярии, в которых речь идет о холопах и холопстве, мы узнаем, что еще задолго до юридического оформления крепостного права «Уложением» 1646 года, в Молдавии существовала незначительная категория лично зависимых от светских и духовных феодалов людей, которые не только фактически, но и юридически составляли полную и безусловную собственность своих владельцев.

¹ Ф. Ф. Вигель, Записки о Бессарабии, «Русский архив», 1893, № 1, приложение, стр. 16.

² А. Д. Xenopol, Istoria Românilor, t. VI, București, 1927, p. 610—611.

Эта группа людей в актах, написанных на славянском языке, именуется «холопами»¹ или «рабами»². Уже сами эти названия в значительной степени указывают на экономическое и правовое положение названной социальной категории.

По вопросу о холопах и холопстве XVI — первой половины XVII столетий в нашем распоряжении имеется 510 актов.

О наличии холопов у великих и малых бояр и духовных корпораций, о применении рабского труда в господских феодальных хозяйствах говорят 260 документов, вышедших из господарской канцелярии в 1501—1650 годы³. Документы свидетельствуют о том, что феодалы продавали, покупали, дарили, меняли, закладывали, давали в приданое, делили холопов между наследниками вместе с движимым и недвижимым имуществом, целыми семьями и порознь, отрывая детей от родителей и разлучая братьев и сестер.

Приведем прежде всего материал о господарских дарениях холопов боярам и монастырям.

Так, молдавский господарь Стефан Великий жалованной подтверждающей грамотой от 30 марта 1500 года Побратскому монастырю признал юридическую силу

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, p. 140.

² Ibidem, p. 141.

³ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 28—30, 34, 95—96, 192—194, 208, 221—223, 228—229, 404, 409, 501—503; t. II (1551—1570), p. 38—39, 53—54, 57—58, 64—65, 71—74, 130, 131—132, 147—148, 176—177, 210, 220—222, 224—225, 226—227; t. III (1571—1590), p. 3—4, 7, 49, 52—53, 69—70, 94, 104, 113—114, 141, 159, 160, 160—161, 163—164, 167, 170—173, 191, 192, 205—207, 211—213, 231, 232, 270—271, 277—278, 321, 322—323, 362, 432—433, 442—443; t. IV (1591—1600), p. 35—36, 39—40, 52—53, 56, 59, 85, 86—87, 120, 130, 165—166, 172—173, 173, 214—215, 223—225, 260, 268—269, 279—281; t. I (1601—1605), p. 56; t. II (1606—1610), p. 83, 110—112, 123—124, 138, 148, 159, 203, 229—231; t. III (1611—1615), p. 17, 50, 79, 152—153; t. IV (1616—1620), p. 57—58, 156—157, 163, 164, 179—180, 239—240, 264—269, 277, 277—278, 314, 318, 336, 337, 432, 444—447, 472—473, 483, 487—488, 511—512; t. V (1621—1625), p. 39, 86, 279, 285, 289, 335—336; Surete și izvoade, t. I, p. 136—137; t. II, p. 130—134; t. III, p. 98—100; t. VIII, p. 248—249, 266—267, 268—269; t. XIX, p. 198, 202—204; t. XX, p. 14, 27, 179, 201, 202, 237—239; t. XXI, p. 134, 138, 197—198, 198—199, 213, 230; t. XXII, p. 146, 149—150; M. Costăchescu, Documentele moldovenești dela Ștefăniță Voevod (1517—1527), Iași, 1943, p. 325—327; ГИМ (Собрание Уварова, древнемолдавские грамоты), карт. 41/23.

акта дарения холопов этому монастырю князем Александром Добрым¹. Жалованной грамотой от 2 июля 1522 года господарь Стефан Молодой подарил Тазловскому монастырю две «челяди» (семейства) холопов². Тот же господарь 10 апреля 1524 года закрепил за боярином Федором логофетом половину села Руси, а также пожаловал ему ряд холопов³. 3 марта 1527 года господарь Петр Рареш передал Тазловскому монастырю село Пашканы и семью холопов⁴.

Жалованная дарственная грамота от 6 августа 1543 года сообщает, что князь Петр Рареш купил у шолтуза города Бистрицы за 40 венгерских золотых и одну лошадь «челядь» холопов, состоявшую из 8 душ: отца (Михула), матери (Парасковыи), 5 сыновей и одной дочери. Затем господарь пожаловал указанных холопов Молдавицкому монастырю с тем, чтобы они работали в монастырском хозяйстве⁵.

Жалованной дарственной грамотой от 12 мая 1546 года господарь Петр Рареш уступил Романской епископской кафедре половину села Цепешты, часть озера Лозова, участок земли под пасеку и «челядь» холопов⁶. Данная жалованная грамота от 10 декабря 1553 года содержит сведения о том, что господарь Александр Лапушняну передал Тазловскому монастырю село Концешты с мельницами для размола зерна и «челядь» холопов «со всем доходом»⁷.

Жалованной подтвердительной грамотой от 31 июля 1559 года князь Александр Лапушняну закрепил за молдавским феодалом Матейшевичем две «челяди» холопов, подаренные ему валашским господарем Мирчей, а также одного холопа, которого боярин Матейшевич купил за 600 аспров у сановника Иадера⁸.

В 1568 году господарь Богдан Лапушняну жалованной грамотой от 8 мая подарил «жупанице» Агафье две

¹ И. Богдан, указ. соч., т. II, стр. 176—178.

² Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 208.

³ Ibidem, p. 221—223.

⁴ Ibidem, p. 228—229.

⁵ Ibidem, p. 409.

⁶ Ibidem, p. 501.

⁷ Ibidem, t. II (1551—1570), p. 38—39.

⁸ Surete și izvoade, t. XIX, p. 42.

«челяди» холопов в составе 14 человек¹. Тот же господарь Богдан воевода 15 мая 1570 года пожаловал боярину Драгану логофету 13 «челядей» холопов за его «правую и верную службу»².

22 февраля 1578 года князь Петр Хромой передал Галатскому монастырю несколько сел с мельницами и прудами, а также 10 «челядей» холопов³. В 1580 году тот же господарь пожаловал холопами своего вассала, боярина Билэя, за его «безупречную» службу господарской власти⁴. 15 сентября 1583 года Петр Хромой утвердил за Галатским монастырем села Влэичешты, Мынзешты, Фэлфоешты, Петрешты и две «челяди» холопов⁵.

20 августа 1588 года князь Петр Хромой закрепил за гетманом вооруженных сил Молдавии Андреем село Заведены Сорокской волости и, кроме того, пожаловал ему 20 «челядей» холопов⁶. Тот же господарь 4 июня 1589 года подарил боярину Опре холопа Иеремею: «...ож господства ми, — говорит князь Петр Хромой, — дадохмо и помиловахмо... слуга господства ми верного... Опре, великий армаш, съ един холоп циган; он был из цигани наших холопи... господарски...»⁷.

Согласно жалованной грамоте от 12 мая 1594 года, господарь Арон Тиран дал Галатскому монастырю пять «челядей» холопов, обязав их работать на своих новых господ⁸.

Жалованная дарственная грамота от 20 января 1607 года содержит сведения о том, что молдавский господарь Семен Могила передал монастырю св. Саввы холопа Цицула, сделав его «рабом» указанной духовной корпорации и заставив работать в монастырском хозяйстве⁹.

10 марта 1611 года господарь Константин Могила

¹ Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 177.

² Surete și izvoade, t. IX, p. 36—38.

³ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 92—93.

⁴ Surete și izvoade, t. XIX, p. 123.

⁵ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 232.

⁶ Ibidem, p. 392.

⁷ Surete și izvoade, t. XX, p. 12.

⁸ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), p. 107—108.

⁹ Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), p. 81.

пожаловал второму логофету боярину Витолту своего дворового холопа вместе с женой и детьми¹.

«...Ож господства ми дали и подтвердили есми слуге нашему Пэтрашко Башотъ своих правии холопи цигани именем Личул съ жена и съ дети их и сестра его Настасия съ сынове еи Кокош и Хоруш и Василие и Мелентие Кошуху и Григорие Фрънкул и сестри их Цонца и Тудора и Лица и Мэгуца. Все сынове и унукове Негрен Фрънкула и жены его, Стана, что был Стана дание и милование деди своему Чолпану старому от Александра воеводы, имя [холопов] Лука Шимон съ женой и съ дети и брат его Матвей и сестра их Варвара, сынове Санхиры, како да ест ему от нас сии холопи цигани...»², — пишет господарь Стефан Томша в данной подтвердительной грамоте от 20 декабря 1611 года боярину Пэтрашко Башотэ.

В 1612 году господарь Стефан Томша утвердил за Берзунцким монастырем село Богдана с мельницами и холопа Нянула с женой и детьми³. Тот же господарь 12 мая 1615 года подарил монастырю Солка несколько «челядей» холопов, обязав их работать в монастырском хозяйстве⁴.

Между 1 сентября 1616 года и 31 августа 1617 года молдавский господарь Радул Михня закрепил за монастырем св. Николая холопов, дарованных последнему господарем Ароном воеводой⁵. 6 ноября 1618 года тот же князь подтвердил право монастыря св. Николая на холопов, пожалованных господарями Петром Хромым и Ароном Тираном⁶.

26 апреля 1622 года князь Стефан Томша подарил боярину Сакотэ холопа Василия с женой и детьми, которые должны были работать в хозяйстве своего нового владельца и приносить ему «доход»⁷. 20 же апреля 1627 года господарь Мирон Барновский утвердил за великим логофетом боярином Думитрашко Стефаном двух

¹ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 52.

² Surete și izvoade, t. XX, p. 199—200.

³ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 80—81.

⁴ Ibidem, p. 216—218.

⁵ Ibidem, t. IV (1616—1620), p. 33.

⁶ Ibidem, p. 295.

⁷ Ibidem, t. V (1621—1625), p. 128.

холопок, данных ему женой господаря Иоана Воды Лютого Марией¹.

В жалованной подтвердительной грамоте от 2 февраля 1633 года Александра Ильяша на холопов боярина Ионашко Чехана читаем «...Ож господства ми дали и подтвердили есми нашему верному болерину Ионашко Чехану великому питару его правии холопи цигани и дание и викупление от исписок за дание и викупление, что имел от Мирона Барновского воеводы именем Маковею съ жена его съ дети их Бежан и Мафтею и съ иних сынове их, како да суть ему и от господства ми правии холопи цигани... непоколебимо николи ж на веки вечнии...»² Здесь говорится о том, что господарь Александр Ильяш закрепил за боярином Ионашко Чеханом холопов, подаренных ему князем Мироном Барновским.

Таким образом, молдавские господари подтверждали жалованные дарственные грамоты на холопов, данные предшествовавшими правителями Молдавии и, в свою очередь, делали новые дарения.

Известны акты дарения холопов не только господарями, но и другими представителями господствующего класса.

Так, в одной из жалованных подтвердительных грамот 1515 года Богдана воеводы, между прочим, говорится о том, что боярин Алекса Небожатко подарил Добровецкому монастырю две «челяди» холопов³. В 1533 году высокие государственные сановники Ион и Савва, пыркалабы, передали тому же монастырю четыре «челяди» холопов и вдову рабыню Марину с детьми⁴.

В 1549 году дьяк Васкан, сын пыркалаба Попэскула, продал светскому феодалу Гянге три «челяди» холопов за 260 татарских злотов, а одну холопку подарил ему⁵. Согласно дарственной подтвердительной грамоте от 21 марта 1551 года, митрополит Молдавии Георгий, помимо значительного движимого и недвижимого иму-

¹ Surete și izvoade, t. XXIV, p. 203.

² Ibidem, t. VIII, p. 270—271.

³ M. Costăchescu, Documentele moldovenesti dela Bogdan Voevod (1504—1517), București, 1940, p. 367—368.

⁴ Documente privind istoria României, t. I (1501—1550), p. 361—362.

⁵ Ibidem, p. 586.

щества, дал Воронежскому монастырю шесть «челядей» холопов¹.

Из собственноручной данной записи от 10 марта 1562 года бывшего главы молдавской господарской канцеляции логофета Бѣлоша (известного в монашестве под именем Теофилакт) Молдавицкому монастырю узнаем, что он принес последнему в дар купленного им у пыр-калаба Петра холопа Михула². Подтвердительной грамотой от 7 августа 1569 года господаря Богдана Лапушняну холоп Михул был закреплен за названным монастырем «навечно»³.

В 1587 году господарь Петр Хромой жалованной грамотой от 29 мая утвердил за Агапиевским монастырем две семьи холопов, дарованных последнему великим придворным постельником боярином Брутом⁴.

Боярин Лукоч в своей духовной записи указал на передачу одному из молдавских монастырей «на помин души» «челяди» холопов⁵. 11 января 1603 года был оформлен дар боярыни Агафьи Рышкановскому монастырю в виде села-вотчины Маскуръ и нескольких холопов⁶.

В 1604 году боярыня Анна, жена бывшего великого логофета Иоана Голэйя, наделила монастырь Ватопед вотчинами и «челядями» холопов «...именем: Фъся съ женою и съ дети своими, и... Крстефурул съ женою и съ дети своими, и Марко съ женою и съ дети своими, и Симион съ женою и съ дети своими, и Ренча съ женою и съ дети своими, и Мамуда и съ жен и съ дети своими, и Рая златар (золотых дел мастер. — Ф. Г.) съ жен и съ дети своими, и Прокоп и съ Василие брат его, и Кондря Чуря съ женою и съ дети своими, Илена дочка Марии и сестра их Настасия, и Василий брат Чури съ жен и съ дети своими, и Чупърка съ дъща (дочерью.— Ф. Г.) его Стана, и Анна дъща Лудн, и Софръния и сын ей Иван и сестра их Каля и Ионашко Тремурич и Андрейка и Мъланка и Одокия и Еремия и Ирина, и Гиня съ жен и

¹ Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 1—4.

² Ibidem, p. 158—159.

³ Ibidem, p. 209.

⁴ Ibidem, t. III (1571—1590), p. 360—361.

⁵ Ibidem, p. 369—370.

⁶ Ibidem, t. I (1601—1605), p. 69.

съ дети своими...»¹ Всего боярыня Анна отдала указанному монастырю «на помин души» своего мужа и своих родственников около 15 «челядей» холопов.

В дарственной записи боярина Ильи Думитровича от 8 сентября 1610 года читаем: «...Аз, Илья Думитрович, бывший житничар, свидетельствую сим моим записом... аз есмо дал и даровал унукоу моему пану Думитрашко, сыну покойного Шефана логофета, ... един сълаш («челядь». — Ф. Г.) за цигани...»² Следовательно, Илья Думитрович подарил своему внуку Думитрашко семейство холопов. В 1611 году тот же Илья Думитрович составил другую дарственную запись о пожаловании одному из молдавских монастырей нескольких «челядей» холопов и вдов-рабынь с детьми³.

2 июня 1617 года господарь Радул Михня утвердил за монастырем Драгомирна 8 семейств холопов, данных логофетом Лупулом Строичем⁴. 9 марта 1618 года Радул закрепил за женой бывшего ворника боярина Билэя Синклитикией и ее сыном Ионашко как купленных, так и дарованных холопов⁵.

Рядной дарственной записью бывшего великого господарского казначея боярина Семена Стырчи от 10 июня 1622 года был оформлен акт передачи в качестве приданого феодалу Лупулу Прэжескулу и его жене Сафте нескольких «челядей» холопов вместе с селом-вотчиной Миклэушены⁶.

Перехожу к вопросу о купле и продаже холопов. В купчей грамоте от 8 мая 1549 года говорится, что боярин Васкан, сын известного светского феодала, пыркалаба Попэскула, продал за 260 татарских золотых пану Гянге, пыркалабу города Романа, три «челяди» холопов⁷. 28 апреля 1552 года был оформлен акт купли-продажи холопов между бывшим логофетом Макарием и паном-логофетом Георгием: первый продал второму за 160 татарских золотых «челядь» холопов, состоявшую из трех

¹ Aurel V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937, p. 34—35.

² Surete și izvoade, t. XX, p. 189.

³ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 22.

⁴ Ibidem, t. IV (1616—1620), p. 175—176.

⁵ Ibidem, p. 237.

⁶ Ibidem, t. V (1621—1625), p. 142—143.

⁷ Surete și izvoade, t. XIX, p. 10.

душ¹. Согласно купчей записи от 8 декабря около 1572 года, поп Василий из Браилы получил от боярина Ми-хаила, пыркалаба города Ботошаны, холопку за 24 та-лера².

В грамоте от 20 июля 1575 года содержатся сведения о покупке боярином Максимом, бывшим пыркалабом, двух холопов за 200 аспров у боярина Оприша, сына пана Оприша, армаша³. В купчей записи от 15 сентября 1581 года говорится, что Дамьян Кристович приобрел од-ного холопа у боярина Ионашко Стынгачнула⁴. 13 мая 1586 года боярин Андрейка купил у боярина Ончула Херца холопку с дочерью⁵.

Грамотой от 15 марта 1592 года молдавский госпо-дарь Арон Тиран утвердил за апродом Макри холопа Коцагана с женой и детьми, купленных им у боярина Ильи, житничара, за 25 талеров⁶. Купчая крепость, да-тированная 23 января 1595 года, овидетельствует, что бояре Федор Турчитул, Тэутул и его брат Федор продали пану Макри, великому армашу, холопку Марфу с ее до-черью Буной и «детей, которые от них родятся», за 200 злотов⁷.

Из купчей грамоты 1595—1606 годов узнаем о прода-же Георгием, сыном Кузьмы, боярину Петричейко лого-фету ряда холопов (Нестора с его женой и детьми, Фео-досии с ее сыновьями Сырбулом, Ваской, Стефаном и т. д.) за 10 талеров⁸. Грамотой от 16 июля 1596 года молдавский господарь Иеремия Могила утвердил за бывшим великим ворником боярином Кырстей несколь-ко «челядей» холопов, приобретенных последним у судеб-ного пристава — апрода Пикула⁹.

Грамота, датированная 30 июня 1598 года, отмечает, что епископ романский Агатон купил у великого надзи-рателя-ватава Хырловской волости Дмитрия и его же-

1 Documente privind istoria României, t. II (1551—1570), p. 24—26.

2 Surete și izvoade, t. XIX, p. 76—77.

3 Ibidem, p. 87.

4 Ibidem, p. 154—155.

5 Ispisoace și zapise, t. I, par. 1, p. 169.

6 Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), p. 49.

7 Ibidem, p. 119.

8 Ibidem, p. 126—127.

9 Ibidem, p. 146.

ны Феодосии, дочери боярина Федора Драксина, двух холопов, которых затем передал епископской кафедре¹.

Грамотой от 28 марта 1599 года господарь Иеремия Могила закрепил за феодалом Саввой Цоповичем ряд холопов: мужчин, женщин, взрослых и детей, купленных им оптом и в розницу у различных землевладельцев и рабовладельцев, а также полученных в качестве приданого от своего тестя боярина Цопа².

«...Еремия Могила воевода, божиею милостию господарь земли Молдавской, — гласит купчая грамота от 8 марта 1601 года, — ож приде пред нами и пред усими нашими молдавскими болери: великими и малыми, слуга наш Ионашко бывший столник, по его доброю волю никим непонужден, а ни присилован, и продал своего правого холопа цигана именем Тоадер съ жена его Тодосия и съ дети их; та продал служи нашему Ионашко Чехан дияк за *один конь, цену ему ценовал петдесят талер личных* (курсив наш. — Ф. Г.), и въставшеся наш слуга вышеречений Ионашко Чехан дияк и дал ему тот конь въ руки Ионашко бивший столник... пред нами и... пред болери наших, ино мы видевши добровольною токмеж меж них, мы такождере и от нас дали и потврѣдили есми служи нашему Ионашку Чехан дияк тот холоп цыган именем Тоадер съ женой и съ дети их Моцку, како да ест ему и от нас холоп цыган съ въсем доходом...»³ Так холоп Федор, его жена Феодосия и их дети были променены их владельцем на лошадь, оцененную в пятьдесят талеров.

В документе, датированном 19 июля 1612 года, рассказывается, что господарь Стефан Томша утвердил за Ионашкой Чеханом, имевшим теперь высокий придворный чин ворника (в предыдущем источнике он фигурировал в чине дьяка), земельные покупки, сделанные в целом ряде сел-общин. При этом снова упоминается уже известный нам холоп Федор⁴.

«Раду воевода..., — говорится в подтвердительной грамоте, выданной 13 апреля 1624 года все тому же Ионашке Чехану следующим господарем, — дали и по-

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), p. 233—234.

² Ibidem, p. 253.

³ Surete și izvoade, t. VIII, p. 246—247.

⁴ Там же, стр. 248—249.

тврѣдили есми болерину нашему Ионашко Чехан бывший дворник от его правии наредение, что имел от Еремия Могила воевода на своих правии холопи цыгани: именим Тоадер съ жена его Тодосия и съ дети их, что он себе купил от Ионашко бывший столник ради петдесят талер битих, тем ради како да ест ему и от нас прави холопи цыгани...»¹

Из сопоставления трех рассмотренных источников убеждаемся, что холоп Федор (с женой Феодосией и остальными членами семьи) двадцать три года работал в хозяйстве Ионашки Чехана.

Согласно купчей записи от 23 марта 1602 года, малый армаш из Килиан Тутовской волости Марко Кодамбу продал великому ворнику боярину Кырсте за 4000 аспров семейство («челядь») холопов, выкупленное им у татар, которые, в свою очередь, вывезли эту семью «невольников» из Молдавии, когда опустошили страну вплоть до Валахии².

В 1602—1603 годах молдавский господарь Иеремия Могила утвердил за боярином Фокшей Петричейко, логофетом, холопов, купленных им у бана-наместника боярина Вентилэ из «Мунтянской» земли за 2000 аспров³.

Купчая подтвердительная великокняжеская грамота от 21 марта 1604 года говорит, что феодал Фрынкул (со своей женой Станкой) продал за 20 талеров «господарскому слуге» дьяку Бэисяну девочку-холопку по имени Стана, оставив ее родителей в своем хозяйстве⁴.

15 апреля 1604 года господарь Иеремия Могила закрепил за дьяком Никоарэ «челядь» холопов, купленную им у своего брата боярина Федора⁵.

Купчая запись от 28 апреля 1605 года свидетельствует о том, что феодал Федор Турча продал жену покойного холопа Вартика, рабыню Костанду, дочь холопа Стэнилэ, вместе с ее ребенком бывшему капитану Иеремии за 28 талеров⁶. 18 мая того же года молдавский господарь Иеремия Могила оформил акт продажи землевладельцем и рабовладельцем Негроае

¹ Surete și izvoade, t. VIII, p. 266—267.

² Documente privind istoria României, t. I (1601—1605), p. 37; Surete și izvoade, t. XX, p. 109.

³ Documente privind istoria României, t. I (1601—1605), p. 29.

⁴ Ibidem, p. 133.

⁵ Ibidem, p. 138.

⁶ Ibidem, p. 239.

Меиутой ряда холопов (Петра с женой и детьми, Зосаны, Нягши, второй Нягши, Радула-сапожника с женой и детьми и Виши с ее потомством) великому стольнику боярину Григорию за 50 талеров¹.

15 февраля 1608 года бывший житничар боярин Илья Думитрович свидетельствовал своей записью о том, что он продал боярину Стефану логофету несколько «челядей» холопов за 115 талеров². 25 июня 1611 года тот же Илья Думитрович составил собственноручно купчую крепость о продаже за 45 талеров «челяди» холопов пану Думитрашку, сыну известного логофета Стефана³. В другой записи Ильи Думитровича также от 25 июня 1611 года речь идет о передаче нескольких холопов одному из молдавских монастырей взамен лошади, оцененной в 30 венгерских золотых. Кроме того, монастырские власти запишут имя Ильи и его жены в монастырский синодик для поминовения после их смерти⁴.

15 февраля 1610 года сановники города Бырлада Апостол и Глигорча оформили купчую крепость о продаже феодалами Стефаном и Матвеем части своих холопов боярину Никоарэ меченосцу за 20 венгерских золотых⁵.

По данным подтверждающей господарской грамоты от 1 декабря 1611 года, бывший логофет боярин Стефан купил у сулджара Хриза холопку Кырстину⁶. 4 января 1612 года боярин Каля, сын пыркалаба Авраама, продал за 20 талеров двух холопов сорокскому пыркалабу Иеремию⁷.

Господарь Радул Михня 8 июля 1612 года утвердил за логофетом Могошем холопов (мужчин и женщин) и земельные владения, приобретенные им в боярских селах Кэлугэрены, Қымпинены и Стрымбены на сумму 7800 аспров⁸. Из этой, так же как и из других гра-

¹ Documente privind istoria României, t. I (1601—1605), p. 243.

² Ibidem, p. 146—147.

³ Ibidem, t. III (1611—1615), p. 21—22.

⁴ Ibidem, p. 22.

⁵ Ibidem, t. II (1606—1610), p. 280.

⁶ Ibidem, t. III (1611—1615), p. 39; Surete și izvoade, t. XX, p. 198—199.

⁷ Surete și izvoade, t. XXII, p. 129.

⁸ Ibidem, t. V, p. 136—137.

мот, видно, что имена отчуждаемых холопов включались их владельцами в акты купли-продажи движимого и недвижимого имущества как составная часть феодальной вотчины. При этом стоимость холопов была в несколько раз ниже цены вотчины даже самой минимальной по величине. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что цена женщины-холопки оказывалась почти всегда ниже цены мужчины. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает неравноправность женщины и ее приниженное положение по сравнению с мужчиной¹.

В период между 1 сентября 1613 года и 31 августа 1614 года боярин Патрашко Башотэ, малый меченосец Андрейка, дьяк Ионашко, малый чашник Ефрем и поп Ион из Выртоп составили свидетельскую запись о том, что поп Ионашко из Бодешт уступил за 10 венгерских золотых своего холопа Прокопия дьяку Никите². 2 мая 1615 года Думитрашко Кукоря продал боярину Некопою холопа Опреша с его сыном Евстратием³. 30 июня 1615 года сучавский пыркалаб и гетман вооруженных сил Молдавии Стурза засвидетельствовал, что бывший ворник Иеремия купил несколько холопов у боярина Федора Турча⁴.

Молдавский господарь Радул Михня 26 июля 1616 года подтвердил право постельника Якоми на холопа Онику, приобретенного у валашских каларашей Стойки и Шербана за 12 венгерских золотых⁵. 11 января 1617 года был оформлен акт купли племянником пыркалаба Баинского Патрашко Урдя трех холопов у дьяка Василия за 40 талеров⁶.

18 мая 1617 года Радул Михня утвердил за боярином Стефаном холопа, купленного у Султаны его теткой Грэмоаей — дочерью Мирчеоаей из Валахии⁷. На следующий день, 19 мая 1617 года, пыркалаб города Сучавы и гетман вооруженных сил Молдавии Стурза засвидетельствовали особой записью, что бояре

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 114.

² Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 142—143; Ispisoace și zapise, t. I, par. 2, p. 93—94.

³ Documente privind istoria României, t. III (1611—1615), p. 215.

⁴ Ibidem, p. 220.

⁵ Ibidem, t. IV (1616—1620), p. 10.

⁶ Ibidem, p. 79.

⁷ Ibidem, p. 164.

Григорий Могыльдя и Думитру Стефан действительно совершили акт покупки холопов у известного государственного сановника боярина Динги¹.

Молдавский господарь Гашпар Грациани 28 ноября 1619 года закрепил за боярином Георгием Георгинэ холопа, уступленного ему за 40 талеров феодалом Ионашко Стырчей². 17 марта 1621 года господарь Александр Ильяш сделал подтверждение дьяку Исааку Стырчу на право владения холопом Урсулом Фолтишором с семейством («челядью»), приобретенными за 60 серебряных талеров у боярина Казака и его брата Пэтрашко, сыновей комиса — конюшего Георгия³.

Боярин Петр Рошка с женой Настасией 8 мая 1621 года продали за 40 лей дьяку Исааку Стырче холопку Настасию, вышедшую замуж за принадлежавшего тому холопа Цогоя⁴. 1 мая 1622 года боярин Гавриил засвидетельствовал купчей записью акт продажи ворнику Думитрашко Геуке «челяди» холопов за 30 венгерских золотых⁵. Господарь Радул Михня жалованной грамотой от 19 мая 1625 года закрепил за бывшим логофетом Гянгей холопа, купленного им за 35 талеров у сына Горчи, боярина Лупу⁶.

Купчая подтвердительная грамота, датированная 1633 годом, отмечает, что «жупаница» Анкуца уступила за 5 золотых боярину Коману двухлетнюю девочку-холопку, а ее родителей оставила в своем феодальном хозяйстве⁷.

Представляют интерес акты раздела холопов. Так, в одной из недатированных деловых грамот говорится о том, что сестры Аница и Анастасия и их брат Стефан поделили между собою перешедшие им по наследству земельные владения, крепостных крестьян соседей-вечинов и холопов⁸. В другой недатированной записи речь идет о том, что пыркалаб Висилий Стырча и боярин Федор Жора произвели раздел наследственных холопов⁹.

¹ Surete și izvoade, t. XX, p. 232—233.

² Ibidem, t. XXI, p. 216.

³ Documente privind istoria României, t. V (1621—1625), p. 22 — 23.

⁴ Ibidem, p. 51—52.

⁵ Ibidem, p. 129.

⁶ Surete și izvoade, t. XXIV, p. 129—130.

⁷ Ibidem, t. IV, p. 178.

⁸ Ibidem, t. V, p. 194.

⁹ Ibidem, p. 285.

«...Петръ воевода..., господарь земли Молдавской, — гласит деловая подтвердительная грамота от 21 мая 1575 года, — оже приидоша пред нами и пред нашими боярами слуга наш верный Лупе Хурул, бывший пыркалаб, со своими внуками и съ сыномъ Драгошемъ... и разделили между собою своих правии холопи цигани и дедины, что они имели от Хуру, бывшего дворника...»¹ Далее следует длинный перечень холопов (мужчин, женщин и детей), которые подлежали разделу между наследниками боярина Хуру, бывшего ворника при господарском дворе.

Таким образом, молдавские феодалы делили своих холопов между наследниками точно так же, как они делили движимое и недвижимое имущество, относя холопов к орудиям и средствам производства.

В грамоте Петра Хромого от 9 июля 1577 года читаем: «...Ож приидоша пред нами и пред нашими бояри наши слуги Симион Попъскоул, бывший постельник, сын Гаврила Попъскоул, и Лупул, бывший тиж постельник, сын Настасии, жены Гаврила Попъскоул, от их доброй воли, никим непонуждены, а ни присиловани и разделили промеждо собою свои правии холопи цигани именем Радул и жена его Параска и сын их Симион и Игнат и жена его Мърика и Карча и пак три дети, и досталось въ часть Лупул, бывший постельник, сын Настасии, Игнат и жена его Мърика и Карча и тиж три дети, а въ часть Симиона Попъскоул, бывший тиж постельник, сын Гаврила Попъскоул, досталось Радул и жена его Параска и сын их Симион...»² Следовательно, Петр Хромой подтвердил раздел холопов, произведенный наследниками боярина Гаврила и Настасии Попескул: Семеном и Лупулом.

Грамота, датированная 12 апреля 1586 года, содержит, между прочим, сведения о том, что братья-бояре Григорий, Георгий и Патрашко Урдя поделили между собою не только земельные владения, перешедшие им по наследству от их отца Исаака Урди, но и холопов³.

В 1587 году молдавский господарь Петр Хромой дал письменное указание бывшему пыркалабу боярину Мирону разделить имущество и холопов между на-

¹ Surete și izvoade, t. II, p. 218—219.

² Ibidem, t. XIX, p. 103.

³ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 315.

следниками и родственниками известного государственного сановника и рабовладельца Динги¹. 24 февраля 1602 года другой господарь Молдавии — Иеремия Могила подтвердил специальной грамотой раздел холопов, осуществленный наследниками боярина Бучума ворника².

По сведениям грамоты князя Радула Михни от 25 ноября 1616 года, племянники великого казначея Главана и великого придворного постельника Кузьмы Шарпе согласились разделить между собою села-вотчины: Шкея, Чорены, Хомичены, Роджиношы, Броштены, Сокол, Алчедар, Наварнец, 8 фалчей земли, предназначенной под виноградник, а также 12 семейств («челядей») холопов³.

В 1618 году Радул Михня специальной грамотой утвердил результаты раздела холопов между детьми-наследниками боярина Хухуля: братьями Василием и Стратулом и их сестрой Костандой⁴. 13 мая 1622 года Ионашко Прэжескул составил собственноручную, скрепленную личной боярской печатью и свидетельскими подписями раздельную запись, согласно которой были распределены между ним и его братом Лупулом доставшиеся им по наследству от родителей вотчины и холопы⁵.

Если в вотчине оказывался один холоп, а наследников было двое или трое, то последние делили между собой его стоимость на доли. Каждый из наследников получал право на половину, четверть и т. д. цены холопа. Поэтому в деловых и купчих грамотах нередко условно говорится о «половинах» и «четвертях» холопов. Очевидно, некоторым холопам приходилось работать сразу на нескольких владельцев.

В купчей записи от 4 сентября 1620 года сказано: «Значит, я, Кондрат, сын Урсула, составил настоящую купчую крепость и вручил ее жене меченосца Ильи княгине Тофане. Настоящей купчей записью свидетельствую о том, что я, Кондрат, по своей доброй воле и

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), p. 345.

² A. V. Sava, Documente privitoare la târgul și ținutul Orheiului, București, 1944, p. 28—29.

³ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), p. 63—65.

⁴ Ibidem, p. 274—275.

⁵ Ibidem, t. V (1621—1625), p. 97.

Без всякого давления и принуждения извне, продал княгине Тофане принадлежавшую мне и Апостолу Михульцу *половину холопа* (курсив наш.—Ф. Г.) из Гелемая, сына Константина Кырнаца, внука Григория Маркочи. Кроме того, я также продал *третью часть* из его сыновей, что пришлось мне и Михульцу при разделе холопов...»¹

Имеются сведения об обмене холопами. Менювая запись, датированная 8 января 1597 года, свидетельствует о том, что феодал Пэтрашко Пэтурнике передал Бистрицкому монастырю одну из своих холопок, получив взамен другую рабыню с ребенком². В 1601 году был оформлен акт обмена одной «челяди» холопов на лошадь, оцененную в 50 талеров³.

Грамота от 26 мая 1607 года рассказывает о том, что боярин Лупу Кэпотич постельник из Кэпотен Сорокской волости променял свою холопку Федору с сыновьями бывшему капитану Иеремии на лошадь стоимостью в 30 талеров⁴.

Согласно свидетельской записи пыркалаба города Сучавы и гетмана вооруженных сил Молдавии боярина Исаака Балики, датированной 20 декабря 1609 года, господарь Семен Могила совершил обмен холопов с феодалом Бэсянулом: господарь отдал последнему своего «молодого холопа-холостяка» Боцокана, сына Мицула, а взамен взял у Бэсянула троих холопов (Текуча, его жену и ребенка). Все они затем были зарегистрированы в списках холопов своих владельцев⁵.

18 мая 1617 года господарь Радул Михня утвердил за боярином Стефаном холопку, полученную им от другого рабовладельца взамен холопки Цонци⁶.

Свидетельская запись от 7 марта 1619 года содержит сведения о том, что за боярыней Грозавой числился какой-то долг боярину Ивашке Кыржэ. Она погасила его, передав займодавцу принадлежавшую ей девочку-холопку Тофану, а ее отца Пепеля оставила в своем име-

¹ Uricarul, t. XX, p. 127 (акт дан в переводе с молдавского языка).

² Documente privind istoria României, t. IV (1591—1600), p. 154.

³ Ibidem, t. I (1601—1605), p. 2—3.

⁴ Ibidem, t. II (1606—1610), p. 108.

⁵ Ibidem, p. 271.

⁶ Surete și izvoade, t. XX, p. 230—231.

нии¹. В 1620—1621 годах была заложена «челядь» холопов, оцененная в 20 талеров².

Примеры купли-продажи холопов, их мены не только на других холопов, но и на лошадей, раздела рабов между наследниками наравне с орудиями и средствами производства можно было бы значительно умножить. Все подобные примеры говорят об одном и том же: о бесправном и приниженном положении холопов в молдавском обществе.

Холопы, как правило, были лишены не только собственного мелкого «самостоятельного» хозяйства и основных средств производства, но даже орудий труда. Они жили преимущественно при дворах феодалов, обслуживали их нужды в качестве домашней прислуги и частично применяли свой труд в сельском хозяйстве своих господ.

Если в XIV—XV веках между экономическим и правовым положением молдавского феодально-зависимого крестьянина (землянина-царанина, или соседа-вечина), с одной стороны, и холопа, с другой, еще наблюдалась значительная разница, то в XVI—XVII веках, в связи с расцветом феодально-крепостнических производственных отношений и установлением турецкого ига в Молдавии, она постепенно исчезала. При этом не холопы поднимались до положения крепостных крестьян, а, наоборот, крепостные частновладельческие крестьяне опускались до положения холопов. Не случайно молдавские крепостные крестьяне (царане-вечины) в своих жалобах господарю Молдавии сетовали на то, что они не видят разницы между крепостничеством и холопством.

¹ Documente privind istoria României, t. IV (1616—1620), p. 312—313.

² Ibidem, p. 497—498.

Глава четвертая

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

§ 1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ В ИСТОРИОГРАФИИ

Непонимание классовой структуры молдавского феодального общества привело румынских буржуазных историков (Р. Росетти, Н. Йорга, К. Жюреску, И. Урсу и др.) к неправильному утверждению об общности интересов господствующего класса Молдавии и молдавского народа. Так, Росетти писал: «Господарь издавал указы, давал различные распоряжения и поручения, господствующий класс следил за их выполнением, а народ слушался и подчинялся, выполняя все господарские указания. Все же этот период (XIV—XVII вв.—Ф. Г.) являлся самым счастливым временем в истории молдавского крестьянства потому, что интересы крестьянства были те же, что и господствующего класса. От благополучия и благосостояния крестьянства зависели богатства, сила, мощь и уверенность в себе господ — земельных собственников»¹. Далее Росетти утверждает, что в Молдавии, «антагонизма между крестьянами и землевладельцами не существовало на протяжении всего периода княжения местных правителей. Этот антагонизм,— говорит Росетти,— родился и возник только в конце правления князей-фанариотов»².

Аналогичные суждения высказывали также Н. Йорга³, К. Жюреску⁴, И. Урсу⁵ и другие румынские бур-

¹ R. Rosetti, Despre originea și transformările clasei stăpânitoare din Moldova, București, 1907, p. 179; R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 233—234.

² R. Rosetti, Pentru ce s'au răsculat țărani, București, 1907, p. 9.

³ N. Iorga, Istoria românilor prin călători, București, 1920, p. 124.

⁴ C. Giurescu, Studii de istorie socială, București, 1943, p. 258.

⁵ I. Ursu, Ștefan cel Mare, București, 1925, p. 341.

жуазные ученые. В трактовке румынского филолога А. Прокоповича классовая борьба — это не закономерный результат непримиримых противоречий в антагонистическом обществе, а случайное явление, вызванное «подстрекательством» отдельных заинтересованных лиц. «Трудящиеся массы,— пишет А. Прокопович,— своим производительным трудом умножают богатства страны, являются послушными слугами своих господ, платят подати и государственные налоги, несут военную службу, и иногда, подстрекаемые и побуждаемые некоторыми заинтересованными лицами, начинают восстания против своих господ»¹.

Ошибочным является также заявление К. Жюреску о том, что в жизни молдавского и валашского крестьянства на протяжении двух столетий (XV—XVI веков) не произошло никаких перемен. Жюреску писал: «Ничто не заставляет нас думать, что положение крестьянства XV столетия отличалось хоть чем-нибудь от положения, в котором оно оказалось в последующем веке. Никакого изменения в социально-экономических условиях жизни крестьянства в течение этого промежутка времени заметить нельзя»². В противовес утверждению Жюреску, документы, вышедшие из молдавской господарской канцелярии, а также летописи и другие источники свидетельствуют о том, что экономическое и правовое положение молдавского крестьянства ухудшалось в процессе развития феодально-крепостнических отношений.

Ряд представителей буржуазной историографии, выступая с теорией о «гармонии классов», якобы объясняющей полное отсутствие социальных конфликтов и классовой борьбы в Молдавии и Валахии, изображал молдавских крестьян «кроткими и покорными», привыкшими мириться со своим положением. Так, например, М. Когэлничану писал: «Крестьяне, кроткие, смиренные и покорные, терпели непосильный труд и крепостничество. Они лишь иногда, с появлением какого-нибудь милосердного господаря, надеялись на лучшее и просили справедливости»³.

¹ I. Neculce, *Cronica*, t. I, Craiova, 1942, p. XXVII.

² C. Ciurescu, *Despre rumâni* (Mem. Secț. Ist. Ser. II, t. XXXVIII), București, 1915—1916, p. 243.

³ M. Kogălniceanu, *Scrieri și discursuri*, p. 171—172.

Примерно то же самое утверждал Росетти, подчеркивая, что молдавский крестьянин — «это кроткое, смиренное и покорное существо. Он готов повиноваться любому человеку, который носит другую одежду, отличную от его, говорит с ним решительно и властно и смотрит на него сурово. Подчинение молдавского крестьянина является полным, никакого духа сопротивления, никакого чувства человеческого достоинства, никакой мысли о восстании в нем нет, они ему совершенно чужды»¹, — заявляет Росетти. Только начиная с XVIII столетия, по словам Росетти, «смирный, покорный, обнищавший, ослабленный и изнуренный молдавский народ, испытывавший непрерывные суровые удары судьбы, которая приучила его жить в смирении и покорности, не веря в лучшее будущее и не видя никакой надежды, начал противопоставлять своему бесправью пассивное сопротивление»².

Касаясь вопроса о гайдуцком движении, представители дворянско-буржуазной историографии извращали его классовое содержание. Они цинично именовали народных героев и мстителей-гайдуков «ворами» и «разбойниками», иногда же рассматривали гайдуцкое движение как исключительно национально-освободительную борьбу, направленную против турок и греков.

Однако даже некоторые представители буржуазной историографии не могли скрыть от читателя тех глубоких чувств горячей любви и симпатии, которые питал молдавский трудовой народ к своим легендарным героям — бесстрашным гайдукам. Так, например, русский филолог-славист А. И. Яцимирский в своей работе «Разбойники Бессарабии в рассказах о них» вынужден был признать, что устное художественное творчество молдавского народа, посвященное гайдукам, «дышит необыкновенным сочувствием к своему герою, увлечением им, ...каким-то обаянием»³; гайдук «для бедняков добр и нежен, а главное справедлив»⁴. Словом, гайдук «это — герой, которого народное представление наделяет самы-

¹ R. Rosetti, Pentru ce s'au răsculat țărani, București, 1907, p. 36.

² R. Rosetti, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 362.

³ А. И. Яцимирский, Разбойники Бессарабии в рассказах о них, «Этнографическое обозрение», 1896, № 1, М., стр. 54.

⁴ Там же.

ми симпатичными чертами, это — идеал народа, воплотивший в себе... идею освобождения от... тяжелого ига»¹. Народные мстители-гайдуки «выступали за поправную свободу, защитниками угнетенных»².

Ошибочны рассуждения Яцимирского о том, что в песнях и рассказах о гайдуках проявляется «одно только безысходное положение, мертвенность всякой мысли, отсутствие даже возможности протеста, слышится одна только тупая боль, к которой молдаванин даже привык. Народ покорен игу, спасения нет... Один разве исход — бежать в чащи лесов, на перекрестки больших дорог, и протестовать только там»³. Неверно и то, что «молдаванин так убит горем, так подавлен страданием, что у него, кажется, исчез самый инстинкт избавления от горя»⁴.

Эти утверждения Яцимирского противоречат исторической действительности. Устное художественное творчество молдавского народа, посвященное гайдукам, песни, былины, баллады и рассказы о них проникнуты большим оптимизмом, свободолюбием и нежеланием мириться со своим угнетенным положением, проникнуты верой и надеждой в счастливое будущее трудовых народных масс, духом борьбы за социальную справедливость, насыщены верой в победу народа над эксплуататорами. Пессимизм и упадничество совершенно чужды гайдуцким песням и рассказам.

§ 2. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ

Рост господарского, боярского и церковного крупного феодального землевладения, сопровождавшийся закрепощением крестьян-общинников резешей, не был мирным процессом, он вызывал острую классовую и внутриклассовую борьбу. Крестьяне сопротивлялись расхищению общинных земель и закрепощению, протестовали против усиления социально-экономического и национально-политического гнета. Их протест принимал различные фор-

¹ А. И. Яцимирский, указ. соч., стр. 54.

² В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Россия, Полное географическое описание нашего Отечества, т. XIV, Новороссия и Крым, СПб., 1910, стр. 206—207.

³ А. И. Яцимирский, указ. соч., стр. 55.

⁴ Там же.

мы, начиная с подачи челобитных господарю, острой социальной обличительной сатиры, направленной против феодалов-крепостников, убийства отдельных представителей господствующего класса, захватов земель феодалов путем перестановки пограничных земельных знаков и господских меж, покосов захваченных феодалами общинных лугов, бегства крепостных и зависимых крестьян и холопов от своих хозяев в города, в другие феодальные вотчины и соседние страны, уклонения от выполнения различных податей и повинностей, гайдучества и кончая антифеодальными восстаниями.

Яркое отражение классовой борьбы мы находим в многочисленных документах, относящихся к судебным процессам, которые возникали в связи с захватами светской и духовной феодальной знатью крестьянских земель¹. Государственная власть обычно выступала на защиту господствующего класса, так как высокие сановники, стоявшие во главе управления страной, являлись одновременно самыми крупными землевладельцами. Господарь вместо удовлетворения законных претензий крестьянина-истца предупреждал его, что в случае повторного возбуждения судебного дела против землевладельца ему придется заплатить высокий денежный штраф. Это делалось с целью заставить крестьянина-жалобщика не только не поднимать голоса протеста против представителей господствующего класса, но даже не напоминать о своих правах на землю и свободу. Каждая правая грамота, выданная от имени господаря Молдавии в целях охраны интересов светской и духовной феодальной знати и направленная против закрепощенного и закрепощаемого молдавского крестьянства, представляла собой попытку со стороны государственной власти силой принудить сельское бесправное и угнетенное земледельческое население примириться со своим положением.

Как уже отмечалось, одной из самых распространенных форм классовой борьбы в молдавской деревне в

¹ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 7, док. 78; ф. 220, оп. 7, док. 79; ф. 220, оп. 7, док. 81; ф. 220, оп. 7, док. 84; ф. 220, оп. 7, док. 90; ф. 220, оп. 7, док. 103; ф. 220, оп. 7, док. 112; *Surete și izvoade*, t. III, p. 107—108; t. XXII, p. 107; *Documente privind istoria României*, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 195—196; M. Costăchescu, *Documente moldovenești din județul Neamț*. „Arhiva Românească“, t. IV—V, 1940, p. 319.

XVI — первой половине XVII веков было бегство крестьян и холопов от своих господ. Светские и духовные феодалы обращались к господарям Молдавии с просьбами принять меры к прекращению или хотя бы ограничению побегов феодально-зависимого населения и запретить другим землевладельцам переманивать чужих крестьян и холопов. В ответ на эти жалобы молдавские господа издавали специальные грамоты, в которых говорилось о розыске и возврате беглых крестьян и холопов их прежним владельцам и о том, что никто не может принимать в свои вотчины беглых людей.

Но последние иногда убегали за пределы Молдавского феодального государства, в трансильванские и польские города, за Днестр и в Запорожье, в Валахию, Венгрию и Литовское княжество. Господарям Молдавии не раз приходилось обращаться к правителям других стран и заключать с ними договоры, ограничивающие право перехода за границу крепостных крестьян и холопов. Так, например, в дипломатической записи 1499 года между молдавским господарем Стефаном и литовским великим князем Александром Казимировичем сказано: «Господарь мой Стефан воевода велел твоей (великого князя Александра.— *Ф. Г.*) милости говорити: у ваше милости суть люди волохове (молдаване.— *Ф. Г.*) што от его земли, от земли Молдавское, и ваша милость бы есте тых людей у вас не держали, але до его земли отослали, по прысегах и по записех што маєте ваша милость промежи вами»¹.

В 1501 году Стефан Великий договорился с польским королем о том, что оба правителя не будут принимать в своих государствах беглецов, «странствующих людей» и изгнанников². В 1513 году польский король Сигизмунд просил молдавского господаря Богдана, чтобы последний не принимал людей, бежавших из Польши в Молдавию, обязуясь со своей стороны, что и он, Сигизмунд, также не будет принимать беглых людей из Молдавии³. В 1514 году польский король Сигизмунд дал указание местным властям города Каменца помочь молдавскому

¹ *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 449.

² Там же, стр. 455.

³ *E. Hurmuzachi*, Documente privitoare la istoria românilor, t. II, par. 3, p. 103—104.

господарю Богдану разыскать и вернуть молдавских крестьян, бежавших из Молдавского государства в Польшу¹.

В письме от 13 февраля 1522 года молдавский господарь Стефан обращается с просьбой к местным властям города Бистрицы оказать содействие его человеку Фоме и другим специально присланным туда людям из Молдавии в розыске и возврате в Молдавию людей, которые бежали в Трансильванию, в «*civitate vestra*»² (в ваши города).

Интересен документ, вышедший из молдавской господарской канцелярии 15 мая 1570 года, в котором говорится: «... Мы, Богдан, господарь земли Молдавской, ...знаменито чиним и с сим листом нашим вьсем, кто на нем възрит или его чтучи оуслишит, а коли... потребизна будет. Ож тот истинний и почетений наш верний боярин пан Дръган логофет служил право и верно родителю господства ми Александру воеводе, а днес служит нам право и верно, тем ми видевшие его правую и верною слоужбою до нас, жаловали есми его особною нашею милостию и дадох и помиловахмо его от нас с неколики челеди холопи цигани наиме... (далее идет длинный перечень семейств холопов с указанием имен мужчин и женщин, взрослых и детей.— Ф. Г.) тоти оуси вышеписаннии холопи цигани и циганки были от давно побегоша и утекоша от нашей Молдавской земли до земли Ладиянской (бежали в Польшу.— Ф. Г.), никто не могоша их извадити от тота земля никого, ино господства ми и с превъзлюбленниих братом господства ми домислихмо и съветовахмося с вьсем сват (советом, радой.— Ф. Г.) господства ми и пропустихмо на Дръгана великого логофета у посолство до крале ладиянского купно с паном Динга постелник от тех и другии многими нашими потребах, аби нам крал присегал употокмити быти промежи нами мир добрин и покой и оумлишисе како да извадети его холопи цигани от земля, колико будут соби мочи ино они били ослободили и сътворили нашу службу...»³.

Из цитированного источника явствует, что молдав-

¹ Е. Хурмузаки, указ. соч., стр. 159.

² М. Costăchescu, Documentele moldovenești dela Ștefăniță Voevodă (1517—1527), Iași, 1943, p. 529.

³ Surete și izvoade, t. V, p. 259.

ские холопы целыми семьями бежали в соседние страны, в частности в Польшу, и никто не мог их удержать, ибо, оказавшись в бегах, они больше всего боялись опять попасть под власть своих прежних владельцев, которые прилагали все усилия к тому, чтобы вернуть их обратно в вотчины, откуда они бежали. Из рассматриваемого документа видно также, что феодалы устраивали облавы на беглых крестьян и холопов не только в пределах Молдавского государства, но и в некоторых соседних странах. Очевидно, вопрос о рабочей силе стоял довольно остро. Не случайно высокий государственный сановник, великий боярин и постельник при господарском дворе Динган собрался лично в поход в поисках молдавских холопов на Польской земле.

3 апреля 1578 года молдавский господарь Петр Хромой издал специальную грамоту, согласно которой игумену и молебникам монастыря Молдавица давалось право разыскивать, задерживать и возвращать своих беглых холопов, чтобы никто из господарских или боярских слуг не препятствовал монастырской братье осуществить это мероприятие¹.

Из правой грамоты от 21 января 1590 года мы узнаем, что молдавские земляне-царане (или соседи-вечины), убегая от своих господ, покидали свои хозяйства: «Петр воевода..., господарь земли Молдавской, — говорится в указанном документе, — оже приде пред нами Богян Ушурел и Въскан дияк и тегалися с Остафие сын Пашко и с Михаю тегалисе ради едни садове от Помърла, ино ми есми им учинил закон, аби им не дал от сих садове, понеже не сидят они в их отнину, та же Богян и Въскан, а они зустали на Остафие и на Михаю, како да не имеют они възяти яходи от тих садове и да не имают ни една дело с тих садове, про то ж от ныне на пред да не имают они их тегати, и да сия *сусиди же побегли* (курсив наш. — Ф. Г.), покиж да не имают держати николиже на веки пред сим листом нашим»².

Некоторые молдавские крестьяне, желая избавиться от тяжелого крепостнического гнета и личной зависимости, убегая от своих господ, пытались записаться в раз-

¹ Documente privind istoria României, t. III (1571—1590), București, 1951, p. 94.

² Surete și izvoade, t. II, p. 264.

ряд мелких служилых людей-каларашей¹. Но феодалы разыскивали своих беглых крестьян и в «катастихах» (реестрах, списках мелких служилых людей), «хватали их за загривок» («ал луа де грумазь») и возвращали в крепостничество².

Молдавский летописец первой половины XVII столетия боярин Григорий Уреке вынужден был признать, что в 80-х годах XVI столетия из-за произвола крепостников и великой нужды, которая свирепствовала в стране, особенно в годы правления молдавского господаря Янку Сасула, «очень много молдаван» покинуло свою родину, бежало на левобережье Днестра и осело на украинских землях³. Некоторые населенные пункты совершенно пустели, население страны редело.

В первой половине XVII столетия бегство крестьян и холопов приняло особенно широкие размеры. В 1621 году «много бедных людей из Молдавии вместе со своими семьями, женами и детьми бежало из Молдавии и поселилось в Трансильвании...»⁴ В 1611 году, в результате крестьянских побегов, совершенно опустело село Шендричены⁵. В 1647 году опустела деревня Курешница⁶. Из письма трансильванского князя Георгия Ракоци II властям города Бистрицы от 14 июня 1652 года мы узнаем, что «народ Молдавии бежал из страны и сосредоточивался у подножья гор»⁷. В грамоте от 5 июля 1673 года совершенно ясно говорится, что основной причиной бегства молдавских крепостных крестьян и запустения многих населенных пунктов Молдавии «являлось тяжелое бремя, которое своей тяжестью ложилось на страну»⁸.

Бегство молдавских крепостных крестьян-царан от своих господ как одна из форм протеста против социально-экономического и национально-политического

¹ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 106—107.

² Ibidem.

³ E. Picot, Op. cit., p. 546.

⁴ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 2, p. 903—904.

⁵ Surete și izvoade, t. XIV, p. 1.

⁶ Ispisoace și zapise, t. III, par. 1, p. 94.

⁷ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 2, p. 1207.

⁸ Revista Societății Istorico-Arheologice Bisericești din Chișinău, t. XX, Chișinău, 1930, p. 173—174.

гнета нашло отражение и в известном «Уложении» 1646 года, в котором указано: «Если царанин сбежит от своего владельца, а его хозяйство останется без надзора, то последнее переходит во владение господаря или частного землевладельца, по принадлежности участка земли, на которой беглый царанин вел свое хозяйство...»¹ В другой статье того же памятника читаем: «Если царанин сбежит из села, оставив свой надел (виноградник, подсека и т. п.), то те, кто будет кормиться за счет него, должны платить поборы и налоги, тянуть ежегодно тягло и нести все тяготы в том объеме, как это было установлено, когда царанин находился в деревне; если же поселяне не пожелают добровольно тянуть тягло и выплачивать все с них требуемое, тогда они силой будут принуждены вносить все это в двойном размере»².

Наряду с побегами другой формой классовой борьбы в молдавской деревне в XVI — первой половине XVII столетия было уклонение крестьян от выполнения различных феодальных повинностей, барщинных и других работ. Так, в жалованной подтвердительной грамоте от 17 апреля 1475 года, данной Стефаном Великим женскому монастырю Хородник, говорится, что если крепостные крестьяне не будут повиноваться монастырским властям и не пожелают нести повинности в их пользу, то об этом следует сообщить господарю и тогда на помощь настоятелю монастыря придет государственная власть, которая заставит крестьян подчиниться своим владельцам. «...Мы, Стефан воевода, господарь земли Молдавской, — гласит упомянутая грамота, — чиним знаменито и с сим нашим листом въсем, кто на него оузрит или его оуслишит чтучи, оже приидоша пред нами и пред нашими бояре калугерици (монахини. — Ф. Г.) от нашего монастыря от Хородника, и оуказали нам лист от нашего родителя («родитель» — здесь в смысле предка. — Ф. Г.) от Александра воевода, що были имали на два села, абы робили тому монастырю... Ино мы потврждаем, с нашим добрим и благим произволением, и чистим и светлим срьдцем, тот предреченны монастыр от Хородник, и даем тому монастырю сес лист наш на те... два села: Петра Вранина, где был

¹ «Правила», стр. 6.

² Там же.

дворъ, и другое село, що тиж слухает къ тому монастырю. И дали есмы тым селам вишеписанным сес лист наш на то, щобы не платили нам дань, ни посад, ни подвод, ни илиш, ни на город да не робят, ни на посад, ни оу сторож да не ходят, ни на млини да не робят, ни оу войску да не ходят; ни глобники ни припашари да не бантовать их, и ни жадною нашу службу да не имают нам служити, ни платити, ни робити; *але щобы остерегали тот монастыр, а щобы робили тому монастырю. А коли що загинет того монастыря, или не имут робити, що тебе будет тому монастырю..., мы знати... тым людям, що сут с тих сел вишеписанных...*»¹ (курсив наш.— Ф. Г.).

В жалованной грамоте господаря Константина Могилы, датированной 5 июня 1610 года, содержатся угрозы в адрес непокорных крепостных крестьян села Пискул Нямецкого монастыря. Господарь предписывает монастырским крестьянам слушаться властей, выполнять их приказания и нести в их пользу повинности, а если они не станут повиноваться своим господам, то последним разрешается подвергать их пытке и наказанию «по заслугам»².

Аналогичные указания имеются также в жалованной грамоте князя Стефана Томши Синайскому монастырю от 17 июля 1612 года, в которой предписывается тех крестьян села Юкаш Нямецкой волости, кто не станет слушаться монастырских властей, бить «как крепостных»³. Если же эта мера окажется недостаточной и крестьяне и в дальнейшем не захотят покориться владельцам, то схватить их, связать и доставить в господарский дворец на расправу⁴.

Из приводимой ниже грамоты от 12 апреля 1622 года видно, что молдавские господа стремились силой заставить повиноваться своим господам крестьян, которые пытались уклониться от выполнения требуемых с них повинностей: «...Стефан Томша..., господарь земли Молдавской, — пишем господства ми вѣтъманам и въсем *соусидям* (крепостным крестьянам. Курсив наш.— Ф. Г.) от село Тъистрени и от село Тръновка, что сут оу

¹ I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 199—200.

² Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), p. 305.

³ Ibidem. t. III (1611—1615), p. 94.

⁴ Ibidem.

волост Сорокской. Даем вам знати бо господства ми доходом... вас, яко ж да будет святеи монастыр яко ж бил и маи прежде времена. Того ради яко узрите сес лист господства ми, ви ж да имаите прислоухати за егоумен и за кълугери от святая монастыр рекома Хоро-нецул за вьсех, что подаст вам повеления..., а котории не будет прислухати за них, а тое человек да имеет..., — узреть великою казнь от господства ми, господаря, — за тое вам пишем и инак не учините»¹.

В правой грамоте от 9 ноября 1637 года читаем: «...Василий воевода, милостью божией господарь земли Молдавской, даем знать, что судились в нашем господарском суде, в нашем присутствии, наш боярин Панэ, бывший чашник, со своими крепостными крестьянами — соседями-вечинами села Зэрхешты, а именно: Лазором, Стефаном, Кошариом, Кондратием, Федором, сыном Ефросинии, Стефаном и Григорием Хулпе, Накулом, Василием, Бэрдачей, Савой, Жабуликом, Константином Булаем, Ионашком Цигариулом, Ионашком Зупардой, Анастасией, Мэекрой, Телягой, Нестором, Партением, Ивонией, Езариолом, Феодосием, Микулой, Андроником, Горкулом, Драгошем, Константином, братом Микулы, Демяном Ротариулом, Болдей, Ионашком, внуком Болдея, Павой Руссулом, Иоаном, проживающим в доме Микулы. Боярин Панэ чашник утверждает, что перечисленные выше люди из села Зэрхешты являются принадлежащими ему по праву крепостными крестьянами — соседями-вечинами, но они не хотят повиноваться и слушаться своего господина-хозяина. И действительно, наш боярин Панэ чашник оказался победителем в этом судебном процессе. Перечисленные выше люди являются крепостными крестьянами боярина Панэ. Они обязаны во всем ему подчиняться и слушаться своего господина. А кто не станет и впредь повиноваться и слушать своего владельца-хозяина, тот будет сурово наказан господарем»². О том же говорит и жалованная грамота, вышедшая из молдавской господарской канцелярии и датированная 9 апреля 1666 года³.

¹ Uricarul, t. XXIII, p. 70.

² T. Bulat, Documentele mănăstirii Varatec (1497—1836), Chișinău, 1939, p. 18—19 (акт дан в переводе с молдавского языка).

³ N. Iorga, Studii și documente, t. V, par. 1, p. 41.

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что молдавские крепостные и зависимые крестьяне, борясь со своими угнетателями, нередко отказывались работать на своих господ, а государственная власть, власть феодалов-крепостников, выступала как организованное насилие одного класса в целях обуздания, подчинения и подавления другого.

Проявлением недовольства были публичные обличения властей. Их форма и социальная направленность могли быть разными. Иногда эти обличения выражали интересы феодальных оппозиционных групп, иногда представляли собой антифеодальную сатиру. Не случайно составители «Уложения» 1646 года вынуждены были включить в него специальную главу, посвященную «обличителям», «хулителям» и «поносителям» господаря, отдельных влиятельных лиц и церковных служителей страны¹. «Если кто-либо будет говорить что-нибудь плохое о господаре данного края,— читаем в «Уложении» 1646 года,— или станет с гневом и со злобой обличать, хулить и поносить его и тем самым причинит ему вред, такого человека подвергнуть самой суровой пытке и наказанию, так как его слова и действия направлены против законов и правил страны. Пытке и наказанию будет подвергнут не только тот, кто публично, в присутствии многих слушателей, станет говорить плохое о господаре, но и тот, кто будет говорить что-нибудь плохое и насмешливое о нем и в более узком кругу лиц, так как это является большим и недопустимым уголовным делом, запрещенным всеми законами и правилами страны, которые не допускают говорить что-либо плохое о господаре страны или обличать, хулить и поносить его...»²

В следующих статьях «Уложения» 1646 года говорится: «Тот, кто станет хулить и поносить владыку³ или духовника⁴, будет подвергнут строжайшей пытке и на-

¹ „Carte românească de învățătură...”, Vasile Lupu, 1646, Ed. G. A. Sion, Botoșanu, 1875, p. 128—132.

² Там же, стр. 128.

³ Владыка — 1) повелитель, обладающий всем, властелин; 2) архиерей.

⁴ Духовник — священник, который принимает исповедь (по отношению к исповедующемуся лицу).

казанию»¹. Или: «Если кто-нибудь станет обличать и хулить владыку и своей хулой или другим оскорбительным и насмешливым поношением коснется и церкви, тому сам митрополит, по-нашему именуемый владыкой, определит пытку и наказание, предаст его проклятию и отлучит от святой церкви. Если же окажется, что хулитель обличал и поносил только владыку и своим поношением церкви не касался, такой виновный подлежит отдаче под суд и его будет судить мирской судья, который определит ему пытку и меру наказания по своему усмотрению»².

Таким образом, если предыдущая статья «Уложения» брала под защиту от всяких нападков господаря, то вторая статья ограждает от них духовенство и церковь. Духовенству посвящается и дальнейшая статья «Уложения», которая строго предупреждает: «Если какой-нибудь церковный певчий, псаломщик или наставник во время исполнения своей обязанности в святой церкви, в присутствии всего народа данной местности, станет обличать, хулить и поносить владыку, называя его имя, публично обличать его дурные слова и совершенные им действия, то такой человек будет подвергнут пытке и строгому наказанию. Подобные лица будут подвергнуты пытке и наказанию и в том случае, если они станут хулить и высмеивать владыку в завуалированной форме, иносказательно и намеками, чтобы поняли их слова не все присутствующие, а только знающие и просвещенные, которые догадаются о ком идет речь и узнают в этих намеках и владыку и его действия.

Тот, кто станет обличать, хулить и поносить патриарха публично или тайно, не только будет проклят и отлучен от церкви, лишен всякой чести, но и будет как еретик подвергнут строжайшей пытке и наказанию»³.

Борьба народных масс против феодального строя и отдельных представителей господствующего класса находила выражение не только в устной социальной обличительной сатире, в устном художественном творчестве молдавского народа — в фольклоре (былинах, сказаниях, сказках, поговорках и пословицах, баснях, анекдо-

¹ „Carte romîneasă...”, p. 128.

² Там же.

³ Там же, стр. 128—129.

тах, стихотворениях, песнях, частушках и т. п.), но и в письменной форме. Об этом говорят приводимые ниже отдельные статьи того же «Уложения» 1646 года.

«...Обличение, хула, поношение, насмешка, — читаем в памятнике, — производятся и путем Писем. Хула, поношение или насмешка в письменной форме осуществляются тогда, когда кто-либо пишет Письма против какого-нибудь знатного и влиятельного человека, обличает, хулит, бранит и поносит его, наносит ему оскорбления, насмехается над ним, указывая его имя. Обличение и хула осуществляются многими способами. Во-первых, некоторые авторы пишут Письма, в которых содержатся обличение, хула и поношение какого-нибудь влиятельного лица, а затем эти Письма разбрасывают по улицам сел и городов страны, где обычно скапливается много людей, для того, чтобы наибольшее число лиц прочитало и поняло хулу и обличение со стороны авторов этих Писем. Во-вторых, другие авторы пишут свои обличительные Письма, а затем приклеивают их на стены городских зданий и других сооружений, на городские стены, на заборы и так далее, там, где проходит наибольшее количество людей. Наконец, третьи авторы указанных Писем обычно не пишут имя влиятельного человека, против которого направлено данное Письмо, но искусно, мастерски и с большим умением описывают основные или некоторые наиболее характерные его приметы и знаки, которые присущи, как правило, только ему одному и которых другие не имеют. Тогда все догадываются, понимают и знают, о ком идет в Письме речь, кого защищает и кого обличает и поносит автор данного Письма»¹.

Можно думать, что среди этих писем были и листовки или прокламации антифеодального содержания.

Как позволяет предполагать «Уложение» 1646 года, наряду с обличительными и сатирическими «Письмами» среди населения Молдавии ходили и другие разновидности антифеодальной литературы — так называемые «Положения», в отношении авторов которых правительство также применяло жестокие репрессии, вплоть до

¹ „Carte romînească...”, p. 129—130.

смертной казни. «Если кто-либо станет составлять обличительные и поносящие кого-нибудь из влиятельных людей страны Положения, — говорится в «Уложении», — то он будет обезглавлен, так как авторы Писем и Положений составляют их с большим мастерством, насмешкой и коварством»¹.

Источник не дает прямых указаний на то, какова же была разница между сатирическим «Письмом» и такого же характера «Положением». Из «Уложения» ясно лишь, что как обличительные «Письма», так и «Положения» были направлены против господаря, отдельных влиятельных лиц и духовенства, против общественного и государственного строя. Различные «Письма и «Положения» не были одинаковы по своему содержанию, литературной форме, остроте и целенаправленности. В наиболее радикальных из них звучали антифеодальные мотивы. Неодинаковы были и наказания, применяемые властями к авторам «Писем» и «Положений».

«Если же эти Письма и Положения, — сказано в «Уложении», — окажутся не столь страшными и угрожающими, а будут более шутливыми, то автора таких Писем и Положений не казнить, а подвергать пытке и наказанию по усмотрению судьи, который при расследовании дела прежде всего примет во внимание, какой человек (какого положения) был подвергнут обличению или поношению, а также учтет, кто является автором того или другого Письма или Положения. Судья по своему усмотрению может автора Письма или Положения прогнать, лишить имения, конфисковав его имущество в пользу господаря, сослать на каторгу на соляные копи, лишить чести, что является хуже всего, так как такому человеку никто ничего не доверяет и не верит тому, что он говорит, никто не принимает во внимание его свидетельство, он не может ни дать кому-либо свое, ни получить что-либо в наследство, ни составлять купчие и другие записи; или же подобного автора публично водить по проселочным и городским улицам, или подвергнуть другому наказанию, так как судья имеет право за такие дела судить вплоть до смертной казни»².

¹ „Carte românească...”, p. 130.

² Там же.

Таким образом, одни «Письма» и «Положения» были «страшными» и «угрожающими» для представителей господствующего класса, другие же более терпимыми и воспринимались как произведения шутливого характера. От различия, глубины и силы сатиры зависела и та мера наказания, которая определялась судьей для автора каждого «Письма» или «Положения».

О порядке привлечения к ответственности виновных в составлении недозволенных законом писем говорят следующие статьи «Уложения»: «Тот, кто станет приклеивать обличительные и хулительные Письма к дверям или окнам какого-нибудь знатного и влиятельного человека и в особенности на стены господарского дворца или церкви, будет подвергнут самой жестокой пытке и наказанию, по сравнению с теми [правонарушителями], о которых речь шла выше»¹. Или: «Пытка обличителя, хулителя и поносителя господара страны, владыки или духовника определяется по усмотрению судьи. Однако не каждый судья может подвергнуть любой пытке и наказанию обличителя или хулителя господара страны так, как ему вздумается и заблагорассудится или как ему покажется более правильным. Судья должен написать господарю соответствующее письмо и доложить ему, как и каким образом хулил и поносил его обличитель, и какое указание даст господарь судье, такую пытку и наказание применить к виновному»².

До нас, к сожалению, не дошли ни обличительные сатирические «Письма», ни аналогичные «Положения», и нам не известны подлинные тексты этих произведений, так как последние уничтожались, а их авторы преследовались и жестоко наказывались. Так, в «Уложении» 1646 года сказано, что «тот, кто найдет или обнаружит какое-нибудь обличительное и хулительное Письмо, направленное против кого-либо из знатных и влиятельных людей, и не разорвет или не сожжет его, а станет показывать это Письмо своим приятелям и знакомым, первым попавшимся людям, будет подвергнут пытке и наказанию наравне с автором, составившим подобное Письмо»³. Или: «Тот, кто станет

¹ „Carte romînească...”, p. 131.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, стр. 130—131.

подговаривать и советовать другому составлять обличительные и хулительные Письма, направленные против видных людей страны, будет подвергнут точно такой же пытке и наказанию, как и тот, кто сочинит аналогичные Письма сам лично.

Если кто-либо станет составлять обличительные и поносящие кого-либо из влиятельных людей Письма, а затем, будучи разоблачен, станет изворачиваться и юлить, говоря, что он был побужден тем-то и тем-то и будто бы тот посоветовал ему сочинить такое Письмо, а он-де сам не сделал бы этого без подстрекательства, то такому автору Письма или Положения ничто не поможет, и он будет подвергнут такой же пытке и такому же наказанию, как и его наставники»¹.

Тот, кто «донесет судье на сочинителя и составителя обличительных и хулительных Писем против видных и влиятельных людей страны, получит от судьи дар, составитель же этих Писем будет отдан под суд. Судья при расследовании дела примет во внимание, против кого были направлены данные Письма, какой человек был подвергнут поношению и насмешке, в какое время, т. е. учтет срок давности действия, и вынесет соответствующее решение»².

Несмотря на то, что «Письма» и «Положения» до исследователя не дошли и их подлинный текст пока не известен, а «Уложение» 1646 года является почти единственным источником по данному вопросу, все же можно заключить, что указанные «Письма» и «Положения» являлись литературно-художественными, публицистическими произведениями, написанными с большим умением и мастерством. «Письма» и «Положения» — это едкая, в ряде случаев антифеодалная, сатира, направленная против феодалов-крепостников, церкви и ее служителей. Отсюда проистекает резкая реакция на них центральной господарской власти. Поэтому значительно место, которое уделяется сатирическим «Письмам» и «Положениям» в «Уложении» 1646 года, и заметна борьба, направленная против их авторов и распространителей.

Молдавские антифеодалные сатирические «Письма» и «Положения» по своему характеру и прогрессив-

¹ „Carte românească...”, p. 130.

² Там же, стр. 131.

ному значению вероятно аналогичны знаменитым анонимным «Письмам темных людей» средневековой Германии, а также известным «Подметным письмам», распространявшимся среди населения феодально-крепостнической России, обличающим не только недостатки отдельных представителей господствующего феодального класса, но и феодально-крепостнического общества в целом.

Как явствует из «Уложения» 1646 года, немалую роль в борьбе с пороками молдавского феодального общества, государства, церкви, господаря и других влиятельных лиц в государстве сыграли сатирические и юмористические песни, частушки и стихотворения, сочинителям и исполнителям которых посвящена специальная статья «Уложения» 1646 года. «Тот, кто станет составлять стихи (вирши) или сочинять песни против кого-нибудь из знатных людей страны, будет петь запрещенные песни или исполнять им подобные запрещенные частушки,— все авторы и исполнители запретных произведений будут подвергнуты одинаковой пытке и наказанию»¹.

Наконец, в борьбе против феодалов-крепостников народ использовал и художественную сатирическую карикатуру на отдельных представителей господствующего класса. В «Уложении» 1646 года читаем: «Тот, кто станет рисовать насмешливые карикатуры на известных и знатных людей страны, обличая и высмеивая их, в особенности если эти карикатуры будет развешивать в таком месте, чтобы их видело наибольшее количество людей, будет подвергнут пытке и наказанию точно так же, как и другие аналогичные обличители, хулители и поносители общественных порядков и отдельных лиц, о которых речь уже шла выше»².

Итак, борьба народных масс против господствующего класса и его отдельных представителей велась путем устной критики и обличения господаря, влиятельных лиц в государстве, церкви и ее служителей; путем сочинения и распространения антифеодальных художественно-литературных, публицистических произведений — «Писем» и «Положений», стихотворений, песен и частушек; наконец, путем создания карикатур на отдельных представителей господствующего феодального класса.

¹ „Carte rominească...”, p. 130.

² Там же, стр. 131.

Исторические источники особое место уделяют «дущегубству»¹, «съмъртному делу», т. е. убийству как уголовному преступлению вообще и в особенности убийству представителя господствующего класса. За убийство человека знатного рода, особенно грека или турка, штраф полагался значительно более высокий, чем за убийство простого человека².

Документы XVI — первой половины XVII веков свидетельствуют об усилении «разбоев»³, под которыми, конечно, следует понимать не только отдельные индивидуальные нападения «лихихъ людей»⁴ на тех, кто ездил по большим дорогам, но и мелкие разрозненные партизанского типа выступления и массовые движения угнетенного люда города и деревни, направленные против представителей господствующего класса феодалов и против купцов-ростовщиков.

В этой разновидности классовой борьбы можно видеть зародышевую форму движения, известного под названием гайдучества. Гайдучество, или гайдуцкое движение, зародилось и развивалось вместе с ростом классовой борьбы в целом во всех ее видах, оно было известно в Молдавии еще задолго до турецкого завоевания и установления турецкого владычества. Но это движение особенно распространилось и усилилось после установления турецкого ига в Молдавии, приняв национально-освободительную окраску.

К середине XVI столетия число гайдуков настолько увеличилось, а гайдуцкое движение на Балканском полуострове и в Дунайских княжествах приняло такие широкие размеры, что Османская Порта начала решительную борьбу с ним. К. Маркс в «Хронологических выписках» отмечает, что турецкий султан Селим II, вступив на престол в 1566 году, решил установить «спокойствие» в стране и «держатъ в узде... гайдуков»⁵.

В 1604 году группа духовных и светских феодалов, епископы, другие церковники, великие и малые бояре,

¹ *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. I, București, 1913, p. 95, 173, 230, 231.

² *R. Rosetti*, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907, p. 195.

³ *I. Bogdan*, Documentele lui Ștefan cel Mare, t. II, București, 1913, p. 405, 443.

⁴ Там же, стр. 405.

⁵ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, стр. 346—347.

напуганные гайдуцким движением и бежавшие от преследований гайдуков из соседней Валахии в Молдавию и Польшу, сообщали, что гайдуки мстили своим классовым врагам, преследовали светских и духовных феодалов, отбирали у них имущество и лишали их «покоя», а в ряде случаев и жизни¹.

Из документа 1634 года мы узнаем, что молдавский господарь Василий Лупу жестоко карал молдавских гайдуков и их жен².

Католический епископ Марк Бандини, побывавший в 40-х годах XVII столетия в Молдавии, отмечал, что в Яссах «в 1646 году произошло сорок пожаров, а в следующем году лишь в течение четырех месяцев было пятнадцать пожаров, во время которых сгорели и церкви»³. Марк Бандини не указывает причин, вызвавших пожары. Однако, учитывая многообразие форм классовой борьбы, можно полагать, что не все указанные пожары возникли только в результате несчастных случаев, значительная их часть, вероятно, произошла вследствие намеренных поджогов, в частности со стороны гайдуков.

Это мнение подтверждается некоторыми косвенными доказательствами. Так, например, в «Уложении» 1646 года сказано: «Тех, кто совершит поджог дома, гумна с хлебом или с сеном из чувства мести к своему противнику или врагу, сжигать на костре. А тем, кто подожжет конюшни, стойла, сараи с сеном или соломой, отрезать руки»⁴.

Таким образом, очевидно, поджоги часто совершались «из чувства мести к своему противнику и врагу». А такими противниками и врагами трудового эксплуатируемого народа являлись феодалы-крепостники и купцы-ростовщики, против которых крестьяне и ремесленники вели борьбу всеми доступными им средствами.

Антиохийский архидиакон Павел Алеппский, дважды побывавший в Молдавии в середине XVII столетия,

¹ *E. Hurmuzachi*, Documente privitoare la istoria românilor, t. IV, pag. 1, p. 405—406.

² Там же, т. XV, ч. 2, стр. 1007.

³ Цит. по кн. N. Iorga, *Istoria românilor prin călători până la jumătatea veacului al XVII-lea*, t. I, București, 1920, p. 251—252.

⁴ «Правила», стр. 8.

писал: «Лес... страшен для путешественника»¹. Нетрудно догадаться, кого именно боялся названный путешественник в молдавских лесах. Они служили укрытием для бесстрашных гайдуков, откуда те совершали вылазки против феодалов-крепостников и купцов-ростовщиков.

Павел Алеппский отмечает, что господарь Василий Лупу за 20 лет своего правления замучил и казнил более 14 000 гайдуков, среди которых было немало женщин². Из этого сообщения (если оно даже несколько преувеличено) видно, что в борьбе против социально-экономического и национально-политического гнета принимали активное участие не только мужчины, но и женщины.

В 20-х годах XVII столетия в Путнянской волости Молдавии действовал отряд под предводительством прославленного гайдука Ионаша Рацу³. Гайдуцкий отряд, которым руководил Д. Попоця, насчитывал более 100 человек⁴. Широкую известность своими смелыми операциями стяжал себе отряд, которым руководил гайдук Детинка. В 50-х годах XVII века отряд Детинки взял в свои руки власть в пределах Хотинского и Черновицкого уездов, где беднота охотно шла за руководителем гайдуков, как за своим избавителем от феодального гнета⁵.

В борьбе с угнетателями выросли легендарные герои молдавского народа, имена которых воспеваются в песнях и былинах и передаются из поколения в поколение. Много безвестных героев, выходцев из молдавского народа, пало смертью храбрых, обогрив своей кровью родную землю Молдавии, и имена их не сохранились в исторических источниках для грядущих поколений.

Недостаток систематических исторических известий о жизни и борьбе народных масс не позволяет восстановить во всей полноте картину крестьянских волнений и восстаний в Молдавии в XVI— первой половине XVII веков. Кроме того, надо учитывать и то, что «как ни

¹ П. Алеппский, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, вып. I, М., 1896, стр. 48.

² Там же, стр. 69.

³ Surete și izvoade, t. XXII, p. 134—135.

⁴ Documente privind istoria României, t. II (1606—1610), București, 1953, p. 136—137.

⁵ М. Костин, указ. соч., стр. 249; «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 207.

тяжел был гнет, под которым приходилось стонать крестьянам, толкнуть их на восстание было все-таки очень трудно. Их раздробленность чрезвычайно сильно затрудняла возможность общего соглашения»¹. И тем не менее, несмотря на указанные обстоятельства, даже из дошедших до нас отрывочных сведений, содержащихся в летописях и актах, видно, что молдавские крестьяне и мелкие городские ремесленники неоднократно выступали с оружием в руках против своих эксплуататоров. По неполным данным молдавских летописей и актового материала можно установить, что на протяжении XVI — первой половины XVII столетий в Молдавии произошло не менее 10 сравнительно крупных антифеодальных восстаний. Конечно, эти данные не вскрывают всей остроты классовых противоречий в молдавском феодально-крепостническом обществе XVI—XVII веков, но все же они говорят о многом.

В 1514 году имел место крупное крестьянское антифеодальное восстание в районе города Васлуя.

Ф. Энгельс в своей работе «Крестьянская война в Германии», говоря о событиях 1514 года в Венгрии и других странах, писал: «Здесь шла тогда проповедь крестового похода против турок, и, по обыкновению, обещалась свобода всем крепостным и зависимым крестьянам, которые захотят примкнуть к нему. Собралось около 60 000 человек, которые были поставлены под начальство секлера Георга Дожи... Однако венгерские рыцари и магнаты отнеслись очень неблагоприятно к этому походу, который грозил им лишить их собственности, крепостных. Они бросились за отдельными толпами крестьян и с помощью насилия и жестокостей вернули своих крепостных обратно. Когда об этом стало известно в войске крестоносцев, ярость угнетенных крестьян прорвалась»². Нечто аналогичное, но в меньших масштабах наблюдалось в том же 1514 году и в Молдавии. Очевидно, крестьянская война, начавшаяся в Венгрии, Германии и Трансильвании, нашла широкий отклик и в Дунайских княжествах.

Славяно-молдавская летопись Макария сообщает, что при молдавском государе Богдане III «в десятое

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 126.

² Там же, стр. 154.

же лето царства его (в 1514 году. — Ф. Г.) ...вскочил изъ Загорския земле (Семиградия. — Ф. Г.), паче же въ время зимное, Трифѣиль некто, царева сына себя именуя, егда воинъ въсекъ себе оупоакоаваетъ и брань безмльствоуетъ, и припаде земли Молдавстей, и люте земле сея жителя съмутивъ, и приражъ ся съ воини цареви ниже Васлоуя оу мостов, и тамо зле доушу изверъже и иния не мало съ собоя погубив»¹.

Среди сыновей молдавских и валашских господарей XV—XVI веков и трансильванских воевод Трифѣил не известен. Отсюда можно сделать вывод, что «Трифѣиль некто, царева сына себя именуя», был самозванцем, ставшим во главе крестьянского движения. Известно, что в средние века повсеместно большинство крестьянских движений носило «царистский» характер. Указанный самозванец выступил против господаря и его войск. Это даст основание полагать, что движение, которое Трифѣил возглавил, носило антифеодальный характер. Последнее подтверждается и тем, что, как пишет летописец Макарий, Трифѣил «люте земле сея (т. е. Молдавии. — Ф. Г.) жителя (т. е. рядовых жителей страны. — Ф. Г.), смутив», т. е. поднял на борьбу против эксплуататоров.

Насколько сильно было крестьянское восстание 1514 года во главе с Трифѣилом в Молдавии, можно судить по рассказу Макария, который отмечает, что для подавления этого движения были посланы господарские войска Богдана III и что в результате сильного сражения у города Васлуя погибло очень много повстанцев вместе с их вождем Трифѣилом. Характерно, что почти все последующие летописцы (Азарий, Г. Уреке и др.) сочли нужным включить в свои труды рассказ об антифеодальном крестьянском движении под руководством Трифѣила². Очевидно, оно поразило представителей господствующего класса.

¹ I. Bogdan, *Cronice moldovenești până la Urechia, București*. 1891, p. 150—151.

² I. Bogdan, *Letopisețul lui Azarie (Analele Academiei Române, Mem. Sect. Ist., Ser. II, t. XXXI)*, București, 1909, p. 153—154; E. Pișcoț, *Op. cit.*, p. 250—254; Г. Шинкай, *Хроника румынорумуна а май мултор нямурь, Иаши, т. I—III, 1853, паж. 134—135*.

В 1566 году в Молдавии вспыхнуло новое крестьянское восстание. Летописец Григорий Уреке отмечает, что в июне 1566 года в соседней с Молдавией Трансильвании появился некий претендент на молдавский господарский престол, выдававший себя за Стефана воеводу. Стефан-самозванец, собрав вокруг себя «множество гайдуков», пастухов и «другой человеческий сброд», как цинично заявляет боярин-летописец Григорий Уреке, вступил в Молдавию, уговаривая простых людей подчиниться ему и помочь занять господарский престол. Движение росло, повстанцы дошли до города Нямец, желая захватить столицу Молдавского государства — город Яссы.

Но господарь Александр Лапушняну, узнав о приближении восставших крестьян во главе с самозванцем Стефаном, спешно послал навстречу им войско. Противники встретились выше Нямецкой крепости, где и произошло решающее сражение между повстанцами и господарским войском. Конечно, господарские военные силы одержали победу над неорганизованной и плохо вооруженной крестьянской массой. В результате сражения много повстанцев погибло на поле брани, другие были схвачены живыми и отправлены к господарю Александру Лапушняну на расправу, остальные бежали. Стефан-самозванец спасся бегством в трансильванские Альпы — туда, откуда началось это крестьянское антифеодалное восстание¹.

Таким образом, и это вооруженное народное выступление против господствующего класса было подавлено.

Однако брожение среди крестьянства Молдавии еще долго не прекращалось, появлялись новые самозванцы, становившиеся вождями крестьянского движения. Это видно из актового материала, в частности из той оживленной переписки, которую вел господарь Молдавии Александр Лапушняну с трансильванскими местными властями, требуя от последних, чтобы они преследовали, карали и казнили участников недавно разгромленного крестьянского восстания и их руководителей, бежавших в Трансильванию².

¹ E. Picot, Op. cit., p. 462—464.

² E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XI, p. 584—590; t. XV, par. 1, p. 613—614, 615, 617, 641—642.

В 1581 году, в связи с дальнейшим усилением социально-экономического и национально-политического гнета, возникло крестьянское восстание в Лапушнянской волости Молдавии. По словам хрониста Георгия Шинкай, крепостные и зависимые крестьяне Молдавии «стояли под тяжелым гнетом местных господарей»¹ — турецких ставленников. Георгий Шинкай отмечает, что молдавский господарь-временщик, турецкий ставленник Петр Хромой, для получения фирмана на княжение от Османской Порты, обязался (через своего брата) удвоить ежегодную дань в пользу Турции, доведя ее до 120 000 (по другим источникам 80 000) золотых².

Петра Хромого на время (на три года) сменил другой временщик Янку Сасул, который продолжал ту же грабительскую политику, что и его предшественник. По свидетельству летописца Григория Уреке, жадный и ненасытный господарь Янку Сасул выдумывал и устанавливал все новые и новые обременительные поборы и налоги с населения, уплата которых была не под силу налогоплательщикам. В 1581 году, в связи с очередным обложением крупного рогатого скота, восстало податное население Лапушнянской волости во главе с неким Лунгулом, принявшим имя молдавского господаря Иоана воеводы. Восставшее трудовое население, желая избавиться не только от гнета светских и духовных феодалов-крепостников, но и от ненавистного ему господаря, во главе со своим крестьянским вождем направилось из Лапушнянской волости вдоль Прута к столице Молдавского государства — городу Яссы.

Правитель Молдавии Янку Сасул, узнав об этом, немедленно отправил навстречу повстанцам войско во главе с ворником Бучумом и постельником Брути. Противники встретились у Балоты, где произошло большое сражение, в результате которого крестьянское восстание и на сей раз было жестоко подавлено, а вождь крестьянского движения Лунгул утонул в Пруте³. Таким образом, после ожесточенной борьбы крестьяне были побеждены.

¹ Г. Шинкай, Хроника ромынилор ши а май мултор нямурь, Иаши, т. I—III, 1853, паж. 152.

² Там же, стр. 277.

³ E. Picot, Op. cit., p. 534, 536, 538.

Несмотря на то, что и это вооруженное антифеодальное выступление было потоплено в крови, волнения среди молдавского крепостного и зависимого крестьянства еще долго не прекращались. По словам того же летописца Григория Уреке, когда Янку Сасул в 1583 году был отрешен Османской Портой от молдавского престола и бежал из Молдавии, то он не решился пробираться в Трансильванию через горы, опасаясь расправы с ним со стороны молдавских крестьян. Бывший господарь направился в Покутию, а оттуда в сопровождении польского магната Язловецкого и его свиты, вместе с награбленным в Молдавии имуществом, «благополучно» добрался до Львова¹.

Самым крупным открытым вооруженным выступлением крестьян против господствующего класса, самым большим крестьянским движением в Молдавии на протяжении всего XVI столетия было восстание 1591 года, представлявшее собой настоящую крестьянскую войну.

Причиной восстания 1591 года послужило очередное увеличение налогового обложения, дальнейшее усиление социально-экономического и национально-политического гнета. В январе 1591 года султанская Порта потребовала от Молдавии «чрезвычайную» дань². Турецкий ставленник, молдавский господарь Петр Хромой, напуганный угрозой султана и желая любой ценой сохранить за собой престол, согласился уплатить туркам требуемую ими дань. Это было новым дополнительным бременем для народа. Страна не была подготовлена к немедленной выплате Порте огромной дани. Выплата Турции дани затягивалась. Среди широких масс трудящихся росло недовольство, вызванное соглашательской политикой Петра Хромого, народ восстал³. Восстание быстро охватило всю страну. Господарь вместе со своей свитой вынужден был бежать из страны⁴. Бежали также гетман вооруженных сил Молдавии, митрополит и другие видные государственные сановники⁵.

¹ E. Picot, Op. cit., p. 540—542; ср. «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 203.

² E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. IV, par. 2, p. 154.

³ Ibidem, t. XV, par. 1, p. 708; t. IV, par. 2, p. 161.

⁴ Ibidem, t. XI, p. 750.

⁵ Ibidem, t. XV, par. 1, p. 709—710.

Так, например, очевидец Стефан, кастелян одного из трансильванских городов, находившийся в то время в Молдавии и спасшийся бегством от расправы со стороны восставших крестьян, писал 8 сентября 1591 года своим братьям в город Бистрицу: «Слава богу, что благополучно добрался домой... Там,— в Молдавии,— дела обстоят исключительно плохо: крестьянство держится мужественно и крепко, атакует светских и духовных сановников; если они не удирают, то их убивают; мало кто из светских и духовных сановников остался дома, они даже не осмеливаются показаться на глаза крестьянам; все знатные люди, начиная от воеводы-господаря, покинули страну и бежали: владыки, митрополит, гетман и т. д.»¹

Воспроизведенный здесь исторический документ доносит до нас дыхание горячих дней крестьянских волнений. Он свидетельствует о напряженных социальных отношениях в молдавской деревне, показывает героическую борьбу молдавского народа против местных эксплуататоров и иноземных поработителей.

Антифеодальное восстание 1591 года было подавлено новым арендатором молдавского престола, турецким ставленником — Ароном Тираном, после упорной кровопролитной борьбы.

В первой половине XVII века движение народных масс в Молдавии усилилось. Историки А. А. Накко и П. Н. Батюшков указывают, что при молдавском господаре Гашпаре Грациани (1619—1620) восстало трудовое население Оргеевской округи. Охваченный ужасом господарь Молдавии Гашпар Грациани якобы обратился к повстанцам со словами, уговаривая их: «да имаега сердце чисто к господарю»².

Говоря о классовой борьбе в Молдавии в XVI и в первой половине XVII веков, необходимо отметить, что иногда она вступала в тесное соприкосновение с внутри-классовой борьбой в самом лагере феодалов-крепостников. Имелись случаи, когда отдельные крупные феодалы или различные феодальные группировки пытались

¹ *E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV. par. 1, p. 709—710; t. IV, par. 2, p. 161.*

² *А. А. Накко, История Бессарабии с древнейших времен, ч. I—II, Одесса, 1875—1876, стр. 253; П. Н. Батюшков, Бессарабия. Историческое описание, СПб., 1892, стр. 50.*

использовать движение народных масс в своих интересах для упрочения своего командного положения у кормила правления, для захвата великокняжеской власти. Так было, например, во время вооруженного антифеодального восстания 1633 года, когда грабительское хозяйничание греческих ростовщиков вызвало в 30-х годах сильное антигреческое движение в Молдавии, которым искусно воспользовались молдавские бояре для укрепления своей власти. В 1633 году в Яссах произошло сильное вооруженное движение против греков, занимавших господствующее положение в стране. На первых порах боярам удалось в своих интересах использовать ненависть городских низов против греческих эксплуататоров. Однако в ходе движения, городские низы и беглые крестьяне, укрывавшиеся в Яссах, перешли в наступление против самих же бояр. Во время борьбы был ранен глава молдавского боярства, будущий господарь В. Лупу¹.

Из одного документа, датированного 3 июля 1632 года, узнаем, что государственные чиновники «взимали огромные подати, налоги с бедного податного населения страны, в результате чего народ возмущался и восставал»². В 1633 году, как уже отмечалось выше, вспыхнуло вооруженное восстание. Широкие народные массы выступили с оружием в руках против своих эксплуататоров. Движение социальных низов и на этот раз было подавлено только после ожесточенной вооруженной борьбы³.

Мощный толчок выступлениям крестьян и горожан в Молдавии дала народно-освободительная война на Украине в 1648—1654 годах. Борьба украинского народа против польских феодалов нашла широкий отклик и сочувствие и среди молдавского народа⁴. Под влиянием этой борьбы в 1653 году в Молдавии произошло крупное восстание в Яссах. По свидетельству Павла Алеппского — очевидца ясских событий, «купцы и горожане со-

¹ М. Костин, указ. соч., стр. 39—40; «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 204.

² E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, par. 2, p. 988—989.

³ E. Hurmuzachi, Fragmente din istoria românilor, t. III, București, 1900, p. 119.

⁴ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). Госполитиздат, 1954, стр. 9.

брались вместе и снесли свое имущество в монастыри, где и укрылись, устроив из телег заграждения вокруг каждого монастыря. Их и нас обуял сильный страх и ужас, ибо мы на своем веку не видавали ничего подобного. Тогда прекратились службы и литургии, потому что церкви и алтари были до потолков наполнены скарбом и товарами»¹. Светские и духовные сановники, находившиеся в Яссах, были охвачены «страхом и трепетом: все греки, священники и миряне, ждали ежечасно смерти от меча...»², — говорит Павел Алеппский.

Итак, в результате дальнейшего усиления социально-экономического и национально-политического гнета, в связи с тем, что светские и духовные феодалы-крепостники, как правильно заметил Д. Кантемир, «едва столько оставляли времени, — крепостным и зависимым крестьянам, — сколько потребно в промыслению себе хлеба»³, в Молдавии происходили неоднократные вооруженные антифеодальные восстания. На феодально-крепостнический и национально-политический гнет, на террористический режим турецких захватчиков трудящиеся массы города и деревни отвечали активным сопротивлением.

Тяжелое положение трудящихся масс Молдавии в XVI—XVII веках усугублялось грабительскими формами управления страной, отсутствием сильной централизованной власти, феодальной анархией, царившей в Молдавском феодальном государстве. Трудовое население Молдавии сильно страдало также от постоянных разбойничьих набегов, грабежей, военных походов и постоев в стране турецких ассимиляторов и их вассалов — крымских ханов и буджакских татар. Неоднократные вторжения турецко-татарских орд в пределы Молдавии не только разоряли мелкое хозяйство крестьян и городской бедноты, но и «стоили жизни многим беднякам» («костау вияца мултор сэрачь»)⁴.

Грабительская политика турецких захватчиков и фискальная система их ставленников — эфемерных молдав-

¹ П. Алеппский, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, вып. I, М., 1896, стр. 88.

² Там же, стр. 90.

³ Д. Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789, стр. 244.

⁴ E. Hurmuzachi, Documente privitoare la istoria românilor, t. XV, pag. 2, p. 908.

ских господарей, хищничество бояр и духовенства, тяжёлая эксплуатация трудового народа, взяточничество государственных чиновников и прямой грабёж довели городское и сельское податное население Молдавии до обнищания, разорения, голода. Вся тяжесть крепостнического и национального гнета ложилась на плечи крестьянства и городской бедноты.

Молдавский господарь Д. Кантемир писал, что трудящиеся Молдавии «...возмутительны и непостоянны; и когда не имеют заграничного неприятеля, то праздностию удобно приводятся и к бунтам противу поставленных над ними, а иногда и противу самого князя»¹.

Приведем в качестве образца один документ, в котором с особой силой подчеркнута роль государства, в частности, одного из его атрибутов — армии, в деле укрепления власти феодалов-крепостников и обуздания народа. «Наемное войско,— писал в своем письме трансильванским властям господарь Георгий Стефан, — мы не можем отправить от себя, так как мы держим его для нашей защиты. Если бы этого войска не было при нас, то тогда чернь прогнала бы нас с престола из-за многочисленных податей..., которыми мы ее облагаем»². Из слов господаря совершенно ясно видно, что государство являлось организацией имущего класса для защиты его от неимущего податного сословия страны.

Итак, на протяжении XVI — первой половины XVII столетий трудящиеся массы Молдавии — крестьяне и ремесленники — много раз поднимались на борьбу против ига эксплуататоров, неоднократно восставали, но каждый раз терпели поражение. Несмотря на большое число стихийных и разрозненных антифеодалных выступлений и восстаний, крестьяне одни не в состоянии были произвести социальный переворот и свергнуть угнетателей, ибо им противостояла объединенная и тесно сплоченная организованная сила светских и духовных феодалов-крепостников и городских богатеев, прочно

¹ Д. Кантемир, указ. соч., стр. 320—321.

² «Оастеа ку симбрие ну о путем тримите де лынгэ ной, кэч о цинем пентру апэрареа ноастрэ. Дакэ ничь ачаеста н'ар фи лынгэ ной, атуңч простимеа не-ар алуңга дин Скаун пентру дэрилэ мулте, пе каре... ле арункэз асупра ей» (Revista istorică, Anul XII, N-le 10—12, Octombrie—Decembrie, 1926, p. 318).

державших бразды правления в своих руках, несмотря на внутриклассовые распри.

Главная причина поражений всех крестьянских восстаний заключалась в том, что в то время не было у трудящихся масс настоящей крепкой классовой силы в руководстве освободительным движением. Только тогда, когда на исторической арене появился рабочий класс, промышленный пролетариат, социальное и национальное освободительное движение трудящихся масс получило в его лице настоящую революционную руководящую силу, способную объединить и повести за собой распыленные и разрозненные слои сельского и городского эксплуатируемого населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя некоторые итоги исследования аграрных отношений в Молдавии в XVI и в первой половине XVII веков, можно сделать следующие основные выводы:

1. В XVI — первой половине XVII веков зависимая от султанской военно-феодальной Турции Молдавия являлась сельскохозяйственной страной, в которой господствовал уже давно сложившийся феодальный способ производства со всеми присущими ему характерными признаками.

2. Жители Молдавии, заселявшие с древних времен плодородные и богатые тучными пастбищами склоны северо-восточной и юго-восточной частей Карпатских гор, а также черноземные долины сравнительно многочисленных больших и малых рек (Серета, Прута, Днестра, Дуная и др.), занимались земледелием и животноводством, огородничеством и виноградарством, виноделием и садоводством, пчеловодством и охотой, рыболовством и иными промыслами. Основным же занятием молдавского народа было земледелие.

3. Феодальное землевладение в Молдавии в XVI и первой половине XVII веков отличалось теми же основными чертами, которые были присущи землевладению других стран средневековой Европы. Но были в Молдавии и свои особенности в области аграрных отношений. Так, например, в Молдавии, как и в соседней Валахии, отсутствовала поместная система землевладения. Господарские служилые люди — куртяне-дворяне, хынсары-гусары и дарабаны-драбаны — владели землей на наследственном праве, распоряжаясь ею по своему усмотрению

вплоть до отчуждения путем купли-продажи, дарения и т. д. Молдавских крепостных крестьян «землян»-«цэран», или «соседей»-«вечин», как и валашских «вечин»-«румын» или французских сервов, согласно местному обычному праву, нельзя было продавать без земли и тем более в одиночку. Однако на практике молдавские светские и духовные феодалы продавали и покупали своих крепостных крестьян вместе с землей и отдельно, целыми семьями и порознь.

4. Рост крупного светского и духовного феодального землевладения и закрепощение лично свободных крестьян-общинников резешей происходили в Молдавии четырьмя основными путями: во-первых, путем захвата светской и духовной феодальной знатью крестьянских общинных земель и связанных с этими землями повинностей и превращения принадлежавших крестьянам земельных участков-жребиев в наделы, получаемые ими от феодалов на тяжелых кабальных условиях; во-вторых, путем экономического закабаления резешей и их последующего закрепощения; в-третьих, путем так называемой «купли» светскими и духовными сановниками общинных и индивидуальных крестьянских земель «за свои правые и чистые пинези» (деньги), накопленные в результате эксплуатации крестьянского же труда; в-четвертых, путем господарских земельных пожалований и дарений светским и духовным феодалам и церковно-монастырским корпорациям.

По великокняжеским жалованным дарственным грамотам в феодальную собственность переходила как заселенная и устроенная земля с живущим на ней сельским населением, так и «пустующие» целинные угодья. Таким образом, не только собственно общинные земли, но и индивидуальные крестьянские участки-жребии, «мошии»-«бэтрыны» — дедины превращались в феодальную собственность светских и духовных сановников, в зависимости от которых оказывались крестьяне. В то же время с дальнейшим ростом крупного светского и духовного землевладения сокращалось количество крестьян-общинников резешей, зависимых непосредственно от Молдавского государства. Развивался иммунитет как атрибут привилегированной феодальной земельной собственности.

5. Важнейшим результатом процесса образования

крупной феодальной земельной собственности и всего социально-экономического развития Молдавии на протяжении XVI — первой половины XVII веков было дальнейшее обезземеливание непосредственных производителей материальных и культурных благ — молдавских крестьян-общинников резшей и лишение их свободы. Крупное феодальное землевладение было тем столпом частной собственности, вокруг которого строились все аграрные и общественные отношения, отношения господства и подчинения и внеэкономического принуждения. Именно земельная собственность определяла экономическое и политическое положение в феодально-крепостническом обществе господствующего класса, а также отдельных групп и частных лиц, принадлежавших к этому классу. Поэтому светские и духовные сановники так жадно тянулись к земле, всеми средствами и способами стремились овладеть ею и тем самым продвинуться выше по феодальной иерархической лестнице.

Таким образом, рост крупного феодального землевладения, с одной стороны, и все усиливавшееся закрепощение свободного крестьянского труда, с другой, — таковы характерные черты социально-экономической и политической жизни Молдавии на протяжении XVI и первой половины XVII столетий.

6. Молдавская высшая светская землевладельческая аристократия и духовная феодальная знать, достигнув экономического могущества и политической самостоятельности, добивалась получения от верховных правителей страны — государей ряда привилегий. Согласно господарским жалованным грамотам, все крепостное и зависимое население феодальных владений освобождалось, полностью или частично, от государственных налогов, податей и повинностей. Представителям центральной господарской власти и господарским слугам на местах запрещалось вмешиваться во внутреннюю жизнь принадлежавших светскому или духовному землевладельцу-грамотчику-иммунисту вотчин, производить суд и расправу над его крепостными и зависимыми крестьянами, взимать с них различные поборы, налоги и т. д. Совокупность феодальных прав и фискальных привилегий, среди которых важнейшими были право землевладельца судить подвластное ему крепостное и зависимое

трудовое население и собирать с него в свою пользу налоги, и составляет иммунитет.

В то время, когда в ряде европейских стран, в связи с усилением королевской или царской власти и складыванием централизованных государств, иммунитетные привилегии земельных собственников были значительно сужены, в Молдавии в XVI—XVII веках, наоборот, иммунитет находился в расцвете. Это обстоятельство отрицательно отражалось на производительных силах страны, фактически переживавшей феодальную раздробленность.

7. В XVI и в первой половине XVII веков в Молдавии существовали два основных разряда крестьян, исторически сложившихся в течение долгих веков. Во-первых, лично свободные, сословно-неполноправные крестьяне-общинники-резеши, зависимые непосредственно от Молдавского феодального государства. Во-вторых, крепостные, лично зависимые частновладельческие крестьяне, люди, вырванные в процессе феодализации страны из общины, а ранее равноправные ее члены. Крестьяне этой категории именуются в исторических источниках того времени «землянами»-«царанами», или «соседями»-«вечинами». Таким образом, молдавские резеши — это не крупные землевладельцы, не бояре и не дворяне, не «служилые люди» и не «потомки служилых людей молдавских господарей», не «сопомещики» и не «представители разных сословий», как считали многие представители русской, молдавской и румынской дворянско-буржуазной и современной историографии. Резеши — это крестьяне-общинники, владевшие индивидуально участками земли, унаследованными ими от своих предков. По своему экономическому и политическому положению резеши в основном приближались к валашским «мошнянам»-«дединам» или русским черносошным крестьянам. «Земляне»-«царане», или «соседи»-«вечины» — это, напротив, крестьяне, находившиеся в личной зависимости от отдельных феодалов-землевладельцев. В феодальных хозяйствах Молдавии в XVI — первой половине XVII веков, наряду с крестьянским трудом, применялся и труд холопов.

8. Как известно, в русской, молдавской и иностранной буржуазной и современной исторической литературе были распространены ошибочные взгляды на происхож-

дение и сущность молдавской сельской (или соседской) общины. Одни исследователи полагали, что молдавская сельская община возникла не закономерным путем в процессе распада первобытно-общинного строя, а была создана искусственно, «по необходимости». Другие авторы считали, что молдавская сельская община была институтом, характерным не для всех крестьян-общинников резешей, а только для резешей-«пармакариев», т. е. владельцев мельчайших земельных участков — «пармаков». Третьи утверждали, что отличительным признаком сельской общины является не ее дуализм, выразившийся в сосуществовании частновладельческих порядков и пережитков первобытно-общинных отношений, а наличие периодических переделов земли. Четвертые доказывали, что сельская община в Молдавии была введена государством из чисто фискальных соображений, как случайный спутник крепостничества и т. д.

Мы показали, что в XVI и в первой половине XVII веков в Молдавии, так же как и в других странах средневековой Европы, продолжала сохраняться соседская (или сельская) территориальная община. Пахотная и другая общинная земля крестьян-общинников резешей, как правило, не подлежала систематическим переделам. Леса, выгоны и воды продолжали оставаться в общем пользовании всей общины-села.

Таким образом, молдавская территориальная крестьянская община показала свою жизнеспособность, однако, под влиянием общих экономических процессов, вызванных дальнейшим развитием феодальных отношений в стране, и под воздействием государственной власти, в жизни крестьянской общины происходят большие перемены, которые приводят к дальнейшей имущественной дифференциации крестьянской массы и к полному закреплению основной части сельского населения.

9. Молдавские «земляне»-«царане» и «соседи»-«вечины» представляли собой не два различных, обособленных друг от друга разряда крестьян, как это утверждали представители русской, молдавской и румынской дворянско-буржуазной и современной историографии, а одну и ту же категорию сельского населения, которая в исторических источниках и в быту называлась по-разному. Кроме того, «земляне»-«царане», или «соседи»-«вечины», выступают в известных нам исторических источниках не

со второй половины XVIII века, а, по крайней мере, с XV—XVI столетий.

10. Важным рубежом в истории Молдавии следует признать «Уложения» 1646 года, юридически оформившего крепостное право в масштабе всего Молдавского государства и в известной мере подведшего итог социально-экономическому развитию Молдавии за предшествующий исторический период, знаменовавшего завершение в основном процесса закрепощения молдавского крестьянства.

Господствующий класс феодалов-крепостников и составители «Уложения» 1646 года, желая обеспечить свое хозяйство рабочими руками, решили запретить переход молдавских частновладельческих крестьян-царан, юридически прикрепив их к земле, к наделу. Так в 1646 году были юридически оформлены и узаконены издавна сложившиеся в стране феодально-крепостнические производственные отношения. С изданием феодальных «Правил», или «Уложения» 1646 года, крепостное право в Молдавии было окончательно и юридически оформлено. «Правила» подтверждали собственность феодалов на основные средства производства, прежде всего на землю. Утверждалась крепостная зависимость молдавских крестьян-царан от светских и духовных феодалов-землевладельцев. Светским и духовным феодалам предоставлялось право розыска и принудительного возвращения своих беглых крестьян-царан в течение неограниченного срока. Таким образом, «Уложение» 1646 года — это кодекс феодального права Молдавии. Однако «Уложение» 1646 года не вводило в жизнь новых правовых норм, оно лишь юридически оформило те отношения господства и подчинения и внеэкономического принуждения в молдавской деревне, которые сложились в стране в процессе ее социально-экономического развития в предшествующий исторический период.

11. Как известно, в русской, молдавской и румынской дворянско-буржуазной и современной историко-юридической и экономической исследовательской литературе, а также в энциклопедиях и энциклопедических словарях, в справочниках и в учебных пособиях прочно утвердилось мнение о том, что молдавские «земляне»-«царане» и «соседи»-«вечины» — это две различные категории крестьян. До 1749 года в Молдавии якобы су-

ществовало особое сословие крепостных крестьян под именем «соседей»-«вечинов», а в 1749 году молдавский господарь-фанариот Константин Маврокордато в специально изданном законе «торжественно провозгласил», что это сословие «упраздняется», и впредь «соседи»-«вечины» стали называться «сатынами» или «царанами», превратившись в сословие юридически свободных людей, что «Органический регламент» 1831—1832 годов «окончательно узаконил крепостнические отношения, сложившиеся в Молдавии и Валахии еще задолго до его издания»; в «Органическом регламенте» «феодално-крепостнические отношения Молдавии и Валахии были юридически оформлены в том виде, как они фактически сложились в этих княжествах ко времени введения в действие регламента» и т. д.

Нами установлено, что, вопреки господствующему в литературе мнению, в 1749 году господарь Константин Маврокордато не проводил в Молдавии никакой аграрной «реформы», не упразднял сословия крепостных крестьян «соседей»-«вечинов» и не превращал их в юридически свободных людей — «царан». Нами опровергается мнение, что в 1749 году в Молдавии «торжественно» было упразднено крепостничество, которое затем, в 1831—1832 годах, вновь было юридически оформлено «Органическим регламентом», введенным в Дунайских княжествах русскими властями. Таким образом, нет никакой необходимости «раскрывать процесс превращения вечин в царан, раскрыть причины, которые толкнули господствующий класс на... реформу» 1749 года, так как ни такого «процесса», ни таких «причин», ни самой «реформы» в действительности не было.

12. Для содержания государственного аппарата, разветвленной военно-административной и фискальной сети крупных, средних и мелких правительственных чиновников-сатрапов и для уплаты огромной и все возрастающей дани султанской Турции необходимы были взносы податного населения страны — налоги, которые тяжелым грузом ложились на плечи трудящихся масс. Над крепостным и феодално-зависимым крестьянством Молдавии XVI — первой половины XVII веков тяготел тройной гнет. Во-первых, крестьяне эксплуатировались на основе феодалной земельной ренты собственниками той земли, которой они пользовались для ведения своего

«самостоятельного» хозяйства. Во-вторых, крестьяне несли различные налоги и повинности в пользу Молдавского государства. Наконец, они же являлись основными плательщиками той дани, которой Молдавия была обложена турецкими поработителями. Таким образом, усиление социально-экономического и национально-политического гнета и ухудшение экономического и правового положения молдавского крестьянства шло тремя основными путями: 1) по линии увеличения феодальной земельной ренты вообще, 2) по линии роста налогового бремени в частности, и, наконец, 3) путем возрастания дани, уплачиваемой Молдавией султанской военно-феодальной Турции.

13. Если в XIV—XV веках между экономическим и правовым положением молдавского крепостного крестьянина (соседа-вечина, или землянина-царанина), с одной стороны, и холопа, с другой, еще наблюдалась значительная разница, то в XVI—XVII веках, в связи с расцветом феодально-крепостнических отношений и установлением турецкого ига в Молдавии, она постепенно исчезала. При этом не холопы поднимались до положения крепостных крестьян, а, наоборот, крепостные частновладельческие крестьяне опускались до положения холопов. Не случайно молдавские крепостные крестьяне (царане-вечины) жаловались господарю Молдавии на то, что они не видят разницы между крепостничеством и холопством.

14. Путь развития Молдавии после потери ею в начале XVI столетия своей национальной независимости и государственной самостоятельности был очень тяжелым. Разорение и обезлюдение страны, угон многих тысяч непосредственных производителей материальных и культурных благ городов и деревень в турецкое рабство, падение уровня сельскохозяйственного производства и ремесла, сокращение посевной площади страны и возврат земледелия к более низкому уровню, упадок экономического и политического значения городов, сужение торговых и дипломатических сношений с другими странами, всеобщее обнищание трудового народа — таков был результат длительного турецкого владычества в Молдавии.

На этом историческом фоне видна прогрессивная роль России (несмотря на феодально-национальный гнет

русского царизма) в развитии экономики и культуры разоренного турецкими поработителями и ассимиляторами края.

15. Рост боярского, церковно-монастырского и господарского землевладения, сопровождавшийся закрепощением лично свободных крестьян-общинников резешей, не был мирным процессом, он вызывал острую классовую и внутриклассовую борьбу. Крестьяне сопротивлялись расхищению общинных и индивидуальных крестьянских земель и закрепощению, протестовали против усиления социально-экономического и национально-политического гнета. Их протест принимал различные формы, начиная с подачи челобитных господарю, острой социально-обличительной сатиры, направленной против феодалов-крепостников, убийства отдельных представителей господствующего класса, захватов феодальных земель путем перестановки пограничных земельных знаков и вспашки господских меж, покосов, захваченных феодалами общинных лугов, бегства крепостных и зависимых крестьян и холопов от своих хозяев в города, в другие феодальные вотчины и соседние страны, уклонения от выполнения различных податей и повинностей, гайдучества и кончая антифеодальными восстаниями. По неполным данным молдавских летописей и актового материала можно установить, что на протяжении XVI — первой половины XVII столетий в Молдавии имело место не менее десяти сравнительно крупных антифеодальных восстаний. Разумеется, эти данные не вскрывают всей остроты классовых противоречий в молдавском феодально-крепостническом обществе XVI — первой половины XVII веков, но все же они говорят о многом.

На социально-экономический и национально-политический гнет крепостные и зависимые крестьяне молдавской деревни, городские ремесленники и беднота отвечали массовым антифеодальным движением, неоднократными вооруженными выступлениями, разрозненными восстаниями. Классовая борьба молдавского народа против феодально-крепостнического гнета была неразрывно связана с национально-освободительной борьбой против иноземного ига, установленного султанской Турцией. В этой борьбе трудящиеся массы Молдавии неоднократно получали помощь и поддержку со стороны русского и украинского народов. Освободительное дви-

жение молдавского народа сливалось воедино с борьбой украинского народа против польских панов, крымских ханов и турецких султанов-захватчиков. В ходе совместной борьбы против социально-экономического и национально-политического гнета росло и крепло боевое содружество трудящихся Молдавии и Украины. Зарождалась и укреплялась дружба между русским, украинским и молдавским народами.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Абы	— чтобы
Ага	— старший, староста; начальник
Адунэтурэ	— 1) сброд, сборище; 2) смесь, мешанина
Аже	— что
Аз	— я
Але	— но
Анафорэ, анафора	— челобитная
Ангари	— принудительные работы в пользу государства; трудовая повинность
Анул	— год
Апрод	— 1) привратник (в суде); 2) судебный пристав
Апукатэ	— захвачена, занята
Ардял	— Трансильвания
Аржинт	— серебро
Армаш	— придворный боярский чин. Великий армаш — начальник тюрем и лицо, следившее за приведением в исполнение смертных приговоров
Аспр	— монета
Асупрение	— гнет, угнетение
Асуприре	— притеснение, угнетение, гнет
Асуприт	— угнетенный, притесненный
Асупритор	— 1) угнетатель, притеснитель; 2) угнетающий, притесняющий
Аша	— так
А ымпресора	— закабалять
А ынвэлун	— закабалять
Бан	— 1) наместник, губернатор; 2) мелкая монета
Бантовати (бынтовати)	— беспокоить, тревожить
Бань	— деньги
Барон	— боярин (по терминологии Д. Кантемира)
Баронство	— боярство
Баштинэ	— вотчина

Без забаве и пагубе	— без ущерба и убытка
Бербеница	— мера емкости, главным образом меда
Беч	— погреб, подвал
Бив	— бывший (ставилось перед титулом бывших высоких придворных сановников)
Билица	— белка (пушной зверь)
Бир	— 1) дань, подать; 2) подворный налог
Бирар	— сборщик дани, податей; сборщик подворного налога
Бирул ымпэрэтеск	— дань в пользу султанской Турции
Бирэу	— бургомистр, старший член магистрата городского совета
Бискуп	— епископ
Блата	— рыбные ловли
Блато	— болото
Богат	— богатый
Боерий	— бояре
Боиер	— боярин
Болери	— бояре
Болерин	— боярин
Болнав	— больной, болеющий
Боернаш	— малый боярин
Бордей	— 1) землянка, лачуга, хижина; 2) погреб, перекрытая яма
Боургаре	— бюргеры
Бояре раднии	— думные бояре, члены господарского совета
Бояренаши	— 1) малые бояре; 2) дети боярские
Бранище, браниште	— заповедный лес
Бранищар	— лицо, ведавшее заповедными лесами и угодьями, лесничий
Братанича, братаничева	— 1) внучка; 2) двоюродная сестра
Братаничъ	— 1) внук; 2) двоюродный брат
Брашно	— 1) кушанье, преимущественно мучное; 2) мука; 3) печеный хлеб
Броваръ	— 1) пивная; 2) пивоваренное предприятие
Броднина	— пошлина за пользование бродами
Буджак	— южная часть Молдавии между Днестром и Прутом
Букате	— имущество, пожитки
Букатэ	— часть, кусок
Булгур	— 1) истолченные зерна пшеницы, пшеничная крупа; 2) каша из пшеничной крупы
Буръкулаб	— то же, что пыркэлаб
Бургъмистръ, буръ-мистръ, бургомистр	— старший член магистрата городского совета, глава городского самоуправления, городской голова; то же, что мэр города, или шолтуз
Бэтрын	— 1) дед, дедушка, старик; 2) имение, дедина
Бэтэтоаре	— льномьялка; коноплемялка
Бэштинав	— местный, туземный, коренной житель

Бюргер	— 1) горожанин, городской житель; 2) мещанин
Вад	— 1) брод, мелкое место; 2) переправа; 3) переход; 4) место для постройки водной мельницы
Вакэ	— корова
Валила	— мельницы-сукновальни
Валовати	— беспокоить, тревожить
Валует	— беспокоит, тревожит
Вама	— таможенный сбор с товаров, торговая пошлина
Варе	— если, или, кто-либо
Ватав, вэтав	— смотритель, надзиратель, надсмотрщик
Ватаман	— 1) глава сельской общины; 2) стражник
Везирь, визирь	— высший сановник в Турецкой империи
Великий привилей	— полная льготная грамота
Великое дело	— уголовное преступление; то же, что «смертное дело»
Великое мыто сучав-ское	— великая (большая) сучавская торговая пошлина
Великое тарканство	— полная иммунитетная грамота
Великая слобозия	— то же, что и великое тарканство, полная иммунитетная грамота
Велицен	— великие
Вельми	— очень, весьма
Вечин	— 1) сосед; 2) крепостной
Вечинэтате	— 1) соседство; 2) крепостничество
Виацэ	— жизнь, существование
Виг	— рулон, кусок
Вие	— виноградник
Викупление, выкупление	— купля, приобретение путем купли
Винен	— должен, обязан
Вислужание, выслужа-ние	— наследственная земельная собственность, полученная вассалом за верную службу господарю-сюзерену
Вистерие	— казна, казначейство
Вистерник	— 1) придворный боярский чин; 2) казначей
Вистерничел	— малый казначей
Витязь	— храбрый
Владыка	— одно из названий архиерея
Водэ, вода	— воевода, князь (титул молдавских и валашских господарей)
Воли	— волы
Воли за купцех	— откормленные волы, готовые для продажи
Волоский	— 1) молдавский; 2) валашский
Волохи, волохове	— 1) валахи; 2) молдаване
Волочение дивки	— умыкание девушки в качестве невесты
Ворник	— придворный боярский чин
Вредникъ, оуредникъ, оурядникъ	— урядник
Врэжмаш	— неприятель, враг
Вырстате	— ткацкий станок
Выртельня дэ	— мотовило

Вышереченный	— вышеназванный, вышеупомянутый
Вэтуй	— годовалый козленок
Галбен	— дукат, золотой, денежная единица
Галбенаш	— 1) монета; 2) сборщик «галбенов» — золотых дукатов
Гетман	— командующий вооруженными силами Молдавии
Гирло, гръло, гырла (мн. гырле)	— устье реки
Глав	— голова
Глейтованный лист	— льготная таможенная грамота
Глейтовати	— давать разрешение на проезд
Глейть	— то же, что и лист глейтованный, грамота на право проезда
Глоба (глоабэ)	— штраф, взыскиваемый с податного населения, как правило, по обвинению в наиболее крупных уголовных преступлениях, которыми считались: душегубство, умыкание девушки, «ссора торговская» и татьба с поличным. Все указанные преступления подводились под понятие «великое дело».
Глобник (мн. глобници)	— сборщик штрафов — глоб
Година	— 1) время, пора; 2) год
Годувля	— обеспечение; удовлетворение
Големый	— великий
Горници	— гончарные изделия
Горщина, гоштинэ	— налог с овец и свиней
Горщинар, гоштинар	— сборщик налога с овец и свиней — «горщины»
Господарь	— 1) господарь, правитель, князь; 2) хозяин
Град	— город
Граждиу	— конюшня, стойло
Граматик	— писарь
Грош, грошицы, хроши	— монета, деньги
Грумаз	— шея, затылок, загривок
Грэдинэ	— сад
Гуменник, гуменникъ	— 1) придворный боярский чин; 2) надзиратель над княжескими гумнами, токами
Дабилэ (мн. дабиле)	— подать, побор
Дабилар	— сборщик податей, поборов — «дабил»
Дадох, додохмо	— дали
Даждие	— дань, побор
Дажднер	— сборщик дани — «даждин»
Даждия калулуй	— налог с конского поголовья
Дажник	— облагаемый налогом, налогоплательщик
Дамаска	— ткань
Дань	— 1) подать, побор, налог; 2) контрибуция
Дарабаны, драбаны	— пехотинцы из личной гвардии господаря
Да слушае	— пусть подчиняется, тянет

Дворникъ, дворник (вор- ник)	1) дворецкий, управляющий двором молдавского господаря, в отдельных случаях выполнял и другие поручения; 2) наместник, губернатор
Деди, дедини	— лично свободные крестьяне-общинники в Валахии, зависимые непосредственно от государства
Де маре липсэ ши фоаме	— из-за великой нужды и голода
Де нимене	— никем
Деревяном соудином	— деревянная посуда
Дескэлекаре	— легендарное основание Молдавского государства выходцами из Марамуреша (северо-восточные районы Трансильвании)
Десырг	— быстро, сейчас же, немедленно
Десятина	— оброк, налог
Десятник (мн. десятиници)	— сборщик десятины
Де фоме	— из-за голода
Джелеп	— поставщик скота на убой, прасол
Диван	— боярская дума, совет-рада при господаре
Дижма, дижмэ	— десятина, оброк, налог
Дижмуитор	— 1) сборщик десятины, дижмы; 2) перен. грабитель
Динар	— монета
Дин мынэ ын мынэ	— из рук в руки
Днес, днесь	— ныне, теперь, сейчас
Довидати	— преследовать; узнавать
До живота	— пожизненно, до конца жизни
Домн	— 1) господин, сударь; 2) господарь, князь, правитель, глава государства
Домнеск	— княжеский, господарский
Домние	— 1) княжение, правление, царствование; 2) владычество, господство
Древеса	— деревья
Друм	— дорога, путь
Дръжава, дръжава, дер- жава	— уезд, волость
Дукат	— монета
Духовник	— священник, который принимает исповедь (по отношению к исповедуемому лицу)
Душегубина	— штраф по обвинению в убийстве
Душегубинар	— сборщик «душегубины», штрафа за действительное или мнимое убийство
Душегубство, душегоуб- ство	— убийство
Душман	— враг, неприятель, противник
Дым	— 1) жилой дом, хозяйство; 2) единица обложения
Дял	— гора, возвышенность
Егда	— когда
Едеже	— где
Една	— одна

Едно	— одно
Елико	— сколько
Ерау	— были, являлись
Ереде	— наследник
Ередитате	— 1) наследство; 2) наследование, право на наследство
Жадного (ядного) при- месу	— никакого вмешательства
Жадной	— никакой
Жерствило	— шерстепрядильное предприятие
Жиребие, жребие	— 1) жребий, длинная узкая полоса земли; 2) незначительное крестьянское земельное владение; 3) надел
Житница	— 1) амбар, помещение для хранения обмолоченного зерна; 2) богатая хлебородная область, снабжающая хлебом другие местности
Житничар, житничер	— придворный боярский чин, боярин — дворецкий, ведавший княжескими закромами
Жолд	— 1) жалованье, плата; 2) крестьянская повинность
Жолдунар	— сборщик «жолда»
Жоупанъ, жупан, жюпан	— пан, боярин
Жуг	— ярмо
Жуде	— 1) глава (староста) сельской общины; 2) судья
Жупаница	— жена пана, боярыня
Забава	— помеха, препятствие
Заборонено	— запрещено
Заборонити	— запретить
Завязка	— судебный штраф
Загинет	— исчезнет, пропадет
Задушие	— 1) вкладная грамота; 2) вклад «на помин души»
Заложаг, зэлог	— залог, заклад
Запис	— запись, акт, то же, что лист, письмо делового характера
Зело	— весьма, очень
Земляне	— 1) царане, крестьяне-земледельцы; 2) туземцы, местные жители
Злотъ (злати, злоты)	— злот, монета
Злоташ	— сборщик злотов
Зрада	— измена, предательство
Зустали	— проиграли тяжбу, оказались побежденными, отступили
Зычно	— громко, звучно, сильно, крепко
Иаз	— пруд, водоем
Иде же	— где же
Избирет	— придется, причитается
Изгублены	— потеряны, пропали
Иземъ	— запрет, запрещение
Изискъ	— доход, прибыль

Илиш	— 1) подать, побор; 2) крестьянская повинность
Илишар	— сборщик подати — «илиша»
Имовит	— имущий, богатый
Иншим	— другим
Инший	— другой
Ислаз	— выгон, пастбище
Исписокъ, исписок	— запись, письмо делового характера
Исправник	— 1) префект, управляющий уездом; 2) уполномоченный
Истегать	— взыскать, взимать
Истов	— окончательно
Иобаг	— крепостной
Иобажий ноштръ сэрачъ	— наши бедные крепостные
Иобажие	— крепостничество
Иобажине	— крепостные
Иобажист	— крепостник
Кажут	— говорят
Кажите	— скажите, передайте
Казали	— говорили
Калараш	— всадник, конник
Калугарици	— монахини
Калугери, калугари	— монахи
Камараш, кэмэраш	— придворный боярский чин, ключник, кладовщик
Камарашул де дулчеце	— придворный кондитер
Камень	— весовая единица, равная 32 литовским фунтам
Камэтэ	— ростовничество; а да бань ку камэтэ — давать деньги в рост
Кантарь, контарь, кын- тарь	— весовая единица; весы
Карте	— книга; грамота
Касэ	— дом, здание, строение
Катастих (катастиф) от вистиар	— писцовая книга казначейства, реестр казначейства, книга для записей
Келтовати	— расходовать
Келтуялэ	— издержки, расход
Кет, кыт	— сколько, пока
Кир	— господин, это слово обычно ставилось перед титулом представителей высшего духовенства
Кирныця	— колодец
Клака	— 1) барщина; бесплатный, даровой труд; 2) работа миром
Клучар, ключник, клю- чар	— придворный служитель, заведовавший продовольственными запасами господарского дворца и имевший при себе ключи от мест их хранения
Кнезь, кнез	— 1) глава сельской общины; судья, как и жуде и ватаман; 2) князь
Кожухари	— кожушники
Коли	— когда
Колко	— сколько

Колода	— мера сыпучих тел, равная 4 ведрам, или 532 польским фунтам
Команы, куманы	— половцы
Комати	— пожитки, имущество
Комис	— придворный боярский чин, придворная должность главного конюшего, конюший
Комусь	— кому-либо
Конэкар	— господарский слуга, организатор постоянных дворов, почтовых станций, привалов и т. п.
Копак	— дерево
Копил	— ребенок, дитя
Корысть	— выгода, нажива, доход
Крави	— коровы
Крави сытнии	— откормленные коровы
Краль	— король
Крамэ	— 1) винный погреб; 2) винодельня
Кривда	— обида, несправедливость
Кумнат	— шурин
Купар	— придворный боярский чин, погребщик, лицо, ведавшее дворцовыми погребями, виночерпий и дегустатор вина
Купежъ, купление	— купля
Купно	— вместе
Куть	— часть села, хутор
Курте	— 1) двор; 2) дворец; 3) придворный штат
Куртян	— дворянин, придворный
Куртяне	— дворяне; придворные
Ку сыла	— силой, насильно
Кутулу	— поселок, приселок, хутор
Кымп	— поле, нива, пашня
Кэлугаре, калугаре	— монах
Кэмарэ	— кладовая, каморка (чулан)
Лапте	— молоко
Лев, леу	— денежная единица, монета
Лей	— монета, денежная единица
Леоаш	— сборщик лей (от податного населения) в пользу государства
Лист	— грамота, письмо делового характера, документ
Лист господства ми	— господарская грамота, письмо
Лише	— только
Лишите	— оставьте
Логофет	— высшее должностное лицо, возглавлявшее господарскую канцелярию; глава молдавской господарской канцелярии
Лок	— 1) место, пространство; 2) земля, участок земли
Локоть	— линейная мера, равная 8 ладоням, или около 0,5 метра
Локунтор	— житель, обитатель
Лэтураш	— 1) прилегающий, смежный, сосед по имени; 2) крестьянин, освобожденный от налогов

Ляская земля	— Польша
Мажа	— 1) единица веса; 2) возок
Маис	— хлебное растение, кукуруза
Малое дело	— обычное преступление
Малое мыто	— транзитная или проезжая пошлина
Мартор	— свидетель
Мартурия	— свидетельство, показание
Мартурисати	— свидетельствовать
Межиаш, межиеш	— сосед, соседний, смежный
Меченосец	— придворный боярский чин; вассал — слуга господаря, носивший за ним его меч
Мештер	— мастер
Миел, мел	— ягненок, барашек
Миерцэ	— мера емкости
Мириште	— жнивье
Мистичь	— горожанин, городской житель
Мисто, место	— город
Митникъ, мытник	— сборщик торговых и проезжих пошлин — «мытов»
Мишей, мишей	— чернь
Млин	— мельница
Моарэ	— мельница
Моунтянский	— валашский
Мохор	— щетинник (растение)
Моцен	— мощный, сильный
Мош	— 1) дедина; 2) дед, дедушка
Мошие	— дедина, имение
Мошинаш	— 1) резеш; 2) мелкий землевладелец, крестьянин; 3) то же, что и мошнян; 4) наследник
Мошнян	— мелкий землевладелец, крестьянин (в Валахии)
Моштенире	— 1) наследство, наследие; 2) переход по наследству, унаследование
Моштенитор	— наследник
Мужик	— крестьянин
Мыт, мыто	— общее название торговых и проезжих пошлин
Мэмэлигэ	— мамалыга (крутая каша из кукурузной муки)
Мэртурисеск	— свидетельствую
Наредение, нарядение	— грамота, акт, документ
Наречен	— назван, прозван
Наследници	— то же, что деди, дедины, крестьяне-общинники (в Валахии)
Невое	— нужда, недостаток
Негустор	— купец
Непот	— 1) племянник; 2) внук
Неимовит	— неимущий, убогий, бедный
Непутинчос	— неимущий
Николи	— никогда
Ничта	— ничего
Оаие, оае	— овца

Оамень сэрачь	— бедные люди
Обичеул пэмынтулуй	— обычай земли, обычное право
Оборок	— оброк
Образи	— лица, особы, личности
Ож, оже	— вот
Оживати	— колонизовать, осваивать
Олак	— ямская и почтово-курьерская повинность
Олакар	— 1) господарский слуга, организатор ямского транспорта и почтово-курьерской службы для нужд государства; 2) го- нец, нарочный, курьер
Окол	— округа, городская округа
Околни	— соседние, окружающие
Опинчь	— лапти из сыромятной кожи
Орали	— пахали
Орати	— пахать
Орб	— слепой
Орт	— монета, денежная единица
Орташ	— сборщик «ортов», денег в господарскую казну
Орэшеан	— горожанин, городской житель
Осадить	— основать, построить
Ослух	— штраф за «ослушание» и невыполнение господарских приказов и распоряжений
Ослухарь (мн. ослухари)	— сборщик штрафа — «ослуха»
Отворено	— свободно, открыто, доступно
Отнина, отчина, отъчына, очина, очинэ	— вотчина
Оубоги люди	— убогие люди, бедные люди, неимущие люди
Оурикъ, оурик, урик (хрисовул)	— жалованная грамота
Оуоставництво	— уставная грамота
Пак	— также
Панъ, пан	— боярин
Панове радни	— думные бояре, бояре члены господарского совета — рады
Пара	— монета
Парале	— деньги
Пармак	— 1) палец; 2) перен. незначительный земельный участок величиной с палец; 3) дюйм
Пармакарий	— владелец незначительного земельного участка — «пармака»
Патримониу	— 1) родовое имение, вотчина; 2) достояние
Патроник	— денежная единица, монета
Пахарник, пѣхърник	— придворный боярский чин, то же, что чашник, кравчий, боярин, услуживавший господарю за столом
Пахарничел, пѣхърничел	— малый чашник (второй и третий чашники)

Паша	— титул высших военных и гражданских сановников в султанской Турции
Пейк	— господарский придворный служитель
Перевоз	— сбор с податного населения за пользование переправой через реку
Перерубци	— господарские слуги, которые заставляли податное население Молдавии работать на строительстве городов-посадов, господарских дворцов, мельниц и т. д. Название «перерубци» происходит от слова «рубить» в значении строить
Пиастр	— монета, денежная единица
Пивницэ	— погреб, подвал
Пивничар, пивничер	— придворный боярский чин; заведующий винными и пивными погребами
Пинези (пенези)	— деньги
Питает	— спрашивает, обращается
Питар, питарь	— 1) придворный боярский чин; 2) булочник
Питэ	— хлеб
Плав	— паром
Платно	— полотно, ткань
Племене	— родственники
Плугар	— хлебопашец, земледелец, пахарь
Плугэрие	— хлебопашество, земледелие
Плужное железо	— лемех
Плоскар	— фляжник
Побигл	— бежал
Поворозь	— веревка
Погон	— мера поверхности, равная 5012 м ²
Подвода	— гужевая повинность
Подводар	— господарский слуга, организатор гужевого транспорта на нужды государства
Поклисарь	— посол
Покова, поколь	— пока, до тех пор пока
Пом	— дерево
Помет	— 1) фрукты; 2) фруктовый сад
Пометал	— бросил, метнул, кинул
Порта	— правительство Османской империи, правительство султанской Турции
Портар	— воротник, привратник
Посад	— 1) торгово-промышленная часть города, расположенная вне городской крепостной стены; предместье, окраина города; 2) повинность ходить на строительство города-посада
Поставъ	— сукно
Постелникъ, постельник (постельничий)	— придворная боярская должность, слуга-камердинер, ведавший покоем господаря, его камерой, спальней
Похилил	— приклонил, наклонил
Пражина	— жердь длиной около 2,5 метра, служившая для измерения земли
Пре	— препирательство, тяжба

Пред	-- перед
Предреченный	-- вышеназванный, вышеупомянутый
Привиллие (привилей)	— жалованная льготная грамота
Придавати	— жаловать, дарить
При животе	— при жизни
Прииде, приидоша	— пришел
Прикуткы	— приселки, хутора
Припаде	— досталось
Припас	— штраф за действительные или мнимые поправки, совершенные крестьянским прибудившимся скотом
Припашар	— сборщик штрафа — «припаса» и прибудившегося скота
Присакэ	— пчельник, пасека
Присиловал	— насильно, помимо воли
Прислухает	— принадлежит, относится, прилегает
Причинэ де жудек	— судебное определение
Промеж	-- между
Пропрриетате	— собственность
Прост	— простой, забытый, глупый
Пынзэ	— полотно, холст, холстина
Пырво	-- раньше, прежде, ранее, до сих пор
Пыргар	— член городского совета
Пыркалаб, пыркэлаб	— 1) посадник, наместник, губернатор, верховный военный и гражданский правитель волости; 2) сборщик налогов и податей
Пырлог	-- 1) перелог, поле под паром; 2) заросли, густой кустарник
Пырэ	— 1) тяжба; 2) жалоба
Пэдуре	— лес
Пэмынт	-- земля
Рада	— совет; совещательный орган, состоявший из крупнейших бояр и высших сановников
Радные бояре	— думные бояре, члены боярского совета при государе
Радци	— члены совета, рады
Радци тръговские	— члены городского совета, то же, что пыргаре
Рэзеш	— резеш, лично свободный крестьянин-общинник, зависимый непосредственно от государства
Рэзешие	-- небольшое крестьянское земельное владение; участок земли, принадлежавший крестьянину-общиннику резешу
Рэзешиме	— мелкие землевладельцы, крестьяне-общинники резеши
Рекомый	— называемый, именуемый
Рекуще	— говоря
Робие	— рабство
Робити	— работать
Румын	— 1) румын; 2) крепостной
Румыние	-- крепостничество

Рупташ	— полович, сын священника; человек, происходящий из духовного звания
Руптэ	— подать, налог, вносимые по четвертям года
Салтан, султан	— титул главы правительства Османской империи, Порты
Сапэ	— цапка-мотыга
Сат	— село, деревня
Сердар, сардар	— главнокомандующий вооруженных сил султанской военно-феодальной Турции
Свада, свадэ, сфадэ	— ссора, перебранка, раздор, спор
Свада торговская	— площадная брань, ссора на торгу, рынке, базаре
Сваритися	— ссориться
Секули	— трансильванские саксы
Селище	— 1) населенный пункт; 2) пункт, покинутый жителями
Семиградье	— Трансильвания, то же, что Ардял
Сеножати, сеножать	— сенокосы, луга, сенокосное угодье
Сирак, сэрак	— бедняк, убогий
Сиромакъ, сиромахъ	— бедняк, неимущий
Скриу (мн. скрием)	— пишу
Скутельник	— крестьянин, свободный от налогов
Сладница	— пивная, пивоваренное предприятие
Слид	— след
Слид злодийский (след злодея)	— «гонение следа», обычай разыскивать преступника, идя по его следу
Слидогонци	— те, кто шли по следу преступника в поисках его
Слобозия	— жалованная льготная грамота
Словеса непотребные	— сквернословие
Словоположитель	— см. логофет
Слуга	— 1) вассал; 2) подданный; 3) холоп; 4) домашняя прислуга, слуга
Служиторий курций	— придворные служители
Содош	— резеш
Сокотитор	— исправник, учетчик-надсмотрщик
Соудци	— судьи
Спатар, спътарь, спатарь	— меченосец
Спатарел	— малый меченосец
Стэпынире рэзешаскэ	— резешское владение
Стэпынитор	— 1) владелец, собственник, хозяин; 2) правитель; 3) господствующий, правящий
Став, ставъ	— пруд, водоем
Стольник, стольникъ	— придворный боярский чин, член государственного совета
Стрэнепот	— правнук
Ступа (що сукно опихаеть)	— мельница-сукновальня, сукновальное предприятие
Стылп	— столб
Стылповать	— размежевать, расставить межевые знаки — столбы

Стэпын	— 1) хозяин, владелец; 2) властитель, повелитель, господин
Стэпинире	— 1) владение; 2) правление, власть; 3) господство, владычество
Сувейкэ	— челнок
Судець, съудия	— судья
Судина	— посудина
Сулджар (великий)	— придворный боярин — надзиратель за мясниками и лицо, следившее (при помощи обычных (малых) сулджаров) за выполнением госмясопоставки
Сулджину	— мясопоставка государству
Сфат, сват	— совет, орган управления
Съродствие	— родня, родство
Сыла	— сила
Сыржицэ	— смесь пшеницы и ржи
Сэлаш	— челядь, холопское семейство
Сэтян	— селянин, сельский житель, крестьянин
Таки ж	— также
Такожде, такождере	— также
Талер	— монета, денежная единица
Талераш	— сборщик денежных взносов в пользу государства — «талеров»
Таркан, тарканство	— льгота, жалованная льготная грамота
Татба, татьба	— воровство, кража, хищение
Теаск	— пресс
Тебенка	— шелковая ткань
Тельци	— телята
Тенёты	— сети для ловли зверей
Тиж	— также
Товар	— 1) скот; 2) имущество; 3) предметы купли-продажи
Торговская царина	— городская пашня, нива
Токмеж	— сделка, обоюдное согласие
Толоакэ, толока	— 1) паровое поле, отведенное под пастбище; 2) общинный выгон для скота
Торг	— рынок, торговая площадь
Тот	— весь, вся, всё
Тот народул невоеш	— весь неимущий народ
Тоти	— те
Третьина	— третья часть штрафа (пошлины), шедшая в господарскую казну
Трибут	— 1) дань, подать, налог; 2) контрибуция, дань в пользу султанской Турции
Тырг	— 1) базар, рынок, ярмарка; 2) сделка; 3) торг; 4) местечко, город
Тырговец	— горожанин, городской житель
Тягались	— судились
Тягнути	— тягло
Тяжары	— тяготы, трудности
Убогий	— бедный, бедняк, крайне бедный, находящийся в нужде, нищий
Уволочити (девку)	— умыкать, похищать невесту, одна из форм заключения брака

Уги	— монеты, деньги
Узможет	— сумеет, сможет
Узрите	— увидите
Уиум	— натуральная плата за помол зерна
Уйка	— 1) дядя по матери; 2) предок
Унт	— масло (животное, растительное)
Урбарий	— феодальный закон, регулирующий производство и другие отношения между землевладельцами и крестьянами
Урзеалэ	— основа (продольные нити, идущие параллельно вдоль ткани)
Урикар	— писец, дьяк
Уставничество	— уставная жалованная грамота
Фалча	— мера поверхности, равная 14 322 м ²
Фанариоты	— богатые и знатные греки, проживавшие преимущественно в Фанаре (квартал Константинополя), где имел местопребывание греческий патриарх
Ферые	— судебный штраф, то же, что завязка
Фирман	— письменный указ султана
Флорин	— монета, денежная единица
Флэмынд	— голодный, изголодавшийся
Фоаме	— голод
Фоамете	— голод (как массовое бедствие)
Фурка де торс ши фусул	— прялка и веретено
Фынац	— сенокос, луг, сенокосное угодье
Фэрэ обороаче	— без оброков
Фэрэ де сорок	— бессрочно, без всяких ограничений
Хайдук (гайдук)	— повстанец-партизан
Харач, харадж	— дань, выплачиваемая Молдавией и Валахией султанской Турции
Харсь	— шерстяная ткань
Хатман, хетман	— гетман, боярин, командовавший вооруженными силами Молдавии
Хелештеу	— озеро, пруд, водоем
Хижа	— хижина, хата, изба
Хитланство, хитлянство	— измена, предательство
Холтеюл	— холостяк
Хорницы	— гончарные изделия
Хотар	— граница, рубеж, межа
Хрисов, хрисовул	— грамота
Хтитор, ктитор	— основатель, создатель, основоположник
Хынсар	— гусар
Хэрман	— ток, гумно
Царане	— крестьяне, земледельцы
Царинэ	— пашня, нива
Царская дань	— дань в пользу султанской Турции
Царэ	— страна, государство, край
Ценован	— оцененный
Цинут, цынут	— уезд, территориальный округ
Цушка	— порода овец
Чашник	— придворный боярский чин, боярин, служивший господарю за столом, дегустатор вина, придворный виночерпий

Челядь	— семья холопов, семейство холопов
Чибогe	— 1) сапоги; 2) штраф в пользу господарских слуг за износ ими сапог во время многократных посещений крестьянских изб с целью взимания с крестьян различных налогов и поборов
Числэ	— распределение подворного налога
Шатарь	— придворный боярский чин
Шерб	— 1) крепостной; 2) раб, невольник
Шербие	— 1) крепостничество, крепостное состояние; 2) рабство
Шербире	— 1) закрепощение, закабаление; 2) порабощение
Ши аша с'а истовит гот	— и так было узурпировано все село
сатул	
Ши	— и
Шкиоп, шкьоп	— хромой
Шкода, ишкода	— вред, убыток, урон
Шляхетство	— дворянство
Шляхта	— мелкопоместное дворянство
Шолтуз	— мэр города, городской голова, бургомистр, примар, префект
Што	— что
Що	— что
Экстирпатор	— сельскохозяйственное орудие, предназначенное для разрыхления почвы и удаления сорных растений; вид культиватора, употреблявшегося для глубокого рыхления почвы
Язь, язер, язеро	— озеро, пруд, водоем
Яловица	— 1) яловая корова или еще не телившаяся телка; 2) поставка ялового скота государству на убой
Яходи	— ягоды

* *
*

Ad litteram	— буквально, в буквальном смысле слова
Ager publicus	— общинное поле
A introdus	— ввел
A legiuit	— узаконил
Boerime	— боярство
Civitate vestra	— ваши города
Coloni	— колонисты
Curtis	— двор
Glebae adscripti	— прикрепленный к земле, закрепощен, крепостной
Grundherr	— господин
Heréditas	— наследство
Iobagiones	— крепостные
Moşie	— дедина, имение
Moşie de moştenire	— наследственное имение

Moşneni	— мошняны, лично свободные крестьяне в Валахии
Nobilime	— дворянство, дворяне, знать
Patrimonia	— отнина, вотчина
Reszes	— резеш
Rumîn	— 1) румын; 2) крепостной
Rycerz, ritter	— рыцарь
Scutum	— льгота
Seigneur	— сеньор, сударь, господин
Serf	— крепостной
Servus	— 1) крепостной; 2) раб
Serb	— крепостной
Terra	— земля
Vecin, vicinus	— 1) сосед; 2) крепостной
Vicini, Villani	— соседи
Vicus	— деревня.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К.*, Нищета философии, Соч., т. V, стр. 364.
- Маркс К.*, Эвакуация Придунайских княжеств, Соч., т. X, стр. 99.
- Маркс К.*, Капитал, Соч., т. XVII, стр. 260, 366.
- Маркс К.*, Письмо к Ф. Энгельсу от 30 октября 1856 г., Соч., т. XXII, стр. 161.
- Маркс К.*, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940.
- Маркс К.*, Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. XVII, М., 1940, стр. 346.
- Маркс К.*, Британское владычество в Индии, Избранные произведения, т. I, М., 1948, стр. 306.
- Маркс К.*, Капитал, тт. I, III, М., 1951; т. I, стр. 242, 242—243; т. III, стр. 607, 623, 816.
- Маркс К.*, К критике политической экономии, М., 1952.
- Энгельс Ф.*, Крестьянская война в Германии, Соч., т. VIII, стр. 125, 126, 128—129.
- Энгельс Ф.*, Марка, Соч., т. XV, стр. 639.
- Энгельс Ф.*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 146.
- Энгельс Ф.*, К истории прусского крестьянства, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 243.
- Энгельс Ф.*, Франкский период, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 392.
- Энгельс Ф.*, Об общественных отношениях в России, Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 141.
- Энгельс Ф.*, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 299.
- Энгельс Ф.*, Письмо к К. Шмидту от 27 октября 1890 г., Избранные произведения, т. II, М., 1948, стр. 473.
- Ленин В. И.*, От какого наследства мы отказываемся? Соч., т. 2, стр. 498—499.
- Ленин В. И.*, Развитие капитализма в России, Соч., т. 3, стр. 159, 285—286, 329.
- Ленин В. И.*, Партийная организация и партийная литература, Соч., т. 10, стр. 30.
- Ленин В. И.*, Аграрный вопрос в России к концу XIX века, Соч., т. 15, стр. 60.
- Ленин В. И.*, Марксизм и реформизм, Соч., т. 19, стр. 334.
- Ленин В. И.*, Капитализм и печать, Соч., т. 20, стр. 143.

II. ИСТОЧНИКИ

1) НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

- Государственная библиотека им. В. И. Ленина, М 1733 (ГБЛ, М 1733).
- Государственный Исторический Музей (Собрание Уварова, древне-молдавские грамоты), картон 41/23 (ГИМ, Собрание Уварова, карт. 41/23).
- Центральный Государственный Архив Древних Актов, фонд 68 (ЦГАДА, ф. 68).
- Центральный Государственный Архив Молдавской Советской Социалистической Республики, фонд 220 (ЦГА МССР, ф. 220).

2) ОПУБЛИКОВАННЫЕ

а) На русском языке

- Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией, тт. I—V, СПб., 1846—1853.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической Комиссией, тт. I—XV, СПб., 1861—1892.
- Арменопуло К.*, Шестикнижие, Одесса, 1908.
- Артемьев А.*, Списки населенных мест Российской империи. Бессарабская область, СПб., 1861.
- Алеппский Павел*, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, вып. I, М., 1896.
- Алеппский Павел*, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию, вып. II, М., 1897.
- Алеппский Павел*, Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке (извлечения), СПб., 1898.
- Архив Юго-Западной России, издаваемый временной Комиссией для разбора древних актов, учрежденной при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе, тт. I—VIII, чч. 1—8, Киев, 1859—1914.
- Боплан Гильём Левассер*, Описание Украины, СПб., 1832.
- Броневский Мартин*, Описание Крыма, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. VI, Одесса, 1867.
- Величко С.*, Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, тт. I—III, Киев, 1848—1864.
- Венелин Ю. И.*, Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, СПб., 1840.
- Гирс А. А.*, Россия и Ближний Восток. Материалы по истории наших сношений с Турцией, СПб., 1906.
- Головацкий Я. Ф.*, Грамоты угро-влахийские и молдавские (XV—XVI века). Летопись занятий Археографической Комиссии (1865—1866), СПб., 1868.
- Гроссман С. М.*, Местные законы Бессарабии, СПб., 1905.
- Донич А.*, Краткое содержание законов, извлеченных из царских книг, Кишинев, 1831.
- Егунов А. Н.*, Местные гражданские законы Бессарабии, изд. 2-е, СПб., 1881.

- Егунов А. Н.*, Записки Бессарабского статистического комитета, т. III, Кишинев, 1898.
- Ермолинский К.*, Сборник статистических сведений по Хотинскому уезду, М., 1886.
- Кантемир Д.*, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1789.
- Карпов Н.*, Краткое историческое обозрение Молдавии, М., 1786.
- Котошихин Г.*, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 4-е, СПб., 1906.
- Липранди И. П.*, Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди, «Русский вестник», кн. 10, М., 1866.
- Лукьянов И.*, Путешествие в святую землю, «Русский архив», 1863, № 1—6.
- Ляскоронский В. Г.*, Гильём Левассер де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России, Киев, 1901.
- Материалы для истории Южнорусского края, Одесса, 1886.
- Материалы для оценки земель Херсонской губернии, т. IV, Тираспольский уезд, Херсон, 1889.
- «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. I (XVI ст.), Киев, 1890.
- «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. 2 (первая половина XVII ст.), Киев, 1896.
- Мурзакевич Н. Н.*, Молдо-влахийские грамоты, хранящиеся в Бессарабии, «Записки Одесского Общества Истории и Древностей», тт. II—V, Одесса, 1848—1863.
- Памятники новой русской истории, т. I, СПб., 1871.
- Полное собрание русских летописей (издание Археографической Комиссии): т. I, вып. I (Лаврентьевская), Л., 1926; т. I, вып. II (Лаврентьевская), Л., 1927; т. II (Ипатьевская), СПб., 1908; т. VII (Воскресенская), СПб., 1856; т. X (Никоновская), СПб., 1862; т. XV (Тверская), СПб., 1863; т. XXI (Степенная книга, ч. I), СПб., 1908; т. XXV (Московский летописный свод конца XV века), М.—Л., 1949; Новгородская I летопись, СПб., 1888; Софийская I летопись, Л., 1925; Псковские летописи, вып. I, изд. А. Н. Насонов, М.—Л., 1941; Новгородские летописи, II и IV летописи, СПб., 1879.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) (Собрание первое): т. XXXII (1812—1814), № 25522; т. XXXIII (1815—1816), № 25942; т. XXXIV (1818), № 27122; т. XXXV (1818), №№ 27357, 36673; т. XXXVI (1819), № 28054; т. XXXVIII (1822—1823), № 29579; (Собрание второе): т. I (1825—1827), №№ 340, 444, 592; т. II (1828), № 1521; т. III (1828), № 2237, т. V (1830), № 3775; т. VII (1832), №№ 5394, 5448; т. IX (1834), № 6739; т. XV (1840), № 13411; т. XXI (1846), №№ 19881, 29849а; т. XXII (1847), № 20987; т. XXIV (1849), № 23578.
- Постановление пунктов об обязанных поселянах, Кишинев, 1819.
- Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет, т. I, М., 1840.
- Ржига В. Ф.*, И. С. Пересветов — публицист XVI века (с приложением сборника его сочинений), М., 1908.
- «Русская историческая библиотека», т. XXX, Юрьев, 1914.

«Русский вестник», т. XVI, СПб., 1895.

Руссов А. А., Русские тракты в конце XVII и в начале XVIII веков и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия, Киев, 1876.

«Сборник Русского Исторического Общества», т. 35, СПб., 1882.

Семенов Д. П., Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России, СПб., 1904.

Соколов Е. И., Библиотека Императорского Общества Истории и Древностей Российских. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 годы включительно, выпуск второй, М., 1904.

Строев П. М., Библиотека Императорского Общества Истории и Древностей Российских. Описание рукописей и бумаг, поступивших до 1845 года включительно, выпуск первый, М., 1845.

Сырку П. А., Из переписки румынских воевод с Сибинским и Брашовским магистратами (тексты 28 славянских документов валахского происхождения XV—XVII веков, городских архивов Сибины, Брашова и Брюкентальского музея в Сибине), СПб., 1906.

Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 годы), М., 1954.

Толстой П. А., Состояние народа турецкого в 1703 году, Симферополь, 1914.

Тройницкий А., Крепостное население в России по 10-й народной переписи, СПб., 1861.

«Труды Бессарабской Губернской Ученой Архивной Комиссии», тт. I—III, Кишинев, 1900—1907.

«Труды Бессарабского Церковного Историко-Археологического Общества», вып. VII (юбилейный, 1812—1912), Кишинев, 1912.

«Труды Херсонского губернского статистического комитета», т. II, вып. I, Херсон, 1866.

Уляницкий В. А., Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI веках, М., 1887.

Яцимирский А. И., Сказание вкратце о молдавских господарях в Воскресенской летописи, СПб., 1901.

Яцимирский А. И., Славянские и русские рукописи румынских библиотек (Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. XXIX), СПб., 1905.

Яцимирский А. И., Из истории славянской проповеди в Молдавии (памятники древней письменности и искусства, тексты), СПб., 1906.

Яцимирский А. И., Дарственные, жалованные, льготные и подтвердительные грамоты молдавских господарей XV века (Сборник «Древности» — Труды славянской комиссии императорского Московского общества, т. IV, вып. VII), М., 1907.

Яцимирский А. И., Романский митрополит Макарий и новооткрытая его славяно-молдавская летопись 1541—1551 годов (Ж. М. Н. П., ч. XXI, № 5, май), СПб., 1909.

Яцимирский А. И., Славяно-молдавская летопись монаха Азария (Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. VIII, кн. 4, 1908), СПб., 1909.

- Andreescu C. I. și Stoide C. A.*, Documente și regeste, vol. I, Iași, 1934.
- Arhiva Societății Științifice și Literare din Iași, anul II, N 1, Iași, 1890.
- Balan T. I.*, Documente bucovinene, vol. I—III, Cernăuți, 1933—1937.
- Beauplan G.*, Description de L'Ukraine..., Paris, 1861.
- Berechet S. G.*, Hrisoave legislative din secolul XVIII, Iași, 1930.
- Boga L. T.*, Documente basarabene, vol. I—XVIII, Chișinău, 1926—1936.
- Bogdan D. P.*, Acte moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, București, 1938.
- Bogdan I.*, Vechile cronicе moldovenești până la Urechia, București, 1891.
- Bogdan I.*, Cronicе inedite atingătoare de istoria românilor, București, 1895.
- Bogdan I.*, Documente moldovenești din sec. XV și XVI în arhivul Brașovului, București, 1905.
- Bogdan I.*, Letopisețul lui Azarie (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, t. XXXI), București, 1909.
- Bogdan I.*, Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. I—II, București, 1913.
- Bogdan I.*, Documente false atribuite lui Ștefan cel Mare, București, 1913.
- Bulat T. G.*, Documentele mănăstirii Varatec, Chișinău, 1939.
- Ciobanu S.*, Documente din Basarabie, Chișinău, 1928.
- Codrescu T.*, Uricarul, vol. I—XXVI, Iași, 1852—1895.
- Costăchescu M.*, Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, vol. I—II, Iași, 1931—1932.
- Costăchescu M.*, Documente moldovenești de la Ștefan cel Mare, Iași, 1933.
- Costăchescu M.*, Documente moldovenești din județul Neamț, „Arhiva Românească”, vol. IV—V, București, 1940.
- Costăchescu, M.*, Documente moldovenești de la Bogdan Vodă (1504—1517), București, 1940.
- Costăchescu M.*, Documente moldovenești de la Ștefăniță Voevod (1517—1527), Iași, 1943.
- Костин Мирон*, Летописецул Цэрий Молдовеи, Ед. М. Когэлничану, Летописецеле Цэрий Молдовеи, тт. I—III, Иаши, 1845—1856.
- Costin Miron*, De neamul moldovenilor, din ce țară au eșit strămoșii lor, Ed. C. Giurescu, București, 1914.
- Costin Miron*, Istorie în versuri polone despre Moldova și Țara-Românească, Ed. P. P. Panaitescu (Analele Academiei Române, Seria III, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. X), București, 1930.
- Costin Miron*, Letopisețul Țării Moldovei, Ed. I. S. Petre, București, 1943.
- Costin Nicolai*, Letopisețul Țării Moldovei, Ed. I. S. Petre, București, 1942.
- Dragomir S.*, Documente nouă privitoare la relațiile Țării Românești cu Sibiul în secolii XV și XVI, București, 1928.
- Furnică D. Z.*, Documente privitoare la comerțul românesc (1473—1868), București, 1931.
- Gorca O.*, Cronica epocii lui Ștefan cel Mare (1457—1499), București, 1937.
- Ghibănescu Gh.*, Surete și izvoade, vol. I—XXV, Iași, 1906—1929.

- Ghibănescu Gh.*, Ispisoace și zapise, vol. I—X, Iași, 1906—1931.
- Giurescu C. C.*, Letopisețul Țării Moldovei până la Aron Vodă (1359—1595) întocmit de Grigore Ureche vornicul și Simion Dascalul, Ed. III, Craiova, 1940.
- Gratiani A. M.*, în E. Legrand, Deux vies de Jacques Basilicos, Paris, 1884.
- Ilașdeu B. P.*, Arhiva istorică a României, vol. I—III, par. 1—2, București, 1865—1867.
- Hurmuzachi E.*, Documente privitoare la istoria românilor, culese de..., vol. I—XXXI, București, 1887—1936.
- Ilarian P.*, Tezauri de monumente, vol. I, București, 1862.
- Ionașcu I.*, Documente inedite din perioada 1517—1774, „Studii”, N 1, București, 1955.
- Ionașcu I., Lazarescu-Ionescu L., Cimpina B., Stănescu E., Prodan D., Roller M.* (redactor responsabil), Documente privind istoria României, vol. I—XXVIII, București, 1951—1957.
- Jorga N.*, Acte și fragmente cu privire la istoria românilor, vol. I—II, București, 1895—1896.
- Jorga N.*, Documente nouă, în mare parte românești relative la Petru Șchiopul și Mihai Viteazul, București, 1899.
- Jorga N.*, Studii și documente cu privire la istoria românilor, vol. I—XXIII, București, 1901—1913.
- Jorga N.*, Scrisori de boieri, București, 1912.
- Jorga N.*, Istoria românilor prin călători, I (până la jumătatea veacului al XVII-lea), București, 1920.
- Jorga N.*, Documente tecucene și bârladene. Din colecția d-lui Jurgea-Negrilești, „Buletinul Comisiei Istorice a României”, vol. IV, București, 1925.
- Jorga N.*, Istoria românilor prin călători, vol. II, Ed. 2, București, 1928.
- Jorga N.*, Anciens documents de droit roumain avec une préface contenant l'histoire din droit coutumier roumain, vol. I, Paris — Bucarest, 1930.
- Когэлничану М.*, Летописецеле Цэрий Молдовей, вол. I—III, Иашн, 1845—1856.
- Kogălniceanu M.*, Cronicele României sau letopisețele Moldovei și Valahiei, vol. I—III, București, 1872—1874.
- „Magazinul istoric pentru Dacia”, vol. I—V, București, 1845—1847.
- Marinescu I.*, Documente basarabene, fâlcene, putnene, etc., „Buletinul Comisiunii Istorice a României”, vol. VII, București, 1928.
- Melchisedec Ep.*, Cronica Hușilor, București, 1869.
- Melchisedec Ep.*, Cronica Romanului, par. 1—2, București, 1874—1875.
- Mihailovici P.*, Documente moldovenești găsite la Constantinopol (1462—1755), Iași, 1933.
- Mihailovici P.*, Opt documente dinainte de Ștefan cel Mare, Iași, 1933.
- Motogna V.*, Două scrisori ale lui Gheorghe Ștefan, „Revista Istorică”, Anul XII, N-le 10—12, 1926.
- Murnu G. și Litzica A.*, Scrieri și documente grecești privitoare la istoria românilor din anii 1592—1837, București, 1914.
- Neculce Ion*, Cronica, vol. I—II, Ed. a 3-a, revăzută, întregită și îngrijită de Al. Procopovici, Craiova, 1942.
- Neculce Ion*, Letopisețul Țării Moldovei și o samă de cuvinte, Ed. de Iorgu Iordan, București, 1959.

- Nicoluescu St.*, Documente slavo-române cu privire la relațiile Țării Românești și Moldovei cu Ardealul în sec. XV—XVI, București, 1905.
- Panaiteescu P. P.*, Călători poloni în Țările Române, București, 1930.
- Panaiteescu P. P.*, Documente privitoare la istoria lui Mihai Viteazul, București, 1936.
- Panaiteescu P. P.*, Documente slavo-române din Sibiu (1470—1653), București, 1938.
- Panaiteescu P. P.*, Grigore Ureche, Letopisețul Țării Moldovei, București, 1956.
- Picot E.*, Chronique de Moldavie depuis le milieu du XIV-e siècle jusqu'à l'an 1594 par Grégoire Urechi, Texte roumaine avec traduction française, notes historiques, tableaux généalogiques, glossaire et table..., vol. I—III, Paris, 1878—1879.
- Poni P.*, Statistica răzășilor, București, 1926.
- Popescu O.*, Câteva documente moldovene, București, 1895.
- „Revista Istorică”, Anul XII, N-le 10—12, Octombrie—Decembrie, 1926.
- „Revista Societății Istorico-Arheologice Bisericești din Chișinău”, vol. XX, Chișinău, 1930.
- Rosetti R.*, Cronica Bohotinului (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. XXVIII), București, 1906.
- Rosetti R.*, Cronica Bohotinului (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. XXIX), București, 1907.
- Sava A. V.*, Documente privitoare la târgul și ținutul Lapușnei, București, 1937.
- Sava A. V.*, Documente privitoare la târgul și ținutul Orheiului, București, 1944.
- Sion G. A.*, Carte românească de învățătură de la pravilile împărătești și de la alte giudețe cu zisa și toată cheltuiala a lui Vasile Voievodul și domnul Țării Moldovei, din multe scripturi tălmăcită din limba ilinească în limba românească, în tipariul domnesc s'au tipărit în mănăstirea a Treisvetitele, în Iași de la Hristos 1646, Botoșani, 1875.
- Solomon C. A. și Stoide C. A.*, Documente tecucene, vol. I—III, Bârlad, 1938—1942.
- Sturdza-Scheianu D. A.*, Acte și legiuri privitoare la chestia țărănească, Seria I. De la Vasile Lupu până la 1866, vol. I, București, 1907.
- Шинкай Г.*, Хроника румынilor ши а май мултор неамурь, vol. I—III, Яшь, 1853.
- Ștefanelli T. V.*, Documente din vechiul ocol al Câmpulungului Moldovenesc, București, 1915.
- Tocilescu G. G.*, 534 documente istorice slavo-române, București, 1931.
- Urechia V. A.*, Codex Bandinus (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. XVI), București, 1895.
- Veress A.*, Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei și Țării Românești, vol. V, București, 1932.
- Vitencu A.*, Vechi documente moldovenești, Cernăuți, 1925.

III. ЛИТЕРАТУРА

1) НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Андрияшев А.*, Очерк истории Волынской земли до конца XIV века, Киев, 1887.
- Антонович В. Б.*, Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I, Киев, 1885.
- Антонович В. Б.*, Исследование о гайдамачестве, Киев, 1876.
- Арсеньев Ю. В.*, Молдавский господарь Стефан-Георгий и его сношения с Москвою, «Русский архив», книга I, М., 1896.
- Афанасьев-Чужбинский А.*, Поездка в Южную Россию, СПб., 1863.
- Багалец Д. И.*, Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры, Киев, 1889.
- Баллас М.*, Виноделие России, ч. V, Южная Россия (Бессарабия, Херсонская, Подольская и Екатеринославская губернии), СПб., 1899.
- Бантыш-Каменский Н.*, Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию, М., 1810.
- Батюшков П. Н.*, Волынь, СПб., 1888.
- Батюшков П. Н.*, Бессарабия. Историческое описание, СПб., 1892.
- Бауро Г.*, Записки повествовательные, землеописательные и политические о княжестве Волоском, СПб., 1791.
- Белинский В. Г.*, Статьи и рецензии, т. II, М., 1948.
- Берг Л. С.*, Бессарабия. Страна—люди—хозяйство, Петроград, 1918.
- Бердзенишвили Н.*, Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII—XVI века), Тбилиси, 1938.
- Березняков Н. В.*, Революционное движение 1848 года в Дунайских княжествах, Кишинев, 1951.
- Березняков Н. В.*, Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848—1849 годах, Кишинев, 1955.
- Бертенсон В. А.*, Бессарабская сельскохозяйственная и промышленная выставка, Одесса, 1889.
- Борецкий-Бергфельд Н. П.*, История Румынии, СПб., 1909.
- Борщ А. Т.*, Молдавская лексикография, Кишинев, 1949.
- Брокгауз и Ефрон* Энциклопедический словарь, тт. XXVI, 51 (XXVI), XXXVII, XXXVII-а, СПб., 1899—1903.
- Будак И. Г.*, Развитие капитализма в сельском хозяйстве Бессарабии в пореформенный период, Кишинев, 1954.
- Быховский Н. Я.*, Экономический кризис в Бессарабии, «Русская мысль», кн. XI, М., 1897.
- Вартичан И. К.*, Язык первой печатной молдавской книги (автореферат), «Ученые записки» Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, т. III, Кишинев, 1950.
- Вельтман А.*, Начертание древней истории Бессарабии, М., 1828.
- Венгржеровский С.*, Авантюра XVI века (эпизод из истории Молдавского княжества), Киев, 1893.
- Вигель Ф. Ф.*, Замечания на нынешнее состояние Бессарабии, СПб., 1823.
- Вигель Ф. Ф.*, Записки, ч. VI, М., 1891, 1892.
- Вигель Ф. Ф.*, Замечания на нынешнее состояние Бессарабии, М., 1892.

- Вигель Ф. Ф.*, Записки о Бессарабии, «Русский архив», 1893, № 1, приложение.
- Владимирский-Буданов М. Ф.*, Крестьянское землевладение в Западной России до половины XVI века, Киев, 1892.
- Головко Л. В.*, Бессарабия и Россия, Бельцы, 1912.
- Голубинский Е.*, Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Влашской, М., 1871.
- Гордлевский В. А.*, Внутреннее состояние Турции во второй половине XVI века («Труды Института востоковедения», Сборник 2-й), М., 1940.
- Горе П. Г.*, Историческая записка об одноклассниках (мазылах), Кишинев, 1908.
- Готье Ю. В.*, Очерк истории землевладения в России, Сергиев-Посад, 1915.
- Греков Б. Д.*, Монастырское хозяйство XVI—XVII веков, Л., 1924.
- Греков Б. Д.*, Главнейшие этапы в истории крепостного права в России, М.—Л., 1940.
- Греков Б. Д.*, Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 1, М., 1952; кн. 2, М., 1954.
- Грекул Ф. А.*, Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века, Кишинев, 1950.
- Грекул Ф. А.*, Феодалы и отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков, Известия АН СССР, Серия истории и философии, т. VIII, № 2, март—апрель, М., 1951.
- Грекул Ф. А.*, Ценное известие о классовой борьбе в феодальной Молдавии («Известия»), №№ 3—4 (11—12) Молдавского филиала АН СССР, Кишинев, 1953.
- Грекул Ф. А.*, Новые ценные данные к вопросу о феодально-крепостнической эксплуатации в Молдавии, ж. «Октябрь», 1955, № 6, Кишинев.
- Гросул Я. С.*, Социально-экономическое развитие Молдавии в первой половине XIX века, «Ученые записки» Кишиневского государственного университета, т. II, Кишинев, 1950.
- Гросул Я. С.*, Крестьяне Бессарабии (1812—1875) (автореферат), Кишинев, 1955.
- Гросул Я. С.*, Крестьяне Бессарабии (1812—1861), Кишинев, 1956.
- Гурий И.*, История Ново-Нямецкого Свято-Вознесенского монастыря, Кишинев, 1911.
- Дараган А.*, Военно-статистическое обозрение Бессарабской области, СПб., 1849.
- Дараган А.*, Бессарабская область, СПб., 1894.
- Дедлов В.*, Вокруг России, СПб., 1895.
- Демидов А.*, Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году, М., 1853.
- Державин Н. С.*, Болгарские колонии в России, София, 1914.
- Дилевская Н. А.*, Румыния, М., 1917.
- Драганов П. Д.*, Бессарабия, Кишинев, 1912.
- Дружинин Н. М.*, Социально-политические взгляды П. Д. Киселева, ж. «Вопросы истории», 1946, № 2—3.
- Дьяконов М.*, Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII века), СПб., 1898.

Егунов А. Н., Бессарабская губерния в 1870—1875 годах, Кишинев, 1878, 1879.

Ермуратский В. Н., Общественно-политические взгляды Дмитрия Кантемира, Кишинев, 1955.

Ефименко А. Я., История украинского народа, СПб., 1906.

Жадовский П., Молдавия и Валахия в современности, СПб., 1856.

Загоскин Н. П., Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648—1649 годов, Казань, 1879.

Защук А. И., Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область, ч. 1—2, СПб., 1862.

Защук А. И., Этнография Бессарабской области («Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. V), Одесса, 1863.

Заблоцкий-Десятковский А. П., Граф П. Д. Киселев и его время, тт. I—IV, СПб., 1882.

Иванов П. А., Судьбы Волынской земли до конца XIV века, Одесса, 1895.

Игнатович И. И., Помещичьи крестьяне накануне освобождения, М., 1910.

История Молдавии (от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) под редакцией члена-корреспондента АН СССР А. Д. Удальцова (ответственный редактор) и профессора, доктора исторических наук Л. В. Черепнина, т. I, Кишинев, 1951.

История Румынии под редакцией М. Роллера (популярный очерк), М., 1950.

И-тов, Румуния. Рассказы о Бессарабии, Буковине, Молдавии и Валахии, Одесса, 1868.

Кассо Л. А., Византийское право в Бессарабии, М., 1907.

Кассо Л. А., Россия на Дунае и образование Бессарабской области, М., 1913.

Клаус А., Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России, вып. I, СПб., 1869.

Корнилович А., Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака, Аккерман, 1899.

Коробан В. П., Руссев Е. М., Летописец Ион Некулче. Жизнь и творчество, Кишинев, 1958.

Кочубинский А., Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами, М., 1872.

Кричный Б., Бессарабская неурядица, ж. «Новое слово», кн. 3, декабрь, 1896.

Куницкий П., Краткое статистическое описание Заднепровской области, присоединенной к России по мирному трактату, заключенному с Портою Оттоманскою в Бухаресте 1812 года, СПб., 1813.

Карра Г., История Молдавии и Валахии с рассуждением о настоящем состоянии сих обоих княжеств, СПб., 1791.

Кодрян Г., Бессарабия. Историко-географический очерк, Кишинев, 1901.

Костомаров Н. И., Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях (историческая монография), изд. 2-е, СПб., 1889.

- Краткое обозрение княжеств Молдавии и Валахии в политическом отношении от образования оных в княжества до половины 1831 года (без автора), М., 1862.
- Лаппо И. И., Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия, Юрьев, 1911.
- Лаппо-Данилевский А., Очерк истории образования главнейших рядов крестьянского населения в России, СПб., 1905.
- Лашков Н. В., Темный период в истории Румынии, Кишинев, 1886.
- Лашков Н. В., Местное управление Молдавии и Валахии в XVII веке, Кишинев, 1901.
- Лашков Н. В., Бессарабия к столетию присоединения к России. Географический и историко-статистический обзор состояния края, Кишинев, 1912.
- Левит С. Э., Книга по истории Молдавии, ж. «Октябрь», 1950, № 6, Кишинев.
- Леонтович Ф., Крестьяне Юго-Западной России по литовскому праву XV и XVI столетий («Университетские известия», №№ 9—12, отдел 2-й), Киев, 1863.
- Линиченко И. А., Черты из истории сословий Юго-Западной Галицкой Руси XIV—XV веков, М., 1894.
- Любавский И., Очерки истории Литовско-Русского государства, М., 1910.
- Малинский В. Ф., Аграрная «реформа» 1918—1924 годов в Бессарабии, Кишинев, 1949.
- Миллер А. Ф., Краткая история Турции, М., 1948.
- Могиланский Н. К., Материалы для географии и статистики Бессарабии, Кишинев, 1913.
- Могиланский Н. К., Производство хлебов, хлебооборот и сбыт крестьянского хлеба в Бессарабии, Кишинев, 1916.
- Молдавия в великой семье республик Советского Союза (Сборник статей), Кишинев, 1941.
- Молдавская ССР, М.—Л., 1947.
- Мурзакевич Н. Н., Очерк успехов Новороссийского края и Бессарабии, Одесса, 1846.
- Мышлаевский А., Россия и Турция перед Прутским походом, СПб., 1901.
- Накко А. А., История Бессарабии с древнейших времен, ч. I—II, Одесса, 1875—1876.
- Накко А. А., Очерки гражданского управления Бессарабии, Молдавии и Валахии во время русско-турецкой войны 1806—1812 годов («Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. XI), Одесса, 1879.
- Накко А. А., Очерк гражданского устройства Бессарабской области с 1812 по 1828 г. («Записки Одесского Общества Истории и Древностей»), т. XII, Одесса, 1879.
- Наратов М., Краткое историческое известие об управлении Молдавии, с начала основания сего Княжества до 1720 года, СПб., 1807.
- Нарцов Н. А., Исторические судьбы Бессарабии и Молдавии, ж. «Историк марксист», 1940, № 9.
- Нейман Ц. Г., Старая Брацлавщина и ее люди, «Киевская старина», октябрь, 1889.
- Нестеровский П. А., На севере Бессарабии, Варшава, 1910.

- Новацкий И., Очерк истории крестьянского сословия Юго-Западной России в XV—XVIII веках, Киев, 1876.
- Новосельский А. А., Вотчинник и его хозяйство в XVII веке, М.—Л., 1929.
- Орбинский Р., Очерк развития производительных сил Бессарабии, СПб., 1885.
- Павлов-Сильванский Н. П., Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства, СПб., 1898.
- Павлов-Сильванский Н. П., Феодализм в древней Руси, СПб., 1907.
- Палаузов С. Н., Румынские господства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении, СПб., 1859.
- «Памятная книжка» Бессарабской области на 1862 год, изд. «Бессарабских Областных Ведомостей», Кишинев, 1862.
- Перепелкин А. П., Сельскохозяйственный очерк Бессарабии, ж. «Русское сельское хозяйство», т. XVI, кн. 2, М., 1874.
- Петренко С., О причинах обилия тяжб в Бессарабии, ж. Министерства юстиции, т. II, ч. 2 (неофициальная), СПб., 1859.
- Пичета В. И., Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV—XVI веках, «Исторические записки», т. 20, 1946.
- Платонов С. Ф., Москва и Запад в XVI—XVII веках, Л., 1925.
- Попеску-Доряну Н., Революция 1848 года в Румынии и Николай Бэлческу, М., 1950.
- Похилевич Д. Л., Государственные крестьяне западных воеводств великого княжества Литовского в XVI—XVIII веках (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук), Львов, 1950.
- Рихтер А., История крестьянского сословия в присоединенных к России прибалтийских губерниях, Рига, 1860.
- Рождественский С. В., Служилое землевладение в Московском государстве, СПб., 1897.
- Рожков Н. А., Русская история в сравнительно-историческом освещении, изд. 3-е, тт. I—II, Л.—М., 1930.
- Руссев Е. М., Летопись Григория Уреке — памятник феодальной идеологии Молдавии XVII века (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук), М., 1951.
- Сабуров Я., Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии в 1826 году, М., 1830.
- Сборник сведений по России за 1890 год, СПб., 1890.
- Свинин П., Описание Бессарабской области в 1816 году («Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. VI), Одесса, 1867.
- Семевский В. И., Крестьяне в царствование Екатерины II. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX веков, тт. I—II, СПб., 1888.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П., Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, т. XIV. Новороссия и Крым, СПб., 1910.
- Сенкевич В. М., Исторические пути развития Советской Молдавии, в кн. «Советская Молдавия» (Сборник статей), Тирасполь, 1939.
- Серафим, Описание Гербовецкого Свято-Успенского монастыря, состоящего в Кишиневской Епархии, Кишинев, 1874.

- Скальковский А. А.*, Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730—1823 годов, ч. I—II, Одесса, 1836—1838.
- Скальковский А. А.*, Сравнительный взгляд на Очаковскую область в 1790 и 1840 годах («Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. I), Одесса, 1844.
- Скальковский А. А.*, Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае, Одесса, 1848.
- Скальковский А. А.*, Опыт статистического описания Новороссийского края, ч. I—II, Одесса, 1850—1853.
- Смирнов В. Д.*, Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века, СПб., 1887.
- Смирнов В. Д.*, Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII веке до присоединения его к России («Записки Одесского Общества Истории и Древностей», т. XV), Одесса, 1889.
- Смирнов Г. Д.*, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 году, «Ученые записки» Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской Базы АН СССР, т. II, Кишинев, 1949.
- Смирнов Г. Д.*, Археологические исследования Старого Орхоя. Тезисы докладов на сессии, посвященной истории материальной культуры на территории Молдавии..., Москва—Кишинев, 1953.
- Смирнов Н. А.*, Россия и Турция в XVI—XVII веках, тт. I—II, «Ученые записки» Московского государственного университета, вып. 94, М., 1946.
- Советов П. В.*, Условное землевладение в Молдавии XVI—XVIII вв. и его отличие от других стран Восточной Европы, Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, Таллин, 1959.
- Советов П. В. и Баскин Ю. Я.*, Из истории общественно-политической мысли Молдавии, «Ученые записки» Института истории Молдавского филиала АН СССР, т. 1 (10), Кишинев, 1959.
- Советов П. В.*, Преступления против земельной собственности в Молдавии XV — середины XVII вв., «Ученые записки» Кишиневского государственного университета, т. LII (юридический), Кишинев, 1960.
- Стрельбицкий И.*, Владения турок на материке Европы, СПб., 1879.
- Сумароков П.*, Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, М., 1800.
- Суручан Д. Д.*, Происхождение и первоначальная история резешей и резешских общин, ж. «Жизнь Юга», 1897, № 2, М.
- Федоров Г. Б.*, Итоги работ в области славянской археологии в Молдавии. Тезисы докладов на сессии, посвященной истории материальной культуры на территории Молдавии, Москва—Кишинев, 1953.
- Федоров Г. Б.*, Древние славяне и их соседи в Молдавии, «Ученые записки» Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, т. VI, Кишинев, 1957.
- Фотенский О. А.*, Очерки из истории быта монастырских крестьян на Волыни в XVII—XVIII веках, Житомир, 1910.
- Худкий Ф.*, Записки и воспоминания о Бессарабии, Одесса, 1913.

- Чебан И. Д.*, Социально-экономические предпосылки появления письменности на молдавском языке, «Ученые записки» Института истории, языка и литературы Молдавской научно-исследовательской Базы АН СССР, т. II, Кишинев, 1949.
- Черепнин Л. В.*, Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века), ж. «Вопросы истории», 1953, № 4.
- Шемяков Д. Е., Мохов Н. А., Левит С. Э.*, Исследование по истории крестьян Молдавии, «Коммунист Молдавии», 1956, № 9, Кишинев.
- Шлаен И. М.*, Категории молдавских крестьян в XVII веке, «Ученые записки» Кишиневского государственного педагогического института, т. IV, Кишинев, 1955.
- Шлаен И. М.*, Феодальное землевладение в Молдавии в первой половине XVII века, «Ученые записки» Кишиневского государственного педагогического института, т. VI, Кишинев, 1957.
- Шимановский М. В.*, О резешах и резешском владении, Одесса, 1898.
- Шмидт А.*, Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Херсонская губерния, СПб., 1863.
- Штефэнеску Ш. И.*, Феодальное землевладение в Валахии в XIV—XVI веках (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук), М., 1957.
- Эйнгорн В.*, Очерк из истории Малороссии в XVII веке., М., 1899.
- Юшков С. В.*, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М., 1939.
- Яковенко И.*, Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и российской Бессарабской области, СПб., 1828.
- Яновский Б.*, Хозяйственно-экономические сведения о царанах Костештской, Меренской и Яловенской волостей Кишиневского уезда, Кишинев, 1904.
- Янсон Ю.*, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, СПб., 1877.
- Яцимирский А. И.*, Достопамятная церковь в Яссах, «Русский архив», 1896, № 10.
- Яцимирский А. И.*, Разбойники Бессарабии в рассказах о них, «Этнографическое обозрение», № 1, М., 1896.
- Яцимирский А. И.*, Рецензия на издание: I. Bogdan, Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. I—II, București, 1913 («Русский филологический вестник», № 1, т. LXXIII, вып. I), Варшава, 1915.
- Яцимирский А. И.*, Рецензия на издание: I. Bogdan, Documente false atribuite lui Ștefan cel Mare, («Русский филологический вестник», № 1, т. LXXIII, вып. I), Варшава, 1915.

2) На других языках

- Angelescu I. N.*, Evoluția economică a Țărilor Românești, vol. I, București, 1908.
- Angelescu I. N.*, Originea moșnenilor și răzeșilor, Pitești, 1909.
- Angelescu I. N.*, Histoire économique des Roumains, vol. I, Paris, 1919.
- Antipa G.*, Pescăria și pescuitul în România, București, 1916.
- Arbure Z. C.*, Basarabia în secolul XIX, București, 1898, 1902.
- Arion Ch.*, La situation économique et sociale du paysan en Roumanie, Paris, 1895.

- Arion D. C.*, Incercare asupra domeniului eminent din Principatele Munteniei și Moldovei în secolele XIV și XV, Cluj, 1931.
- Arion D. C.*, Formarea proprietății rurale în Muntenia și Moldova, „Convorbiri literare”, 1934/3.
- Arion D. C.*, Cnejii (chinejii) români. Contribuții la studiul lor, București, 1938.
- Arion D. C.*, Vlahii. Clasă socială în voevodatele românești, București, 1940.
- Arion D. C.*, Două studii de istorie a dreptului românesc, București, 1942.
- Balș G.*, Bisericile lui Ștefan cel Mare, „Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice”, București, 1921.
- Balș G.*, Bisericile moldovenești din veacul al XVI-lea, București, 1928.
- Bălcescu N.*, Despre starea socială a muncitorilor plugari în Principatele române în deosebite timpuri, „Magazinul istoric pentru Dacia”, vol. II, București, 1846.
- Bălcescu N.*, Question économique des Principautés dannubiennes, Paris, 1850.
- Bălcescu N.*, Question économique des Principautés dannubiennes, Opere, vol. I, par. II, Bucarest, 1940.
- Bălcescu N.*, Despre starea socială a muncitorilor plugari în Principatele române în deosebite timpuri, Opere, vol. I, par. I, București, 1940.
- Bălcescu N.*, Scrieri istorice, Ed. a III-a, Craiova, f. a.
- Beldiman A.*, O crimă de stat. Răscoala sătenilor din primăvara anului 1888, București, 1889.
- Berechet S. G.*, Schiță de istorie a legilor vechi românești, Iași, 1928.
- Berza M.*, Haraciul Moldovei și Țării Românești în sec. XV—XIX, „Studii”, N 2, București, 1957.
- Bibesco G.*, Paul Kisseleff et les Principautés de Valachie et de Moldavie, Bruxelles, 1841.
- Bibesco G.*, De la situation de la Valachie sous l'administration d'Alexandre Ghika, Bruxelles, 1842.
- Bocanețu A.*, Terminologia agrară în limba română, „Codrul Cosminului”, vol. II—III, 1927.
- Bogdan I.*, Luptele românilor cu turcii până la Mihai Viteazul. Cultura veche română. Două conferințe, București, 1898.
- Bogdan I.*, Despre cnejii români, București, 1903.
- Bogdan I.*, Istoriografia română și problemele ei actuale, București, 1905.
- Bogdan I.*, Documente false atribuite lui Ștefan cel Mare, București, 1913.
- Braesko C.*, Le paysan Roumain et la question paysanne en Roumanie, Paris, 1906.
- Galumschi C.*, Principalele dări ale Moldovei și Țării Românești mai ales în secolul al XVIII, Vaslui, 1891.
- Cancel P.*, Păstoritul la poporul român, „Convorbiri literare”, 1934.
- Carra G.*, Histoire de la Moldavie et de la Valachie, Iassi, 1777.
- Cazacu A.*, Dreptul de protimis. Originea și evoluția în dreptul românesc, Iași, 1937.
- Cazacu A.*, Patronatul și domnia, „Revista istorică”, XXXI, 1945.
- Chelcea I.*, Țigani din România, București, 1944.

- Cherestesiu V., Stănescu E., Ionascu I.*, Despre dezvoltarea științei istorice din R.P.R. în deceniul 1944—1954, „Studii”, N 3, 1954.
- Cihodaru C.*, Forme de proprietate feudală în Moldova, „Studii și cercetări științifice”, Seria III (Științe sociale), anul VI, NN 3—4, Iași, 1955.
- Cihodaru C.*, Contribuții la cunoașterea obștii țărănești din Moldova, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VII, Fasc. 1, Iași, 1956.
- Cihodaru C.*, Steția, un impozit nou introdus în Moldova de Moșilești la începutul sec. XVII, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VII, Fasc. 2, Iași, 1956.
- Cîmpina B. T.*, Dezvoltarea economiei feudale și începuturile luptei pentru centralizarea statului în a doua jumătate a veacului al XV-lea în Moldova și Țara Românească, în Lucrările Sesiunii generale științifice ale Academiei R.P.R., din 2—12 iunie, 1950.
- Cîmpina B. T.*, Cercetări cu privire la baza socială a puterii lui Ștefan cel Mare, „Studii cu privire la Ștefan cel Mare”, București, 1956.
- Corivan N.*, Despre unele forme de vecinire în Moldova în sec. al XVII-lea, „Studii și cercetări științifice” (Acad. R.P.R., Filiala Iași), Ser. III (Științe sociale), NN 1—2, Iași, 1955.
- Corivan N.*, Forme de aservire a țăranimii moldovene în secolul al XVII-lea și începutul al XVIII-lea, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VII, Fasc. 1, Iași, 1956.
- Corivan N.*, Contribuții la obligațiile țăranilor din Moldova în prima jumătate a secolului al XVIII-lea, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VIII, Fasc. 1, Iași, 1957.
- Constantinescu-Iași P.*, Realizările istoriografiei române între anii 1945—1955, București, 1955.
- Costăchel V.*, Dreptul feudal și „preadalnica”, „Revista istorică”, XXXI, 1945.
- Costăchel V.*, Les immunités dans les Principautés roumaines, Bucarest, 1947.
- Costăchel V.*, Despre problema obștiilor agrare în Țara Românească și Moldova în secolele XIV—XV, „Studii”, N 1, București, 1951.
- Costăchel V.*, Săracii, „Studii și referate”, Ed. Academiei R.P.R., București, 1953.
- Costăchel V., Panaitescu P. P., Cazacu A.*, Viața feudală în Țara Românească și Moldova (sec. XIV—XVII), București, 1957.
- Densușeanu O.*, Păstoritul la popoarele romanice (extras din „Viața nouă”), București, 1913.
- Diaconu I.*, Păstoritul în Vrancea, „Grai și suflet”, IV.
- Dobrescu N.*, Intemeierea mitropoliilor și a celor dintii mănăstiri din țară, București, 1906.
- Engel I.*, Geschichte der Moldau und Walachei. Allgemeine Welthistorie, 49, Teil, 4. Bd., Halle, 1804.
- Filitti I. C.*, Despre legătura lui Mihai Viteazul, „Revista istorică română”, II, 1932.
- Filitti I. C.*, Predalnica să nu fie, „Revista istorică română”, II, 1932.
- Filitti I. C.*, Oameni dependenți și cultivatori liberi în Principatele române în sec. XV—XVIII (Analele Academiei Române, Seria III, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. XIII), București, 1932—1933.

- Filitti I. C.*, Proprietarii solului în trecutul Principatelor române (Analele Academiei Române, Seria III, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. XVI), București, 1934—1935.
- Filitti I. C.*, Proprietatea solului în Principatele române până la 1864, București, 1935.
- Fotino G.*, Contribution à l'étude des origines de l'ancien droit coutumier roumain. Un chapitre de l'histoire de la propriété en moyen-âge, Paris, 1926.
- Gebora A.*, Situația juridică a robilor în Ardeal, București, 1932.
- Ghika A.*, La Valachie moderne, Paris, 1850.
- Giurescu C.*, Vechimea rumâniei în Țara Românească și legătura lui Mihai Viteazul (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. XXXVII), București, 1915—1916.
- Giurescu C.*, Despre rumâni (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. XXXVIII), București, 1915—1916.
- Giurescu C. C.*, Considerații asupra istoriografiei românești în ultimii douăzeci de ani, București, 1926.
- Giurescu C.*, Studii de istorie socială. Vechimea rumâniei în Țara Românească și legătura lui Mihai Viteazul. Despre rumâni. Despre boieri, București, 1943.
- Giurescu C. C.*, Despre iliș, „Revista istorică română”, vol. VII, Fascicola III—IV, MCM XXXVII.
- Gidei A. V.*, Istoria socială a țărânimii noastre, București, 1904.
- Golesco A. G.*, De l'abolition du servage dans les Principautés danubiennes, Paris, 1856.
- Greco A.* (P. P. Panaiteșcu), Răscoala țăranilor în vremea lui Despot Vodă, „Studii”, N III, București, 1953.
- Greco A.*, Răscoala țăranilor în Moldova în anii 1563—1564, „Studii”, N 6, București, 1953.
- Greco A.*, Inceputurile dreptului scris în limba română, „Studii”, N 4, București, 1954.
- Grigoraș N.*, Dregătorii țărilor moldovenești și atribuțiunile lor până la Regulamentul organic, Iași, 1942.
- Grigoraș N.*, Primele mănăstiri și biserici moldovenești, „Studii și cercetări istorice”, XX, Iași, 1947.
- Grigoraș N.*, Starea vecinilor din Moldova între anii 1626—1630 și răscoala lor, „Studii și cercetări științifice”, NN 3—4, Iași, 1954.
- Grigoraș N.*, Despre frământările interne din Moldova dintre anii 1629—1633, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VIII, Fasc. 1, Iași, 1957.
- Hașdeu B. P.*, Ion Vodă cel Cumplit, Craiova, 1942.
- Hașdeu B. P.*, Originile agriculturii la români, „Columna lui Traian”, V, 1874.
- Hașdeu B. P.*, Originile viniculturii la români, „Columna lui Traian”, VI, 1874.
- Hașdeu B. P.*, Originile păstoriei la români, „Columna lui Traian”, V, 1874.
- Hașdeu B. P.*, Cuvinte din bătrâni, București, 1878.
- Hurmuzachi E.*, Fragmente din istoria românilor, vol. III, București, 1900.
- Hiescu O.*, Despre tezaurile monetare și viața economică în secolele III—XIV pe teritoriul țării noastre, „Studii”, N 3, București, 1952.

- Ionescu-Nicșov T. și Constantinescu A.*, Relații comerciale româno-ruse în a doua jumătate a secolului al XVII-lea, „Analele româno-sovietice” (ser. istorie), N 3, București, 1956.
- Iorga N.*, Contribuțiuni la istoria Munteniei în a doua jumătate a secolului XVI-lea (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. XVIII), București, 1896.
- Iorga N.*, Studii istorice asupra Chilie și Cetății-Albe, București, 1899.
- Iorga N.*, Documente și cercetări asupra istoriei financiare și economice a Principatelor române, vol. I, București, 1902.
- Iorga N.*, Istoria românilor, vol. I—XI, București, 1936—1938.
- Iorga N.*, Constatări istorice cu privire la viața agrară a românilor, București, 1908.
- Iorga N.*, Développement de la question rurale en Roumanie, Iassi, 1917.
- Iorga N.*, Vechimea culturii porumbului la noi, „Revista istorică”, V, 1920.
- Iorga N.*, Istoria industriilor la români, București, 1927.
- Iorga N.*, Evolution de la question rurale en Roumanie jusqu'à la réforme agrare, Bucarest, 1939.
- Istoria R.P.R.*, București, 1952.
- Kalson F.*, Scurta descriere a dreptului moldovenilor și a muntenilor, Iași, 1856.
- Kidel A. S.*, O încercare de robire a țaranului basarabean în 1819, „Viața românească”, Anul XXVII, Mai—Iunie, 1935.
- Kogalnitchan M.*, Histoire de la Moldavie et des Valaques transdaniubiens, Berlin, 1837.
- Kogălniceanu M.*, Scrieri și discursuri, Craiova, f. a.
- Longinescu S. G.*, Legi vechi românești și izvoarele lor, București, 1912.
- Longinescu S. G.*, Legi vechi românești, București, 1915.
- Lungu V.*, Ținuturile moldovenesti până la 1711, „Cercetări istorice”, NN 1—2, 1928.
- Lupaș I.*, Epocile principale în istoria românilor, Cluj, 1928.
- Maior G.*, Politica agrară la români. Dezvoltarea chestiunii agrare în toate țările locuite de români din secolul XVII, XVIII și XIX, București, 1906.
- Marinescu C.*, Iniințarea mitropoliilor în Țara Românească și în Moldova (Analele Academiei Române, Seria II, Memoriile Secțiunii Istorice), București, 1924.
- Minea I.*, Despre răzăși, „Revista istorică”, N 2, 1928.
- Minea I. și Boga L. T.*, Cum se moșteneau moșiile în Țara Românească până la sfârșitul secolului al XVI, vol. I, Iași, 1933; vol. II, Iași, 1935.
- Mioc D.*, Originea și funcțiile birului în Țara Românească până la sfârșitul veacului al XV-lea, „Studii și referate”, par. I, București, 1954.
- Mioc D.*, Despre modul de impunere și percepere a birului în Țara Românească până la 1632, „Studii”, N 2, București, 1957.
- Mircea Ion-Radu*, Termenii rob, șerb și holop în documentele slave și române, „Studii și cercetări științifice”, vol. I (1950), Fasc. 2, Iași, 1951.
- Neamțu V.*, Răscoala din Moldova în primăvara anului 1633, „Analele științifice din Iași”, II, Seria III, 1—2, Iași, 1956.

- Negulescu P. și Alexeanu I.*, Regulamentele organice ale Valahiei și Moldovei, București, 1944.
- Nistor I.*, Istoria Basarabiei, București, 1921.
- Ofețea A.*, Le second asservissement des paysans roumains (1746—1821), „Nouvelles études d'histoire”, Bucarest, 1955.
- Pamfile T.*, Industria casnică la români, București, 1910.
- Pamfile T.*, Agricultura la români, București, 1913.
- Panaiteșcu P. P.*, Mihai Viteazul, București, 1936.
- Panaiteșcu P. P.*, Interpretări românești. Studii de istorie economică și socială, București, 1947.
- Panaiteșcu P. P.*, Dreptul de strămutare al țăranilor în țările române (până la mijlocul secolului al XVII-lea), „Studii”, N 1, București, 1956.
- Panaiteșcu P. P.*, Dmitrie Cantemir. Viața și opera, București, 1958.
- Panu G.*, Cercetări istorice asupra stării țăranilor, București, 1910.
- Papadopol Kalimah A.*, Dezrobirea țăranilor în Moldova, „Convorbiri literare”, N 1, Anul XXI, București, 1887.
- Pavlescu E.*, Economia breslelor în Moldova, București, 1939.
- Pascu S.*, Meșteșugurile din Transilvania pînă-n sec. XVII, București, 1954.
- Pascu S.*, Mișcări țărănești prilejuite de intrarea lui Mihai Viteazul în Transilvania, „Studii”, N 1, București, 1956.
- Philippide A. I.*, Incercări asupra stării sociale a poporului român în trecut, Iași, 1881, 1884.
- Potra G.*, Contribuțiuni la istoricul țăganilor în România, București, 1939.
- Prodan D.*, Despre iliș în Transilvania, „Anuarul Institutului de istorie națională”, Cluj, VIII, p. 361—373.
- Prodan D.*, Despre condițiile în care se făcea „robota”, „Studii și referate”, București, 1954.
- Radianu S. P.*, Din trecutul și prezentul agriculturii române, București, 1906.
- Radovici S.*, Moșnenii și răzeșii, București, 1909.
- Raicovich I.*, Voyage en Valachie et en Moldavie, Paris, 1822.
- Regnault E.*, Histoire politique et sociale des Principautés danubiennes, Paris, 1855.
- Rosetti R.*, Despre originea și transformările clasei stăpânitoare din Moldova, București, 1906.
- Rosetti R.*, Pământul, sătenii și stăpânii în Moldova, București, 1907.
- Rosetti R.*, Pentru ce s'au răsculat țăranii, București, 1907.
- Rosetti R.*, Pentru adevăr și dreptate. Răspuns unei critici, Iași, 1911.
- Stahl H. H.*, Sociologia satului devălmaș românesc, vol. I, București, 1946.
- Stahl H. H.*, Contribuții la studiul satelor devălmașe românești, vol. I—II, București, 1958—1959.
- Stourdza A.*, La Terre et la race Roumaine depuis leurs origines jusqu'à nos jours, Paris, 1904.
- Ștefănescu Ș.*, Date cu privire la problema relațiilor feudale pe teritoriul țării Românești : istoriografia românească, „Studii”, N 1, Anul X, București, 1957.
- Tanovicianu I.*, Formațiunea proprietății funciare în Moldova, București, 1903.

- Tașca G.*, Cum a evoluat claca de la începutul înființării ei și până azi (Analele Academiei Române, Seria III, Memoriile Secțiunii Istorice, vol. XVI), București, 1937.
- Turcu C.*, Contribuții la cunoașterea posadei, „Studii și cercetări științifice”, NN 3—4, Iași, 1954.
- Turcu C.*, Cele mai vechi statistici moldovenești, „Studii și cercetări științifice” (istorie), anul VII, Fasc. 2, Iași, 1956.
- Tocilescu G.*, Istoria românilor, București, 1899.
- Ungureanu Gh.*, Justiția în Moldova, Iași, 1934.
- Ursu I.*, Ștefan cel Mare, București, 1925.
- Veress A.*, Pastoritul ardelenilor în Moldova și Țara Românească (până la 1821), București, 1927.
- Vianu S.*, Din lupta poporului român pentru scuturarea jugului otoman și cucerirea independenței, „Studii”, N 2, București, 1953.
- Vlad M. D.*, Impunerea și perceperea dărilor pe cai în țările române, „Studii”, N 3, Anul X, București, 1957.
- Vlădescu I.*, Despre dări sau impozite. Birul, București, 1925.
- Vlahu I.*, Istoria românilor, București, 1935.
- Xenopol A. D.*, Les Roumains aux moyen-age, Paris, 1885.
- Xenopol A. D.*, Istoria românilor din Dacia Traiană, vol. I—VI, Iași, 1896.
- Xenopol A. D.*, Historique de la question rurale en Roumanie, Bucarest, 1906.
- Xenopol A. D.*, Proprietatea mare și cea mică în trecutul Țărilor Române, „Viața Românească”, Anul VIII, N 2, Iași, 1913.
- Zane G.*, Economia de schimb în Principatele române, București, 1930.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
ВВЕДЕНИЕ	3
§ 1. Тема и задачи исследования	3
§ 2. Историография вопроса	7
§ 3. Обзор источников	23
 <i>Глава первая. Сельское хозяйство и сельскохозяйственная техника</i>	 50
§ 1. Историография вопроса	50
§ 2. Земледелие как основное занятие трудового населения страны	62
§ 3. Животноводство	88
§ 4. Огородничество	95
§ 5. Виноградарство и виноделие	98
§ 6. Садоводство	102
§ 7. Пчеловодство	106
§ 8. Охота и рыболовство	109
§ 9. Крестьянская домашняя промышленность	112
 <i>Глава вторая. Землевладение и землевладельцы</i>	 118
§ 1. Постановка вопроса о феодальном землевладении	118
§ 2. Резешское землевладение	130
§ 3. Рост крупного феодального землевладения	141
§ 4. Формы землевладения и хозяйственная организация феодальной вотчины	184
§ 5. Боярское землевладение	193

	Стр.
§ 6. Церковно-монастырское землевладение	207
§ 7. Господарское землевладение	223
§ 8. Иммунитет	234
<i>Глава третья. Социальный состав молдавской деревни</i>	<i>247.</i>
§ 1. Постановка вопроса в историографии	247
§ 2. Процесс закрепощения молдавского крестьянства	266
§ 3. Крепостные крестьяне земляне-царане и их экономическое и правовое положение	286
§ 4. Сословно-неполноправные крестьяне резеши и их экономическое и правовое положение	307
§ 5. Территориальная (соседская) община	320
§ 6. Крестьянские повинности	334
§ 7. Холопы	358
<i>Глава четвертая. Классовая борьба</i>	<i>376</i>
§ 1. Постановка вопроса о классовой борьбе в историографии	376
§ 2. Классовая борьба в деревне.	379
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	408
ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ	418
БИБЛИОГРАФИЯ	435

Филипп Александрович Грекул

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МОЛДАВИИ В XVI — ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКОВ

Утверждено к печати Институтом истории АН СССР
и Институтом истории АН МССР

Ответственный за выпуск *В. Гальперин*
Художественный редактор *В. Корякин*
Технический редактор *В. Тельпис*
Корректор *В. Киртока*

Сдано в набор 27/V 1961 г. Подписано к печати 18/XI-1961 г.
Формат бумаги 84×108/32.

Печатных листов 23,37. Уч.-изд. листов 26,3.
Тираж 1000. АБ04275. Цена 1 руб. 78 коп. Заказ № 1057.
Государственное издательство «Картя Молдовеняскэ».
Кишинев, ул. Жуковского, 44.

